

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии и права Уральского отделения
Российской академии наук**

На правах рукописи

Мартьянов Виктор Сергеевич

**ИСТОРИЧЕСКОЕ СТАНОВЛЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОГО НАРРАТИВА МОДЕРНА**

Специальность 5.5.1 – История и теория политики

Диссертация на соискание ученой степени
доктора политических наук

Екатеринбург – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4	
 ЧАСТЬ I. ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ДОМИНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАРРАТИВА МОДЕРНА		
Глава 1. Возникновение нарратива Модерна и моральная легитимация капиталистической миросистемы		31
§ 1. Ключевые подходы к нарративу Модерна: сравнительный анализ концептуальных оснований		31
§ 2. Политический нарратив Модерна и революция: противоречия легитимации современного политического порядка		70
Глава 2. Консолидация нарратива Модерна		104
§ 1. Политический нарратив Модерна в Европе и за ее пределами: моральные истоки, вариативность и неодновременность		104
§ 2. Сакрализация и критика ключевых понятий Модерна		135
 ЧАСТЬ II. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МОДЕРНОГО ОБЩЕСТВА И ПОПЫТКИ НОРМАТИВНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПРЕОДОЛЕНИЯ НАРРАТИВА МОДЕРНА		
Глава 1. Совершенствование нарратива Модерна и нормативные альтернативы		153
§ 1. Глобализация Модерна: единство против множества		153
§ 2. Постмодерн, постиндустриализм и постматериализм как критика либерального консенсуса		178
Глава 2. Онтологическая динамика Модерна		226
§ 1. Эволюция политической онтологии Модерна: проблема конструирования большинства		227
§ 2. Теории справедливости как способы адаптации нарратива Модерна к общественным противоречиям		263
§ 3. Изменение социально-политической структуры как вызов позднему Модерну		290

Глава 3. Трансформация нарратива Модерна:	
от мироэкономики к мирополитике.....	324
§ 1. Политические последствия упадка капиталистической миросистемы	324
§ 2. Кризис западного мейнстрима в политическом нарративе Модерна	351
§ 3. Проблема морально-политических изменений позднемодерного нарратива.....	403
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	442
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	457

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Актуальность исследованию придает то обстоятельство, что нарратив Модерна, определивший научную программу общественных наук, методы познания и способы легитимации современных обществ, продолжал подвергаться критике с разных позиций и, в связи с этим, претерпевать существенные изменения. Его эволюция определяется комплексными процессами глобализации, которые связаны с необходимостью доказательств истинности любых социально-политических теорий уже не в масштабах отдельных наций или цивилизаций, а с настойчивым требованием их релевантности во все более взаимосвязанном мире.

Вместе с тем анализ актуальных социально-политических трансформаций Модерна позволяет утверждать, что равновеликих ему в глобальном масштабе альтернатив не появилось. В центре ключевых дискуссий социально-политических наук продолжает находиться трансформация нарратива Модерна. Критически охватить эпоху можно лишь тогда, когда она перешла из области политики как *заботы о будущем* в область истории. Пока же Модерн вопреки своим критикам продолжает оставаться системообразующим нарративом. Конец биполярного мира, консервировавшего первый Модерн, выразился, с одной стороны, в деуниверсализации оснований либерального консенсуса, с другой – в разочаровании относительно возможностей глобального левого поворота, олицетворением которого для многих был СССР.

Актуальные политические трансформации в постбиполярном мире все менее эффективно описываются классическими дискурсами современных идеологий. Первоначально выглядевшие убедительно концепции, институты, практики Модерна в контексте разнообразных изменений общества не являются окончательными в своих существенных чертах. Демократия, капитализм, либерализм, свобода, справедливость и иные понятия, составляющие политический нарратив Модерна, обнаруживают перманентный конфликт ценностей и интересов внутри *большого общества*. И разрешение всех этих

конфликтов означало бы конец политики в ее модернистском понимании как публичного столкновения коллективных субъектов, неразрешимого неполитическим путем.

Таким образом, актуальность дискуссий о политическом нарративе позднего Модерна только нарастает, поскольку окончательного общественного консенсуса относительно целей и возможных путей развития длящейся эпохи Модерна достичь не удастся. Необходимо учитывать, что всякое окончательное определение длящейся современности в лучшем случае является лишь следствием постоянно меняющегося социального консенсуса. И это определение невозможно без предъявления той партикулярной позиции в координатах социально-политического, экономического и исторического пространства, из которой оно мыслится.

Если глобальный социальный эксперимент Модерна еще не закончен, то базовые политические координаты Модерна сохраняют свою актуальность и релевантность. С другой стороны, все более частые попытки осмысления эпохи Модерна как *исторической* свидетельствуют о том, что она в своих ключевых чертах завершается, постепенно становится *овеществленной историей*, полем философских обобщений. Тем не менее в настоящее время в политической мысли продолжают доминировать познавательные модели, институциональные и этические механизмы согласования общих целей и интересов внутри политического сообщества, опирающиеся именно на нарратив Модерна. Поэтому представляется, что человечество в ближайшем будущем останется в открытом для изменений проекте Модерна, а изучение эволюции его нарратива, связанной с бытийными переменами, разнообразными вызовами и угрозами, останется одной из наиболее актуальных задач современной политической мысли.

Степень научной разработанности темы. Неоспоримым политическим итогом XX в. стало то, что в течение столетия социально-политический порядок современного общества охватил подавляющую часть человечества. Получив критическую интеллектуальную прививку постмодернистских теорий,

политический нарратив Модерна, объясняющий и легитимирующий указанный порядок, продолжает развиваться. Более универсальных и эгалитарных утопических альтернатив человечество все еще не изобрело. Поэтому периодические поминки по Модерну в общественных науках неизменно оказываются преждевременны. На смену историческому европейскому нарративу Модерна эпохи наций-государств и индустриального подъема приходит нарратив глобального Модерна, обобщающий возможности и препятствия для человечества в XXI столетии.

В настоящее время осуществляются достаточно убедительные попытки реконструирования генезиса нарратива Модерна в *долгом историческом времени* (понятие Ф. Броделя). Например, Ю. Хабермас с философских позиций трактует его становление как целый ряд разрывов, имевших место в долгой европейской истории, в которых дух Модерна отвоевывал свою самостоятельность и уникальность у классических образцов Античности. Модерн описывается Ю. Хабермасом как культурно-философский проект, обретающий «форму критики разума» и ассоциирующийся с новым типом рациональности, инициированным Просвещением и противопоставившим себя предшествующей традиции. Д. Белл рассматривает ключевое свойство Модерна как «принятие открытости миру», связанное с постоянством перемен, перестающих оцениваться как социальное зло. Достаточно близкой интерпретации Модерна (*Modernité*) придерживается Ж. Бодрийяр, у которого появляется его образ как *новой традиции* контролируемых перемен динамического мира, постоянно изменяющегося, но тем не менее не доходящего до слишком радикальных перемен, способных разрушить созданный им новый мир в пользу новых альтернатив. Отсюда возникает непреодолимая теоретическая неуверенность и незавершаемость нарратива Модерна как подвижной констелляции современных утопий и идеологий, при невозможности их метанарративной интеграции, надежды на которую Ж.-Ф. Лиотар связывал с состоянием постмодерна.

Исследователей, занимающихся изучением эволюции нарратива Модерна, можно условно разделить на группы в зависимости от ценности тех или иных факторов, которыми они пользуются в своей аргументации. Для одних Модерн преимущественно синонимичен онтологии капиталистической миросистемы, для других – относится к прошлому и истории, для третьих характерна его интерпретация в качестве особой культуры или цивилизации.

Первая группа тяготеет к классическому экономикоцентричному и классовому анализу нарратива Модерна в виде совокупности политических идеологий и утопий, конфликта их ценностных оснований, представленных как отражение столкновений интересов социальных сил, укорененных в капитализме. Эти исследования опираются преимущественно на фундаментальные работы К. Маркса, К. Манхейма, А. Грамши, Г. Маркузе, П. Бурдьё и др., где обосновывается возникновение нарратива Модерна из новой общественной онтологии, важнейшей составной частью которой является капитализм и порождаемая им классовая структура общества. Более того, в рамках методологии неомарксизма альтерглобалистами производятся последовательные попытки описывать современные противоречия глобального Модерна как классовые экономические конфликты центра и периферии капиталистической миросистемы. В частности, значительным этическим зарядом обладают работы исследователей, выступающих за левые, коммунитарные механизмы глобализации Модерна – С. Джордж, А.В. Бузгалина, Б.Ю. Кагарлицкого, А. Каллиникоса, Э. Лакло, Ш. Муфф, Ф. Джеймисона, С. Жижека и других авторов, придерживающихся неомарксистского или постмарксистского видения глобального мира.

Для второй группы авторов нарратив Модерна представляется соотносимым с исторически закрытой эпохой, относящейся к прошлому, а не к настоящему, интерпретируемому как состояние постмодерна. Типична, например, точка зрения А.Г. Дугина, который рассматривает Модерн лишь как пройденную историческую парадигму по линии премодерн (традиционное общество) – модерн (Новое время) – постмодерн, анализируя политиче-

ское настоящее как преимущественно постмодерн. Убедительные образцы ценностной и методологической критики нарратива Модерна можно найти в работах Ж. Бодрийяра, Ж. Деррида, Ж. Делеза, Ж.-Ф. Лиотара, Ф. Джеймисона и др. Так, Ф. Джеймисон утверждает, что интеллектуальная карта Модерна в политической теории во многом выработала свой эвристический потенциал, фактически став синонимом капитализма. Но и постмодерн не стал глобальной утопией, бросающей истинный вызов Модерну. Трансформация нарратива Модерна в процессе глобализации современного общества не привела к вытеснению его базового ценностного ядра новыми теориями, описываемыми как постмодернистские, поскольку подавляющая часть этих теорий оказались заведомо менее универсальными, чем проект Модерна. И радикальная онтологическая глобализация состояния Модерна в отсутствие значимых концептуальных альтернатив фактически оспорила постмодернизм в качестве более универсального нарратива, который мог бы прийти на смену Модерну.

Помимо наиболее влиятельной, постмодернистской ветви критиков Модерна, заявляющих о крушении Модерна как *культурного метанарратива* (Дж. Томпсон) или эпохи господства метанарративов как таковых (Ж.-Ф. Лиотар), существует целый ряд онтологических критических концепций, ставящих под сомнение не только релевантность идейных оснований Модерна, но и предсказывающих поворот глобального человечества к новым механизмам самоорганизации. Таковы, например, концепции постмодерного будущего, связанные с технологическими изменениями – постиндустриального общества, постфордизма (С. Лэш, Дж. Урри), сетевого общества (М. Кастельс, А. Бард), информационного общества (Д. Белл, Э. Тоффлер, Ф. Уэбстер, В.Л. Иноземцев), креативного общества (Р. Флорида, Ч. Лэндри) – имевшие значительное влияние на общественную мысль в конце XX в. Представляется, что перечисленные теории были слишком поспешно фундаментализированы на основании переоцененных тенденций общественного развития, которые обернулись локальными политическими утопиями с завышенными

социальными ожиданиями. Теории информационного общества, общества знания, креативного класса оказались и наивно оптимистичными, и со слишком ограниченной социальной базой. Поэтому теории постиндустриализма, информационного или сетевого общества остались скорее желаемым образом будущего, чем реальным состоянием даже самых развитых современных обществ.

Наконец, альтернативная двум предшествующим (связанным с аргументацией как сохранения онтологии классово-национального Модерна, так и его исторической преодоленности) исследовательская позиция заключается в том, что актуальные трансформации нарратива Модерна можно представить как результат исторической и идейной эволюции капиталистической миросистемы, когда ее более поздние политические версии все значительнее отличаются от классического инварианта национального Модерна и его теоретических обоснований, связанных с привычными категориями нацигосударства, гражданского общества, идеологий и классов. В рамках такой парадигмы выдержаны работы, в которых исследователи пытаются очертить этические и институциональные основания постнационального нарратива Модерна.

Внутри этого подхода можно выделить несколько направлений, которые рисуют контуры: а) космополитического нарратива Модерна, б) цивилизационного нарратива Модерна, или в) социокультурного нарратива Модерна, пытающегося синтезировать два предшествующих.

Сторонники преобразования национального Модерна в космополитический в традициях формационного подхода и марксистской философии истории пытаются выделить закономерности общественного развития постнационального Модерна, характерные для всего человечества. Сторонники движения к «плоскому миру» и «концу истории» аргументируют универсальность современных ценностей и институтов для всего мира вне зависимости от культурных особенностей предшествующего развития. Эта позиция этического и политического объединения человечества через процессы глобализа-

ции как стирания домодерных культурных различий последовательно отстаивается Дж. Бхагвати, Ф. Фукуямой, У. Бекон, Т. Фридманом, И. Валлерстайном, А. Мэддисоном, А. Туреном, В.Л. Иноземцевым и другими авторами. В их работах обосновывается тезис, что длящийся Модерн может быть адекватно объяснен только изнутри собственного нарратива, легитимирующего политический проект современности. И если мы не можем объяснить разнообразие институтов в логике нарратива самого Модерна, то тем более это не получится в рамках более локального и иррационального дискурса нации (национальной культуры) или цивилизации, который нарратив Модерн вытеснил в область истории. Например, Э. Гидденс рассматривает глобализацию как процесс ценностной радикализации Модерна, охватывающий весь мир. Этот переход характеризуется возрастающей динамикой социальных изменений и триумфом индивидуальности, радикально освобождаемой от внешних регуляторов и выражаемой ростом осознанной или «рефлексивной» социальности, приходящей на смену социальности, регулируемой обществом. Глобализация предстает как «мегатенденция», которая все более принимает незападный вид, охватывая мир в целом и бросая вызов привычной системе наций-государств.

Оппонирующая группа исследователей в условиях последовательного ослабления территориальных наций-государств как форм политической организации национального Модерна склоняется к обоснованию приоритетности фактора культурных различий. Этот фактор не позволяет выделить общие ценностные основания общества постнационального (глобального) Модерна. Соответственно, они предпочитают описание глобального политического порядка как состояния множества цивилизаций либо в более мягкой версии – культурного плюриверсума версий Модерна. Наиболее последовательно данная позиция реализуется в работах Ч. Тейлора, С. Хантингтона, П. Бьюкенена, Дж. Томпсона, которые придерживаются позиций доминирования предшествующих традиций и культурных различий разных обществ в обосновании стратегии их развития в условиях глобализации Модерна. В

российской политической мысли данный дискурс является довольно популярным. Его разделяют известные представители культурно-цивилизационного подхода – Ю.С. Пивоваров, А.И. Фурсов, В.К. Пантин, В.Л. Цымбурский, А.С. Панарин, М.З. Юрьев, А.Г. Дугин и др.

Наконец, еще одна группа исследователей пытается найти довольно спорный и непоследовательный, а потому критикуемый с разных сторон компромисс между цивилизационным и космополитическим нарративом Модерна. Они пытаются разработать так называемый социокультурный подход, выраженный в концепции *множественной современности* (Ш. Эйзенштадт, В. Шлюхтер, Б. Виттрок, Й. Арнасон, М.В. Масловский, С.В. Акопов и др.). Социокультурный подход пытается объединить универсализм ценностей Модерна, закономерности человеческого развития, выходящие за пределы любых цивилизаций, с очевидным различием институциональных моделей их реализации. Уязвимость методологического компромисса, заложенного в концепции *множественной современности*, состоит в том, что Модерн в виде соревнования разных *культурных программ* превращается в попытку предложить некие объясняющие общество *цивилизационные модели* Модерна, детерминированные историко-культурными особенностями мировых цивилизаций. А значит, Модерн не упраздняет предшествующие ему исторические цивилизации, наоборот, цивилизации становятся модерными, не утрачивая своих непреодолимых культурных различий. *Множественность модерности* превращается в сохраняющееся *множество цивилизаций* в эпоху Модерна, совокупность не связанных между собой модерностей.

Таким образом, дискуссии относительно политического нарратива Модерна далеки от формирования устойчивого исследовательского, (ценностного и методологического) согласия в связи с тем, что предмет исследований продолжает испытывать значимые трансформации. Современное общество формируется в виде совокупности взаимосвязанных фоновых тенденций, возникающих одновременно, воздействующих сразу на многие стороны и области жизни общества, составляющих его групп и отдельных людей. Рас-

ширение и легитимация этих тенденций, типов ресурсных обменов, ценностей, морали, способов стратификации и т.д. постепенно формирует ценностно-институциональное ядро современного общества и политический нарратив Модерна как имманентный способ его описания, познания и легитимации. В этом смысле остается значимой методологическая проблема невозможности избежать тавтологии определения современного общества через его нарратив и наоборот, т.к. это взаимосвязанное целое современного общества в его бытийном и рефлексивном измерениях. Любая сравнительная перспектива извне Модерна оказывается малорелевантной, поскольку длящийся Модерн как политический проект формирует свой нарратив и базовые ценностные координаты, посредством которых он убедительно оценивает и описывает себя. Обращение к домодерну в подобной перспективе всегда будет обусловлено актуальной проекцией современных представлений, ценностей, институтов и практик, среди и посредством которых мы мыслим и существуем. Вытеснение же Модерна вероятным альтернативным проектом в свою очередь нивелирует всю систему самоописания современного общества в пользу новых ценностно-институциональных координат. В результате, как убедительно замечает Б.Г. Капустин, «в нормативном отношении Современность конституируется саморефлексией, самоинтерпретацией и самообоснованием (генерированием собственных принципов из себя самой) и тем изменением статуса традиций, при котором они “вынуждены объяснять себя, становиться открытыми для вопрошания и дискурса”»¹.

Комплексному осмыслению политического нарратива Модерна не уделено серьезного внимания в имеющихся исследованиях. Нарратив Модерна в рамках доминирующего позитивизма как тавтологичного языка господствующих классов казался интуитивно понятным, не требующим рефлексии своих оснований, а сам термин «Модерн» активно разрабатывался скорее в области культурологических и искусствоведческих исследований, связанных с художественными течениями и стилями конца XIX – начала XX вв. Несмотря

¹ Капустин Б.Г. Политические смыслы «цивилизации» // Политическая концептология. 2009. № 3. С. 41.

на широкий спектр литературы, посвященной выбранной тематике, можно говорить об отсутствии прочного консенсуса исследователей относительно исторического начала, идейного содержания и направлений эволюции современного общества. Более того, определение того, что является собой политический нарратив Модерна, выступает предметом принципиальных методологических и идеологических дискуссий в области политических наук и политической философии.

Научная проблема исследования. Научная проблема состоит в базовом противоречии, которое заключается в том, что политический нарратив Модерна – самописание современного общества как универсальной теоретической модели – парадоксальным образом постоянно подрывает сам себя, вырабатывая все более сложные понятийные дифференциации и различия, во многом следующие за переменчивой политической онтологией современных обществ. Нормативное масштабирование этого самоописания на все современные общества не привело к снятию постоянно возникающих внутренних противоречий и парадоксов, обусловленных исторической открытостью и темпами социальных изменений Модерна.

Гипотеза исследования. Политический нарратив Модерна – структура самореферентного описания (автопойесиса) общества в виде объяснения, легитимации и самокоррекции ценностно-институциональной иерархии с целью консолидации базовых социальных групп и стабильного воспроизводства политического порядка, позволяющего удерживать общество от распада посредством широкого признания его ценностного ядра и поддерживающих его функционирование институтов и коллективных практик.

В процессе исторического развертывания и глобализации Модерна идеи и ценности, составлявшие его исходную либеральную утопию, были частично, непоследовательно и противоречиво воплощены, подвергаясь постоянной критике, усложнению и дифференциации вслед за онтологическими изменениями современного общества и конфигураций его ключевых социальных групп. Тем не менее, система исходных ценностных координат Модерна

и ее институциональных воплощений, постоянно адаптируемая к общественным изменениям, остается доминирующим способом самоописания, легитимации и воспроизводства социально-политического порядка современных обществ. В ходе исторической эволюции нарратив Модерна посредством механизмов дифференциации и компромисса смог включить в свою структуру множество критических дискурсов, претендовавших на альтернативу ему.

Объект исследования – совокупность ценностных и институциональных оснований политического нарратива Модерна.

Предметом исследования выступает трансформация способов и субъектов обоснования и критики ценностно-институционального ядра политического нарратива Модерна в их исторической динамике и взаимосвязи.

Целью исследования является теоретико-методологическая реконструкция ценностно-институциональных оснований Модерна, позволяющая выработать эвристическую модель самоописания и легитимации современного политического порядка, а также аргументировать вероятные факторы и направления его дальнейших изменений.

Достижение поставленной цели требует решения следующих исследовательских **задач**:

- провести сравнительный анализ исторических и ценностных факторов возникновения и становления политического нарратива Модерна;
- рассмотреть теоретические интерпретации нарратива Модерна, его ключевых объясняющих понятий и ценностей, связанных с базовым либеральным консенсусом и его исторической динамикой;
- охарактеризовать особенности имплементации социальных изменений и и противоречивую роль революции, одновременно легитимирующей и опровергающей политический нарратив Модерна;
- проследить историческую динамику политической онтологии современного общества, детерминирующей эволюцию политического нарратива Модерна;

- осуществить комплексный анализ нормативно-теоретической критики и этических вызовов политическому нарративу Модерна;
- выявить факторы и закономерности изменений и легитимации ценностных оснований политического нарратива позднего Модерна;
- определить возможные направления дальнейшей трансформации политического нарратива Модерна в контексте нарастающего кризиса западного политологического мейнстрима;
- исследовать трансформирующий потенциал глобальных вызовов Модерну, связанных с изменением социальной структуры, принципов политической регуляции и дифференциацией способов распределения общественных ресурсов.

Теоретико-методологическая основа исследования. Теоретико-методологической посылкой исследования является тезис о том, что политический нарратив Модерна выступает наиболее релевантным (убедительным) способом объяснения и легитимации социально-политического порядка, его ценностных оснований и институциональных иерархий. Его историческая трансформация определяется факторами и закономерностями становления и позднейших изменений политического, социального, экономического и культурного порядков современного общества. В настоящее время отсутствуют значимые альтернативы, обладающие той же степенью универсальности и системности самоописания закономерностей функционирования современных обществ.

Осмыслению ценностно-институциональных особенностей исторического становления и трансформации Модерна посвящены значимые работы П. Андерсона, Й. Арнасона, П. Бергера, П. Бурдые, П. Вагнера, Э. Гидденса, Ф. Джеймисона, Р. Инглхарта, Л. Колаковского, Г. Леманна, Н. Лумана, Н. Музелиса, А. Турена, У. Томпсона, Ч. Тейлора, М. Фуко, Ю. Хабермаса, Д. Харви, Э. Хобсбаума, М. Циммера, П. Штомпки, А. Этциони и др. Большинство исследователей сходятся в том, что онтологически общество Модерна в значительной степени связано с капитализмом, а особенности его

ценностно-институциональной организации обусловлены необходимостью поиска способов обоснования существования современных принципов и институтов, разрушающих феодальное общество и его этические основы. Наиболее последовательно эту позицию выражают сторонники миросистемного подхода – С. Амин, Дж. Арриги, И. Валлерстайн, Г. Дерлугьян, А.Г. Франк и др., рассматривая политический нарратив Модерна сквозь призму теории исторической миросистемы.

В рамках данного подхода современный политический нарратив рассматривается как способ теоретической интерпретации и идеологической легитимации политического общества в условиях развертывания капиталистической миросистемы. Расцвет и мировую экспансию этого нарратива и соответствующих ему принципов социальной стратификации и институциональной организации политики можно условно датировать периодом от Великой французской революции до конца биполярной миросистемы. Конец биполярности стимулировал этапную трансформацию нарратива Модерна, что отдельные исследователи слишком поспешно отождествили с *концом истории* (Ф. Фукуяма) или вовсе с *концом политического* (Ж. Бодрийяр). Фоновые процессы глобализации позднемодерного политического порядка предстают как двойственный процесс, который, унифицируя способы институциональной политической организации человечества глобально, все чаще сталкивается с разного рода культурными, историческими, экономическими и иными вызовами, которые релятивируют универсальность политического нарратива Модерна.

В российской политической мысли анализом различных аспектов Модерна и его культурно-исторической трансформации занимались такие известные исследователи, как Т.А. Алексеева, Л.Е. Бляхер, А.В. Бузгалин, А.Г. Глинчикова, М.В. Ильин, В.Л. Иноземцев, Б.Ю. Кагарлицкий, С.И. Каспэ, С.А. Кравченко, В.С. Малахов, О.Ю. Малинова, В.П. Макаренко, В.М. Межуев, М.О. Мнацаканян, И.И. Мюрберг, И.К. Пантин, О.Ф. Русакова, А.М. Салмин, А.Д. Трахтенберг, М.А. Фадеичева, М.М. Федорова,

В.Г. Федотова, А.Ф. Филиппов, Л.Г. Фишман, М.Б. Хомяков, В.Н. Шевченко и др.

Отдельно можно отметить работы Б.Г. Капустина, критически проанализировавшего идейный вклад в формирование нарратива Модерна как классиков политической мысли (Г. Гегеля, Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо и др.), так и современных мыслителей (Ч. Тейлора, Ю. Хабермаса и др.). По мысли исследователя, нарратив Modernity предстает как объект постоянного осмысления политической теории, не сводимый ни к капитализму, ни к демократии, ни к рационализму или иным институциональным воплощениям и идеологическим концепциям, образуя незавершенную ситуацию Современности. Представляется, что значительным эвристическим потенциалом обладают труды Л.Г. Фишмана, обосновавшего принципиально новую классификацию политических учений Модерна и постмодерна, не сводящуюся к классическим идеологиям и утопиям в интерпретации К. Манхейма. Фундаментальные методологические и исторические выводы относительно генезиса Модерна в контексте проблематики диссертационного исследования аргументированы в ряде работ С.И. Каспэ. Используя структурно-функциональный метод Э. Шилза, он убедительно доказывает исторический ценностный евроцентризм нарратива Модерна, доминирование в нем фоновых христианских ценностей и западной политической формы, определенной наследием Западной Римской империи.

В последнее время значительное внимание исследователей уделяется стратегиям встраивания отдельных политических сообществ, в том числе России, в глобальный Модерн, которые одновременно являются способами социального конструирования последнего. В данном контексте можно отметить работы А.Ю. Согомонова, Е.Т. Гайдара, А.В. Рябова, В.Л. Иноземцева, В.А. Куренного, В.Г. Федотовой и др. В указанном проблемном поле складывается базовый консенсус относительно того, что различные варианты изоляционизма, деглобализации и исключения из мироэкономики являются ма-

ловоятным вариантом, поскольку влекут маргинализацию и отставание от других обществ.

Диссертационное исследование в своих методологических основаниях опирается преимущественно на принципы миросистемного подхода, согласно которым современные социально-политические, экономические и культурные процессы обусловлены историческими закономерностями появления, становления и возможного упадка капиталистической миросистемы. Соответственно, закономерности развития конкретных обществ и сфер их жизнедеятельности рассматриваются как производные от фоновых процессов, происходящих в капиталистической миросистеме. В частности, в отечественной политической мысли миросистемный подход для объяснения факторов трансформации российского общества эффективно реализован в обобщающих исследованиях Б.Ю. Кагарлицкого, В.В. Цыганкова и В.Г. Хороса.

Предлагаемые методы исследования связаны с анализом факторов трансформации ценностных оснований современного общества и легитимирующих его политических нарративов в контексте методологического принципа самореферентности социальных систем. Поставленные задачи решались с использованием методов и подходов, обусловленных спецификой объекта и предмета исследования. Использовались наблюдение, обобщение, сравнительный и статистический анализ, данные социологических исследований. Применялись методы социального конструктивизма, структурализма, метод теоретического моделирования, сравнительно-исторический анализ.

Научная новизна исследования. Политический нарратив Модерна первоначально структурировался и консолидировался как либеральная утопия, призванная легитимировать жизненные интересы и расширить перспективы самореализации третьего сословия, составляющего подавляющее большинство населения. В ходе исторического воплощения эта утопия трансформировалась в принципиально новую систему ценностно-идеологических координат – исходный классический либерализм, превратившийся позже в дифференцированное и противоречивое самописание (идеологии и утопии,

социальные науки) современного политического порядка. Политический нарратив Модерна в ходе исторических видоизменений не был вытеснен альтернативным политическим нарративом соразмерного уровня универсальности, легитимности и релевантности. Он остается наиболее убедительной структурой самоописания незавершенного проекта Модерна и закономерностей его исторической трансформации. В исследовании описаны ценностные и онтологические факторы эволюции политического нарратива Модерна. Показано, что в позднемодерная версия нарратива и его возможные будущие сценарии имплементируют многие идеи и ценности, которые в первоначальных версиях Модерна были отодвинуты на его периферию или выступали в качестве возможных альтернатив.

В процессе исследования были получены следующие результаты, обладающие **научной новизной**:

- предложено описание факторов становления и последующей трансформации политического нарратива Модерна, обусловленное историческими и онтологическими закономерностями трансформации современного общества. Это позволило релевантно реконструировать динамику ценностно-институционального ядра Модерна и противоречивых факторов, влияющих на его эволюцию;

- предложена новая содержательная интерпретация понятий ренты, рентно-сословного социального порядка, политического нарратива, Модерна, позволяющих более убедительно описывать происходящие в современных обществах политические процессы и изменения;

- обосновано теоретическое положение о ценностном единстве и институциональной вариативности политического нарратива Модерна, который достаточно универсален и однороден нормативно в виде дифференцированного спектра современных идеологий и утопий, имеющих в своей основе классический либерализм, но при этом гетерогенен в институциональном плане, в области реализации своего ценностного ядра. Эта конкуренция версий поли-

тического нарратива Модерна является условием его гибкого и недогматического развития в глобальном мире;

- выявлены наиболее существенные противоречия политического нарратива Модерна, связанные с его функциональным подчинением задачам легитимации или познания при описании закономерностей, механизмов и принципов воспроизводства современных обществ. Функция легитимации связана с сюжетом о расширении рыночных обменов, которые синонимизируются с идеями прогресса, блага, расширения прав и возможностей, демократии и всех иных позитивных членов бинарных оппозиций. Познавательный нарратив рисует альтернативную иерархию политического порядка, в которой ключевым фоновым изменением Модерна является расширение и интенсификация регуляции всех социальных процессов со стороны государства (дисциплинарные режимы повседневности, распределение ресурсов, дифференциация ценности граждан, массовая мобилизация и обучение и т.д.);

- предложена концептуальная система аргументов, согласно которой исторически нарратив Модерна являлся способом сгладить моральный кризис христианства в основе традиционного общества в условиях масштабирования капиталистической миросистемы; отсюда следует, что в последующем конструирование политического нарратива Модерна позволило восполнить моральный дефицит и ограниченность капитализма и его несовместимость с традиционными социальными регуляторами, сделав подобную жизнь приемлемой для большинства, несмотря на присущие капиталистической миросистеме конфликты и противоречия;

- аргументирована модель неизбежного возникновения ценностной повестки и онтологии нарратива Модерна для всех обществ, осуществляющих вслед за Западом долговременные фоновые переходы от цивилизации деревни к цивилизации города. Политический нарратив Модерна является способом ответа на вызовы подобного перехода и одновременно его результатом;

- выявлено, что в ходе глобального масштабирования исторические преимущества Европы как родины Модерна не гарантированы в будущем, а издержки модернизации нигде в мире не обернули нарратив Модерна вспять, несмотря на разного рода локальные и временные откаты от Модерна, а также популярность цивилизационных теорий;

- разработано новое концептуальное обоснование процессов фоновой глобальной ценностно-институциональной консолидации современных обществ, которые становятся все более схожими в своих доминирующих ценностных и институциональных иерархиях. Это более не позволяет убедительно противопоставлять их по принципиально разным основаниям политических классификаций западного мейнстрима, выстраивающих все менее убедительные морально-идеологические иерархии;

- спрогнозирована гипотетическая модель, предполагающая, что в ближайшем будущем в глобальном контексте объясняющий и легитимирующий потенциал политического нарратива Модерна связан с возможностью достройки актуальной мирэкономике до мирополитики, которая с помощью более эгалитарных институтов и технологий интенсифицирует политическое взаимодействие разных обществ и регионов;

- выдвинуто теоретическое положение, что ценностная структура политического нарратива Модерна, сформированная в XIX в., все менее эффективна в глобальном мире XXI столетия. Соответственно, возникают закономерные намерения политических субъектов либо усовершенствовать нарратив позднего Модерна, либо выйти за его пределы. Однако в последнем случае вместо вытеснения нарратива Модерна постмодерном или иным альтернативным нарративом можно говорить о последовательном включении постмодернистских теорий в сферу критической саморефлексии Модерна;

- установлено, что наиболее вероятное направление трансформации нарратива Модерна определяется нарастающей взаимозависимостью человечества и онтологией глобального Модерна как образа открытого для изменений общества, где *политическое* является предметом посюстороннего, посто-

янно пересматриваемого и рефлекслируемого согласия социальных групп, обладающих высокой автономией в области конструирования, коррекции и продвижения своих ценностей, интересов, правил и форм политической организации общества в целом;

- определены задачи политической философии и теории, связанные с осмыслением запросов значимых классов на совершенствование нарратива Модерна, легитимирующего новые социальные группы и назревшие социальные изменения относительно правил совместного проживания, иерархий ценностных приоритетов и выработки критериев справедливого распределения доступных ресурсов;

- сделан прогноз относительно фоновых изменений глобального политического порядка, социально-политической структуры и легитимирующих их ценностных иерархий современных обществ, связанных с формированием альтернативных ценностно-институциональных оснований в виде рентно-сословного порядка и легитимирующего его модели позднемодерного политического нарратива, в котором растет регулятивная роль дистрибутивных ресурсных обменов и снижается значение рыночных коммуникаций. Это ведет к усилению роли внеэкономических ценностей и регулятивных механизмов, снижению значения ресурсов капитала и труда, росту массового запроса на доступ к политическим рентам.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Политический нарратив Модерна первоначально предстает недифференцированной либеральной утопией, призванной описать и легитимировать качественно новое состояние пост-традиционного общества, онтологически связанного со становлением капиталистической миросистемы. В ходе противоречивой и непоследовательной реализации принципов классического либерализма возникает дифференцированное пространство классических модерных утопий и идеологий - самонастраивающихся и взаимодополняющих версий ценностных систем, призванных совместить капиталистическую миросистему и социальную регуляцию локальных обществ. Модерные идеоло-

гии и утопии в основе дифференцированного политического нарратива Модерна, стали гибридными версиями ценностных систем, совмещающих расширяющиеся ценности рынка, конкуренции, личного успеха, накопления капитала с христианскими ценностями милосердия, равенства, братства, взаимопомощи, эгалитарности, область эффективного действия которых сократилась до регуляции преимущественно частных жизненных миров людей, их семей и локальных сообществ.

2. Революция предстает как одновременно легитимирующий и отрицаемый центр идеологических координат политического нарратива Модерна, связанный с обоснованием и регуляцией социальных изменений. По скорости социальных перемен историческую трансформацию современного общества трудно описать иначе, нежели как революцию низкой интенсивности. Вместе с тем эта перманентная модернизация не революционна в том смысле, что периодические расколы элит, перевороты, технологические сдвиги, национально-освободительные движения и т.п. сами по себе не предполагают принципиальных изменений ценностно-институциональной конституции современного политического порядка. Если капитализм, либеральный консенсус и нация-государство как доминирующий формат их синтеза являются ценностно-институциональной квинтэссенцией политического нарратива Модерна, то именно вызовы свободным рынкам, либерализму и национализму и будут наиболее очевидным способом кристаллизации революционных движений.

3. Первоначально в центре политического нарратива Модерна находилась утилитарно-прогрессистская ценность справедливости как прогрессивной стратегии расширения возможностей для наибольшего числа людей. Однако позже теории справедливости трансформируются в концепции ремонта позднего Модерна. В перспективе политическому нарративу Модерна потребуется не столько дискурс *ремонта* или излечения от социокультурных *травм* (Дж. Александер), или возврат к *этике добродетели* (А. Макинтайр), или консервация некой универсальной модели Модерна (Ф. Фукуяма), сколько принципиальная способность к конструированию универсальных этико-

политических оснований своего существования. Принципиально новая пост-модерная теория справедливости может возникнуть лишь как составная часть политического проекта, выходящего за пределы Модерна и предполагающего радикальные преобразования общества.

4. Историческое становление и позднейшие трансформации политического нарратива Модерна во многом обусловлены динамическим изменением состава ключевых социальных групп, принципов социальной стратификации и распределения ресурсов. Историческая динамика структуры современного общества меняет представления о большинстве как онтологическом основании политического нарратива Модерна. Произошло несколько исторических возвышений и падений разного большинства внутри меняющейся социальной структуры общества Модерна. Это буржуазия, люди труда, средний класс и все более отчетливо формирующееся рентозависимое большинство. Политический нарратив позднего Модерна постепенно утрачивает потребность в опоре на волю большинства в пользу способов легитимации, где указанное большинство существует уже не столько онтологически, сколько риторически конструируется в дискурсе элит.

5. Ключевые обобщающие понятия нарратива Модерна (демократия, рынок, либерализм и др.) во многом являются глобально воплощенными, что естественным образом приводит к их профанизации (десакрализации) и расколдовыванию. В результате усиливается запрос на поиск политических альтернатив в интересах тех социальных классов, слоев и обществ, которые сталкиваются преимущественно с издержками, эксплуатацией и негативными сторонами глобального развертывания капиталистической миросистемы. В настоящее время экономически интегрированный мир управляется политическими институтами, связанными преимущественно с территориальным контролем. Экономическая интеграция мира значительно опередила политическую и этическую. Универсализация ценностных оснований современного общества лишает убедительных этических оснований политическую логику интересов наций-государств. Возникает запрос на возврат политэкономии как

интегративного способа мышления, объединяющего экономические и политические закономерности современных обществ в их прямой взаимосвязи и взаимовлиянии.

6. Модерн как развивающийся нарратив приспособляется к новым вызовам и использует все новые возможности, сохраняя свое ценностное ядро. Различные культурные, постмодернистские, экологические и иные нарративы, противопоставляемые Модерну, не обладают равной с ним степенью универсальности и легитимности в глобальном мире. В частности, постиндустриальные теории оказались слишком поспешно фундированы переоцененными тенденциями общественного развития, которые обернулись новыми политическими утопиями с завышенными социальными ожиданиями. Постмодернистские теории в итоге были включены в более сложный нарратив позднего или глобального Модерна на функциональных условиях его критического самоописания. Политический нарратив Модерна, несмотря на убедительную и разнообразную критику, остается базовым языком самоописания и легитимации глобальной политической реальности. Несмотря на значительные социальные изменения, существует уверенный консенсус относительно того, что мы все еще находимся в Модерне, будь то *сингулярная современность* Ф. Джеймисона, *текущая современность* З. Баумана, *гипермодерн* А. Турена, *космополитический Модерн* У. Бека, концепция *радикального Модерна* Э. Гидденса и т.д.

7. Набирающие силу рентно-сословные трансформации в потенциальной теоретико-методологической перспективе позволяют отказаться от описания большинства современных обществ как отклонений от идеального типа ключевых современных институтов и практик. Решая накопившиеся структурные противоречия и формируя новые влиятельные социальные группы, рентная трансформация позднемодерного общества создает ростки противоречий между новым сословно-рентным ядром общества и отодвигаемыми на его периферию рыночными группами, утрачивающими доступ к ресурсам и политическое влияние. Данный конфликт будет снижать стратификационный

потенциал механизмов рыночной саморегуляции и усиливать роль государства в качестве агента нерыночного, рентного распределения ресурсов между социальными группами.

8. В будущем будет усиливаться релевантность политического нарратива, исходящего из признания растущего объема дистрибутивных ресурсных обменов, контролируемых преимущественно государством. В социальной структуре позднемодерного общества будет повышаться ценность нерыночных групп, значимых с точки зрения интересов государства. Соответственно, политологический категориальный аппарат в ядре политического нарратива Модерна, сформировавшийся под историческим влиянием западной гегемонии, механизмов либерального согласия, метафоры рынка, ценности демократии и идеи бесконечного экономического роста, все менее соответствует социальной онтологии. Изменения доминирующих факторов стратификации позднемодерного общества обуславливают эволюцию нарратива его самоописания.

9. Глобальный нарратив Модерна постепенно разотождествляется с такими незаменимыми онтологическими признаками, как капиталистическая миросистема и либеральная демократия. Устаревшим категориальным аппаратом мейнстрима политической теории этот процесс описывается как архаизация, откат, возврат к неофеодализму и т.д., хотя на самом деле устарели сами метафоры, понятия и нормативные нарративы, более не релевантные изменившейся политической онтологии позднемодерного общества. То, что в определенной идеологической и моральной перспективе принимается за архаику, патологию или отклонение, становится ядром нового глобального социально-политического порядка.

10. Исторический упадок капиталистической миросистемы требует политических решений, связанных с: а) признанием и легитимацией новой политической онтологии (размывание привычных экономических классов, подъем прекариата и разных меньшинств), б) трансформацией принципов социальной стратификации, в) изменением критериев общественной полез-

ности и условий доступа разных социальных групп к ресурсам. Трансформация политического нарратива Модерна связана с тем, что новой конфигурации социальных групп придется обновлять принципы социального согласия и распределения доступа к общественным ресурсам в условиях общества без экономического роста, массового труда и с ведущей ролью государства.

11. Все более интенсивное взаимодействие и взаимозависимость человечества на глобальном уровне требуют вслед за мироэкономикой обоснования механизмов мирополитики как прагматической заботы об интересах человечества в целом. Возможная мирополитика аргументирует универсализацию политического, экономического и правового пространства, допуская при этом культурное разнообразие. Ценностная и институциональная интеграция человечества предполагает ослабление географического и политического центрирования, которое будет функционировать скорее не как монополия, но как место сгущения ресурсов, наложения иерархий и сетей в разных областях. Центр будет менее выражен институционально, но больше – ценностно, на уровне общих правил и целей. В глобальной дискуссии по поводу политических ценностей априори более сильны позиции тех игроков, которые могут предложить человечеству предельно эгалитарные, универсальные варианты решений всеобщих проблем. Варианты, исходящие из долгосрочных интересов всего человечества, дающие как можно большему числу людей больший спектр возможностей вместо выгоды отдельных меньшинств, классов, наций, регионов мира и блоков государств. Подобная логика не несет прямые и ощутимые дивиденды субъектам и обществам, которые ее иницируют. Задача мирополитического совершенствования политического нарратива Модерна, разрешающая его внутренние противоречия, может быть связана с более универсальной в сравнении с нацией политической формой организации субъектов разного уровня и ресурсных потоков, а также заботой о будущем, в котором есть достойное место всем. Элементы подобной этики вырабатываются в коммунитарных дискурсах, направленных против издержек иерархической глобализации и роста структурного неравенства.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы для обоснования целевых приоритетов национально-государственной политики в условиях глобального Модерна; осмысления концептуальных особенностей и практик модернизации в разных регионах мира; этической аргументации более универсальных и долгосрочных моделей взаимодействия власти и общества в современной России.

Полученные в ходе исследования результаты имеют практическое значение при разработке стратегических концепций развития России, формировании приоритетов развития ее социально-политической системы и принятии общественно значимых решений в средне- и долгосрочной перспективе. Выводы диссертационного исследования имеют концептуальное значение в области социально-политических наук и политической философии, а также практическую ценность при определении внешних и внутренних приоритетов российской политики, системы государственного управления. Полученные результаты могут быть использованы в учебных курсах и методических пособиях, посвященных мировой и современной российской политической мысли. Материалы исследования могут стать основой для учебных пособий, использоваться в преподавании социально-политических и философских дисциплин в вузах.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования представлялись автором в виде докладов на международных и российских конгрессах и конференциях, среди которых: Международная междисциплинарная конференция «Стыки модерности: постсоциалистические институты, субъективности и дискурсы в сравнительной перспективе» (Екатеринбург, 23-24 мая 2013 г.); Международная междисциплинарная конференция «Стыки модерности: моральная грамматика в современных обществах». (Екатеринбург, 28-29 апреля 2014 г.); Международная конференция «Философия в публичном пространстве» (Москва, 20 ноября 2014 г.); VII Российский философский конгресс «Философия. Толе-

рантность. Глобализация: Восток и Запад – диалог мировоззрений» (Уфа, 6-10 октября 2015 г.); VII Всероссийский конгресс политологов «Политическая наука перед вызовами современной политики» (Москва, 19-21 ноября 2015 г.); XV ежегодная конференция из цикла «Леонтьевские чтения» «Экономическая теория и политология: игнорирование, конкуренция или сотрудничество?» (Санкт-Петербург, 12-13 февраля 2016 г.); V Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость» (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 г.); Всероссийская конференция с международным участием «Политический порядок и проблема идеологии» (Ростов-на-Дону, 18-19 мая, 2017 г.); XVII ежегодная конференция из цикла «Леонтьевские чтения» «Экономическая теория: триумф или кризис?» (Санкт-Петербург, 16-17 февраля 2018 г.); Международная научная конференция «1917/18/19: Империи и республики. Реакции и рефлексии интеллектуалов» (Екатеринбург, 27-28 марта 2018 г.); X Международная научно-практическая конференция с международным участием «Глобальные и региональные проблемы современности: истоки и перспективы. Восток и Запад» (Екатеринбург, 20 апреля 2018 г.); Международная научно-практическая конференция «Философские контексты современности: принцип ratio и его пределы» (Ижевск, 28-29 февраля 2020 г.); Всероссийская научная конференция РАПН с международным участием «Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы» (Москва, 27-28 ноября 2020 г.); IX Всероссийский конгресс политологов «Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы» (Москва, 16–18 декабря 2021 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Россия: единство и многообразие» (Москва, 16-17 ноября 2022 г.).

По теме диссертационного исследования опубликовано 77 научных работ, в том числе 42 статьи в рецензируемых журналах, включенных в Перечень ВАК РФ, 3 монографии и ряд глав в коллективных монографиях. В дис-

сертации отражены содержание и результаты указанных научных публикаций, полученные соискателем ученой степени лично.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования и состоит из введения, двух частей, разделенных на главы и параграфы, заключения, списка литературы.

ЧАСТЬ I. ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ДОМИНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАРРАТИВА МОДЕРНА

Глава 1. Возникновение нарратива Модерна и моральная легитимация капиталистической миросистемы

§ 1. Ключевые подходы к нарративу Модерна: сравнительный анализ концептуальных оснований

Модерн – это открытая историческая ситуация и качественно новое состояние общества, возникшее в результате девальвации и профанации высших ценностей европейского феодально-сословного порядка и способов его трансценденции (легитимации, объяснения) в виде религиозного христианского нарратива. Божественный порядок или некий предзаданный сакральный космос перестали существовать в качестве ключевого социального регулятора, уступив место необходимости постоянного диалога и конфликтных договорённостей индивидов, групп, классов, сообществ о порядке земном. Ключевой проблемой становится сохранение общественного порядка и воспроизводство общества в ситуации быстрых и постоянных социальных перемен, высокой степени индивидуальной автономии и производной от нее конфликтности при дефиците или неэффективности прежней моральной регуляции. Отсюда попытки воссоздать утраченную универсальность в виде публичной сферы и институционально поддерживающих ее механизмов рациональной бюрократии, рынка, демократии, национального государства, науки и иных способов согласования эффективных иерархий и приоритетов социального порядка. Если традиция представляет неизменные ценности и описывающие понятия, то в Модерне они скорее изобретаются, отстаиваются и постоянно оспариваются, не говоря о постоянной работе дифференциации и интерпретации. Постоянные попытки свести нарратив Модерна к более локальным обобщающим понятиям (капитализм, нация, социализм, секуляризация, рационализация, демократия и т.д.) являются неоправданной редукцией общего к частному. Более того, во многом эти понятия являются объясня-

ющими друг друга и возникая одновременно. Кроме того, все перечисленные понятия и стоящие за ними явления неокончательны как и сам Модерн: секуляризация может смениться подъемом религиозности, расширение рынка усилением государственной регуляции, демократия обернуться восстанием как элит, так и масс и т.д.

Политический нарратив Модерна можно определить как динамическую совокупность ценностей, понятий, идей, центрированную в ценностных координатах частично воплощенной либеральной утопии, объясняющую и легитимирующую политическую онтологию современного общества в целях стабильного воспроизводства политического порядка и достижения коммуникативного консенсуса ключевых социальных групп относительно ценностно-институциональных иерархий и распределения общественных ресурсов. Политический нарратив Модерна является выходом из морального кризиса капиталистических обществ, а его позднейшую основу составляет спектр современных идеологий и утопий. Это самореферентное описание современного общества, соответствующее сложившимся в нем критериям достоверности, истинности, убедительности, связанным с интересами, ценностями и представлениями доминирующих классов и социальных слоев. Историческое становление, глобальное масштабирование и позднейшие трансформации политического нарратива Модерна обусловлены динамическим изменением состава ключевых социальных групп и принципов социальной стратификации современного общества. В подобном контексте нарратив Модерна представляет совокупность способов легитимации и критического осмысления процессов, связанной с новым типом рациональности Просвещения и способами рыночной ресурсной стратификации общества, верой во всеобщий прогресс и развитие в интересах большинства.

Таким образом, политический нарратив Модерна представляет способ репрезентации открытого для изменений общества, лишённого трансцендентных оснований. Это общество в условиях девальвации сакрального центра политических координат в виде христианского нарратива, где политиче-

ское является предметом посюстороннего, постоянно пересматриваемого и рефлекслируемого согласия людей, обладающих свободой воли (субъектно-стью, автономией) в области определения непредзаданных ранее правил и форм организации своей жизни в публичной и частной сферах. Задачи индивидуального спасения в загробной жизни во многом уступают приоритет прижизненному коллективному спасению (перспектива прижизненного «земного рая»), принципы которого формулируются на языке современных идеологий, что с высокой степенью убедительности позволяет говорить о них как о *светских религиях*, а формальную секуляризацию публичного политического пространства описывать как смену метанарратива или *смену имен бога, а также сфер производства сакрального/трансцендентного/божественного*. В основе современных политических концепций лежит динамическое соотношение принципов индивидуальной и коллективной автономии, выражаемых либерализмом и демократией.

В контексте становления политического нарратива Модерна целесообразно прояснить историю, основные подходы и авторскую интерпретацию основных понятий, которые определяют содержание и структуру диссертационной работы – Модерн и нарратив. Основным предметом исследования является изучение факторов трансформации политического нарратива Модерна. Это измерение можно представить несколькими пересекающимися понятиями, например, проект, теория, концепция, парадигма, однако все они являются в контексте затрагиваемой проблематики менее релевантными и убедительными, чем нарратив. Понятие *политического проекта* будет периодически употребляться далее, когда затрагиваются проблемы онтологической и институциональной организации современного общества. Понятие *парадигмы*, на наш взгляд, не может быть эффективно применено к осмыслению исторически меняющейся констелляции идей и ценностей, составляющих нарратив Модерна. Парадигма отсылает к чему-то устоявшемуся, законченному и воспроизводимому эмпирически в пределах неизменных природных фактов. Поэтому перенос идеи *парадигмы* в область социальных наук не вы-

глядит убедительным, а скорее свидетельствует о желании социально-политического и экономического мейнстрима подражать наукам о природе, не имея методологических возможностей заниматься только поиском истины относительно такого окончательно не объективируемого для социального исследователя предмета, как *общество*.

Не случайно амбициозные попытки Т. Куна¹ и И. Лакатоса² формализовать *универсальные закономерности* способов прироста и верификации научного знания закончились весьма скромными результатами, которые не получили ощутимого дальнейшего развития. Сведение разных областей науки к одной или тем более *единой парадигме в основе нормальной науки*, особенно в области социально-политических и философских наук, имеющих в своем методологическом ядре совокупность окончательно неразрешимых антиномий, оказалось принципиально невозможным, гранича с навязыванием весьма спорной догматики и механистичных переносов особенностей развития естествознания в область наук об обществе. Последующие десятилетия показали скорее правоту их принципиальных оппонентов, предостерегавших от возведения инструментальных и количественных (классификация, формализация, иерархизация, унификация) методов познания в статус целеполагающих. В подобном дискурсе более плодотворными для развития научного знания предполагаются спор и дискуссия, конфликт и диалог принципиально разных подходов к изучению человека и общества, ни один из которых не может получить неоспоримых преимуществ лишь с помощью формального соблюдения неких *универсальных процедур* описания, анализа, верификации опыта и т.д.

В частности, эпистемологический анархизм П. Фейерабенда предполагает невозможность однозначно и окончательно не в идеологических целях определить, что такое наука, какая парадигма является нормальной, а также выработать универсальные закономерности прироста и оценки истинности

¹ Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago, 1962.

² Lakatos I. Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes // Criticism and the Growth of Knowledge / Ed. by J. Lakatos, A. Musgrave. Cambridge, 1970. P. 91-195.

научного знания, в том числе критерии его отличия от знания ненаучного. Соответственно, научное знание движимо постоянным состязанием разных моделей, дискуссиями, верой и сомнениями, в то время как роль рациональной аргументации и объективных эмпирических фактов представляется переоцененной, а сведение к ним науки как таковой – неоправданным редукционизмом и схоластикой¹.

Д. Макклоски убедительно показывает незаменимую, если не господствующую роль метафор, риторики и образных литературных приемов в работах крупных теоретиков экономической мысли². Естественно-научный сциентизм, который она отождествляет с модернистским мейнстримом общественных наук, подходит к концу, а его десять заповедей, выделенных Д. Макклоски, перестают оказывать магическое влияние на умы новых поколений ученых: «1. Цель науки составляют прогнозирование и контроль. Как говорил Огюст Конт: “предвидеть, чтобы мочь”. 2. Только наблюдаемые следствия (или прогнозы), получаемые исходя из теории, влияют на ее истинность. 3. Наблюдаемость подразумевает объективные, воспроизводимые эксперименты; сами по себе опросы испытуемых людей бессмысленны, потому что люди могут солгать. 4. Если и только если эмпирическое следствие из теории оказывается ложным, теория считается ложной. 5. Нужно ценить объективную реальность; субъективные “наблюдения” (интроспекция) не являются научным знанием, ведь объективное и субъективное связать невозможно. 6. Изречение лорда Кельвина: “Если вы не в состоянии выразить ваши знания о предмете в числах, значит, знания эти скудны и неудовлетворительны”... 7. Интроспекция, метафизические верования, эстетика и т.п. могут присутствовать при открытии гипотезы, но не могут использоваться для ее обоснования; обоснования – вне времени, а общее состояние науки на данный момент никак на их истинность не влияет. 8. Задача методологии – отделять научное знание от ненаучного, позитивное от нормативного. 9. Научное

¹ Feyerabend P. *Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge*. L., 1975.

² McCloskey D. *The Rhetoric of Economics* // *Journal of Economic Literature*. 1983. Vol. 21, No. 2. P. 481-517; McCloskey D. *The Rhetoric of Economics*. Madison, 1985.

объяснение события включает это событие в один из общих законов. 10. Ученые, экономисты, например, не должны ничего говорить о ценностях – нравственных или художественных – как ученые»¹.

Разрушение профессиональных и авторитетных сциентистских конвенций и выявление релятивизма относительно формальных, строгих процедур и определений, обнаружение множества скрытых и необсуждаемых конвенций относительно понятий, фактов и их оценок приводит к пересмотру самого способа функционирования социального научного знания, которое вдруг оказывается вовсе не автономно и не отделено безусловными критериями и различиями от художественного нарратива, например, мифа, религии или романа. Становится очевидным, что «социальную теорию необходимо рассматривать не только как исследовательскую программу, но и как обобщенный дискурс, одной из очень важных частей которого является идеология. Теория социальной науки действительно работает во вненаучном отношении именно как смысловая структура, как форма экзистенциальной истины»².

В результате оказывается, что ученые как люди, которые рассказывают друг другу и остальному миру *истории*, претендующие на убедительность *истины*, используют тот же арсенал риторических приемов, что и писатели, пророки, летописцы и иные рассказчики (нарраторы).³ Более того, познание человека, общества и мира может осуществляться множеством параллельных способов, концепций, теорий, классификаций, каждая из которых, по сути, является самообосновывающей, к каким бы внешним объективным критериям и процедурам оценки она при этом ни обращалась. Этот выбор осуществляется исследователем произвольно и волюнтаристски, на основании не только эмпирической релевантности, но и этических, эстетических критериев, являющихся предельно субъективными суждениями относительно *должного поведения* или *высокого вкуса*. Каждая из классификаций создает свой словарь, возможные сочетания понятий и смыслов, ценностей и их иерархий,

¹ Макклоски Д. Риторика экономической науки. М., 2015. С. 195.

² Александер Дж. Модерн, анти-, пост- и нео-: как интеллектуалы объясняют «наше время» // Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М., 2013. С. 521.

³

которые порождают воображаемые и обобщаемые социальные миры, далекие от повседневного жизненного опыта отдельных людей. И если *риторическое сообщество* средневековых ученых приходит к общему мнению относительно плоской Земли, предельного числа чертей на конце иглы или неоспоримых признаков ведьмы, то подобная количественная метрика становится убедительной научной истиной своего времени. В частности, нобелевский лауреат Р. Шиллер приводит множество примеров, когда массовое экономическое поведение все чаще определяется вовсе не фундаментальными экономическими фактами и факторами, а слухами и нарративами относительно выгодных стратегий и решений, инвестиций и мотивов, формируя в итоге реальную динамику рынков и экономических активов¹.

В базовой разбивке научное/ненаучное актуальный приоритет имеют логика, математика и эмпирические факты. Однако так в истории науки было не всегда и не везде, а при более пристальном рассмотрении современных способов добывания, интерпретации и доказательства истин научного знания не меньшее значение, хотя и всячески маскируемое в качестве *негативной* или *оборотной стороны* (но от этого не менее неустранимое), обретают нарративы и метафоры. Парадокс в том, что они предстают в качестве формально ненаучных способов убеждения целевой аудитории именно в научности представляемых суждений: «Метафора, анализ конкретных случаев (case study), воспитание, авторитет, интроспекция, простота, симметрия, мода, теология и политика убеждают ученых так же, как убеждают они и остальных людей»².

Более того, в настоящее время происходит общая трансформация языка социально-политических наук. Наблюдается последовательный отход от попыток построения модели универсальных, окончательных, закрытых и доминирующих парадигм, теорий и концепций знания-власти, почерпнутых в подражании естествознанию, к модели научного языка как релятивному

¹ Shiller R.J. Narrative Economics: How Stories Go Viral and Drive Major Economic Events. Princeton, 2019.

² Макклоски Д. Риторика экономической науки. С. 238.

*культурному нарративу*¹. Суть трансформации заключается в: а) отказе от веры в универсальные и всеобщие общественные законы, требующих своего *открытия*; б) подозрении к редуцирующей рациональности просвещенческого толка как единственно возможному коду научного языка, как языку знания-власти; в) переходе к мультипарадигмальности как *нормальной* ситуации познания в обществоведении; г) отказе от выведения *жестких социальных законов* по образцу естественных наук в пользу поиска более мягких *социальных закономерностей*, зависящих от множества переменных (язык, культура, история, позиция наблюдателя в социальном пространстве и т.п.).

Причины актуального методологического сдвига к состоянию нарратива (т.е. повествования или рассказа с относительно вариативной структурой изложения и структурирования), со слабеющей способностью *легитимировать* социально-политический порядок, достаточно очевидны. Нарративный поворот общественных наук как осмысление собственного языка, который до того не был ни актуальным объектом исследований, ни методологической проблемой, связан с дискредитацией трансцендентных схем объяснения социальных фактов путем отсылки к тому или иному самоочевидному основанию, будь то бог, природа, классы, государство, рынок и т.д. Рано или поздно эти основания, например, *божественность власти, труд как литургия* или *классовый характер общества*, перестают быть самоочевидными для общества. И тогда нетрудно заметить, что в теряющей доверие объяснительной парадигме, на которой держалась легитимность привычного социально-политического порядка, обнаруживается двойственность кода. За принципом научного познания истина/ложь открывается код властной игры – эффективно/неэффективно. Фактически социальные науки не могут и *никогда не могли* играть только в денотативную языковую игру с критерием релевантности истина/ложь. Поскольку социальные факты зависимы от того, как их интерпретирует субъект познания, социально-политические науки ведут двойную

¹ Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. М.-СПб., 1998.

языковую игру с двойной релевантностью. Вторая игра – прескриптивно-этическая, зависящая от шкалы добро/зло или справедливо/несправедливо¹.

Более того, в последней трети XX в. Ж.-Ф. Лиотар прозорливо подметил вторую важную тенденцию в обществознании, заключающуюся в сдвиге методологии общественных наук от структуры денотативного описания к нарративу (рассказу, повествованию, мифу и т.д.)². Нарастающее недоверие к *метарассказам* (метафизике и идеологии) отчасти подорвало и веру в обществознание, которое они легитимировали. Научное знание об обществе во многом теряет традиционные привилегии и становится в ряд других способов описания мира. Нарративный язык не мог быть востребован обществознанием, пока научное знание строилось на доминировании тавтологической модели, предполагавшей методологические устремления гуманитарного познания к непротиворечивой и абсолютной формализации *объективной реальности* аналитическими знаками с целью производства конечной истины об обществе. Изменения в современных обществах связаны и с кризисом рационального языка *великих идеологий* (социализм, либерализм, консерватизм), их неспособностью как ранее объединять в своем нормативном пространстве все более мультикультурный и раскалывающийся по экономическим, культурным, религиозным и иным разломам глобальный мир. Происходит постоянная гибридизация, настройка и деконструкция современных идеологий, первоначально представлявшихся как автономные модели описания Модерна³. Подрыв веры в универсальность модели, ее способность полностью охватить реальность, установить единственно возможный (а потому истинный) принцип связи реальности и языка, обнаружил проблему поиска новых средств, позволивших бы легитимировать научные истины на новых принципах.

В результате политическая форма идеологии уступает место нарративу, «панлогизм» рациональной картины мира сменяется апологетикой уникаль-

¹ Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. 4: Триумф центристского либерализма, 1789-1914. М., 2016. С. 258-278.

² Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998. С. 9-12.

³ Макаренко В. П. Главные идеологии современности. Ростов н/Д: Феникс, 2000. С. 287-291.

ности культурно-языковых миров, связанных с нормативизацией не тождеств, но всевозможных различий. Легитимация современного научного знания, институтов общества, системы власти все активнее черпается в паллиативных средствах самого языка, без отсылки к верифицирующей их реальности, т.е. в перформативных языковых моделях, истинность которых полагает сам рассказчик. Основания знания-власти во многом вынужденно переходят в сам язык общественных наук, в то время как ранее они онтологически предполагались во *внешнем мире*, к которому отсылал денотативный язык, лишь описывающий этот неизменный мир.

Нарративная политическая наука соответствует сложносоставной структуре модерного общества. Модерн уже имеет двухсотлетнюю историю, которая может быть выстроена как нарратив, опирающийся на иерархию событий, субъектов, идентичностей, символов и их ценностных интерпретаций¹. В частности, Дж. Александер замечает, что «каждому историческому периоду необходим нарратив, который определяет его прошлое в терминах настоящего и говорит о будущем, которое основополагающим образом отличается от современного времени и обычно обещает быть “даже лучше” него. Вот почему в теоретическом осмыслении социальных изменений всегда присутствует не просто эпистемология, но и эсхатология»².

Таким образом, преодоление эпистемологического кризиса было связано с отказом от доминирования нарратива, претендовавшего на монополию в области истины при помощи исключительно рациональной легитимации. В сложносоставных современных обществах социально-политических рациональностей, как и выражающих их социальных групп, достаточно много. Переход к многомерной легитимации общественного знания содержательно расширил само понятие *научности*. В ситуации отсутствия привилегированной нормы сталкиваются равные антагонистические модели социального конструирования, одинаково *научные* методологические аппараты интерпре-

¹ Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. М., 2019. С. 285-312.

² Александер Дж. Модерн, анти-, пост- и нео-: как интеллектуалы объясняют «наше время». С. 513.

тации и оценки общества. Это столкновение и накопленное разочарование от выхолощенных аналитических моделей познания, мимикрирующих под естествознание, актуализирует интерес к *возможным нарративам* научных исследований и описаний общества¹. Открытие собственного бытия языка имело глубокие теоретические следствия для общественных наук и было тесно связано с обнаружением обширной сферы иррационального в политике, экономике, обществе. Рационально сконструированные концепты стали лишь *идеальными моделями*, в которых наука, как один из возможных типов познания, интерпретирует социальное.

Вместе с тем базовые предположения исследователей о рациональности могут быть диаметрально противоположны исторически, социологически, политически и экономически. Для одних общественных теорий человек по природе добр (Ж.-Ж. Руссо), для других – зол (Т. Гоббс, К. Шмитт); для одних приоритетны интересы общества (холизм К. Маркса и Э. Дюркгейма), для других – права и автономия личности (методологический индивидуализм М. Вебера), для одних приоритетна ориентация на универсальные и неизменные принципы (Кант), для других – на конкретные ожидаемые последствия наших действий (И. Бентам) и т.д. Утрата надежд на достижение универсальности и беспристрастности через рациональность исследовательского обществоведческого языка привела к утрате им привилегированного положения, осмысляясь как конец завершившейся эпохи разума. Здесь методы получения истины с помощью рациональных формализаций лишаются привилегий. Принцип фальсификации приходит на смену принципу верификации.

Язык общественных наук становится объектом рефлексии, когда в нем открывают глубину, и оказывается, что он проговаривает больше, чем требуется субъекту этого языка. Когда означаемые и означающие аналитического языка не могут поддерживать тождество, происходит разотождествление кода истины и прочих возможных кодов исследовательского языка: властного,

¹ Мюрберг И.И. Нарративизм и социальная философия: к истории «нарративного поворота» в современном обществознании // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 4. С. 12-17.

этического, прагматического. Впервые операцию разотождествления удалось осуществить К. Марксу, открывшему двойственность ложного и истинного сознания, идеологии и науки. Затем аналогичную операцию удвоения произвел З. Фрейд, открыв дихотомичность сознательного и бессознательного. Все это в конечном итоге приводит к отказу от поисков *самоочевидных* социальных универсалий и абсолютов, которые помимо прояснения *истины* закрепляли бы (легитимировали) данный общественный порядок как неизменный. Подвижный, исторический и интерпретативный характер социальных истин, их амбивалентность, лишает исследователя решающих оснований для выбора той или иной интерпретации в качестве привилегированного образца: «в любой области исследования, ещё не сведенной (или не возведенной) к статусу подлинной науки, мысль остаётся захваченной языковой формой, в которой она пытается запечатлеть контуры объектов, находящихся в поле её восприятия»¹.

В свое время основатель структурализма Ф. де Соссюр положил в основание семиотики теорию знака как соответствия означаемого и означающего с произвольной связью между ними². Наличие этой связи было аксиоматично. Любое слово, концепция, понятие или теория подразумевали тождество с некой отражаемой ими реальностью. Постструктурализм начал с критики подобных жестких структур, утверждая, что язык (и культура вообще как система взаимосвязанных значений) может конструироваться в том числе и как взаимодействие только культурных нарративов, функционирующих по собственным законам. Причем они не только нечто отражают, но и сами могут порождать реальное. Поскольку представления могут быть не менее реальными, чем эмпирические феномены, а зачастую и порождать социальную реальность через мифы, идеологии и утопии: «Если вера во что-то представляет наиболее выгодное поведение как справедливое, праведное или эстетически совершенное, то она автоматически приобретается – так капита-

¹ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 20.

² Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 2007.

лист верит в то, что свободный рынок угоден Всевышнему»¹. Соответственно, общественное знание ушло от логики мифа и религии не так далеко, как это хотелось бы показать его отдельным представителям. Бесконечный распад единой/привилегированной модели научного языка на множество инвариантов открывает независимость мира слов от вещного мира, означающих от означаемых, способность первых не только влиять на вторые, но и создавать их. Язык, в том числе научный нарратив, оказывается способен не только отражать, но и творить, конструировать социальные миры: «Не имея никаких шансов прийти к финальному суждению, что имеет место “на самом деле”, социологи тем не менее не рискуют остаться без тем для разговора, и характер этих разговоров таков, что участвовать в них можно с высочайшей оживленностью, подтверждающей, что их ведение имеет смысл. Участники подобного ритуала неизменно покидают сцену с ощущением, что приняли участие в вечной интеллектуальной драме противостояния “объективизма” и “субъективизма”, “количественных” и “качественных” методов, “политического консерватизма” и “революционности” или более рафинированных версий чего-то подобного, попутно обменявшись последними сплетнями, проявив лояльность или, наоборот, поспособствовав падению чьего-то величия»².

Таким образом, *бесконечные дискуссии, связанные с изложением разных ценностно-методологических нарративов относительно одних и тех же вещей, событий, явлений и их взаимосвязей, принципы обнаружения или критики тех или иных закономерностей или иерархий являются самим способом существования общественных наук с момента их возникновения. С помощью подобной работы прояснения, критики, дифференциации и сборки политические нарративы исторически возвышаются и выходят из публичного оборота, овладевают сознанием масс и уходят с интеллектуальной и политической сцены вместе с теряющими власть и влияние социальными классами.*

¹ Соколов М.М. Социология как чудо. Процесс sense-building в одной академической дисциплине // Социология власти. 2015. Т. 27, № 3. С. 16.

² Там же. С. 49.

Понятие Модерна тоже накопило в своей истории множество интеллектуальных трансформаций, смысловых интерпретаций и вариаций. В самом общем виде он *представляет посттрадиционное, функционально дифференцированное на автономные подсистемы общество, преимущественно представленное в политической форме территориальных государств, в которых широко распространены, но не обязательно доминируют рыночные обмены, рациональная бюрократия и инклюзивные институты, обеспечивающие широкое участие граждан в управлении собственной судьбой.*

Фактически социальные науки и их научная программа в привычном виде возникли и исторически развертывались, прежде всего, как социально-политический нарратив Модерна, т.е. *рефлексия социальных проблем/легитимация политического порядка* становящейся современности: «Социология есть наука о модерне и продукт модерна одновременно... Социология как особый стиль мышления порождается обществом модерна, являясь "способом его самоописания", его, - если выразиться "мудрено", - метанарративом»¹. Политический нарратив Модерна, несмотря на всестороннюю критику, остается доминирующим языком для легитимации и описания глобального политического, экономического, культурного порядка. Модерн и его политический нарратив в значительной степени тождественны идейно, онтологически и исторически. В результате политический нарратив Модерна предстает как сакральное и предельное по своим масштабам воплощение *всеобщего политического* современного общества. Он интерпретируется в политической теории и практике политических субъектов как открытый для изменений политический метарассказ, продолжающий активно трансформироваться в своем особенном и частном.

Центральная ценностная система политического нарратива Модерна представляет исторически подвижную констелляцию взаимосвязанных нарративов, организующих институциональное пространство общества. Базовыми современными политическими нарративами являются капитализм, либера-

¹ Подвойский Д.Г. Тропами модерна: социологические вариации на тему // СОЦИС. 2013. № 10. С. 4.

лизм и национализм, образующие ценностное и функциональное единство, основу самоописания, воспроизводства и легитимации социального порядка. Это а) капиталистическая миросистема, б) стратегия ее морально-политической компенсации в виде либерализма, в) национальное государство как политическая форма организации и защиты капиталистического производства на определенной территории, позволяющая совместить принципы эксплуатации, конкуренции и бесконечного накопления капитала с институциональным закреплением широкого перечня неотчуждаемых прав и свобод граждан. Институционально политический нарратив Модерна выражается в усложнении и дифференциации автореферентных подсистем общества, каждая из которых получает автономные ценности и язык самоописания – экономика, политика, наука, искусство и т.д.¹ Имманентная Модерну теория прогресса представляет собой надстройку новых автономных пространств все более сложно организованного общества, делегацию им функций социального регулирования и полномочий по производству норм. *Неодновременность* появления Модерна в разных частях мира обусловила тот факт, что кроме европейской все более поздние версии институционализации Модерна уже имели перед собой готовые образцы модерности, с которыми они вступали в разнообразные культурные конфликты и взаимовлияния.

В ценностно-этической основе нарратива Модерна лежит стремление к универсализации политического законодательства для всего человечества. Процессы глобализации в Модерне доминируют над вторичной реакцией на эти процессы, выражаемой в попытках культурной, этнической, религиозной фрагментации мира. Глобализация Модерна приводит к концентрации знаний, ресурсов, капитала и власти в руках немногих, все активнее определяющих политическую жизнь сквозь призму своих партикулярных интересов. С другой стороны, каждый человек получает все больше возможностей для организации и расширения своего автономного социального пространства, свободного от предзаданных обществом требований, норм и конвенций.

¹ Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007. С. 595.

А. Турен утверждает, что «идея модерна в своей наиболее амбициозной форме заключается в утверждении о том, что человек есть то, что он из себя делает...»¹

Ю. Хабермас с либеральных философских позиций трактует Модерн как целый ряд разрывов, имевших место в долгой европейской истории, в которых *дух современности* отвоевывал свою самостоятельность и уникальность у прошлого и классических образцов Античности. Поэтому Модернов, согласно такой трактовке, в истории Европы было несколько, а впервые термин *modernus* был использован «для отграничения только что официально признанной христианской современности от римско-языческого прошлого»². Поэтому «люди считали себя “современными” (modern) и в эпоху Карла Великого, и в XII в., и в эпоху Просвещения, т.е. всякий раз, как в Европе через обновленное отношение к древним формировалось сознание той ли иной новой эпохи»³. Актуальный Модерн описывается Ю. Хабермасом как культурно-философский проект, в котором «философское толкование модерна обретает форму критики разума» и ассоциируется с именами Гегеля, Маркса, Вебера, Лукача и представителей Франкфуртской школы, которые предлагают соотносить Модерн с новым типом рациональности, инициированным Просвещением и противопоставившим себя предшествующей традиции⁴. О двусмысленности, неуловимости исторического начала современности и наличии ее принципиально отличающихся интерпретаций пишет и Ж. Бодрийяр: «История у прилагательного “современный” дольше, чем у “современности”. В любом культурном контексте “старое” и “современное” серьезно различаются. Тем не менее не существует никакой очевидной для каждого “современности” как исторической и дискурсивной структуры изменений и кризи-

¹ Цит. по: Кимелев Ю.А. Турен А. Критика Модерна (реферативный обзор: Touraine A. Critique de la modernité) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал. 1999. № 1. С. 20.

² Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Политические работы. М., 2005. С. 8.

³ Там же. С. 8.

⁴ Хабермас Ю. Концепции модерна. Ретроспектива двух традиций // Политические работы. М., 2005. С. 234-268.

сов. Современность обнаруживается в Европе начиная с XVI в., разворачиваясь полностью и во всех своих смыслах только в XIX столетии»¹.

Аналогичным образом Д. Белл считает необходимым различать «модернити, модернизм и модернизацию. Модернити – это отношение к миру. Даже в античных Афинах имелись серьезные элементы модернити... Модернити – это принятие открытости мира. Напротив, модернизм – это исторически определенный культурный феномен, ведущий свою историю от Бодлера... Модернизация – еще один совершенно особый термин, обозначающий определенную форму рационализации, средство сведения воедино административных, политических и культурных элементов. Поэтому-то в своих рассуждениях я и применяю термины “modernity”, “modernism” и “modernization” для описания различных аспектов реальности»². Как замечает М.Б. Хомяков, «английское *modernity* не имеет русского эквивалента. *Современность* не подходит прежде всего потому, что, в отличие от *modernity*, имеет чисто временной, а не содержательный смысл... важно и то, что новые европейские языки имеют особое слово для выражения чисто временной современности – *con-temporary* и *со-временный* лингвистически калькируют друг друга... Ничуть не лучше и термин *Новое Время*, специально предназначенный для описания исторической модерности, *Modern Times*... Калька *модерн* несколько лучше выражает такой, содержательный аспект термина *modernity*, но отягощена узкими литературно-искусствоведческими коннотациями – здесь слишком ощущается присутствие Art Nouveau и Jugendstil...»³. В результате М.Б. Хомяков, указывая на смысловую адекватность усвоения русским языком таких терминов, как *модерный* и *модернизация*, приходит к выводу, что наиболее удачным аналогом для понятия *Modernity* будет неологизм *модерность*. Однако в складывающейся в последние десятилетия традиции адаптации *Modernity* в общественных науках и философии все чаще превалирует применение такого варианта перевода, как *Модерн*, в написании

¹ Baudrillard J. Modernité // Encyclopaedia Universalis. Vol. 12. P., 1985. P. 424.

² Белл Д., Иноземцев В.Л. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. М., 2007. С. 206.

³ Хомяков М.Б. Модерность: пути к открытости будущего // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12, № 2. С. 58-59.

с заглавной буквы, в то время как *модерность* не получила широкого распространения. Вариант перевода Modernity как *Современности* (с заглавной буквы) тоже не получил доминирующего оборота в русскоязычной среде, хотя активно использовался в известной монографии Б.Г. Капустина по данной тематике¹.

Поэтому в последующем тексте диссертации ее ключевое понятие – *Modernity* – будет переводиться как *Модерн*, в том числе в целях консолидации русскоязычного понятийного словаря в области общественных наук и философии.

Б. Латур, известный своей наиболее последовательной и убедительной критикой права существования самого дискурса о Модерне, отмечает, что характерной чертой длящейся современности выступает *гибридность*, а попытки выразить ее через набор неубедительных бинарных оппозиций традиция/современность, Запад/Незапад являются схоластическим эссенциализмом². Дж. Александер замечает, что «данный код выполняет мифологическую функцию разделения знакомого мира на сакральный и профанный и таким образом обеспечивает четкую и убедительную картину того, как современным людям следует поступать, чтобы маневрировать в пространстве между первым и вторым. В этом смысле дискурс современности поразительно напоминает метафизический и религиозный дискурс спасения в различных его видах»³.

Парадокс самоописания общества Модерна состоит в том, что модерное общество может описать единым взаимосвязанным нарративом любое предшествующее общество (дикое племя, Античность, Средневековье и т.д.), но только не само себя, постоянно умножая и дифференцируя при этом разнообразные измерения своего бытия и предметных областей (природа/общество/человек), которые невозможно вновь объединить в утраченное единство описательного нарратива: «Слово “нововременное” обозначает две

¹ Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М., 1998.

² Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб., 2006.

³ Александер Дж. Модерн, анти-, пост- и нео-: как интеллектуалы объясняют «наше время». С. 524.

совокупности совершенно различных практик, которые, чтобы быть эффективными, должны оставаться различными, но которые не так давно перестали отличаться друг от друга. Первая совокупность практик создает посредством “перевода” (traduction) такие смешения, в которые входят существа совершенно нового типа, гибриды природы и культуры. Вторая совокупность посредством “очищения” создает две совершенно различные онтологические зоны, одну из которых составляют люди, другую – “нечеловеки” (non-humains)... Первая совокупность соответствует тому, что я назвал сетями, вторая – тому, что я назвал критикой... Пока мы рассматриваем эти два типа практик отдельно, мы являемся действительно нововременными, то есть мы в полной мере признаем значимым только проект критического очищения, хотя в действительности этот проект развивается только за счет размножения гибридов. Как только мы, наконец, одновременно направляем наше внимание на работу очищения и работу гибридизации, мы немедленно перестаем быть полностью нововременными и наше будущее начинает изменяться»¹.

Таким образом, Б. Латур методологически радикальным образом ставит под сомнение само существование Модерна или Нового времени, которое по его мысли зиждется лишь на особых способах самоописания (критика, гибридизация), не позволяющих охватить его в целом, но лишь частично, и провести прямые сравнения и аналогии с предшествующими общественными состояниями, относительно которых Модерн считается автономным, прогрессивным, более сложным и т.д.

В настоящее время комплексному осмыслению политического нарратива Модерна как целостной социально-политической концепции не уделяется, как ни парадоксально, особого внимания политических исследователей. Понятие Модерна разрабатывается преимущественно в культурологических и искусствоведческих исследованиях² либо посвященных частным исследо-

¹ Латур Б. Нового времени не было. С. 71-72.

² Так, подавляющая часть книг о Модерне, содержащихся в книжных каталогах «Российской государственной библиотеки» и «Российской национальной библиотеки» посвящены художественным стилям, искусству и архитектуре Модерна, но не социально-политическим особенностям, ценностям и морали общества, воспроизводящего данную эстетику Модерна. Однако модернизм и ар-нуво являются художественными тече-

вательским проблемам, где Модерн образует лишь формальную рамку, а не сам объект изучения¹. В политической теории сложился негласный исследовательский консенсус, рассчитанный на интуитивное предпонимание того, что такое нарратив Модерна. Наиболее часто происходит отождествление Модерна и Современности, которая часто кажется интуитивно ясным понятием лишь потому, что является фоновой политической повседневностью, в которой мы живем, аргументируется очевидностью нашего присутствия в ней. Исследователями тематизируются, изучаются и проясняются, прежде всего, частные и особенные составляющие нарратива Модерна. Поэтому политические, философские, социологические труды, казалось бы, прямо посвященные осмыслению и концептуализации политического нарратива Модерна, на самом деле отданы анализу отдельных его аспектов, тенденций, проявлений либо исследованию соотношения современного общества с другими историческими эпохами. В частности, Л. Штраус замечает по этому поводу, что «Ничто не является более характерным для современности, чем ее огромное разнообразие и частота радикальных изменений в ней. Это разнообразие столь велико, что можно усомниться в возможности говорить о современности как о чем-то едином»².

Практически все классические социально-политические макротеории, осмысляющие нарратив Модерна и само состояние модерности, как правило, построены на выделении неких обязательных эволюционных стадий развития, своего рода бинарных временных кодов, один из которых имеет привилегированное положение будущего, а другой олицетворяет прошлое³. Это связано с тем, что «если интеллектуалы должны определить “смысл” своего “времени”, им следует определить время, предшествовавшее настоящему,

ниями и относятся к области эстетики и культуры, где акцент производится на ценности уникальности и различных особенностях этих стилей.

¹ Например, работа П. Козловски «Миф о модерне» в действительности посвящена локальному вопросу: осмыслению творчества и непростой судьбы Э. Юнгера, который, по мысли автора, подводит финальную черту под итогами немецкой философии XX в. Аналогичным образом книга А. Ассман «Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна» посвящена проблемам политики памяти.

² Штраус Л. Три волны современности // Введение в политическую философию. 2000. М.: Логос, Праксис. С. 70.

³ Штомпка П. Современность и что за ней последует // Социология социальных изменений. М., 1996. С. 100-108.

предложить нравственно убедительное описание того, почему оно сменилось, и рассказать своим слушателям, повторится ли подобное превращение в отношении того мира, в котором они живут. Все это, конечно же, просто означает, что интеллектуалы создают исторические нарративы о своем собственном времени»¹.

У К. Маркса нарратив Модерна представлен как переход от аграрного феодализма к промышленному капитализму внутри экономической формации, образуемой диалектикой классов капитала, ренты и наемного труда². Г. Спенсер указывает на преобразование военного типа общества в ходе движения к современности в общество промышленное³. У М. Вебера смена идеального типа «традиционного общества» происходит на не менее идеальный тип «капиталистического»⁴. У Ф. Тённиса наступление современности обусловлено преобразованием «общины» в «общество»⁵, а у Э. Дюркгейма – переходом от механической солидарности к органической⁶.

Исторически более масштабные версии формационных переходов, связанные с изменением господствующих в обществе типов ресурсных обменов, представлены в фундаментальных трудах И. Валлерстайна и К. Поланьи. Согласно И. Валлерстайну, эволюция человечества движется от простых систем (мир-экономика) к мир-империям, а затем к капиталистической миросистеме, способной охватить все человечество⁷. Политические элементы Модерна возникают уже на этапе мир-империй, в виде суверенитета и политической формы наций, но глобальным политический нарратив Модерн предстает только в виде идеологического обеспечения капиталистической миросистемы. Мир-империя может быть исторически соотнесена с *естественным государством*, в котором преобладает политико-бюрократический контроль

¹ Александер Дж. Модерн, анти-, пост- и нео-: как интеллектуалы объясняют «наше время». С. 522.

² Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. М., 1959. С. 9-13.

³ Спенсер Г. Политические сочинения: в 5 т. Т. 3: История политических институтов. М.-Челябинск, 2015. С. 220-294.

⁴ Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 4: Господство. М., 2019.

⁵ Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002.

⁶ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996. С. 207-237.

⁷ Wallerstein I. World-Systems Analysis: An Introduction. L., 2004.

территориального государства, обладающего суверенитетом и собирающего налоги. Миросистема базируется на преобладании рыночных обменов, которые постепенно выходят за пределы возможностей контроля отдельных государств и, в свою очередь, начинают детерминировать в качестве фоновых условий принципы их последующей трансформации как адаптации. Таким образом, глобализация может быть интерпретирована как нормативное и институциональное расширение Модерна на весь мир.

У К. Поланьи можно наблюдать аналогичные структурно-исторические формы экономических обменов, знаменующих три великих трансформации человечества. Это реципрокные системы (системы дарообмена, основанные на общем хозяйстве и родстве – семья, род, племя), редистрибутивные системы (ассиметричное перераспределение ресурсов по линии центр-периферия в интересах верховной власти) и капитализм как экономика рыночного обмена¹. *И у Валлерстайна, и у Поланьи более поздние формы культурных, социально-политических, экономических институтов и обменов не отменяют предшествующие, но как бы наслаиваются на них: сначала существуют в виде параллельных форм социальной регуляции, а затем в силу большей эффективности начинают доминировать в регуляции общественной жизни, постепенно становясь нормативными и организуя новое ядро ценностно-институциональных коммуникаций общества.* В современных обществах можно наблюдать факты одновременности сосуществования и взаимодействия *реципрокных* (дарообменных, семейных, клановых), *дистрибутивных* и *рыночных* отношений, а также постепенное изменение их соотношения в долгом историческом времени в пользу последних. Этот процесс был назван К. Поланьи *великой трансформацией*. По сути, в той же логике выстроены и *три волны цивилизации* (аграрная, индустриальная, постиндустриальная) в работах Э. Тоффлера² и Д. Белла³.

¹ Polanyi K. The Great Transformation. The Political and Economic Origins of Our Time. Boston, 2001.

² Toffler A. The Third Wave. N.Y., 1980.

³ Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. N.Y., 1973.

Перечисленные переходы действительно состоялись в мировом масштабе, но проект модерного общества на этом исторически не закончился. Скорее, можно говорить о транзите описанного классиками западного национального общества Модерна к постнациональному, космополитическому Модерну, развертывающемуся в глобальном масштабе. Указанные трансформации поздней модерности также описываются посредством метафоры *перехода*. Д. Норт и его соавторы описывают трансформацию от раннего к позднему Модерну через переход от *естественного государства* к *обществу открытого доступа*. Этот транзит осуществляется посредством трансформации взаимодействия внутри элит, когда последние перестают быть закрытыми и руководствуются в своих действиях правилами, которые они уже не могут менять волюнтаристским образом¹. Аналогичный ход мысли присутствует у Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона, которые описывают историю модернизации как институциональную трансформацию обществ с доминированием экстрактивных (извлекающих) институтов к обществам с преобладанием инклюзивных (включающих) институтов².

Подобные схематично-универсалистские подходы как акультурные критикует Ч. Тейлор, указывающий на недооценку значения культурных факторов, повлиявших на формирование публичной сферы обществ Модерна³. Действуя в том же культуроцентричном направлении, Р. Инглхарт и К. Вельцель с позиций теории культуры описывают актуальные изменения ценностной системы позднемодерного общества, в результате которых осуществляется переход от ценностей выживания, реализованных для большинства граждан в результате социально-экономического развития, к постматериальным ценностям самореализации, которые определяющим образом видоизменяют ценностное ядро нарратива Модерна. Гарантированное удовлетворение базовых материальных потребностей индивидов смещает приори-

¹ North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge, 2009.

² Acemoglu D., Robinson J.A. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. L., 2012.

³ Taylor C. *Modernity and the Rise of the Public Sphere. The Tanner Lectures on Human Values*. 1992. URL: http://tannerlectures.utah.edu/_documents/a-to-z/t/Taylor93.pdf

теты позднемодерных обществ с коллективного выживания в пользу постматериальных ценностей индивидуального творчества и *самовыражения (самореализации)*¹.

Ш. Эйзенштадт отстаивает тезис о множественности путей незападной модернизации, которая создает культурный плюрализм моделей позднего общества². У. Бек³ и З. Бауман⁴ в своих работах осуществляют, возможно, слишком поспешные попытки смоделировать последствия новейших, но неустойчивых социально-экономических и культурных тенденций, признаков и изменений, которые меняют современные общества в сторону большей *текучести*, изменчивости и рискованности социальных взаимодействий, обуславливающих образ все более индивидуализированного социума, где рост степеней свободы оборачивается распадом привычных коллективностей, неуверенностью и отчуждением людей. В частности, У. Бек переносит исследовательский акцент в будущее, на то, что рано или поздно придет на смену Модерну в виде *общества риска*. Принципиальное несогласие с такой позицией может быть обусловлено тем, что Модерн изначально формировался как общество риска, поскольку без индивидуализации и расширения различных свобод, без признания тех или иных законов и институтов в условиях демократии они просто не заработают. Поэтому основой консолидации автономных и самостоятельных граждан, освободившихся от авторитета традиции и иерархии, изначально стал рационально преодолеваемый страх, сопутствующий их обретенной свободе действовать в условиях постоянной неопределенности и нести за свой выбор индивидуальную ответственность.

П. Вагнер считает, что политический нарратив Модерна характеризуется довольно устойчивым во времени ценностным ядром при вариативности его институциональных воплощений: «Под модерностью, если коротко, я понимаю ситуацию, в которой люди стремятся самостоятельно определять

¹ Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence. Cambridge, 2005.

² Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // Daedalus. 2000. Vol. 129, No. 1. P. 1-29.

³ Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М., 2000.

⁴ Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge, 2000.

свою жизнь, свои отношения с другими и свои формы бытия в мире. Под политической модерностью, более конкретно, я понимаю само-определение своей жизни сообща с другими, правила общежития. За последние два столетия и в особенности после завершения Второй мировой войны большинство политических и социальных теоретиков полагали, что существует единственная модель *современного общества*, к которой все общества постепенно придут по причине большей рациональности его институционального устройства. Сходным образом, политическая модерность приравнивается к единственной институциональной модели, состоящей из выборной демократии и набора основных индивидуальных прав. Напротив... из ценностных ориентаций политической модерности не следует однозначно какая-то определенная институциональная форма политики. Такая ценностная ориентация не только открыта для интерпретаций, но и сущностно неопределенна и содержит глубокие противоречия. Соответственно, и существующие государства, ориентирующиеся на эти ценности, на самом деле основаны на различных подобных интерпретациях»¹.

По мысли П. Вагнера, в качестве общего ключевого принципа Модерна выступает всестороннее развитие автономии личности². Однако политический Модерн рассматривается им, прежде всего, как развитие принципа коллективной автономии, который исследователь соотносит с состоянием демократии. Поэтому контрастное соотношение индивидуальной и коллективной автономии является основной политической проблематикой Модерна. И данное соотношение может иметь довольно широкие вариации, вовсе не обязательно осуществляясь в пределах политической формы демократии, а тем более модели либеральной демократии, претендующей в дискурсе транзитологии на ценностное тождество с политическим нарративом Модерна как таковым. Область реализации индивидуальной автономии представляет собой

¹ Вагнер П. Политическая форма новой Европы, Европа как политическая форма // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12, № 2. С. 23-24.

² Более подробно см.: Wagner P. Modernity // Cambridge Handbook of Social Theory. Vol. 2: Contemporary Theories and Issues / Ed. by Kivisto. Cambridge, 2020. P. 143-162.

гражданское общество, в то время как формой реализации коллективной автономии является государство.

Таким образом, центральная институциональная система общества Модерна не только вариативна в разных обществах на разных исторических этапах развития, но и ценностное ядро Модерна может быть достаточно противоречивым, являясь предметом пересматриваемого время от времени консенсуса разных социальных сил. Это реализация общего и универсального в конкретном и частном, в историческом пространстве наций-государств, а затем и в глобализированном мире, процесс, никогда не редуцируемый к некой идеальной, вневременной для всех обществ модели Модерна или типу взаимосвязи модерновых ценностей¹. Воплощение модерновых ценностей всегда разворачивается в контексте как имманентного плюрализма и рефлексивности, так и разных способов легитимации и теоретической интерпретации политических координат Модерна. Несмотря на притязания этих ценностей на всеобщий характер, отличие современного состояния политики в том, что ценности уже не предзаданы традицией, а их универсальность и практическую значимость необходимо постоянно обосновывать в различных социальных, культурных, экономических и иных контекстах динамично меняющегося общества, где одной из главных ценностей служит само изменение в направлении трансцендентных целей.

По мнению П. Вагнера, политический метанарратив Модерна может описываться четырьмя разными нарративами: свободы, демократии, государства и революции. Во-первых, это история развития либерализма, сконцентрированная на возникновении и расширении прав человека и гражданина, индивидуальных свобод, разделении частного и публичного пространств, господстве либерального принципа индивидуальной автономии и гражданского самоопределения. Второй нарратив является развитием параллельного сюжета о подъеме демократии, предполагающей принцип коллективного, со-

¹ Сиземская И.Н. О консенсусе как принципе социально-философских исследований // Проблемы цивилизационного развития. 2022. Т. 4. № 1. С. 69-79.

лидарного самоопределения участников той или иной политической общности, собственно, эту политически автономную общность и образующую. И выражаемого в виде приоритета гражданского самоопределения над государственным, религиозным, индивидуальным и любым другим. Третий нарратив является описанием Модерна как становления суверенного государства, современной политической формы нации, в институтах которой реализуются модерновые ценности. И, наконец, четвертый нарратив связан с концепцией революции, предполагающей возможность социального экспериментирования и улучшения меняющегося общества, предполагающего перспективу вообразимого общественного состояния, к которому следует стремиться из прошлого и настоящего. Указанные нарративы являются взаимодополняющими и в то же время конфликтующими, предполагая исследовательский акцент на разных ценностях и сторонах концепции Модерна, которую «можно рассматривать скорее как компромисс, достигнутый в результате баланса противоречивых требований свободы, государственности и демократии, а также поисков более справедливого политического порядка»¹. Более того, переплетение, конфликт и интерпретация перечисленных нарративов Модерна в настоящее время осуществляются в аспекте еще одного процессуального нарратива, существенно и всесторонне на них влияющего – глобализации, которая трансформирует как базовые политические ценности либерализма, автономии гражданина, демократии и прав человека, так и привычные политические формы развертывания этих ценностей в виде суверенных наций-государств и их социально-политических институтов.

И глобализация все яснее обнаруживает ограниченность и неуниверсальность первоначального Модерна, связанного с сакрализацией территориально-культурно-языковой общности людей как легитимирующей основы политического сообщества. Основы подразумевающей довольно жесткие централизованные формы политического контроля, включая фискальные,

¹ Вагнер П. Политическая форма новой Европы, Европа как политическая форма // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12, № 2. С. 36.

бюрократические, образовательные, военные и иные методы эксплуатации мобилизации населения, формы культурной, лингвистической религиозной и идеологической унификации, все менее терпимые гражданами в эпоху ослабления значимости концепта национального суверенитета и любых иных границ в новом «плоском» мире. Таким образом, глобализация обусловила как расширение ценностной перспективы Модерна за горизонт конкретных наций, так и стирающееся различие принципов внутренней и внешней политики, их универсализацию. Все более значимым становится политическое противоречие между экстратерриториальным характером глобальной экономики и сохранением суверенной территориальной политики как наиболее эффективного гаранта прав и свобод большинства людей¹.

Наконец, еще одним составным нарративом Модерна может быть культура или же нарратив культурной (цивилизационной) трансформации, когда Модерн пытаются отождествить с тем или иным цивилизационным проектом, приобретающим черты универсальности. Л.Г. Фишман, придерживаясь культуроцентричного подхода, трактует Модерн как «нарратив культурной трансформации» (У. Томпсон), призванный дать легитимность новой исторической эпохе в отличие от предшествующих – Античности, Ренессанса, Просвещения, и последующих – Постмодерна. Модерн интерпретируется им в области политики как совокупность идеологий и утопий, образующих систему объяснения и легитимации политики секулярного общества Модерна. При этом спорным представляется ключевой тезис о том, что начиная со второй половины XX в. идеологии Модерна как самосознание модерновой эпохи все менее адекватны новой онтологической реальности, которая скорее демонстрирует состояние Постмодерна и, соответственно, требует нового нарратива культурной трансформации. И этот нарратив Постмодерна представлен разнообразными учениями, не поддающимися привычной их классификации как модернистских утопий и идеологий, будь то «новая русская идеология», «дискурс нормального общества и здравого смысла», политический

¹ Акопов С.В. «Суверенность» как символическая структура // Политическая наука. 2020. № 2. С. 204–220.

проективизм или дискурс социального эксперимента¹. Представляется, что трансформация Модерна в процессе его глобализации не привела к вытеснению его базового ценностного ядра новыми теориями, описываемыми как постмодернистские, т.к. подавляющая часть этих теорий менее универсальны, чем Модерн. Более того, постмодернистская критика способствовала развитию политического нарратива Модерна, лишь обосновав ограниченность его первоначальной национальной модели. И радикальная, успешная глобализация Модерна в отсутствие значимых концептуальных альтернатив фактически оспорила постмодернизм в качестве более универсального нарратива, который мог бы прийти на смену Модерну.

С. Дэвис связывает институциональное становление эпохи Модерна с рядом взаимосвязанных фоновых факторов: во-первых, происходит изменение роли научного знания, которое из хранителя традиций и легитиматора элит превращается в генератор инноваций, как технологических, так и социальных; во-вторых, изменяется нравственная оценка принципов капитализма; в-третьих, в Европе возникают новые принципы системы государственного устройства, закрепленные Вестфальским миром и породившие современную политическую форму – нации-государства². М. Циммер считает базовыми для нарратива Модерна взаимосвязанные идеи суверенитета в политике и неприкосновенности частной собственности в экономике³. Собственно, политический суверенитет и возникает как гарантия и обеспечение неприкосновенности экономической собственности людей, проживающих на определенной территории.

Более содержательное наполнение нарратива Модерна в контексте движения от прошлого к будущему представлено у П. Бергера. Во многом отождествляя Модерн с комплексным усложнением и дифференциацией подсистем общества, он выделяет пять ключевых тенденций этого процесса.

¹ Фишман Л.Г. Постмодернистская ловушка: путь туда и обратно. Екатеринбург, 2004.

² Davies S. How the World Got Modern // Cato Unbound. A Journal of Debate. 02.11.2009. URL: <https://www.cato-unbound.org/2009/11/02/stephen-davies/how-world-got-modern/>

³ Циммер М. Эпоха модерна: государство и международная политика (реферат) // Отечественные записки. 2008. № 6. С. 39-73.

Первая связана с абстрагированием (отчуждением) человека от привычных ранее малых социальных групп, в которых вырабатывался жизненный смысл и поддерживалась групповая солидарность. Капитализм, повсеместная бюрократия, образование мегаполисов, индустриальный уклад жизни приводят к закономерной аномии общества. Вторая тенденция выражается в изменении отношения к времени, когда для общества целеполагающим становится дискурс будущего, во многом определяющий и ценность настоящего. Третья тенденция выражается в индивидуации, двойственностью которой в том, что в условиях Модерна, когда каждый человек начинает осознавать себя уникальной личностью и субъектом, общество все больше превращается в бездушный и унифицирующий механизм, в котором каждый конкретный гражданин может принять лишь весьма малое и часто опосредованное участие, в том числе в делах и решениях, касающихся лично его. Четвертый признак Модерна проявляется в освобождении как отказе от концепции судьбы, рока и предопределения в пользу свободного выбора каждого человека из альтернатив, что неизбежно приводит к раскачиванию любых фундаментальных основ общества, принимаемых ранее в качестве естественного порядка вещей и не становившихся объектом политической рефлексии. Наконец, последняя и самая спорная тенденция Модерна проявляется в секуляризации, которая трактуется П. Бергером как отказ современного общества от трансцендентного измерения. Представляется, что отождествление конечных смыслов существования общества и человека только с религией является необоснованным редукционизмом, поскольку вера и идеалы могут черпаться не только в области религиозного¹.

Отдельно в данном ряду стоит упомянуть Б.Г. Капустина², в работах которого современность предстает как *Modernity*, как объект осмысления политической теории, не сводимый ни к капитализму, ни к демократии, ни к рационализму или иным институциональным воплощениям и идеологиче-

¹ Бергер П. Понимание современности // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 127-133.

² Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М., 1998.

ским концепциям: «...“справиться” с проблемой “современности” не означает “решить” ее раз и навсегда. Эта проблема – из числа тех, которые не знают “решений”, тем более – окончательных. Ее можно лишь “удерживать”, т.е. так канализировать присущие ей “энергии”, чтобы, с одной стороны, предотвращать разрушение ими основ общественной жизни, а с другой – все же создавать морально и политически приемлемые формы общежития, никогда, впрочем, не идеальные и даже не приближающиеся к тому образу “лучшего из возможных миров”, которым тешил себя вольтеровский Панглос»¹.

Достаточно близкой интерпретации Modernité придерживается Ж. Бодрийяр: «Современность не является ни социологическим концептом, ни политическим понятием, ни собственно исторической концепцией. Это способ характеристики цивилизации, которая противостоит традиции, т.е. всем другим предшествующим и традиционным культурам: перед лицом географического и символического разнообразия последних Современность предстает как единая, однородная, охватывающая мир глобально, начинаясь на Западе... нет теории, но лишь логика Современности и идеология. Новую каноническую мораль изменений она противопоставляет привычной морали традиции, при этом защищаясь от любых других радикальных изменений... Она вызывает *кризис ценностей*, моральные противоречия. Таким образом, в качестве идеи, посредством которой цивилизация себя познает, Современность присваивает функцию культурной регуляции, присоединяясь через нее окольным (обманным) путем к традиции»². Здесь возникает образ Модерна как *новой традиции* контролируемых перемен динамического мира, постоянно изменяющегося, но остающегося неизменным в том смысле, что он не доходит до слишком радикальных перемен, способных разрушить этот новый мир.

Становление политического нарратива общества Модерна может быть рассмотрено как способ теоретической и идеологической интерпретации по-

¹ Там же. С. 4.

² Baudrillard J. Modernité // Encyclopaedia Universalis. Vol. 12. P., 1985. P. 424.

литического порядка в условиях капиталистической миросистемы. В подобном виде этот нарратив доминирует в определенный период, расцвет и мировую экспансию которого можно символически датировать периодом от Великой французской революции до конца биполярной системы. Причем конец биполярности стимулирует скорее очередную ценностно-институциональную трансформацию Модерна в условиях кризиса капиталистической миросистемы, а не *конец истории* (Ф. Фукуяма), а тем более *социального и политического* вообще (Ж. Бодрийяр). Актуальность подобной трансформации позднемодерного нарратива дополнительно обусловлена глобализацией Модерна как двойственным процессом, который, унифицируя человечество глобально, все чаще сталкивается с разного рода культурными препятствиями, которые разрушают универсальность исходного европейского Модерна¹.

Придерживающийся более оптимистической позиции Э. Гидденс заявляет о глобализации как процессе радикализации современности, переходе к *высокому* или *позднему* Модерну, охватывающему весь мир. Поздний Модерн характеризуется возрастающей динамикой социальных изменений и триумфом индивидуальности, радикально освобождаемой от всех прежних внешних регуляторов и выражаемой ростом осознанной или *рефлексивной* социальности, приходящей на смену социальности, регулируемой обществом². К аналогичному выводу приходят и эксперты-футурологи, рассматривающие глобализацию мира как *мегатенденцию*, которая все более принимает незападный вид, охватывая мир в целом и бросая вызов привычной модерновой системе наций-государств: «Новая линия раскола будет проходить между теми странами и даже их отдельными частями, которые интегрируются в мировое сообщество, и теми территориями, которые не сделают этого по экономическим, политическим или социальным причинам. Для тех мегагородов или центров деятельности, которые станут движущей силой

¹ Лапкин В.В. Размышления о соразмерности глобализации и модерна // Мегатренды мирового развития / Под ред. М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева. М., 2001. С. 192-197.

² Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, 1990.

глобализации, связывающие их финансовые каналы и телекоммуникации, возможно, получат не меньшее, а то и большее значение, чем национальные границы»¹.

Согласно Э. Гидденсу, основные черты нарратива позднего или радикализованного Модерна заключаются в том, что он «фокусирует внимание на институциональное развитие, которое создает чувство фрагментации и распада; рассматривает высокий Модерн как набор обстоятельств, в котором распад диалектически связан с глубокими тенденциями, ведущими к глобальной интеграции; рассматривает Я как нечто большее, чем место пересечения социальных сил; благодаря модернити становится возможными активные процессы рефлексивного создания собственной идентичности; утверждает, что универсальные черты, которые характерны для притязаний на истину, неизбежно подталкивают их к признанию приоритетности проблем глобального характера. Систематическое знание об этих теориях, однако, не исключено рефлексивностью Модерна; анализирует диалектику потери и приобретения власти одновременно в терминах опыта и действия; рассматривает повседневность как активный комплекс реакций на абстрактные системы, включающий как приобретения, так и потери; утверждает, что координированное политическое участие возможно и необходимо как на глобальном уровне, так и на местном (локальном); рассматривает постмодерн как возможную трансформацию, идущую “по ту сторону” (выходящую за пределы) институтов модерна»².

Анализируя нарратив радикализованного Модерна как актуальную стадию его развития, ведущую к масштабному изменению всей привычной социальности, в том числе в направлении отрицания многих черт предшествующих версий Модерна, Э. Гидденс не останавливается на фиксации ключевых черт глобального Модерна. Он пытается выделить те изменения и процессы, которые в неопределенном будущем могут прийти ему на смену в

¹ Россия и мир в 2020 году: доклад Национального разведывательного совета США «Контурсы мирового будущего». М., 2005. С. 10.

² Giddens A. The Consequences of Modernity. P. 150.

виде постмодерна, который, представляя нечто вроде теоретической изнанки радикализованного Модерна, может характеризоваться следующими чертами: постмодернистская концепция «понимает текущий переход (трансформацию) в терминах эпистемологии или как распадающуюся эпистемологию; фокусируется на центробежных тенденциях в актуальных социальных трансформациях и подчеркивает смену их локуса¹; видит Я (субъективность, самость) рассеченным, разорванным фрагментированностью опыта; высказывается за контекстуальность претензий на истину, рассматривает их как “исторические”; теоретизирует бессилие, которое индивиды ощущают перед лицом глобализации; говорит о выхолащивании (опустошении) повседневной жизни в результате вторжения абстрактных систем; считает, что скоординированное политическое участие исключается привилегированным положением контекстуальности и распада (рассеяния, рассредоточения) прежних социальных структур и институтов; определяет постмодерн как конец эпистемологии/индивидуалистической этики»².

Несмотря на достаточно обтекаемые признаки и неопределенные характеристики, с помощью которых Э. Гидденс описывает состояние радикализованного Модерна, альтернативные попытки институционального определения Модерна, как правило, превращаются в классифицирующий перечень фоновых процессов и институтов, наличие которых позволяет отнести то или иное общество к Модерну. Вот одно из характерных *номенклатурных* определений признаков Модерна в подобной логике: «“Модернити”... представляет определение “современного общества”, включающее такие характеристики социальной системы, как: индустриализация, урбанизация и рационализация социально-трудовых отношений; рыночная экономика, основанная на homo economicus и внутреннем импульсе к своему росту; бюрократизация государства; плюралистическая политическая система; секуляризация и смещение на периферию общественной жизни религии; умножение и дифферен-

¹ То, что они смешаются в социальном пространстве (например, происходили в рамках одних институтов, теперь других), или теряют значимость, статус, или идут на другом уровне.

² Giddens A. The Consequences of Modernity. P. 150.

циация институтов и социальных ролей; индивидуализация как тип социальной консолидации субъектов, осознающих свои способность и право выбора»¹.

С.А. Кравченко считает, что наши представления о Модерне составляют метапарадигму описания общества, характеризующуюся специальным методологическим инструментарием, причем на каждом новом этапе Модерна требовалась и новая интегральная метапарадигма: «...интерпретивная метапарадигма (М. Вебер, А. Шютц и др.), отражавшая представления об альтернативности социума, плюрализме субъективно сконструированных миров, выступала как модерн по отношению к обществу с линейным развитием и позитивистской метапарадигме, утверждавшей “универсальные” законы и обратимость общественного развития. Под влиянием ускоряющейся социальной и культурной динамики шло становление *иного* социума, все более открытого и динамичного, подверженного флуктуациям. Соответственно, этот социум стал новым модерном. Для его теоретической интерпретации была создана и востребована интегральная метапарадигма (П. Сорокин, Т. Парсонс, Р. Мертон)»². Далее, по мысли С.А. Кравченко, вслед за интерпретивной и интегральной метапарадигмами для описания и анализа глобального Модерна пришла очередь метапарадигмы рефлексивной, разработанной Э. Гидденсом.

Однако существуют и более скептические взгляды на возможность концептуализации Модерна как такового: «Возможно ли вообще с эпистемологической точки зрения построение целостной концепции современности? ...Обычно считают, что модернистский проект, унаследовавший основополагающие моменты Просвещения, провозгласил в качестве аксиомы положение о том, что мир устроен рационально, то есть что в нем действуют законы, которые могут быть не только познаны человеком благодаря накопленному

¹ Али-заде А.А. Зоннтаг Х., Контрерас М., Биарде Ж. Развитие как модернизация и модернити (реферативный обзор: Sonntag H., Contreras M., Biardeau J. Development as Modernization and Modernity) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 8: Науковедение. Реферативный журнал. 2002. № 2. С. 56.

² Кравченко С.А. Модерн и постмодерн: «старое» и новое видение // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 24.

опыту и знаниям, но и использованы для освобождения человечества от природного и социального гнета. Лозунгом эпохи могла бы стать известная максима Кондорсе: что хороший закон должен быть хорош для всех. Преломленный в социальную область проект модернизма предполагал возможность сознательной и целенаправленной реконструкции общества и обустройства его на принципах свободы, справедливости, равенства»¹.

Наконец, Ф. Джеймисон утверждает, что интеллектуальный нарратив Модерна в значительной степени выработал в социально-политической теории свой эвристический потенциал, фактически став синонимом капитализма. Но и постмодерн, в свою очередь, не стал утопией, бросающей реальный вызов нарративу Модерна: «...не следует отказываться от широкого использования термина “модерн”. Несмотря на то, что этот термин по-прежнему сохраняет идеологическую заряженность, я предлагаю, применяя термин “модерн” исключительно к прошлому, считать его полезным тропом для создания чередующихся исторических нарративов. Что касается онтологии настоящего, лучше всего привыкнуть к осознанию “модерного” как одномерного концепта (или псевдо-концепта), который лишен историчности или будущности. Из этого следует, что “постмодерный” также не обозначает будущего (более корректно было бы использовать этот термин применительно к нашему собственному настоящему), в то время как термин “не-модерный” неизбежно расширяет границы силового поля, в котором ассоциируется исключительно с “до-модерным” (а также сигнифицирует это в нашем собственном всеобщем настоящем). Радикальные альтернативы и систематические трансформации не могут быть подвержены теоретизации или представлению в рамках концептуального поля слова “современный”. Вероятно, с понятием “капитализм” дело обстоит подобным образом. Но, если я предложу экспериментальную процедуру замены “капитализма” “модерном” во всех контекстах, в которых последнее понятие существует, то это будет скорее тера-

¹ Федорова М.М. Модернизм и антимодернизм во французской политической мысли XIX века. М., 1997. С. 7-8.

певтическим, чем догматическим предложением, направленным на исключение прежних проблем (и производство новых и более интересных). В чем мы действительно нуждаемся, так это в замене тематик модерна желанием по имени Утопия»¹.

Ф. Джеймисон критически относится к синонимизации *состояния Модерна* и *модернизации как процесса* его бытования и развертывания. Поскольку представленная в виде нейтральной концепции модернизации идея модерности лишь «маскирует отсутствие любой значимой коллективной социальной надежды, или телоса, после дискредитации социализма. Ибо у самого капитализма нет социальных целей. Выставление напоказ слова “модерность” взамен “капитализма” позволяет политикам, правительствам и политологам делать вид, что у капитализма они есть, и тем самым скрывать эту ужасающую пустоту»².

Вместе с тем нормативная рефлексия нарратива Модерна не может быть присвоена каким-либо одним теоретическим или практическим политическим субъектом в условиях присущего современному обществу перманентного *конфликта обоснований* (П. Вагнер), выступающего как важнейшая характеристика ситуации Модерна. Это проблема поиска актуального компромисса, опирающегося на ресурсы и возможности, доступные значимым участникам общественного диалога. Аналогичным образом и онтологически Модерн в своем историческом анамнезе практически невозможно свести к одной порождающей причине, будь то формирование глобальных рынков, наемный труд, промышленное производство, принцип самовозрастания капитала, феномен независимых городов, классовое общество, появление гражданина, моральная и интеллектуальная автономия индивида, публичные пространства, новые дисциплинарные практики, появление централизованных территориальных государств и национальных бюрократических аппаратов и т.д.

¹ Джеймисон Ф. Сингулярный Модерн: Эссе об онтологии настоящего // Какой модерн? Философские рефлексии над ситуацией пост/недо/after-post/пост-пост... модернизма: в 2 т. Т. 1. Харьков, 2010. С. 354-355.

² Jameson F. Globalization as Political Strategy // *Valences of the Dialectic*. L., 2009. P. 467.

Скорость социальных изменений в современном обществе такова, что даже на протяжении человеческой жизни цели, ресурсы и базовые ценности большинства граждан могут быть существенно изменены, как показывают и опыты мировых форсированных модернизаций, и глобальные социологические опросы¹. Поэтому объяснение особенностей реализации ценностно-институционального ядра Модерна в разных обществах – *быстрого успеха, приостановки, инволюции, институциональной вариативности модели* – посредством апелляции к реалиям статичной культуры традиционного общества, накопленным и воспроизводимым в неизменном виде культурным архетипам, «идентичностям» и ментальностям», представляется весьма ограниченным по своему познавательному и объяснительному потенциалу. Нарратив Модерна означает, прежде всего, отказ от этих неизменных культурных ценностей и неизменного в поколениях образа жизни в пользу постоянных, динамичных социальных изменений, интенсивной мобильности, рефлексивной социальности, роста пространств автономии индивидов – всего того, что противоречит содержанию культурных и социальных регуляторов домодерных обществ.

Господство принципа индивидуального самоопределения людей в условиях постоянно возникающих альтернатив подвергает проверке на прочность социальные институты, призванные от имени общества отчасти снять с индивидов бремя выбора апелляцией к традиции, обычаю, судьбе, морали или закону. Текучесть современного общества проявляется в неустойчивости социальных институций и установлений, в склонности к анархии и последующей неэффективности любого коллективного действия, которая сама по себе становится серьезной социально-политической проблемой. Более того, глобализация как мегатенденция и как попытка концептуального оперирования миром и человечеством в целом на уровне социальной макротeorии порождает ответный тренд к микротeorии, ориентированной на перспективу социального видения с позиций индивида. Подобная онтологическая и мето-

¹ World Values Survey. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>

дологическая поляризация приводит к закономерному ослаблению всех мезоструктур (от семьи до государства), опосредующих отношения между людьми и, собственно, составляющих истинное социальное и политическое взаимодействие.

Таким образом, политический нарратив Модерн представляет собой общее проблемное поле, порожденное, прежде всего, необходимостью ответов на моральные и институциональные вызовы глобального становления капиталистической миросистемы и одновременно его результатом. Неодновременность присоединения разных частей человечества к Модерну обуславливает значительные негативные издержки этого процесса, когда часть человечества оказывается в привилегированном положении, обладая большими возможностями, чем остальные. Но первоначальные исторические преимущества не гарантируют их вечное сохранение. Более того, издержки модернизации нигде в мире не обернули модернизацию вспять, несмотря на разного рода временные откаты и отказы от движения к современности¹.

Модерные общества становятся все более похожими в своих ценностных иерархиях; наиболее явно эти перемены видны в молодых поколениях, чьи предпочтения все убедительнее выражаются и синхронизируются глобально². Одновременно происходит нивелирование разнообразного домодерного культурного наследия. С другой стороны, в условиях неодновременности в наиболее развитых обществах, воплотивших ценностно-институциональное ядро Модерна, нарастает кризис легитимности его первоначальной модели. Теряют доверие и эффективность классово-рыночные стратификации обществ, массовые партийные системы, современные идеологии, государственные структуры суверенных наций-государств и т.д. Усиливаются импульсы к пересмотру и коррекции политических ценностей, норм, теорий, представлений, составляющих изначальный политический нарратив Модерна, исходящий из логики становления капиталистической мироэконо-

¹ Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2004. С. 39-48.

² Твенге Дж. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым – и абсолютно не готовым ко взрослой жизни. М., 2019.

мики, которая тоже все чаще проявляет признаки своего системного кризиса и исторического завершения¹. Усиливается запрос на разработку новой или настройку имеющейся общественной этики², которая могла бы преодолеть моральный дефицит капитализма, либо ограничить проклятую сторону Модерна, либо стать основой для нового социально-политического и экономического устройства.

Наблюдается последовательный отход от нормативного осмысления политического нарратива Модерна в виде *бинарных кодов* и *переходов* от одного идеальнотипического состояния общества к другому, к его описанию через онтологические изменения современного общества, связанные с трансформацией социальной структуры, ценностно-общественных иерархий и политического порядка, институциональных политических форм и коллективных практик. Поскольку Модерн является незавершенным проектом, мы еще не можем помыслить его в целом и подвести его окончательные итоги как *завершенной исторической эпохи*. Однако мы можем многое узнать об актуальном современном обществе и его закономерностях, если осмыслим те факторы изменений политического нарратива Модерна, которые он претерпел в течение последних нескольких столетий. И среди во многом хаотических и разнонаправленных социальных изменений нынешних обществ, обусловленных неодновременностью волн модернизации, наиболее убедительные социальные теории продолжают опираться на методологические традиции нарратива Модерна, связанные с поиском универсальных закономерностей развития и изменений глобального политического общества, не зависящих от до-модерных культурных факторов и различий.

§ 2. Политический нарратив Модерна и революция:

¹ Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. М., 2015.

² Более подробно о возможности и условиях общественной морали см.: Прокофьев А.В. Мораль индивидуального совершенствования и общественная мораль: исследование неоднородности нравственных феноменов. Великий Новгород, 2006; Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. М., 2004; Апресян Р.Г. Понятие общественной морали (опыт концептуализации) // Вопросы философии. 2006. № 5. С. 3-17; Капустин Б.Г. Заметки об «общественной морали» // Вопросы философии. 2006. № 12. С. 3-10.

противоречия легитимации современного политического порядка

Политический порядок современных обществ обнаруживает неслучайное отсутствие общей теории революции, ее противоречивый статус и положение в политическом нарративе Модерна¹. Революция часто подменяется анализом конкретных исторических событий в отдельных обществах, которым апостериори присваивается статус *революции*. Эти события сравниваются между собой в надежде выявить их общие черты и закономерности, выделить некие *волны* и *этапы*, которые и составят образ революции как таковой. Выделяются либо марксистские *универсальные* законы истории и *борьба классов* как двигатель истории. Либо критические фоновые факторы жизни общества – демографическое давление, инфляция элит, дефолт государства по своим обязательствам, *плохие* институты и т.д., которые *неизбежно* ведут к слому политического порядка. Революции объявляются следствием кризиса дееспособности или дефолта государства по обязательствам перед населением, что становится механизмом запуска неподконтрольных элитам широких социальных движений. Правда, почему-то все эти закономерности выводятся только на историческом опыте отдельных западных обществ (Т. Скочпол², Дж. Голдстоун³).

Революцией оказываются кратковременные и экстраординарные коллективные действия, корректирующие скорость выполнения назревших закономерностей политического процесса, но существенно не меняющие самих этих закономерностей согласно своим долгосрочным результатам⁴. Либо революцией некритично называется любое изменение политического порядка, особенно осуществляемое *вне* и *помимо* принятых в данном обществе процедур передачи власти. Отсюда возникает великое множество *революций с прилагательными* (консервативная, социалистическая, оранжевая, бархатная, ре-

¹ Революция как концепт и событие. Монография. Редколлегия: А. А. Вартумян, С. Г. Ильинская, М. М. Федорова. М.: ООО «ЦИУМиНД», 2015. 184 с.

² Skocpol T. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China. Cambridge, 1979.

³ Goldstone J.A. Revolutions. A Very Short Introduction. Oxford, 2013.

⁴ Тилли Ч. Французская революция: от непрямого правления к прямому // Принуждение, капитал и европейские государства. 990-1992 гг. М., 2009.

волюция роз, гвоздик, кедров и т.д.). Наконец, революция открыто объявляется метафорой политической мысли, применение которой к политике отдаётся на усмотрение каждого отдельного автора¹. В рамках цивилизационной парадигмы Ш. Эйзенштадт рассматривает революцию как периодическое накопление противоречий между мирским и сакральным порядком в различных цивилизациях, разрешаемых в пользу той или иной ценностной альтернативы, которую вряд ли можно рассматривать как универсальную для всех других цивилизаций². Поэтому общая теория революции в рамках цивилизационного подхода по определению оказывается невозможна.

Указанные методологические проблемы с понятийным определением революции возникают и потому, что она неотделима от политического нарратива Модерна в рамках базовой бинарной оппозиции структура/агент (институт/субъект). В подобном методологическом контексте революция может рассматриваться либо как нарушение правил (исключение), состоящее в прерывании институциональной инерции. Тогда наши методологические предпочтения оказываются на стороне субстанциональных структур и институтов. Либо революция с позиций предпочтения агентности анализируется как демиург социальной реальности, порождающий структуру политического порядка и затем материализующийся, умирающий, воплощенный в этих структурах как последствие порождающего импульса революционного субъекта. Тогда история превращается в последовательность сменяющих друг друга революционных субъектов. Эта методологическая оппозиция неразрешима окончательно, поскольку агенты постоянно создают своими коллективными практиками институты, а институты детерминируют агентов³. Если предполагается, что Модерн рожден революцией, то это неизбежно усиливает субъектную парадигму общественных наук, оценивающую соци-

¹ Бляхер Л.Е. Революция как «блуждающая метафора»: семантика и прагматика революционного карнавала // Концепт «революция» в современном политическом дискурсе / Под ред. Л.Е. Бляхера, Б.В. Межуева, А.В. Павлова. СПб., 2008. С. 12-31.

² Eisenstadt S.N. *Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations*. N.Y., 1978; Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.

³ Wight C. *Agents, Structures in International Relations. Politics as Ontology*. N.Y., 2006.

альные изменения как благо и легитимируемую идеей прогресса. Но если политический нарратив Модерна предстает как развертывание революции во времени и пространстве, переход от домодерного к модерному обществу, то альтернативой такому взгляду может стать только полное прекращение длящейся революции Модерна.

Однако политический проект Модерна онтологически претендует именно на то, чтобы стать *бесконечной революцией*. Это революция по отношению ко всему тому, что ей предшествовало. Вместе с тем дальнейшее существование безальтернативного Модерна предполагает постоянную революционность нарратива Модерна в отношении самого себя, порождая все новые его версии взамен отверженных. Отсюда берут начало постоянные дискуссии: а) о смене поколений и версий, о разнообразии вариантов Модерна, в котором мы пребываем, б) о цене прогресса и целесообразности постоянных изменений, являющихся сущностным свойством Модерна. Соответственно, революция по отношению к Модерну всегда имеет двойственный характер: как основание современного политического порядка и как вечная угроза ему. Модерн тоже предстает как парадоксальный, постоянно упраздняющий сам себя политический нарратив и порядок. По крайней мере, производящий постоянные революционные попытки такого упразднения: «Термидор революции не прекратил, а лишь увековечил кризис. Гражданская война не завершилась, она стала частью понятия современности. Сама современность определяется кризисом, кризисом, порожденным непрекращающимся конфликтом между имманентными, конструктивными, созидательными силами и трансцендентной властью, стремящейся к восстановлению порядка»¹.

Если революция порождает Модерн как длящееся событие, внутри неокончателности которого мы находимся, то это автоматически не дает возможности универсального ответа о природе революции в силу двойной ангажированности наблюдателя. Во-первых, это обусловлено тем, что мы нахо-

¹ Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. С. 82.

димся внутри Модерна как дрящейся революции; во-вторых, тем, что революция, развертывающаяся как Модерн, далека от своего завершения, продолжая претерпевать различные трансформации. Поэтому дать окончательный, эссенциальный ответ или определение по поводу феномена, который еще пространственно-исторически не завершился, представляется задачей противоречивой по определению. Таким образом, теория революции отвечает на вопросы: а) о преобразовании домодерного общества в модерное; б) его последующем совершенствовании в ходе самонастройки Модерна.

В своем временном измерении революция, во-первых, предстает как самопорождаемый феномен, который в ходе своего развертывания обнаруживает и даже в определенном смысле *пробуждает* включенных в него субъектов, их свободу и последующую логику взаимодействий¹. Революция является восстанием разума, стремлением не просто исправить недостатки и злоупотребления действующего политического порядка, но разрушить его полностью, что невозможно без рационального проекта тотальной утопии. Во-вторых, революция – это коллективная практика утопии, когда субъекты обнаруживают, что их мотивация к изменению правил совместного существования становится сильнее лояльности к действующему политическому порядку. В третьих, революция – это учреждающее новый порядок радикальное насилие, выходящее за пределы политики, стремящейся к тотальному контролю, *отсрочке* и регуляции этого насилия: «...теории войн, как и теории революций, могут иметь дело лишь с объяснением насилия, но не с ним самим»². Соответственно, любая объяснительная теория революции возникает лишь *задним числом*, когда всплеск спонтанности и хаоса превращается в новый регулярный ценностно-институциональный порядок, позволяющий осмыслить полученный опыт. Поэтому и само знание о революции во многом обусловлено включенностью мыслителя в это событие. Поскольку революция связана с реализацией свободы охваченных ею субъектов, предваритель-

¹ Капустин Б.Г. О предмете и употреблении понятия «революция» // Критика политической философии: Избранные эссе. М., 2010. С. 118-122.

² Арндт Х. О революции. М., 2011. С. 16.

ное планирование и подготовка к революции, выявление неких факторов и закономерностей, которые *неизбежно* приведут (или не приведут) к революции, входят в прямое противоречие со спонтанностью революции, ломающей вместе с предшествующим порядком заодно и все планы будущих революционеров и их оппонентов. Отсюда вытекает невозможность общей, *универсальной* теории революции¹. Революция – основополагающее и вместе с тем парадоксально *пустое понятие*, не имеющее ни одного субстанционального определения или самоочевидного атрибута. Большинство попыток ее рефлексии оканчиваются закономерным обращением либо к истории самого понятия революция, либо к довольно пространным, в том числе сравнительным описаниям исторических событий, относительно революционного характера которых существует устойчивый консенсус. Революция может рассматриваться как момент в реализации всеобщего замысла в виде божественного провидения, абсолютной идеи или прогресса,двигающего историю. Но революция может предстать и как способ прерывания всей предшествующей истории, ее перенаправления по другому пути; как развилка, создающая окончательную и сущностную необратимость новой социальной реальности, даже если некоторые элементы старого порядка потом воссоздаются вновь.

Революция в политическом нарративе Модерна является сакральной точкой отсчета. К ней сводятся все идейные координаты базового либерального консенсуса, являясь своеобразным событийным аналогом Рождества Христова в христианской хронологии. Революция открывает и поддерживает трансцендентное, божественное измерение, которое не позволяет политическому нарративу Модерна обрести законченную *автономию политического*, могущего действовать, по мысли С. Каспэ, лишь в логике дисциплинарного Паноптикона². В то же время революция предстает как общая воля людей относительно их общей судьбы в конструируемой ими же истории, освобожденной от ссылок на божественные предустановления. Поэтому, как спра-

¹ Капустин Б.Г. О предмете и употреблении понятия «революция». С. 119.

² Каспэ С. Свет и власть: Паноптикон как политическая форма и ее вариации // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19, № 1. С. 9-34.

ведливо отмечает Х. Ортега-и-Гассет, «отнесение восстаний средневековых селян и горожан к предвестиям революций Нового времени свидетельствует о полном отсутствии исторического чутья. Между ними нет почти ничего общего. Восставая, средневековый человек восставал против злоупотреблений господ. Революционер, напротив, восстает не против злоупотреблений, но против порядка вещей»¹. Революция создает *гетерархию* и *гетеротопию*, легитимирует альтернативные источники и места власти как условие значимых общественных изменений, но она не в силах поддерживать стабильный политический порядок, связанный с повседневной регуляцией конфликтного пространства индивидуальной и коллективной свободы. В результате « всю историю современности как историю разных обществ, столкнувшихся с “абсолютной самостоятельностью” индивида, можно представить в виде серий удачных и неудачных попыток достичь и поддержать общественный порядок»².

Революция является порождающим событием, но она не дает конечных ответов на вопрос, как возможно последующее поддержание современного политического порядка. Порядка, в котором изначальные принципы максимизации как коллективной, так и индивидуальной автономии входят в бесконечные противоречия и порождают массу конфликтов, разрешение которых связано лишь с устойчивой институциональной поддержкой *иерархии* ценностей и интересов в обществе. История политического нарратива Модерна показывает, что пересмотр и воссоздание социальных метафор, иерархий и компромиссов происходят постоянно. Революция как метафора отсылает к мгновенному преображению, превращению, воскрешению и новой жизни; предстающая как грезившийся хилиастам коллективный и мгновенный переход в земной рай или – как более поздним идеологам – рациональный план воплощения утопии. Однако при этом революция никогда и ничего не устанавливает окончательно в постоянном движении и обновлении поколений,

¹ Ортега-и-Гассет Х. Закат революций // История философии. 2016. Т. 21, № 2. С. 133.

² Капустин Б.Г. Современность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М., 2010. С. 587.

технологических укладов, социальных групп, доминирующих ценностей и интересов. Поэтому революционные субъекты никогда не достигают своих финальных целей, связанных с установлением универсальных ценностей, тотальным изменением человека, общества и государства. Сами цели революции, осуществляемой для включенных наблюдателей как во многом хаотичный процесс, могут быть приписаны ей постфактум с той или иной партикулярной точки зрения либо в очередной – и оспариваемой – попытке объективации исторического процесса. Расслоение субъектов революции в ходе ее развертывания приводит к тому, что достижение наиболее радикальных целей обуславливается террором, чистками и взаимным уничтожением революционеров, стремящихся монополизировать революционную версию разума как новое основание власти. Новый политический порядок станет тоталитарным, если претензия революционного субъекта на монополию удастся; но чаще в обществе устанавливается компромисс между восходящими и уходящими классами, а на смену одним социальным противоречиям приходят другие. В любом случае темпоральное развертывание революции приводит к тому, что политический субъект революции инструментально встраивает революцию в новые структуры политической гегемонии. Революционные субъекты захватывают властный аппарат государства, но логика воспроизводства политического порядка рано или поздно охватывает самих революционеров, превращая их в новую бюрократию в попытках фиксации и рутинизации достижений революции.

Революция порождает современный политический нарратив, предлагая альтернативные и морально более убедительные основания для насилия, чем те, которыми оперировал порядок старый, сословно-феодалный. Таким образом, началом и сакральным центром политического проекта Модерна является революция. И только она же может стать новым *абсолютным событием*¹, вытесняющим Модерн в пользу тотальной альтернативы; событием, обновляющим саму систему современных идеологических координат, фундаиро-

¹ Филиппов А. Триггеры абсолютных событий // Логос. 2006. № 5. С. 108.

ванную *либеральным консенсусом* (И. Валлерстайн). В процессе институционализации политических целей и ценностей нарратива Модерна революция неизбежно переосмысливается. Из учреждающего события она с позиций привычного либерального консенсуса все увереннее интерпретируется как политический экстремизм, угрожающий модерному политическому порядку. Соответственно, Модерн одновременно конституируется легитимацией и отрицанием породившего его события революции, разрушившей прежний порядок. Если привычный политический порядок зиждется на легитимном насилии, то революция предстает и как основание Модерна, и как неустранимый вызов ему. Революция практически подтверждает ключевой модерный тезис, что социальный порядок, являясь делом рук человеческих, не вечен. Но именно поэтому, будучи результатом взаимодействия конечных и несовершенных людей и коллективностей, которые имеют свои особые интересы, он не может стать окончательно завершенным, а его законы – абсолютными и неизменными. Для этого люди должны были бы жить вечно, без ротации поколений и движения истории. Поэтому ценности, двигавшие революционерами, признаются в качестве формальных идеалов порожденного ею политического порядка в обмен на отрицание революции как совокупности конкретных исторических практик, как способа достижения нового состояния общества.

Вместе с тем институционально Модерн является лишь производным в отношении породившего его революционного события. Революция предстает как трансцендентный центр нарратива Модерна, который полностью ему не принадлежит, а потому ускользает от попыток полного контроля. Но в то же время указанный центр легитимирует этот порядок из сакрально-символического пространства, в котором не властны повседневные и рутинные процедуры легитимации. И вопрос о разрушительном/созидательном вторжении или возвращении этого сакрального центра в политический порядок Модерна остается постоянно открытым. В связи с этим политический нарратив Модерна как эпифеномен революции стремится обрести независи-

мость от нее с помощью всевозможных институтов и процедур, обеспечивающих его повторяемость, неизменность и самотождественность вне времени.

Можно сказать, что Модерн после учреждающей *революции-события* представляет собой ту же самую революцию, но развернутую в долгом историческом времени – *революцию низкой интенсивности*. Это волновая революция, продолжающаяся после породившего ее *большого взрыва* и связанная с бесконечными изменениями и перенастройками ценностно-институционального ядра нового общества. Если базовая легитимность политического нарратива Модерна всегда отсылает к революции, к тому, что мы продолжаем жить внутри этого развертывающегося исторического события, опосредованного множеством лет и поколений, то возникает закономерный вопрос: что вообще может являться революционным изменением *здесь и сейчас* на фоне того, что модерное общество фундировано традицией прогресса – *постоянных улучшающих изменений* – как социальной нормой? Модерным обществам уже не требуются тотальные революции. Важнее поиск более тонких социокультурных настроек, обуславливающих эффективность прогресса каждого конкретного общества. В такой системе ценностных координат абсолютом может быть только само изменение как ценность.

Новую *мораль изменений* политический нарратив Модерна противопоставляет привычной *морали традиции*, при этом усиленно защищаясь от любых других радикальных изменений, способных разрушить новый мир. Здесь возникает образ Модерна как *новой традиции* контролируемых перемен социально-политического порядка¹. В таком контексте истинной революцией будет лишь тотальный отказ от воплощенного политического проекта Модерна. Пока вместо тотального отказа можно наблюдать преимущественно ограниченные утопии, вызванные к жизни внутренними противоречиями Модерна, но вряд ли имеющие шансы стать его потенциальными альтернативами. Таковы, например, логики постмодернизма в виде *ограниченных уто-*

¹ Baudrillard J. Modernité // Encyclopaedia Universalis. Vol. 12. P., 1985. P. 424-426.

ний, выступающих способом интеллектуальной самокритики и самокоррекции позднего Модерна.

Образцовые, классические революции касались краха Старого порядка (*Ancien régime*) – сословно-монархического режима, который не обладал внутренними условиями и механизмами реформирования в ходе нарастания системных противоречий социальной структуры и фоновых христианских ценностей, размываемых новыми практиками капитализма: «Политика средневековых “буржуа” заключалась в том, чтобы противопоставлять привилегиям благородных точно такие же привилегии. Городские гильдии и коммуны славилась своим узким, подозрительным и эгоистическим духом даже в большей мере, чем феодалы»¹. Революция стала возможна только в новом линейном времени прогресса (радикально развивающим потенциал христианской историософии), где присутствует дискурс утопии как возможное альтернативное будущее, которое можно реализовать в пространстве коллективной свободы. Это является окончательным отказом от циклических концепций времени, где будущее предзадано, а повторяемость аграрных циклов и времен года не несет значимых отличий, которые позволяли бы отделять прошлое от настоящего и будущего как принципиально иных состояний общества. В подобном контексте Старый порядок все еще имел в своем сакральном политическом центре предустановленную *божественную традицию*, опровергнутую рационально-утилитарным и либеральным нарративом Модерна.

Все последующие революции внутри Модерна обладали ограниченным характером, т.к. были либо победами наций в борьбе за суверенитет и независимость; либо представляли как контрреволюции в виде частичных откатов к Старому порядку; либо архаизировали Модерн в его нацистских и фашистских версиях; либо вели лишь к ротации элит и апгрейду уже существующей в данном обществе версии Модерна. Будь то версия *советского или позднего Модерна*, а также варианты *множественной современности*. Во всех случаях

¹ Ортега-и-Гассет Х. Закат революций // История философии. 2016. Т. 21, № 2. С. 138.

получается новая самореферентная система, черпающая легитимность в исходном акте своего творения, как, например, в случае с СССР, когда рациональное объяснение революции в целом вписывалось в логику фонового либерального консенсуса в качестве его радикального социалистического (коллективистского) инварианта, в котором коллективная автономия серьезно теснит автономию индивидуальную.

Цветные революции в условиях позднего Модерна не предполагают аналогичного уровня системного развертывания альтернативного политического проекта, являясь, по сути, *дискурсом культурного ремонта*, будь то логика оптимизации, реформ или коррекции либерального консенсуса и онтологии капитализма, но никогда – прямым отказом от последних. Поэтому борьбу за суверенитет, распады империй, политические перевороты, переход к другой версии/модели Модерна трудно назвать революциями, как и десятки прочих *политических конвульсий* конкретных современных обществ. Даже если результаты последних благодаря символической политике элит и конструированию новой коллективной памяти становятся паллиативной точкой отсчета в хронологии нового политического режима. *Таким образом, фактически после слома Старого порядка новых революций человечество еще не испытало. Значимые трансформации отдельных обществ были связаны преимущественно с глобальным переходом к Модерну, а затем к его поздним ценностно-институциональным версиям.* На этом фоне историческая трансформация проекта Модерна пока не привела к его *революционному вытеснению* альтернативным политическим проектом, несмотря на все фундаментальные отличия между *раннеиндустриальным, классовым и национальным* Модерном и его позднейшими версиями в виде *второго, глобального, радикального, текучего* или *сингулярного* Модерна.

Ценностный центр политического нарратива Модерна, отказавшийся от опоры на традицию, обретает динамический характер, становится предметом перманентного согласования и признания ключевыми социальными группами. Институционально он постоянно корректируется под воздействи-

ем партий, регионов, идеологий, классов, государств и бесконечных согласовательных процедур: деятельности органов разных ветвей власти, выборов, референдумов, публично-политической и профсоюзной активности, массовых коммуникаций, международных взаимодействий и пр. Все эти субъекты влияния сами по себе амбивалентны: они могут и поддерживать, и изменять, и разрушать либеральный консенсус, лежащий в основании Модерна. Более того, все эти партикулярные субъекты сами по себе претендуют на идеологическую репрезентацию целого. Поэтому в современных обществах центр всегда расколот и неявен, являясь предметом постоянной дискуссии или торга. Однако любая серьезная опасность, катастрофа или угроза ведут к мобилизации общества, в ходе которой ценностный центр проявляется и консолидируется.

Постреволюционная стабилизация современного общества достигается последовательной дифференциацией и автономизацией подсистем общества с возникающими внутри них частными конфликтами. С тем чтобы последние решались на нижнем и среднем уровне, не генерализуясь и не охватывая в итоге всю общественную систему¹. В каждой подсистеме общества – политика, экономика, право, искусство и т.д. – вырабатываются особые механизмы согласования интересов и частичных, постепенных изменений, предотвращающих революционные сценарии. Феодалская (вотчинная) властесобственность в основе политического порядка была разделена на автономные сферы, где частная собственность впервые стала относительно независимой от власти, а власть перестала быть эквивалентом собственности. В результате политика как *игра с нулевой суммой*, где победитель получает все, превратилась в способ перманентного согласования социальных интересов на заранее известный временной период². Возможность пересмотра условий социального консенсуса посредством властных ротаций и выборов значительно сглаживает остроту социальных конфликтов, ограничивая возможности их тотализации. Важную роль в сглаживании политических противоречий Модерна

¹ Luhmann N. The Differentiation of Society. N.Y., 1982.

² Анкерсмит Ф. Репрезентативная демократия. Эстетический подход к конфликту и компромиссу // Логос. 2004. № 2. С. 15-40.

выполняет разделение на выборные и функциональные элиты (бюрократия), позволяющее совмещать цели повседневного, рационального функционирования государственного аппарата и постановку стратегических целей, связанных с согласованием интересов доминирующих социальных групп. Процессы системной дифференциации закономерно ведут к тому, что современные граждане все реже готовы возлагать на революцию возвышенные надежды в условиях растущей автономии частной жизни и структурной автономии подсистем современного общества, ограничивающих область политического.

Актуальная проблема современных политических сообществ состоит в том, что скрепляющие ценности наций-государств в глобальном мире неизбежно девальвируются. Модернистское национальное государство со временем потеряло функцию институционального гаранта универсального мирового порядка. Этот процесс связан как с дискредитацией самой идеи получения объективного знания об обществе ценой отказа от социально-политической рефлексии ученого над ним, так и с формированием публичной политики. У Гегеля государство еще выступало как одна из высших стадий развертывания абсолютного духа, как реализация сверхчувственного порядка, довлеющая над гражданским обществом из сферы универсального закона истории как «нечто разумное в себе»¹. Но уже государство Маркса, понимаемое как вполне постороннее и земное образование, теряет свою трансцендентность, отражая динамическое соотношение интересов социальных групп с лежащими в их основании конфликтами ресурсных отношений². Несмотря на то фундаментальное обстоятельство, что нации остаются главными бастионами сопротивления неолиберальной логике глобализации, как правило, противоречащей долгосрочным интересам большинства и обостряющей социальное неравенство внутри обществ. А ценности, которые все больше рационализируются и профанизируются, перестают быть импульсом, сохраняющим эффективность основанных на них институтов. Критика национальных

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 53–54; 92–94.

² Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. М., 1955. С. 414–429.

политических ценностей, обнаружение их идейно-исторической ограниченности ведут к появлению конкурентоспособных альтернатив, которые более универсальны и общезначимы, чем то, что они подрывают.

Тем не менее современный политический порядок всегда содержит зерна будущей революции. Парадокс состоит в том, что постоянно накапливающиеся внутренние противоречия не достигают критического уровня. Представляется, что современный политический порядок адаптивен к революции именно потому, что постоянно меняется в соответствии с текущей реконфигурацией социальных сил – институционально, ценностно, экономически, риторически, не являясь заложником неизменного центра-абсолюта. Апелляция к революции, в случае власти – легитимирующая и риторическая, а в случае ее оппонентов – критическая и практическая, приоткрывает пространство утопии политического нарратива Модерна, доказывая, что он еще способен длиться далее и совершенствоваться в публичных лабораториях и непредсказуемых социальных экспериментах, а потому его рано упразднить в пользу альтернативного проекта. Поэтому революционные вызовы – культурные, экономические, политические – просто не могут накопиться в достаточном объеме для своего *революционного разрешения*. Гибкий политический порядок либо устраняет исходные причины социальных волнений, либо инкорпорирует новые социальные силы, либо происходит его общая переконфигурация, в ходе которой значимые социальные группы добиваются признания и *места за общим столом*, устанавливая новое равновесие.

Революция как событие, необратимо и тотально меняющее общество, становится все большей абстракцией в глобальном мире позднего Модерна. Сложные процедуры инструментальной, повседневной легитимации политического порядка Модерна, например, выборы, референдумы, ротация элит, согласование классовых и/или гражданских интересов превращают революцию в ритуальную политическую отсылку. Поскольку революция – это непредсказуемое событие, необратимо меняющее основания социально-политического порядка и выходящее из-под контроля действующих элит.

Даже если последние прямо или опосредованно призывают к революции как собственному идейному и историческому основанию. Символический капитал любой свершившейся революции закономерно превращается в обоюдоострое орудие легитимации. С одной стороны, к ней можно призывать как к трансцендентному основанию политического порядка. В то же время революция невольно указывает на его историчность, обнаруживает, что он не вечен, уязвим, когда-то был сконструирован и может быть в перспективе превоенен новыми революционерами. Если общество представляет приемлемый для большинства вариант институциональной взаимосвязи противоречивых коллективных интересов, то революция – это тупик институциональной согласованности групповых интересов в рамках сложившихся практик и традиций. В отличие от всех прочих форм социальных изменений, революция производит не только тотальную реконфигурацию и переоценку классовых интересов, но и самих способов их согласования и достижения консенсуса, позволяющего поддержать новый предсказуемый порядок взаимодействия.

В подобной перспективе если революция – это процесс, подрывающий государство, то закономерно, что логика государства и логика революции находятся в неразрешимом конфликте. В основе революции лежат фундаментальные отклонения от социального равновесия, быстрые сдвиги социальной структуры, происходящие в результате развития и экономического роста, усиливающих социальную мобильность, неравенство и претензии новых социальных групп. Но эти резкие отклонения от равновесия могут быть вызваны войнами, кризисами и длительными стагнациями, усиливающими мотивацию к изменениям. Привычные социальные роли, соглашения, институты и взаимные обязательства теряют свою императивную силу для значимых масс маргиналов и восходящих социальных групп и в том и в другом случае.

Революция предстает как запуск тотальной самоорганизации общества при переходе к новому социальному равновесию, правилам и институтам.

Запускающими факторами становятся дефолт, сбой, распад и делегитимация государства (политического порядка). Возникает пространство коллективной свободы для реализации разнообразных политических утопий и новой сборки государства. Апелляция к политическому порядку (конституции, закону, традиции) и его сохранению как базовой, безусловной ценности сопоставима по своей способности к политической легитимации с революционными призывами к свержению этого порядка. Более того, ценности сохранения порядка превалируют в глазах граждан в условиях дееспособности государства, т.е. подавляющую часть истории. В подобном контексте фиксация результатов революции всегда связана с компромиссами, с крахом и/или предательством утопий в пользу реакции и разнообразных консервативных откатов. Все это закрепляет новый политический порядок, восстанавливающий государство как торжество договорных решений. Эти решения принципиально не устраивают ни одну из социальных сил, но позволяют в итоге смириться с ними в обмен на прекращение изнурительной борьбы за новую утопию или Старый порядок. Рано или поздно государство вновь осознается в качестве незаменимого общественного блага и *большого брата*, эволюционно наследующего функции государства как непререкаемого *строгого отца*.

В условиях глобально взаимосвязанной мироэкономики позднего Модерна возможность классической революции в масштабах отдельных государств вызывает обоснованные сомнения. Национальные сообщества все чаще становятся лишь частными *моментами* в движении общих фоновых процессов, связанных с накоплением противоречий капитализма, демографическими, технологическими и институциональными преобразованиями позднемодерных обществ. В данном случае не столь важно, какие именно социальные силы запускают в конкретном обществе механизмы общественных перемен – контрэлиты, маргиналы, прекариат, рабочий класс, средний класс, освободительные движения, разные меньшинства и т.д.

В такой перспективе любое государство может рассматриваться только как начальная площадка для глобальной непрерывной революции. Эта клю-

чевая идея была пронесена левой политической мыслью через весь XX в. Но проблема, скорее, в другом: можно ли инициировать революцию в условиях, когда национальные элиты и большинство граждан как никогда в истории близки по своим человеческим качествам, правам, образованию, морали? Соответственно, революция и как концепт, и как событие все больше превращается в метафору. Она постоянно оборачивается отсрочкой, которая становится сравнима с вечностью. (Кроме того, *большая революция* постоянно распадается на *множество* революций в области морали, культуры, науки, техники и т.д. Собственно, поэтому в позднемодерном нарративе и не нужны больше Революции с заглавной буквы). В то же время усиливается процедурная легитимация изменений современной традиции в виде постоянной перенастройки ценностно-институционального ядра позднемодерного общества. Эта настройка ядра современного политического порядка бесконечно корректируется в целях профилактики усиления внутренних противоречий.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что *революции непосредственно не порождают политико-экономический и культурный порядок Модерна. Они создают новых индивидуальных и социальных субъектов, которые, в силу своей внеположной природы Старому порядку, способны творить другой порядок. Однако становление и укрепление нового политического порядка будет неизбежно связано с трансформацией и угасанием революционных субъектов.* Способность создавать утопии – это историческая миссия своего рода политических демиургов, которые, в силу своей внеположности старому и новому порядкам, своей *промежуточности*, на историческое мгновение ощущают себя всемогущими. Соответственно, способность политического нарратива позднего Модерна достаточно легко предотвращать новую революцию не в последнюю очередь обусловлена эрозией былых социальных демиургов. Внеположные как Модерну, так и домодерну политические субъекты исчезли, а нынешние доминирующие субъекты всецело находятся внутри Модерна. И пока непредсказуемая катастрофа, стечение многих обстоятельств не вырвет часть людей из Модерна в качестве новых *демиур-*

гов, у них не появится новой субъектности, которая и возникает только во время революции, а не предшествует ей. Таким образом, отсутствуют и условия для появления полноценных утопий, потому что утопии не предшествуют революциям, а формулируются в их процессе тем самым новым субъектом. Безусловно, до революций существуют политические *дискурсы перемен*, как, например, идеи Руссо, Вольтера и энциклопедистов, но они могут послужить лишь предварительным материалом для формулировки революционных утопий. Важнейший «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» был написан Ж. Кондорсе только в ходе развертывания Великой французской революции, а ключевые современные идеологии оформились лишь по результатам последующей рефлексии революционного перехода в новое общественное состояние¹.

Итак, перспективы революции как воспроизводства альтернативы нарративу Модерна тесным образом связаны с возможностями продолжения воспроизводства идеологий и утопий, тотализирующих (обобщающих) социальную реальность (Ф. Джеймисон) в структурах группового опыта. Тотализация порождает определенный образ общества, ориентированный на воссоздание его целостности. Даже если полученные *когнитивные координаты* общества признаются другими интерпретаторами субъективными, уязвимыми и идеологическими. Создание идеологий и утопий как способ когнитивного картографирования позволяет воссоздать субъектность и идентичность социального класса, в том числе через выявление и представление его социальных координат относительно других классов. И, наоборот, логика предотвращения революции проявляется в виде попыток убрать конфликтное и классовое содержание из политики, заменив их различными паллиативами в виде *homo economicus*, метафор *естественного* рынка и различных *теорий модернизации*. Это стремление внедрить универсальные стандарты во всех областях жизнедеятельности, освободить их от исторических традиций и культурных контекстов. На практике радикальный либерализм или социа-

¹ Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 2010.

лизм оборачивается подавлением сложности и автономии современных подсистем общества, подавлением самой свободы граждан.

Однако более внимательный взгляд показывает, что, с одной стороны, теории модернизации и демократического/рыночного транзита, с другой – цивилизационный дискурс о непреодолимости культурных различий и *колее традиций*, выступают лишь вынужденными паллиативами классовых идеологий в ситуации ослабления и шизофренизации привычных политических субъектов Модерна. Эти дискурсы существуют не для того, чтобы *понять* общества, в отношении которых они применяются, но с тем, чтобы сделать их похожими на *другие общества, выступающие в качестве целевого образца*. Либо, наоборот, обосновать неустранимые отличия от целевых обществ, которые в силу *уникальности* тоже *освобождают от понимания* своего общества в сравнительно-исторической перспективе. Поэтому представленная в нейтральном виде идея *модерности как модернизации*, как постоянного достижения все более *современного состояния* является аналогом *бесконечного тупика* для общества, лишенного утопий, выходящих за рамки экономического (капитализм) или культурного (цивилизация) детерминизма.

Представляется, что в позднемодерных обществах новые вызовы и соответствующие им идеологические/утопические форматы в условиях нарастающей стагнации все менее будут детерминированы экономически. Географическое и технологическое расширение капиталистической миросистемы в определенный исторический период (*славное тридцатилетие*, 1945-1975) позволяло сглаживать внутренние классовые противоречия путем вне рыночной регуляции и компенсации издержек капитализма в виде *социального государства* и расширяющегося *среднего класса*. В условиях приостановки экономического роста, роботизации и падения влияния *людей труда* подобные стабилизаторы перестают компенсировать растущие издержки и внеэкономические вызовы капитализму, связанные с ростом безработных и прекариата, а также снижением способности государств выполнять защитную функцию для указанных слоев граждан.

Г. Маркузе приходит к выводу, что «под консервативно настроенной основной массой народа скрыта прослойка отверженных и аутсайдеров, эксплуатируемых и преследуемых представителей других рас и цветов кожи, безработных и нетрудоспособных. Они остаются за бортом демократического процесса, и их жизнь являет собой самую непосредственную и реальную необходимость отмены невыносимых условий и институтов. Таким образом, их противостояние само по себе революционно, пусть даже оно ими не осознается»¹. Полвека спустя после написания этих слов внутри глобального Модерна продолжают вызревать социальные силы, стремящиеся взорвать его во имя тех или иных альтернатив. Это широкий спектр радикальных движений (фундаменталисты, альтерглобалисты, анархисты, новые луддиты, экологи, разные меньшинства и др.), как правило, конструирующих не столько инварианты маркузеанского *великого отказа*, сколько свои идейные ниши в виде частных утопий, направленных на решение отдельных проблем и противоречий в современном обществе.

В частности, Ф. Джеймисон не идет дальше *когнитивного картографирования*, которое призвано дать *прогрессивному классу* продуктивный утопический взгляд на истинную карту общества в условиях глобального капитализма. Перспективу, не замутненную конформистской логикой постмодернизма². М. Хардт и А. Негри отказываются от стратегии мирового революционного процесса в пользу локального революционного действия. Однако они так и не смогли сформулировать идеи относительно социальной базы *множественного* и *локального* революционного субъекта, который мог бы противостоять политическому порядку капитализма. Поскольку классический субъект труда со времен фабричного капитализма трансформировался и потерял революционный потенциал: «...мирового революционного цикла, ос-

¹ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. С. 335-336.

² Jameson F. Cognitive Mapping // Marxism and the Interpretation of Culture / Ed. by C. Nelson, L. Grossberg. Chicago, 1988. P. 347-358.

нованного на коммуникации и переводе общих желаний рабочих на язык восстания, больше не существует¹.

Отдельная проблема состоит в осмыслении потенциала революционных субъектов в политическом проекте Модерна. Могут ли они предложить принципиально новые перспективы выхода из этого проекта в пользу альтернативного, либо их функция состоит в радикализации революционных импульсов, имманентно присутствующих в Модерне? Последнее означает отсутствие качественной противоположности Модерну, позволяющей включить революционеров в политический нарратив Модерна как его институциональных и интеллектуальных катализаторов, позволяющих Модерну эволюционировать в соответствии с запросами меняющейся конфигурации социальных групп. Парадокс заключается и в том, что многие из субъектных социальных групп перманентно борются именно за включение в Модерн, поскольку находятся полностью или частично за его пределами. В том числе потому, что нарратив Модерна экономически запрограммирован на культурное и экономическое исключение части общества, даже отрицая это на нормативном уровне. И их утопии находятся *внутри* Модерна, представляя собой его идеализированную, более универсальную версию, чем реализуемая де-факто. Более того, исторически Модерн не приходит для всех сразу, а является сначала образом жизни и достоянием относительно узких социальных групп, не все из которых заинтересованы в *свободном доступе* для большинства.

Парадокс заключается в том, что *глобальному, второму или позднему* Модерну грозят не столько новые революционные субъекты, сколько их исчерпание, которое может лишить его потенциала критической рефлексии и дальнейшего развития на основе выявленных противоречий. Все новейшие активные *множества* и меньшинства, креативный класс, маркузианские *маргиналы* и прекариат, которых прочили в новые революционные субъекты, оказались неспособны генерировать универсальные альтернативы политиче-

¹ Хардт М., Негри А. Империя. С. 63.

скому нарративу Модерна. Их возможные стратегии в условиях затухания глобального экономического роста и стагнаций свободных рынков все чаще сводятся к *переделу пирога*, а не к его увеличению. Это выражается в разнообразных пассивных рендоориентированных коллективных практиках, которые поддерживаются популизмом. Набирают популярность стратегии ограничения доступных ресурсов и возможностей для все более широкого круга социальных групп, крайними из которых традиционно оказываются мигранты, беженцы, неграждане, безработные и т.д. Левые версии политического протеста апеллируют к идеологии гарантированной ренты, ориентированной на социальную политику, обеспечивающую минимальные стандарты достойной жизни в виде безусловного базового дохода. Последний в радикальных интерпретациях становится ценностно-идеологической основой для разнообразных версий посткапитализма, призванных комплексно и эффективно разрешить накопленные классовые противоречия¹. Проблема в том, что указанные выше субъекты, типы и направления социального экспериментирования оказываются ограниченными и локальными. Они не стремятся к революционной переделке социально-политического устройства современных обществ. Их логика скорее адаптивна и подвижна желанием комфортно приспособиться к новому общественному состоянию нерыночного Модерна. Бенефициарами легитимирующей модели рыночных либеральных демократий в центре мировой экономики оказались немногие общества, преимущественно западные, и их немногочисленный пул не демонстрировал в последние десятилетия тенденции к расширению участников. Более того, даже *развитые общества* все чаще испытывают те же внутренние противоречия, что и весь остальной мир под давлением фоновых факторов затухания экономического роста и движения к обществу без массового труда. В контексте подобной эволюции структуры экономики рыночно-либеральные демократии перестают обнаруживать качественные отличия от всех прочих современных обществ, а тем более вы-

¹ Павлов А.В. Социально-философские перспективы безусловного базового дохода // Философские науки. 2020. № 3. С. 105-118.

ступать доступным и желаемым образцом социально-политического и экономического дизайна институтов на фоне все большего числа вполне успешных незападных и нелиберальных обществ.

Представляется, что в контексте распада западнцентричной иерархии глобального политического порядка будет возрастать разнообразная культурная детерминация групповых интересов и коллективных действий, значение социального статуса и социального капитала его участников. Однако партикулярность критики Модерна сама по себе является отдельной проблемой. Политические ультрапроекты не позволяют выйти на тотальную альтернативу нарративу Модерна, фактически замещая ее дискурсом справедливости, восстанавливающим баланс интересов, или дискурсом *ремонта Модерна*, в итоге лишь укрепляя политический порядок, постоянно инкорпорирующий те или иные движения в мейнстрим и периодически удовлетворяющий протестные требования. Если революция существенно затрагивает или меняет своими последствиями жизнь большинства, то в последнее время область подобных изменений все реже относится непосредственно к политике. В условиях позднего Модерна конфликтный революционный потенциал общества все чаще подпитывается следствиями осуществления неполитических, частных утопий. Например, биомедицинского или технического прогресса, замещающего людей в производственном процессе, когда способность к труду перестает быть базовым полезным ресурсом большинства населения, дающим автоматический доступ к различным благам. Технологии прогресса, резкое увеличение продолжительности жизни, а соответственно, инвалидов и стариков, базовый основной доход, неограниченные источники энергии, управляемые биологические мутации могут иметь неожиданные политические последствия, сопоставимые с классовой революцией для трансформации политического порядка и принципов его стратификации.

Революции связаны, прежде всего, с утопическими дискурсами, принадлежащими социальным силам, которые хотели бы расширить свои права и возможности, получив контроль над собственной судьбой. Вызовы само-

референтным системам черпают поддержку в новых утопиях, в представлениях о том, какими общество и человек могут быть в результате предлагаемых изменений. Господствующий в обществе нарратив неизменно заинтересован в сохранении имеющегося политико-экономического порядка и приостановке принципиального социального реформирования и экспериментирования. Более того, в условиях общества позднего Модерна утопическое измерение испытывает все большие затруднения в сравнении с альтернативами, апеллирующими к прошлому и настоящему. Будущее становится все более смутным, подозрительным и необедительным, как и оправдывающие его нарративы. В результате оказывается, что «революция в привычном понимании более невозможна, т.к. отсутствуют интенции разрыва с прошлым и прорыва в будущее, динамичность подозрительна, а насилие недопустимо»¹.

Проблема возможности новой революции не только в том, что ценность порядка/стабильности почти всегда является более фундаментальной, чем ценность перемен. Она заключается в поиске привлекательной для активных социальных сил альтернативы, которая влекла бы сознательный отказ от доминирующего в той или иной версии либерального консенсуса нарратива Модерна. Альтернативы ему в настоящее время, как правило, сводятся к частичным утопиям, где вместо признания и обсуждения реальных социально-экономических проблем, конфликтов и интересов происходит их мифологизация. Например, в виде рассуждений о *духовных скрепах*, с одной стороны, а с другой – призывов к переделу общественных иерархий и ресурсов в пользу тех или иных *меньшинств*. Или требований разрушения социального порядка, часто исходящих от партикулярных и периферийных социальных сил; требований, которые фактически становятся самоцелью в условиях смутно представляемого *иного будущего*, отличного от настоящего. Все это приводит не столько к преодолению Модерна, сколько к различным *откатам* от него, усилению дискурсов *ремонта и передела*, архаизации и усиле-

¹ Пучков П. Современные «революции» / Революция и Современность // Михаил Гефтер. 10.04.2017. URL: <http://gefeter.ru/archive/21809>

нию домодерных и антимодерных ценностей, практик и институтов, особенно сильных в обществах, дрейфующих от центра капиталистической мировой экономики к ее полу- и периферии. Подобные политические течения, скорее, вписываются в логику радикальной реакции, а не консервативной революции, меняя лишь состав элит, но оставляя привычные структуры неравенства¹.

Вопрос о глобальном субъекте революционных изменений позднего Модерна и его моральных преимуществах относительно гегемонов тоже остается непроясненным. Отрицание политического порядка выливается в трансценденцию самого акта культурного отказа от него или революционного слома. Несмотря на растущую социальную базу революционного запроса, идейные варианты освобождения человеческой природы от нормативного порядка нарратива позднего Модерна не обрели системного характера. Способность ультрадвижений к организации системного коллективного действия в условиях кризиса классовой субъектности и общего спада политической субъектности в обществе потребления вызывает множественные вопросы. Отказ от идеологических метанарративов, классовой борьбы и даже более размытой культурной гегемонии в пользу *агонистической демократии* (в интерпретации Ш. Муфф²) фактически растворяет политического субъекта в культурном дискурсе, лишает его исходной политической онтологии. Здесь же закономерно возникает другой вопрос: как возможно постмодерное общество, каковы его социальные регуляторы? Поскольку в области механизмов культурного доминирования поздний нарратив Модерна пронизан эффективным смешением и эклектизацией всего предшествующего идейного наследия. Поздний капитализм довольно успешно производит коммодификацию и экспансию в область внеэкономических регуляторов – мораль, право, искусство, политику, которые могли бы производить альтернативные некапиталистические иерархии и порядки для совместной жизни людей.

¹ Завалько Г.А. Изучение революции в эпоху реакции // Альтернативы. 2013. № 4. С. 33.

² Муфф Ш. К агонистической модели демократии // Логос. 2004. № 2. С. 180-197.

В пользу онтологии политического порядка позднего Модерна на фоне слабых альтернатив существует сильный практический довод – никогда прежде большинство людей в истории не обладали такими возможностями и индивидуальной свободой как в настоящем. Поэтому современные революционеры проигрывают борьбу за интерпретацию природы человека, за нормативные представления о целях человеческого существования¹. Новым утопиям в области политического воображения становится все сложнее опровергнуть капиталистический порядок с развитой *массовой культурой потребления*, призвать к коллективным политическим действиям. Наконец, нарастающая стагнация глобального капитализма парадоксальным образом ведет к запросу на дисциплинарное, регулятивное усиление политических порядков наций-государств. Когда последние видятся как противовесы растущему недовольству трансформацией капиталистической мирэкономике, связанной с ростом безработицы, прекарризацией рынка труда, усилением разнообразных форм географического и социального неравенства.

Таким образом, наиболее значимые угрозы политической нарратив Модерна генерирует сам себе: «Западная модернизация – сначала европейская, а затем и американская – веками поддерживала убеждение, будто бы она – не что иное, как современность в действии, а ее цель – не эффективная мобилизация ресурсов, но замена обычаев разумом»². Действительно, универсальный разум в политике оказался невозможен, распавшись на свои конфликтующие и классово ангажированные версии. На фоне кризиса экономических классов и инструментального разума идеи обеспечения всеобщности, универсальности, справедливости и прогресса на новом витке глобализации вновь возвращаются к политическим нациям, в то время как глобальный Модерн сталкивается со все более неразрешимыми противоречиями. В результате будущая революция может стать своего рода итогом исчерпания возможностей коммуникации и диалога ключевых общественных субъектов: «Рево-

¹ Джеймисон Ф. Удовольствие: политический вопрос // Логос. 2015. Т. 25, № 1. С. 1-22.

² Турен А. Идея революции // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13, № 1. С. 99.

люция начинается с отрицания другого и заканчивается с распадом или разрушением отрицающего, и последовать за этим могут только хаос или абсолютная власть»¹.

Активный, в том числе революционный, возврат народов к прямому участию в общей истории и своей коллективной судьбе в ситуации позднего Модерна остается открытым вопросом. Когда массовая апатия шизофренического потребительского субъекта совмещается с бесконечной модернизацией как способом существования в Модерне, революционная утопия уходит с горизонта событий. Мировой кризис, который охватил бы множество современных обществ и запустил неконтролируемые события, представляется крайне маловероятным, а его генезис из противоречий капитализма, существующего уже 500 лет, – довольно сомнительным, хотя соответствующие прогнозы выдаются с завидным постоянством².

Безусловно, политические потрясения, экономические кризисы, *цветные революции* и внутриэлитные перевороты воспроизводятся в виде самокоррекции политического нарратива Модерна на уровне его национальных импликаций. Однако революция как полномасштабное преобразование общества позднего Модерна предполагает глобальную политическую субъектность и координацию, способную институализировать революционные сдвиги. Движущие силы революции все менее связаны с трансформацией социально-экономической структуры конкретных обществ, но все более с общезначимыми фоновыми факторами, которые в различных сферах обуславливают невозможность дальнейшего существования политического порядка современных обществ.

Наиболее актуальным вызовом для сложившихся механизмов балансировки коллективных интересов является архаизация или симуляция Модерна, когда рентно-сословные неопатримониальные модели политического порядка вновь объединяют власть, закон и собственность. Революционная ситуа-

¹ Там же. С. 112.

² Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. М., 2015.

ция возникает, когда Модерн в условиях конца модели общества массового труда превращается для слишком многих в *несовременность*, которая не способна реагировать на постоянно возникающие вызовы и угрозы изменчивого современного общества. Это политический режим и его бенефициары, которые стремятся сохранить в неизменности сложившийся порядок. Для этого производятся попытки подморозить *текущую современность* (З. Бауман), что невозможно по определению. Это ригидные институциональные состояния, которые, как правило, можно вновь изменить только революционным путем¹. Поэтому вероятность революции всегда выше на периферии глобальной миросистемы, где современные общества не демонстрируют такой способности и ресурсных возможностей к постоянным и тонким социокультурным настройкам, как в странах ее центра.

На роль революционных утопий и их субъектов постоянно претендуют различные радикальные дискурсы и социальные группы, но, в сущности, главный вопрос относительно их способности произвести интеллектуальную альтернативу нарративу Модерна остается открытым. Утопический системный вызов Модерну, связанный с морально более оправданной конфигурацией и иерархией легитимного насилия, пока не обнаруживается. В перспективе серьезную (и, возможно, революционную) коррекцию политического порядка современных обществ может произвести усиливающаяся рентная трансформация рыночных обществ в общества без массового труда и экономического роста. Новое социально-политическое устройство, его принципы, институты и приоритеты в условиях нарастающей глобальной турбулентности, усиленной пандемией, становятся предметом принципиальных дискуссий.

Пандемия коронавируса выступила неожиданным катализатором накопленных экономических и социально-политических проблем, но парадоксальным образом не выявила значимых революционных слоев и групп капиталистической миросистемы, даже в условиях ужесточения дисциплинарного контроля государства, свертывания гражданских свобод и критической при-

¹ Дерлугьян Г. Кризисы неовотчинного правления // Логос. 2006. № 5. С. 154-160.

остановки разных видов экономической активности. Все это не привело к значимым революционным всплескам, подтверждая, что политический нарратив Модерна, даже потеряв важную часть фундамента в виде идеи бесконечного рыночного роста и прогресса, остается безальтернативным и по-прежнему способным к генерации принципов общественного согласия. Последнее неизбежно перестает следовать рыночным метафорам, демонстрируя коммуитарный поворот и возврат к приоритету политических решений над любыми логиками, исходящими из экспансионистской модели *homo economicus*.

Это означает неизбежный возврат к консолидированному проблемному полю политической экономии, от которого экономическая мысль неолитерального мейнстрима тщетно стремилась обрести автономию. В позднемодерном обществе с более медленными социальными изменениями и незначительным экономическим ростом наиболее чувствительной политической проблемой становятся принципы распределения общественных ресурсов, которые могут распределяться как более эгалитарно, следуя принципам базового безусловного дохода, так и концентрироваться в руках немногих, оправдываясь логикой рыночной саморегуляции.

Набирающая силы глобальная стагнация не выявила как значимых классовых конфликтов в рамках марксистской теории революции, так и серьезных дисфункций государства, которые только выступают триггерами революции в структурно-функциональных моделях революционного процесса. Исчерпано и демографическое давление, служившее спусковым крючком революций в перенаселенных аграрных обществах. В результате поздний Модерн теряет качества текучести (З. Бауман), турбулентности (Дж. Розенау) и радикальности (Э. Гидденс), которые ему не так давно приписывали ведущие теоретики социально-политической мысли. Политический порядок позднего Модерна обретает новый баланс коллективных интересов, возможностей и ресурсов, который иерархически выстраивается в современных обществах на альтернативных рыночным и демократическим метафорам основаниях. При

этом социальная стратификация, рисующая контуры движения современных обществ от рыночного к рентному институциональному порядку, не обнаруживает *восходящих классов* как социальных сил, которые могли бы предложить обществу новые политические утопии.

Наоборот, разворачивается социокультурная и экономическая ситуация, когда большинство граждан если не теряет полностью, то испытывает серьезную девальвацию своего военного, трудового и политического значения для воспроизводства общества. Парадокс в том, что именно рыночная экономика на закате Модерна становится экономикой *смерти труда*, исключая людей из производственных цепочек и генерирующей все больше *мусорных работ*, которые все дальше от удовлетворения насущных человеческих потребностей¹. Сделать большинство граждан снова значимыми и полезными для общества в нетрудовой и невоенной перспективе – предмет любого потенциального левого поворота. Поскольку правая трансформация, понижающая политическое и экономическое значение большинства, уже происходит на наших глазах, девальвируя ценности демократии, социального государства и индивидуальной автономии.

Революция и политический нарратив Модерна взаимно объясняют, отрицают и легитимируют друг друга, конструируя сложность современного общества. Революция в своем движении выходит за рамки любого предшествующего ей теоретического обоснования. Коллективный праксис опережает устаревшие социальные онтологии и категориальные аппараты их описаний в пользу утопического *воображаемого установления общества* (К. Касториadis), постепенно обрастающего новым институциональным каркасом и легитимирующими самоописаниями. Для того чтобы революция состоялась, политика необходимым образом должна занять центральное место в общественной жизни, а политические вопросы – стать вопросами жизни и смерти.

¹ Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М., 2020.

Революция и Модерн выходят на сцену истории одновременно и не могут быть сведены в современной политической мысли к единому метаоснованию. Это два основания легитимирующей *антиномии*, которые находятся в фундаменте Модерна и составляют суть современности как незавершенного политического проекта. На этом предельно уровне обобщения не существует возможностей для диалектики модерна/революции аналогичной противопоставлению труда и капитала, которое воплощается в понятии товара. Революция и Модерн не могут быть интеллектуально схвачены в полную силу автономно друг от друга. Это понятия, которые структурно подразумевают друг друга в виде ключевого противоречия современной политики. Поскольку революция обещает стать новым общественным состоянием, а политической порядок Модерна может возникнуть, лишь приостановив революцию, лежащую в его основе. Но и наши представления о революции (о том, какой она должна быть, о ее роли в истории) непрерывно формируются не только в ходе революции, но и после нее – с точки зрения современного политического порядка. Это соотношение революции и Модерна во многом изоморфно релятивному соотношению идеологий/утопий у К. Манхейма, когда реализации утопии превращает ее в идеологию, а идеология является профанизированной (воплощенной) утопией. Многое определяется системой координат, из которой мы наблюдаем эти взаимные трансформации. И закономерно ожидать, что конец эпохи Модерна будет одновременно и концом революции в привычном для нас понимании как способа ее установления и образа существования. И глобальный *рентный поворот* может стать растянутым финальным аккордом политического нарратива Модерна, теряющего свои массовые рыночные и демократические основания.

Выводы

В основе политического нарратива Модерна лежат способы легитимации и критического осмысления процессов становления капиталистической

миросистемы, связанной с новым типом рациональности Просвещения и способами ресурсной стратификации, верой во всеобщий научно-технический прогресс и развитие в интересах большинства. Однако капиталистические практики, объективно развивая науки, образование и промышленность, породили целый ряд общественных противоречий Модерна, прежде всего, капитализма как экономического воплощения эпохи с его конкуренцией, эксплуатацией, ростом неравенства и кризисом традиционной морали. Историческая трансформация современного общества связана с системной дифференциацией и усложнением либерализма как ядра политического нарратива Модерна, превращением его из утопии *третьего сословия* в совокупность классовых современных идеологий, образующих относительно устойчивый либеральный консенсус как неизменный центр политического поля современных обществ. Ключевой антиномией либерализма, позволяющей осуществлять его самокоррекцию в связи с постоянным изменением политической онтологии социальных групп, является противоречие между стремлением к автономии и самоузакониванию, связанных с рациональным овладением природой и миром, и признанием приоритетной ценности свободы, которая постоянно ставит под сомнение любые рациональные, универсальные и тотализирующие нарративы. Указанное противоречие в области политического распадается на неизбежную диалектику индивидуальной и коллективной автономии, противоречие методологического индивидуализма и демократических принципов, связанных с признанием приоритетов коллективности и воли большинства. В институциональном измерении эта антиномия выражается в попытках радикализации автономии индивида, основанной на частной собственности и логике интересов государства, существование которого невозможно без ограничения прав частной собственности и автономии индивидов. Таким образом, ценностное ядро нарратива Модерна состоит из ряда взаимосвязанных антиномий.

Особое место в политическом нарративе Модерна занимает проблема легитимации изменений. Эту проблему призвана разрешать революция как

одновременно легитимирующий и отрицаемый центр идеологических координат политического нарратива Модерна. Его историческую эволюцию от раннеиндустриальной, классово-национальной политической формы к позднему или глобальному Модерну по скорости социальных перемен трудно описать иначе, нежели как *революцию низкой интенсивности*. С другой стороны, эта перманентная модернизация не революционна в том смысле, что периодические расколы элит, цветные революции, элитные перевороты и национально-освободительные движения сами по себе не предъявляют принципиальных требований к изменению ценностно-институциональной конституции политического порядка Модерна. Соответственно, возможность новой революции обусловлена потенциальным отказом современного общества от развертывания революции Модерна в пользу альтернативного, утопического политического проекта, обладающего более сильной способностью к политической легитимации, универсализации и тотализации, чем действующая конфигурация социальных сил. *Однако, если а) капитализм, б) легитимирующий его либеральный консенсус и в) нация-государство как господствующий политический формат их синтеза являются ценностно-институциональной квинтэссенцией политического нарратива Модерна, то именно вызовы свободным рынкам, либерализму и национализму будут наиболее очевидным способом кристаллизации революционных движений.* В настоящее время, несмотря на постмодернистскую и неолиберальную критику либерального консенсуса, растущий популизм, обнаруженные пределы рыночной модели капитализма, изъяны представительной демократии, ослабление социального государства и иные вызовы политическому нарративу позднего Модерна, все они скорее относятся к внутренним трансформациям современных обществ, нежели являются его альтернативой.

Глава 2. Консолидация нарратива Модерна

§ 1. Политический нарратив Модерна в Европе и за ее пределами: моральные истоки, вариативность и неодновременность

Методологически наиболее последовательным, комплексным и убедительным способом рассмотрения как собственных трансформаций политического нарратива Модерна, так и влияющих на эти изменения онтологических факторов является миросистемный анализ, объединяющий традиции марксизма и броделевской исторической школы. Он рассматривает историю человечества в виде подъема и распада *исторических систем*¹. Наибольшее внимание уделяется актуальной капиталистической миросистеме (или мироэкономике), которая является *означаемым (в структуралистской терминологии) или онтологическим объектом политического нарратива Модерна*. Капиталистическая миросистема вытеснила из современности локальные миры-империи. В рамках миросистемного подхода считается, что капиталистическая миросистема, зародившаяся в Европе в *долгом XVI в.* и подчиненная принципу *бесконечного накопления капитала*, глобализировалась в результате цикла буржуазных революций и перехода от аграрного к урбанизованному укладу жизни. Ее легитимирующей основой стал политический нарратив Модерна, представленный как постоянно совершенствуемый базовый *либеральный консенсус* относительно *универсальных* ценностей и принципов современных обществ – рациональность, капитализм, демократия, рынок, конкуренция, права человека, реформизм и т.д. Этот консенсус, традиционно критикуемый справа консерваторами, а слева социалистами, к концу XX в. перестал эффективно отвечать на вызовы времени, связанные с ростом эко-

¹ Более подробно о миросистемном подходе см.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв.: в 3 т. М., 2007; Валлерстайн И. Мир-система Модерна: в 4 т. М., 2015-2016; Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2003; Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003; Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленность идентичности. М., 2004; Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М., 2006; Арриги Дж. Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени. М., 2006.

номических, экологических, социальных противоречий внутри капиталистической миросистемы.

Политический нарратив Модерна находится в сложных эволюционных, ценностных и исторических отношениях с христианством. Христианство стало первым глобальным нарративом для человечества в области морали и ценностей, распространившимся за пределы любых традиционных структур организации обществ и локальных способов легитимации политической власти. Однако, организовав центральную ценностную систему европейской цивилизации, христианство не смогло объединить земные, т.е. политические интересы. Трансцендентный легитимирующий центр не получил эффективного институционального воплощения, которое могло быть представлено только в форме теократического государства. Наоборот, укрупнение политических структур в Европе, создание современных наций и капиталистической структуры производства, урбанизация, формирование в городах публичной сферы и автономии гражданина изменили всю инфраструктуру и цели воспроизводства политического сообщества. Все более последовательная дифференциация европейских обществ на публичную и приватную сферы привела к значительному ослаблению христианства, моральные нормы которого оказались востребованы лишь для регуляции частной, повседневной жизни граждан. В области публичной политики, в особенности со времен Н. Макиавелли и самоуправляемых итальянских городов-государств, а также Реформации, начали формироваться новые центры легитимации власти и государства. Они были связаны уже не с трансценденцией божественности власти, но с сакрализацией самих национально-территориальных сообществ, постепенно складывающихся в современные нации-государства и все более разделяющихся культурными и политическими границами. Таким образом, высшая точка политического влияния христианства в Европе, когда папа римский мог активно влиять на судьбы правящих династий, была пройдена. Христианство как политический нарратив, связанный с построением теократического государства, так и не был реализован, несмотря на то, что христи-

анские нормы остаются значимыми ценностями и регуляторами жизни современных обществ. Идеалом социального порядка становится не неизменный и недостижимый божественный порядок, которому необходимо соответствовать, но потенциальное, будущее состояние несовершенного общества, существующего здесь и сейчас, которое сможет преодолеть свое несовершенство во времени, в горизонте прогрессистской утопии.

В сжатом виде динамику центральной ценностной системы христианства, а вместе с ним и всего европейского политического пространства, в итоге породившего политический нарратив Модерн, можно представить следующим образом. Любой центр власти всегда трансцендентен по отношению к структуре легитимизируемого им порядка, по отношению ко всему ему внеположному – периферии¹. Поэтому эффективный центр есть что-то внеположное политическому порядку, не связанное с некой реальностью и территорией, прежде всего, это миссия или идея. В рамках структурно-функционального подхода, развиваемого Э. Шилзом², подобное деление предстает в виде дихотомии центральной ценностной системы общества и порождаемой им центральной институциональной системы общества, топологически выстраиваемой через напряжение и коммуникацию между центром и периферией. Ядро центральных ценностей является сакральным, поскольку связано с ценностным абсолютом. Оно по определению не выводимо из легитимизируемой структуры и внеположно ей. Как только ядро перестает поддерживать абсолютные ценности для контролируемого им пространства, политический порядок начинает переживать процессы трансформации, перехода к альтернативным нарративам, ценностям и институтам, подрывающим монополию имеющих.

¹ Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Письмо и различие. СПб., 2000. С. 352-368.

² Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 341-359.

Как показано в монографии С.И. Каспэ¹, развивающей указанный подход, переход Римской империи к христианству породил замену институциональному абсолютизму Рима в виде абсолюта христианских ценностей. Распад Римской империи привел к формированию абсолютистских государств, легитимировавшихся по историческому институциональному образцу христианской церкви, где иерархи являлись проводниками божественного абсолюта. Ту же роль в секуляризирующихся государствах стали играть монархи, а вместо христианского вероучения появились аналоги – идеологии как светские (секулярные) религии, или *гражданская религия* в терминологии Ж.-Ж. Руссо.

Таким образом, произошел принципиальный переворот источников легитимации принципов политического устройства обществ, который лег в основу политического нарратива Модерна. Национальные государства как паллиативы вневременной и внетерриториальной Священной Римской империи оказываются способны трансцендировать в целях своей легитимации только собственную территорию (землю) и мобилизовать в различных символических формах общность людей, эту территорию населяющих. В результате происходит деуниверсализация христианских ценностей и ограничение возможных ценностных принципов формирования новоевропейских наций по сравнению с предшествующими им империями.

Единая картина мира, которую обеспечивали в идейном пространстве докапиталистического общества институты монархии и церкви, распалась в Европе с возникновением *протестантских ересей* и ростом влияния утопического сознания буржуазии как восходящего класса. В секулярном политическом сообществе функцию гаранта объективности и декартовской самоочевидности взяло на себя сформировавшееся национальное государство, заменившее реальность бога верой в объективность разума. Цель спасения души сменилась целью тотальной капиталистической рационализации повсе-

¹ Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М., 2007.

дневного бытия, гарантирующей спасение уже в земном мире. Препрежне ценностное и институциональное единство Римской империи, скрепленное для Европы общим наследием (Античность), языком (латынь), римским правом и местом их постижения и производства (монастырь, университет, скрипторий и т.д.), распалось на множественность национальных, языковых, культурных миров в форме наций-государств. Эта множественность со временем была интегрирована политическим нарративом Модерна, который исторически смог сгенерировать ценностно-институциональные основания для объединения нового политического универсума взамен фрагментированного средневековья универсума античной Римской империи.

На уровне ценностей основой политического нарратива Модерна стала утопия свободы, которая санкционировала модернизационные изменения традиционных обществ, осмысляемые как переход к капитализму, доминированию буржуазии и институтов представительной демократии: «Утопией поднимающейся буржуазии была идея “свободы”. В определенном смысле она была подлинной утопией, т.е. содержала элементы, которые взрывали структуру данного социального бытия с целью создания нового порядка и после утверждения названной идеи были частично реализованы. Свобода в смысле уничтожения цеховых и сословных ограничений, свобода мысли и слова, политическая свобода и беспрепятственное самовыражение личности стали в значительной степени – во всяком случае, значительно более чем в предшествующем сословно-феодальном общественном порядке – реализуемой возможностью»¹. Модернистская идея либерализма как идея освобождения от монархического Старого порядка позже обнаружила исторические и социальные границы в условиях своей институциональной материализации и в политической практике. Более того, из идейной основы либеральной утопии свобода в последующем часто выступает не как инструмент освобождения, но как рутинный инструмент консервации, т.к. новые классовые интерпретации свободы становятся опасны для действующих правящих классов.

¹ Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 173.

Подобная инверсия источников легитимации привела к усложнению и диверсификации основ легитимности современных наций-государств, когда сакральный центр как абсолют обрел составной и динамический характер, являясь предметом перманентного согласования и признания обществом. Институционально легитимирующий центр складывается из различных составляющих – партий, регионов, идеологий, классов, и процедур – деятельность органов разных ветвей власти, выборы, референдумы, публично-политическая и профсоюзная деятельность, массовые коммуникации и др. Причем все эти части сами по себе амбивалентны: они могут и поддерживать, и изменять, и разрушать абсолют, лежащий в основании актуальной нации-государства. Более того, все эти части сами по себе претендуют на абсолют, на репрезентацию целого, чем они по определению не являются. Для предотвращения подобной подмены механизмам согласования интересов по принципу дополнительности соответствуют параллельные институциональные принципы разделения и ротации властей, предотвращающие естественные процессы символической и институциональной монополизации или подмены всеобщего политического центра частями политической структуры. В сложносоставных национальных государствах центр всегда расколот и неявен, но любая мобилизация или опасность для общества ведет к его консолидации и проявлению.

Более того, в условиях Модерна центральная ценностная система, чтобы быть легитимной, должна сохранять свойство меняться и настраиваться, т.е. не быть монистической, а состоять из набора признанных ценностных оппозиций, члены которых выражаются разными социальными силами. При этом главными являются не сами ценностные противоречия участников общественного диалога, а то, что они *говорят на общем языке и признают право друг друга* выражать некие изначально партикулярные ценности, претендующие на модернистскую универсальность: «в обществе, принадлежащем одному временному периоду, складывается множественность ситуаций в отношении к тому, что можно было бы считать “современ-

ным” или “актуальным”): в нем сосуществуют различные социальные группы и практики, которые могут либо принимать “господствующую” историчность, либо ставить ее под сомнение или открыто выступать против нее»¹.

Перманентной проблемой нарратива Модерна, нерешаемой окончательно для системообразующих современных наций, является то обстоятельство, что они в историческом срезе зачастую являются паллиативами империй, которые скорее мимикрируют под политический формат наций, чем собираются ими быть де-юре и де-факто (Китай, Индия, США, крупные европейские державы). Нации связаны с сакрализацией не столько определенных высших идей, сколько конкретной территории и проживающей на ней общности людей. Подобная легитимность работала в условиях первоначального становления нарратива Модерна, но стала все более терять эффективность в контексте последующей глобализации. Когда трансцендирующие, скрепляющие ценности наций-государств в глобализирующемся мире объективно девальвируются. И ценности, в которые все меньше верят и которые все больше рационализируются и профанизируются, перестают быть непрерывным импульсом, сохраняющим эффективность основанных на них институтов. Усиливающаяся критика национальных политических ценностей, обнаружение их неуниверсальности или классовой ограниченности ведут к появлению конкурентоспособных альтернатив, которые более универсальны и общезначимы, чем то, что они подрывают. Такова проблема глобализации нарратива Модерна, отказа от национальных источников своей легитимности в пользу общечеловеческих моделей.

Проблема с функцией легитимации Модерна начинает выражаться в том, что политические ценности, на которые опираются современные нации, изначально менее универсальны, чем имперские или христианские. В условиях транснационализации и глобальной мобильности капитала, труда и ресурсов эти паллиативы имперского сакрального центра, завязанные на конкретные,

¹ Федорова М. М. Современность: подходы и проблематизация // Полилог/Polylogos. 2020. Т. 4. № 2. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110011020-4-1/>. DOI: 10.18254/S25877011001102

ограниченные территории и этносы, работают все хуже. Их можно укрепить только путем движения к превосходящему нации глобальному миропорядку позднего Модерна, фактически складывающегося в своих основных контурах в настоящее время. В нем ценности, обеспечивающие институциональные основы функционирования наций, будут не предметом внутринационального консенсуса, а получат закрепление и гарантии на транснациональном уровне. Современные государства и сама политическая карта мира могут получить легитимацию из сакрального центра нового миропорядка, который находится в процессе создания, но вовсе не обязательно будет создан. Для этого мировое политическое пространство должно быть устроено по аналогии с современной нацией, поскольку политические отношения между нациями и макрорегионами в современном мире остаются наиболее архаичными во всем спектре возможных взаимодействий. Представляется, что в долгосрочной перспективе передача части функций легитимации современного миропорядка эффективным межгосударственным структурам будет способна поддерживать сакральность и универсальность ценностей, лежащих в основании наций. Тем самым достигается ресакрализация наций, т.к. ключевые ценности вновь становятся нетождественны и внеположны их территориальным и институциональным структурам. Фактически трансцендирующая политический центр апелляция к нации, демосу, народу вновь должна быть преобразована в более универсальном ключе. В секулярном мире Модерна для этого существует лишь один вариант – апелляция к человечеству, где нация легитимруется соответствием идеалу этого общечеловеческого мира как его составная часть, а не как мир сам по себе.

Моральная двойственность исторического взаимодействия христианства и капитализма в области морали проявилась в протестантской этике. Среди версий общественной морали, т.е. систем ценностей, связанных с требованиями к человеку не бога, а конкретного общества, наиболее адаптированной секулярной моделью христианских ценностей стала концепция прав и свобод человека. Однако со временем она все более отходила от лежащего в

ее основе христианского понимания человека к образу *человека экономического*, превращаясь в более ограниченный набор минимальных социально-политических и экономических требований и прав, которые люди могут предъявить к современности.

Соревнование идеологий как светских религий велось в направлении одной цели – поиска способов более эффективного приспособления технологических возможностей капитализма (прогресс, рост потенциальных возможностей человечества) к базовым христианским ценностям, спланивающим людей в общество. Ключевая проблема заключается в том, что капиталистическая миросистема *в чистом виде* не способна поддерживать существование общества в целом, она не имеет необходимой для этого морали. Логика эффективного менеджера ограничена масштабами экономического предприятия, нацеленного на извлечение прибыли и накопление капитала. Капиталистическая мораль является набором правил для максимизации эффективности данных процессов, не более того. Но нация это не фирма и не корпорация, а граждане не сотрудники фирмы. Еще с большей убедительностью данное утверждение применимо к человечеству в целом. Поэтому абсолютизация и масштабирование на все сфера жизни ценностей капиталистической миросистемы пагубны для наций-государств. Это ценности ограниченной моральной системы, часто пытающиеся подчинить воспроизводство политического сообщества локальным и релятивным приоритетам, будь то экономика, спорт, война, потребление и т.п.

Капиталистическая миросистема, инструментальная эффективность которой во многом основана на приостановке регулятивных свойств традиционных христианских ценностей, обречена на постоянное подстраивание к обществу, поддерживать которое собственными средствами она не способна¹. Можно отметить, что внутри Европы как родины Модерна веками производилась выработка принципиальных альтернатив христианским ценно-

¹ Мартыянов В.С., Фишман Л.Г. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. М., 2010.

стям. Однако все альтернативные моральные ценности до сих пор являются менее универсальными и эгалитарными, как правило, отрицая претензии на всеобщее в пользу особенного и частного. Попытки выработать новые социально-политические ценности в настоящее время связаны с деуниверсализирующими нарратив Модерна постмодернистскими теориями, идеями мультикультурализма, теориями идентичности, различными национальными идеями и новыми добродетелями. Все они с различной степенью успешности критикуют и размывают базовые ценности христианства, которое, впрочем, при ближайшем рассмотрении само по себе внутренне противоречиво.

Проблема в том, что альтернативные этические варианты, по сути, архаизируют и дегуманизируют современные общества. Поскольку эти альтернативы не претендуют на общезначимость, декларируют сосуществование разных значимых культурных кодов, традиций, религий, моральных систем, что неизменно приводит к двойным стандартам в области политики, делит людей по разным основаниям (культурным, языковым, географическим, экономическим, религиозным и т.д.), порождая новые неравенства. В результате возникают паллиативные варианты национальной, этнической, корпоративной, мафиозной, социал-дарвинистской политических этик, которые не смогут поддерживать целостность, разнообразие и уровень достигнутых свобод и возможностей *для всех людей*.

Современное общество, реализовав первоначальную модель нации-государства, продолжает развиваться, оно фрагментируется и индивидуализируется, его цели и ценности все более дифференцируются, в то время как экономические процессы глобализируются¹. И то и другое не способствует созданию более эгалитарных и универсальных ценностей, способных уравновешивать неолиберальную логику, распространяющую лишь версию *человека экономического*. Обратная сторона такого состояния *конкуренции на понижение* особенно заметна в *третьем мире*, где глобализация оставляет человека один на один с бесчеловечными правилами рынка и беспощадной

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005.

эксплуатацией, не смягченными никакими национальными стандартами приемлемых условий труда: «Всемирная торговая организация не говорит ничего о праве на организацию профсоюзов, об условиях труда или о детском труде... при сегодняшнем режиме международной торговли, если страна в состоянии предлагать свои продукты по более дешевой цене потому, что она осуществляет политические репрессии, закрывает глаза на социальное угнетение и истязает свою окружающую среду, это не является проблемой ни либеральных экономистов, ни ВТО»¹. Подобное положение дел требует исправления ценностного ядра позднемодерного нарратива, связанного с усиленной транснационализацией политики, экономики, культуры и иных пространств жизни человека.

Таким образом, политический нарратив Модерна, призванный адаптировать христианскую мораль к капитализму в условиях Европы, постепенно, вслед за расширением капитализма до миросистемы стал синонимом современности, предназначенной для всего человечества. Исторически нарратив Модерна связан с капиталистической миросистемой (или мирэкономикой), предполагающей подчинение нравственных ограничений и ценностей сословных, феодальных обществ (доблесть, честь, вера, долг, иные добродетели) логике аморального с их позиций и асимметричного экономического обмена, нацеленного на бесконечный рост капитала. Принципы капиталистической миросистемы впервые зародились в Европе XVI столетия, а затем через циклы буржуазных революций, процессы колонизации, национально-освободительные движения, модернизацию, интернационализацию и глобализацию торговых, финансовых, масс-медийных коммуникаций постепенно охватили весь мир.

В условиях распространения все более асимметричных принципов распределения ресурсов в капиталистической миросистеме на фоне кризиса традиционной религиозной морали и расширения гражданского участия все большее значение стало приобретать ценностное обоснование политических

¹ Джордж С. Доклад Лугано о сохранении капитализма в XXI веке. Екатеринбург, 2005. С. 264-267.

решений. Апелляция к народному суверенитету, к принципам коллективной автономии гражданского общества стала требовать рациональных политических аргументов, обращенных к обществу в целом, а не только к элитам, не замечающим роста общественного неравенства. Одновременно росла политическая значимость моральной аргументации со стороны тех, кого капитализм вытеснял на периферию общественной жизни, повергая в экономическую зависимость от поднимающегося класса буржуазии, что в итоге обусловило моральное преимущество левых политических сил, обративших внимание на недостаточность индивидуальной автономии как основания политического порядка Модерна. И эта недостаточность привела к кризису классического либерализма, который при превращении из утопии как политического мировоззрения восходящих классов в идеологию начал терять былую легитимность, что, в свою очередь, обусловило критику классического либерализма с позиций коммунитаризма, будь то национализм, традиционализм или социализм.

Нарратив Модерна фундирован теоретическими интерпретациями и практическими моделями капитализма, либерализма и идеями политического представительства. Важной предпосылкой политического нарратива Модерна стала часть идей Просвещения, актуализированная и реализованная Великой французской революцией, связанная с принципами эмпиризма, рационализма, теориями общественного договора, прогресса, рынка, разделения властей, неотчуждаемых прав человека, секуляризации и т.д. Модерн концептуализировал и воплотил в жизнь лишь часть первоначальных идей, а не проект Просвещения в целом, которое содержало в себе ряд антагонистических концепций. Из них дальнейшая история человечества отобрала как значимые лишь немногие, благополучно понизив в интеллектуальном статусе или отодвинув на периферию все остальное. В этом смысле проигравшие идеи стали такой же неустранимой компонентой Модерна, как и его мейнстримные идеи, образуя вместе новые бинарные коды. Например, выбрав прогрессизм Ж.-А. Кондорсе вместо концепции истории как деградации *идеального* есте-

ственного состояния человека и упадка общественных нравов у Ж.-Ж. Руссо; либеральный панлогизм единой разумной истории человечества Гегеля и Маркса вместо географического и климатического детерминизма Ш. Монтескье, определяющего природными факторами феномен множественности культур и обществ; идею роста разумности и нравственности людей в истории вместо скептической иронии над извечными и неискоренимыми человеческими пороками и недостатками в духе Д. Юма, Э. Гиббона, Вольтера и т.д.¹

На уровне центральной системы политических ценностей фундаментом нарратива Модерна стал базовый либеральный консенсус как сплав либерализма, консерватизма, социализма и лево-правого радикализма. Институционально классический нарратив Модерн преимущественно выражен индустриальным обществом, репрезентирующим себя посредством классов, идеологий и массовых партий. Это современность, связанная с формированием наций-государств, индустриальной экономикой, классовыми саморепрезентациями общества и самоосмыслением политики в виде модернистских утопий и идеологий: «...они [послевоенные западноевропейские государства] соединяли рационально-индивидуалистическое, культурно-лингвистическое и структурно-функционалистское – более известные как либерализм, национализм и социализм – направления общественно-политической мысли в некую жизнеспособную структуру, которая, хотя и не была логически непротиворечива, для большинства населения казалась приемлемой, что, вероятно, доказывалось нарастающей вплоть до 1960-х гг. “лояльностью масс”»².

Однако то обстоятельство, что впервые переход к Модерну начал осуществляться в Европе, обусловило переоценку культурных факторов модернизации, присущих этому макрорегиону. Первоначальный европейский ответ на проблемную повестку современности, которая еще не стала глобальной, но охватила лишь Европу, стал восприниматься как образцовый. По крайней

¹ Фишман Л.Г. Постмодерн как возврат к Просвещению // Вопросы философии. 2006. № 10. С. 69–80.

² Вагнер П. Политическая форма новой Европы, Европа как политическая форма // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12, № 2. С. 46.

мере в той степени, в которой вообще политическое как особенное (культурное) может быть приближено в дискурсе прогресса к всеобщему. Однако последующая глобализация обнаружила релятивность культурных особенностей модернизирующихся обществ. Объективные потребности, цели и условия модернизации оказались сильнее, чем культурные особенности обществ, которые переход к Модерну серьезно нивелировал. Поскольку Модерн надстраивается как ответ на фундаментальные, фоновые процессы, связанные с урбанизацией, научно-техническим прогрессом, демографическими трендами, индустриализацией, капитализацией, секуляризацией различных обществ и индивидуализацией (сначала в вопросах веры, потом в виде автономии граждан)¹. Процессами, которые в *долгом времени* (по выражению Ф. Броделя) охватывают человечество в целом и сглаживают различия, характерные до подключения тех или иных регионов к процессам модернизации.

Поэтому европейский Модерн был лишь вершиной айсберга, центром той капиталистической миросистемы, которая создала глобальные рынки сбыта своей продукции для обширной мировой периферии. В этой перспективе неевропейский мир представляет собой с XVI в. уже не столько домодерн, сколько «прóклятую сторону» Модерна, включенную в него на условиях периферии капитализма. Таким образом, это уже социально-политическая, экономическая и культурная реальность, подчиненная нуждам Модерна и организуемая в логике капитализма. Дж. Арриги справедливо замечает, что первоначальный капитализм не мог выдвинуть на первые роли в миросистеме крупные государства, например, Китай, по той простой причине, что глобальный мировой рынок в своем зачаточном состоянии еще не мог сформировать необходимый объем спроса/сбыта для потенциального капиталистического производства в Китае². Для этого потребовалось несколько сотен лет, в ходе которых произошла демографическая революция, географический

¹ Глинчикова А. Г. Три этапа взаимодействия религиозного и гражданского компонентов в становлении эпохи Модерна: Россия и Европа // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 44-54.

² Арриги Дж. Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век. М., 2009.

охват Земли глобальными рынками, рост доходов, снижение издержек производства, интенсификация механизмов конкуренции.

В результате оказалось, что на периферии капиталистической миросистемы дело с воплощением Модерна обстояло иначе, чем в той же Европе. Она сталкивается почти исключительно с капиталистическим лицом Модерна, испытывает дефицит его реальной политической институционализации, а также страдает от неравновесного обмена. Блага Модерна достаются только немногочисленным элитам периферии, включенным в глобальные обмены и стандарты политической деятельности. В результате во многих случаях элиты периферии образуют своего рода закупорку проекта Модерна. Пользуясь экономическими выгодами нахождения в миросистеме, подключаясь к глобальным финансово-экономическим потокам, они лишь симулируют нарратив Модерна для внешнего мира на институциональном и идеологическом уровне, демонстрируя значительное расхождение формальных институтов и неформальных практик. В то же время в своих корпоративных интересах периферийные элиты не допускают реального распространения и развития ценностей и стандартов Модерна внутри собственного общества, являя то тут, то там яркие примеры архаизированной Современности¹. В условиях глобализации Европа как историко-географическое и культурное пространство возникновения политического нарратива Модерна отличается от прочих регионов мира лишь неодновременностью его распространения. Тем, что Европа ранее иных обществ стала пространством генерации и доминирования Модерна как более универсальной современности, к которой затем стал присоединяться весь остальной мир. А нарратив Модерна успешно стал вытеснять предшествующие состояния, принципы, ценности и способы легитимации общества. И первой его жертвой пал именно европейский сословный Старый порядок, легитимированный трансцендентной волей божьей, воплощенной на земле в монархе.

¹ Бляхер Л.Е. Архаические механизмы легитимации власти в России, или Очерки об истоках ностальгического сознания // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2008. № 3. С. 7-29.

Солидарность, достигнутая в обществах *организованного Модерна*, оказывается недостаточной на глобальном уровне, когда растет потребность в механизмах выравнивания поверх национальных границ и суверенитетов¹. П. Вагнер утверждает, что «организованная европейцами современность к 1970 г., возможно, была последней институционализацией европейского (точнее, западного) глобального господства»². В последующие полвека она стала испытывать умножающиеся вызовы как со стороны поднимающихся меньшинств во внутренней политике, так и глобальные противоречия, в которых Западу пришлось постепенно отходить от роли *естественной метрополии* в отношении остального мира, завершая исторические практики колониализма и двойных стандартов. Все это стало серьезным вызовом универсальности для европоцентричного нарратива Модерна, в который были вложены фундаментальные смыслы о его культурном и технологическом превосходстве над остальным миром.

Существуют убедительные исследования, которые показывают, что европейский Модерн начал триумфальное шествие по миру не в силу накопления предшествующих преимуществ в домодерной истории Европы, но, скорее, благодаря ресурсным и технологическим сдвигам начала XIX в., имеющим достаточно релятивный характер. В частности, К. Померанц отмечает особую роль расширения доступа Европы к энергетическим угольным запасам, высвобождению свободных рук из сельского хозяйства в пользу развивающейся промышленности. Не менее важными историческими драйверами развития Европы стала свободная торговля, масштабное демографическое переселение в колонии *избыточного населения* и рост экспорта промышленных товаров в американские колонии в обмен на природные ресурсы³. В азиатских обществах начавшееся отставание было обусловлено дефицитом энергетических ресурсов и тем, что демографический рост во многом нивелировал плоды технологического развития и прогресса.

¹ Wagner P. *Modernity. Understanding the Present*. Cambridge, 2012. P. 169-170.

² *Ibid.* P. 167.

³ Pomeranz K. *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton, 2000.

В становлении и распространении политического нарратива Модерна ведущую роль следует признать за особенностями принципов рыночного экономического развития, в то время как исключительная роль этики протестантизма, аргументированная М. Вебером как культурное основание капитализма вообще, является преувеличенной. Иначе бы капитализм не прижился так быстро и эффективно вне ареала протестантского влияния. Очевидно, что культурные факторы влияют на общий ход и практики инвариантов реализации Модерна, но цели при этом остаются неизменными. Представляется, что традиционное европейское общество домодерна, основанное на христианских ценностях, долго, хоть в итоге и безуспешно, противодействовало становлению нарратива Модерна и переинтерпретации христианского верования протестантами. Поскольку и то, и другое означало принципиальную перестройку всех привычных основ морали, экономики, политики и всей жизнедеятельности общества. Однако изменение экономических принципов на капиталистический лад вовсе не влечет автоматически аналогичной перестройки общих принципов общественной морали, распространяемых на все сферы жизни общества.

Подобное движение к этической легитимации капитализма наблюдалось преимущественно в ряде направлений протестантизма, но не в христианстве вообще, что и обусловило перманентный моральный дефицит. Смягчить и легитимировать, но не разрешить этот коллапс капитализма были призваны модернистские идеологии и утопии как пластичное связующее звено между христианской моралью и противоречащим ей капитализмом, которое позволяет разрешать мелкие противоречия в ходе реформ и компромиссов, а фундаментальные – откладывать на будущее, пока они не обостряются до революционных. Таким образом, европейский переход к Модерну оказался наиболее затяжным, конфликтным и кровавым во всем мировом опыте подобного перехода, когда еще не были выработаны эффективные политические механизмы его смягчения.

И все же отношение Европы к политическому нарративу Модерна двойственно. Он был инициирован Европой, но в то же время постепенно поставил под сомнение значимость уникальных черт европейского Модерна в процессе формирования его позднейшей глобальной версии. Когда вторичность всех культурных, религиозных, этнических и климатических антимодерновых факторов была доказана успешным их преодолением в разных частях мира. Более того, антимодерные нарративы в разных регионах мира обычно фундируются не столько на отрицании Модерна, сколько на инструментальной *критике разрыва* данных им нормативных обещаний и реальных политических практик и решений национальных элит, которые часто не позволяют осуществить подлинную, не искаженную партикулярными интересами реализацию модерных ценностей и институтов¹. Культурные факторы в условиях модернизации часто оказываются реакционны и консервативны в отношении объективных интеграционных процессов, разворачивающихся, прежде всего, в экономическом пространстве. И политический проект Модерна лишь с опозданием закрепляет состоявшийся переход общественных отношений к современности, выстраивая новый габитус индивидов, связанный с ориентацией в новых общественных условиях.

Поскольку Модерн как капиталистическая миросистема уже давно воспринимается в комплексе с Модерном как политическим проектом, предлагающим всем обществам базовый либеральный консенсус, всем слоям периферийных обществ, заинтересованным в модернизации, легко было сделать закономерный вывод: если совершить реформы или революцию на идеологических основаниях ортодоксального либерального консенсуса, то и все остальные блага Модерна автоматически приложатся. Однако практика реализации либерального консенсуса как основы Модерна вновь выявила значительные противоречия. Результаты реализации проекта Модерна за пределами Европы оказались гораздо менее успешными и двойственными. Реформы,

¹ Rueda E.A. Anti-Antimodernity: Understanding Modern Narratives in (of) Latin America // Social Imaginaries. 2016. Vol. 2, No. 2. P. 151-164.

перевороты и революции, совершенные на ультралиберальных принципах в Латинской Америке, на национально-консервативных – в Иране и Турции, или социалистических – в России и Китае, не привели перечисленные общества к торжеству принципов Модерна в полном объеме. В результате либеральный консенсус оказался прокрустовым ложем для многих слаборазвитых и неразвивающихся стран. Более того, в условиях нарастающего кризиса капиталистической миросистемы зазор между декларируемыми нормативными универсалиями и опровергающей их практикой *двойных стандартов и целей как средств* становится все сильнее.

Оказалось, что либерализм является лишь завершающим этапом долгого движения к ценностям и благам, которые весьма труднодостижимы в форсированном ключе. Автоматического включения остального мира в Модерн в виде копирования готовых национальных проектов и образцов не произошло, поскольку оно предполагало полную ментальную и инфраструктурную перестройку немодерновых обществ, происходящую на протяжении жизни целого ряда поколений. При этом каждое общество должно было осознанно выработать собственные социокультурные настройки нарратива Модерна в соответствии с особенностями предшествующего развития.

Ш. Эйзенштадт и В. Шлюхтер, критикуя распространенный тезис о глобализации европоцентричного Модерна, отмечают, что «теории модернизации 1950-х и 60-х, как и классические теории Маркса, Дюркгейма и, в определенном отношении, Макса Вебера... предполагали, что основополагающая раннеевропейская констелляция институциональных факторов вместе с сопутствующей культурной программой должна быть воспроизведена всеми модернизирующимися обществами... Выдвинутое многими теоретиками модернизации предположение о том, что культурные предпосылки западного Модерна необходимо и обязательно связаны с такими же структурными и институциональными предпосылками, в настоящее время все более подвергается сомнению... Хотя общей отправной точкой многих из этих сдвигов была, конечно, та культурная программа современности, которая

возникла в Европе, ее творческое восприятие в других точках мира ознаменовало рождение “множественных современностей”. Несмотря на то, что эта множественность в конце концов подорвала веру в конвергенцию современных обществ, она оказалась тесно связанной с глобализацией культурных связей и каналов взаимодействий, которая пошла значительно далее того, что существовало ранее. Странно, но это не создает ситуации, которую можно было бы, собственно, назвать постсовременной. Парадоксальным образом идея последней лишь усиливает высокомерную претензию Просвещения по поводу центральной роли евроцентристской модели современности»¹.

Таким образом, спорная в методологическом плане *множественность модерности* проявляется и в том, что страны, приступающие к модернизации позже, получили преимущества, позволяющие им, минуя традиционные фазы классического Модерна, связанные с созданием индустриальных обществ и привычных наций-государств, сразу эффективно отстраивать кластеры глобального Модерна. Это происходит в ходе параллельно развивающихся фоновых процессов, таких как урбанизация, когда излишки аграрного населения фактически бросаются в топку модернизации; демографического перехода к низкой рождаемости; бесплатного заимствования технологий и роста образовательного уровня населения. Низкий старт развивающихся стран является фактором, обеспечивающим им успешную глобальную конкуренцию.

Мировой опыт показывает, что форсированная модернизация успешнее осуществляется в относительно иерархических обществах, где авторитарные элиты тянут за собой остальное общество, а подданные еще не осознали себя гражданами. При этом авторитарная система управления обществом и его ресурсами в пользу *отложенного потребления* отчасти компенсируется меритократичностью. Таким образом, такие гиганты как Китай или Индия сразу модернизируются под глобальные рынки, стандарты конкуренции и кооперации. И национальные элиты с их риторикой патриотизма и территориально-

¹ Эйзенштадт Ш., Шлюхтер В. Пути к различным вариантам ранней современности: сравнительный обзор // Прогнозис. 2007. № 2. С. 214-216.

сти в условиях глобального или *второго* Модерна по сути нужны как субъекты развития лишь в той мере, в которой они способны установить эффективные стратегии взаимодействия страны с внешним миром и условия для общественно-экономического развития, использующие возможности, предоставляемые глобализацией.

Любые продуктивные идеи рождаются из осмысления собственной истории, традиции и практики. Но если какие-то концепции, институты или типы культуры эффективны, к примеру, в Европе или России, это не означает, что они обязательно окажутся таковыми вне Европы или России. Эффективные практики вырастают из истории и культуры как схем коллективного действия, символов, ритуалов, привычек, стереотипов мышления. В то же время воплощение идей в социальной реальности является исчерпанием идеи, ее реализацией и, следовательно, неизбежной профанизацией. Привнесенные извне политические институты сами по себе не обуславливают производство в обществе адекватных им ценностей, если общество культурно, интеллектуально, экономически и морально не готово руководствоваться ими. Эти институты будут эффективными лишь в обществе, которое выбрало демократию, капитализм, права человека и т.п., прежде всего, как цели и ценности, а не как способы получения неких материальных или статусно-символических выгод. И только в таких обществах привитие соответствующих институтов пройдет успешно.

Тем не менее, после действительного принятия общественным сознанием нарратива Модерна, следует признать, что риторика цивилизационной уникальности, исторической несовместимости, духовной *особости* теряет свою убедительность¹. Риторика отличий и несовместимости с Модерном, демократией и капитализмом, апеллирующая к возврату домодернового идеального состояния, часто является лишь способом повышения общественного влияния и символического капитала всех общественных сил и институций,

¹ Мартъянов В.С., Фишман Л.Г. Моральный тупик цивилизационной парадигмы // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2006. № 4. С. 72-87.

которых процессы секуляризации, урбанизации и глобализации этого влияния и ресурсов лишают. Современное общество не может признать *равноценную* легитимность домодернистских институций, даже если последние сохраняются в реальности и претендуют на статус *исторических основ*, фундамента и традиций всего того, что их отвергло¹.

Поэтому расширение издержек реализации Модерна, которые, безусловно, реально существуют, радикализация его внутренних противоречий являются способом противодействия Модерну тех, чьи интересы и привилегии он упраздняет или ограничивает. В наиболее жесточком виде эти процессы противодействия Модерну проявляются на тех территориях, где в силу разных причин проект Модерна либо не был в полную силу запущен (значительная часть Африки, Средней Азии и Ближнего Востока), либо был отчасти обращен вспять, как это произошло в результате распада СССР. Не меньшие потери несут и те общества, которые оказались изолированы усилиями собственных традиционалистских элит от социальной онтологии и нарратива Модерна, лишь симулируя для внешнего мира современные практики и институты. В результате все, не вписывающееся в нарратив Модерна, зачастую вытесняется в область неформальных институтов и параллельных общественных практик.

Нарратив Модерна, как и способы модернизации, постоянно трансформировался и развивался. Например, относительное ослабление наций-государств, теряющих убедительную легитимность в глобальном мире, провоцирует новые вызовы и угрозы привычной модели территориального государства со стороны суб- и наднациональных корпоративных интересов – экономических, этнических, религиозных и т.д. Свои особенности имеет и механизм *догоняющей модернизации*, где на первый план выходит проблема индустриального развития, заставляющая отложить модернизацию внеэкономических общественных отношений. В результате новизна глобальных ин-

¹ Бляхер Л.Е. Архаические механизмы легитимации власти в России, или очерки об истоках ностальгического сознания // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2008. № 3. С. 7-29.

терпретаций политического нарратива Модерна транслируется преимущественно из экономического взгляда на современные общества. Это приводит к историческому опережению развития интегрирующих мир экономических идей и институтов и консервативного характера *догоняющих* и адаптирующихся к новой экономической реальности политических настроек современных обществ¹.

Издержки модернизации неевропейских регионов мира оказались довольно велики, но и результаты последовательных, всесторонних и комплексных модернизаций, включающих индустриализацию, секуляризацию и культурную эволюцию, были быстрее и лучше, нежели попытки создать лишь видимость Модерна. И все же мировое разнообразие цивилизаций и культурных традиций становится с каждым десятилетием все менее различным и все более отходящим к области фольклора и исторических изысканий в области традиционных обществ. Различия мировых регионов, обусловленные природой, климатом, географией, верованиями и традициями, особенностями всей предшествующей истории, стираются в ходе *второй волны* (Э. Тоффлер), обозначающей переход от уникальных аграрных обществ к более унифицированному городскому. Объединение локальных политических пространств, торговых путей, торговли и финансов, выравнивание стандартов и законодательства, укрупнение производственных цепочек и процессов в условиях подключения к глобальному пространству неизбежно стирают и домодерновые различия модернизирующихся обществ, все более автономных от традиционной регуляции общественных процессов природно-климатическими циклами. Окончательная консолидация и переход к мировым экономико-политическим стандартам современности происходят в ходе присоединения локальных сообществ к глобальным коммуникациям капиталистической миросистемы. Например, история России является примером целого ряда попыток различной степени успешности включения в Модерн: догоняющая модернизация (реформы Петра I), частичная автаркия (цивили-

¹ Иноземцев В.Л. На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия. М., 2003.

зационные теории, почвенничество, «социализм в отдельно взятой стране»), изменение миросистемы (большевики и современные альтерглобалисты), скачок в новую общественную формацию и создание альтернативной миросистемы (СССР). Более того, исторические способы преодоления периферийности, по сути, являются инвариантами проектов, которые могут быть использованы и в настоящее время.

Присоединение к Модерну возможно без культурной вестернизации, что доказано успешными моделями азиатских модернизаций. Если бы нарратив Модерна принадлежал только Западу и был культурно детерминирован, он никогда не смог бы покинуть ареала европейской цивилизации и стать способом объяснения и легитимации глобального политического порядка. Политический нарратив Модерна, прежде всего, фиксирует эффективные и относительно нейтральные правила и стандарты общественной и индивидуальной жизни, порождаемые переходом человечества к современности, которые работают в любых регионах единого мира поверх предшествующих культурных отличий и способов регуляции обмена ресурсами.

Культурные традиции сохраняются, но их значимость постоянно падает по мере осовременивания обществ и роста различных заимствований из внешнего мира. Вопрос о том, почему предыстория человечества, преодоленная современностью, может рассматриваться как некий критерий и мерило истины для политического нарратива Модерна, почему из невозвратного прошлого черпаются практические рецепты, не находит вразумительного ответа. Любые традиции или новации сами по себе являются абстракциями, пока не показано, для кого и в каких условиях они являются выгодными и что дает больше возможностей для большинства. Поэтому, если критика нарратива Модерна в пользу сохранения истории, аутентичности, идентичности или уникальности предполагает ограничения, а тем более жертвы граждан во имя неких трансцендентных сущностей (государства, истории, цивилизации,

памяти предков, божественного откровения и т.д.), стоит лишний раз задуматься о том, кому выгодна подобная риторика¹.

Более того, все апологеты и критики нарратива Модерна давно находятся внутри современности. Поэтому радикальный отказ от нарратива Модерна в пользу возврата в идеализированный домодерн, подчеркивание культурно-исторических отличий и традиций, цивилизационного своеобразия, *особого пути* и т.п. является лишь риторической легитимацией частных интересов. То есть не более чем стратегией деуниверсализации и разрушения нарратива Модерна в пользу возвышения привилегий и допущения разного рода необязательных исключений из общих правил. По мере того, как нарратив Модерна сам становится традицией и приобретает все более длительную историю, критики современных его обликов апеллируют к его предшествующим этапам, представляющимся им чуть ли не картинами золотого века.

Очевиден рост сложности глобального нарратива Модерна, его расставание с первоначальной европейской версией, которую европоцентристы до сих пор продвигают как единственно возможную. При этом апология универсальной версии европейского Модерна часто принимает причудливую форму. Такой, в частности, является культурно детерминированная концепция конфликта цивилизаций С. Хантингтона², за которой отчетливо просматривается базовая идея конфликта нарратива Модерна, воплощенного европейской цивилизации, с рядом иных цивилизаций, выражающих варварство и предсовременность. Аналогичным вариантом аргументации тождества Запада и Модерна в современном мире является выдвинутая в работах Ф. Фукуямы³ концепция глобального либерального триумфа, исторически порожденного Западом. США и Европа представляли как две исторические модели западной модерности со времен Великой французской революции и американской Войны за независимость. Позже аналогичное пространство

¹ Кимелев Ю.А. Турен А. Критика Модерна (реферативный обзор: Touraine A. Critique de la modernite) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал. 1999. № 1. С. 20-36.

² Huntington S.P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72, No. 3. P. 22-49; Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y., 1996.

³ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N.Y., 1992.

глобально расколотой модерности представляли в период биполярности Европа и США, с одной стороны, и блок социалистических стран, с другой. Обе версии претендовали на глобальную современность, а значит, на олицетворение всеобщего будущего, объявляя своих противников в отсталости и исторической тупиковости. Звучали обвинения в тоталитаризме, недостатке демократии, кризисе развития рыночного капитализма. С противоположной стороны множились обвинения капитализма как системы, отчуждающей человека от продуктов его труда, который неизбежно будет трансформироваться в мировом масштабе в следующие стадии общественного развития – социализм и коммунизм. Конец биполярного мира как конфликтного диалога двух версий нарратива глобального Модерна – капиталистической и социалистической – на некоторое время показался торжеством однополярного мира и либеральной модели Модерна. Однако быстрое и успешное развитие новых моделей модернового общества в разных регионах постбиполярного мира, которые нельзя назвать ни чисто либеральными, ни социалистическими, относительно быстро развеяло иллюзии о конце истории как торжестве универсальной для всех нарративной модели Модерна в пользу концепций, связанных с плюрализмом модерностей, не связанных между собой отношениями исторической или нормативной иерархии. Соответственно, отношения позднейших версий нарратива Модерна начинают складываться не столько по модели конфликта истинных и ложных ценностей, сколько как отношения интерпретации базовых исходных ценностей, реализуемых в различных общественно-исторических и культурных контекстах.

Глобальное общество Модерна стремится к обоснованию пользы ценностей, которые могут стать глобальными и всеобщими. И, прежде всего, такой ценностью исходному нарративу Модерна представляется логика рационализации жизни общества, дающей составляющим его гражданам все больше возможностей для самореализации. Ключевым критерием для моральной оценки любых социальных действий становится индивидуальное и общественное благо. Противоречивые индивидуальные интересы и общественное

благо связаны в обществе посредством идеи возможности всеобщего разума, ценность которого должна быть выше любых частных интересов. Иначе вся конструкция общества классического Модерна, основанного на легитимации политической власти посредством выражения и согласования отдельных свободных волей, просто не заработает. Здесь разум и рациональность являются не просто техническим средством решения общественных проблем, но главной целью, взаимосвязывающей все остальные ценности.

В настоящее время нарратив Модерна является развивающейся, открытой системой. Его политические трансформации далеки от завершения, как и реальные перспективы быть отмененным иным глобальным политическим проектом. Появившийся в результате модернизирующих преобразований человек эпохи Модерна составляет большинство населения Земли. Его основные потребности направлены в сторону перманентного увеличения уровня потребления и личных свобод. И здесь снова срабатывает ловушка недифференцированного понимания нарратива Модерна как синтеза капитализма (теперь уже в ипостаси потребительского общества) со свободами и высоким уровнем жизни. И отсутствие подобных ожидаемых благ от реализации Модерна зачастую обращается в критическую рефлексию по поводу универсальности нарратива Модерна в виде постмодернизма, альтерглобализма, национализма или, например, религиозного фундаментализма.

Наконец, нарратив Модерна становится все более неоднородным и неодновременным в мире, где можно наблюдать страны постиндустриального Модерна, классического индустриального Модерна и страны, только вступающие на путь Модерна. Разнообразие нарративных версий Модерна, дифференцированных в соответствии с разной *принимаящей реальностью*, является залогом их эффективности. Однако лишь немногие представители мировых политических и интеллектуальных элит ведущих держав способны мыслить глобально, последовательно выходя за пределы повестки национальных интересов. С расширением капиталистической миросистемы, покинувшей ареал Европы, каждый последующий политический гегемон был сильнее

предыдущего – Испания, Великобритания, Германия, США. Со второй половины XX в. политическая гегемония в окончательно сложившейся мироэкономике может быть только глобальной. Если в конце XX в. на нее претендовали советская и европейская версии Модерна, то в начале XXI столетия сложилось два центра силы, претендующих на относительную гегемонию, – США и Китай. Проблема дальнейшего развития нарратива Модерна в том, появится ли новый гегемон, и насколько подобная гегемония укладывается в логику развития мироэкономики. Здесь возникает существенное противоречие экономики и политики. Поскольку в логику мироэкономики мировой гегемонизм укладывается, но для мирополитики в сфере универсализации ценностей, права и стандартов политического управления это движение может сыграть и отрицательную роль, если образуется политический гегемон, опирающийся на свою экономическую и военную мощь и территориально ограниченные интересы. Это будет лишь продолжение логики конфликта наций первоначального Модерна Европы на глобальном уровне. Что не тождественно глобализации Модерна, когда человечество постепенно оказывается внутри одной эгалитарной политической системы.

Изначально нарратив Модерна представляет «поле конфликтов, переговоров и посредничеств между рационализацией и субъективацией, представляющими собой две дополнительные и противоположные стороны модерна»¹. По сути, это постоянный спор между приоритетом интересов той или иной коллективности – класса, нации, общества, государства, и пространством личной свободы. Эта базовая оппозиция нарратива Модерна в виде оппозиции разума и насилия, порядка и субъективности, государства и анархии в политическом измерении снимается в виде легитимной справедливости как права на законное насилие, воплощаемого государством.

Основная проблема ценностной универсализации заключается в исторической трансформации политической формы Модерна от империи к нации,

¹ Кимелев Ю.А. Турен А. Критика Модерна (реферативный обзор: Touraine A. Critique de la modernite) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал. 1999. № 1. С. 33.

а затем к транснациональному политическому пространству. В направлении развития и легитимации современного политического пространства, выходящего за пределы государства-нации. В последние столетия можно было наблюдать своего рода взлет и закат нации как политической формы Модерна, но эта форма не является в рамках Модерна единственной. Можно рассматривать нации, скорее, как звено политической глобализации, особенно для исторических условий Европы. Очевидно, что нация как первоначальная форма Модерна пребывает в настоящее время в кризисе и теряет способность к легитимации политического. Количество государств на политической карте мира взрывообразно увеличилось только за XX столетие в 4 раза¹. И если нации первоначально предполагались как суверенные и автономные, то большинство нынешних государств таковыми не являются, ни политически, ни экономически.

Поэтому институционально мировой порядок будет неизбежно меняться, и направления этих изменений видимы уже сегодня. Во-первых, будут видоизменяться сами нации и основания их легитимности, все менее связанные с территориальностью, национальным и историческим мифом основания. Во-вторых, закономерно усиление и легитимация новых политических форм альтернативных нациям, будь то сети глобальных городов или формирование сверхнациональных политических образований, выходящих за пределы привычных наций, будь то ЕС или Китай. Проблема институциональной трансформации Модерна в том, чтобы создать полноценных глобальных политических субъектов, адекватных уже сложившейся мировой экономике. Нации, оставаясь такими субъектами, тем не менее, все активнее теряют свои функции и ресурсы в пользу ТНК, сетей глобальных городов и надгосударственных союзов.

Интеграция мировой политической структуры и реструктурирование привычных политических пространств и иерархий в новые властные верти-

¹ Изменения политической карты мира за XX век // География. 2001. № 17. URL: <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200101701>

кали неизбежны, но одна модель будущего Модерна – это Европа, другие модели демонстрируют Китай или США. В частности, П. Ханна¹ аргументирует небесспорный тезис, согласно которому облик грядущего мира определяют три центра силы: США, ЕС и Китай, каждый из которых, соответственно, предлагает свою политическую стратегию для интеграции потенциальных союзников из второго и третьего мира: коалиционную (блоковую), консенсусную (ценностную), переговорную, «консультативную» (реалполитик). При этом возникают обоснованные возражения, что блоковая и коалиционная политика является изначально ограниченной, основанной на экономической и военной силе, и лишь ценностная стратегия может стать прочным основанием глобального Модерна. Поскольку союзники будут присоединяться к такой политике не из-за страха или выгод, но в силу того, что разделяют определенные ценности и правила игры, общие для всех, что позволяет остальному миру чувствовать себя на равных с первым миром трех ведущих империй. Основной мировой тренд может быть связан с возвышением полупериферии, или так называемого *второго мира*. Если ранее этим термином называли страны социалистического блока, то теперь у П. Ханны они обозначают экономически и политически усиливающиеся страны и регионы, начинающие играть самостоятельную роль в постбиполярном мире и способные автономно выбирать свою блоковую стратегию на международном уровне, присоединяясь к Европе, Китаю, США или к тем или иным гегемонам одновременно, как Индия. Таким образом в условиях девертикализации глобальной иерархии и умножения центров силы, второй мир или полупериферия, растущие быстрее, чем центр миросистемы, начинают наиболее заметно влиять на изменение ценностно-институциональных иерархий глобального мира.

Можно отметить, что такие нынешние гегемоны, как Китай и США, логику нарративу мирополитики глобального Модерна не порождают, они больше выигрывают за счет более частной логики национальных интересов,

¹ Ханна П. Второй мир. М., 2010.

отстаиваемых в мире мироэкономики. Но если мир действительно становится все более *плоским*¹, то преимущества *регионов труда* или *капитала* в мире будут нивелироваться. Соответственно, вслед за едиными рынками должен расти интерес к универсальным политическим правилам, выходящим за пределы наций, поскольку сверхприбыли становятся все более труднодостижимыми. Значит, общий интерес в том, чтобы сократить конкурентные издержки, в том числе военные и политические. При этом если не возникнет глобальных договороспособных субъектов, никто не сможет гарантировать новые глобальные правила, а гарантировать их эффективнее не силой (страхом), а взаимозависимостью. А это уже проблема доверия и делегации полномочий глобальным, транснациональным органам.

Таким образом, многие идеи, институты и практики, обобщенные и нормализованные в нарративе Модерна, зародились на периферии капиталистической миросистемы. Потом они были успешно имплантированы в центральную ценностно-институциональную структуру раннеевропейской версии нарратива Модерна². Поэтому нарратив Модерн изначально имел глобальное измерение, которое было бы неосмотрительно исказить европейским географическим редукционизмом, связанным с его последовательным развертыванием за пределами Европы, представляющими сплошь домодерное общество. Политический нарратив Модерна, основанный на либеральном консенсусе модерновых идеологий как легитимном ценностном обеспечении капитализма, первоначально отождествлялся классической социологической и политической мыслью лишь с его европейской версией – привилегированной и *канонической*. Однако успешное расширение политического нарратива Модерна и капитализма за пределы Европы обнаружило единство ценностного ядра Модерна и вместе с тем разнообразие его институциональных моделей в разных регионах мира. Поэтому институциональная вариативность нарратива Модерна практически не связана с все менее значимыми предше-

¹ Friedman T. The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century. N.Y., 2005.

² Митчелл Т. Сцена «современности» // Неприкосновенный запас. 2014. № 6. С. 124-128.

ствующими традициями разных обществ, переоцененными концепцией *множественной модерности*. Наоборот, можно утверждать о глобальном идейно-ценностном единстве нарратива политического Модерна, вариативность реализации которого обусловлена исторически неодновременным охватом капиталистической миросистемой и политическим проектом Модерна разных частей человечества, а также нарастающей трансформацией системы современных наций-государств как первоначальной политической формы Модерна.

§ 2. Сакрализация и критика ключевых понятий Модерна

Политический нарратив Модерна является доминирующим способом структурного политического самоописания современного общества. Он включает аналитические единицы институционального (нации, государства, классы, партии, профсоюзы, автономные личности, граждане и др.) и нормативного (свобода, справедливость, равенство, права человека, общественный договор и пр.) уровней базового политического словаря, являющегося предметом как общественного согласия, так и исследовательского консенсуса относительно релевантности запечатленной в нем реальности. Политический нарратив Модерна имеет самореферентный характер, при этом любой перечень признаков Модерна не является бесспорным. Модерное общество исторически продолжает изменяться, а его ценностное ядро не может быть сведено к плоским дискурсам модернизации, предназначенным в свое время для бывших колоний и отождествлявшим Модерн с *финальными историческими метафорами* демократии и рынка. Модерн можно описывать как длящийся и открытый для изменений проект, не имеющий достойных конкурентов аналогичного уровня универсализации и легитимации политики¹.

За последние столетия Модерн как нарратив политического мышления, призванный осмыслить и легитимировать состояние политической совре-

¹ Kolakowski L. *Modernity on Endless Trial*. Chicago, 1997.

менности, пережил ряд принципиальных трансформаций. Кризис универсальности первоначальной модели нарратива Модерна, связанной с культурно-историческим и географическим европоцентризмом и классовой, индустриальной эпохой *фабричных труб* стал особенно очевиден с уходом советской, социалистической вариации нарратива Модерна. Социальная онтология современного общества опередила в своем развитии устаревшие теоретические аппараты, обозначающие, скорее, исторические реалии, нежели адекватные современным политическим процессам и социально-экономическим изменениям. Довольно долго сохранялась устойчивая иллюзия раннелиберального и недифференцированного нарратива Модерна, которая заключалась в том, что рациональный индивид свободен относительно своего культурного контекста и способен к критической рефлексии сложившихся ценностей и традиций. Считалось, что это отличает его от *варвара* как члена традиционного общества или иной цивилизации, который некритично подчиняется нормативным требованиям домодерных культур. Поэтому индивид эпохи модернити обладает моральным и культурным преимуществом перед представителями домодернового общества и имеет полное право выполнять в отношении них цивилизационную функцию до тех пор, пока они не обретут культурный этос современности. Однако парадокс состоит в том, что «цивилизационный дискурс, таким образом, совершенно сливается с дискурсом модерности»¹, хотя модерность в такой интерпретации декларируется именно как свобода от подобного культурно ограниченного дискурса.

Проблема в том, что любой, в том числе универсалистский по своей интенции современный нарратив является ограниченным, т.к. имеет в своей основе концептуальные ценности, принятие которых одновременно является отказом от любых *иных*, альтернативных и антагонистических ценностей. Поскольку любые ценности субъективны, они не могут соотноситься между собой в логике развертывания всеобщего прогресса, закономерно замещаю-

¹ Хомяков М.Б. Модерность: пути к открытости будущего // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12, № 2. С. 74.

щего в области морали одни ценности другими, более универсальными и *современными*. Таковы аргументы, с помощью которых и традиционалисты, и мультикультуралисты, и постмодернисты обосновывают невозможность выполнения прогрессистских функций какими угодно социально-политическими концепциями и проектами, претендующими на тотальность и универсальность.

Действительно, начало Модерна имеет вполне ограниченное культурное, политическое, географическое происхождение, и эти особенности дополнительно смешиваются (и элиминируются) на транснациональном уровне с культурными особенностями внеевропейских мировых регионов. Это лишь один раз подчеркивает амбивалентность базовых ценностных оппозиций нарратива Модерна. Поэтому ни одна из версий модернити не является нормативной или полной в сравнении с другими, т.к. открытое и незавершенное пространство Модерна является его определяющей конструктивной характеристикой. Именно из этой незаконченности вырастает потенциал изменений и адаптации к новым политическим факторам и вызовам. Политический нарратив Модерна интегрирован на уровне проблематики, способов постановки и обсуждения проблем, но не окончательных ответов, каждый из которых, в свою очередь, может быть критически оспорен: «Разоблачать можно только те иллюзии, которые перестали быть необходимыми для воспроизводства данного общества. Такие иллюзии есть предрассудки. Классикой борьбы с ними стал век Просвещения. При этом сами просветители были переполнены иллюзиями, которые они считали не предрассудками, а принципами Разума. И в этом они были правы, ибо их иллюзии еще только утверждались в качестве реальности современного (нам) мира»¹.

Вместе с тем Модерн не является монолитным нарративом. Как на уровне ценностного ядра, так и институциональных импликаций он содержит внутренние противоречия, связанные с его развитием в качестве исторического проекта, обусловленного первоначально уникальной европейской ис-

¹ Капустин Б.Г. Идеология и крах советского строя // Россия в глобальной политике. 2016. Т. 14, № 6. С. 73.

торией и культурным опытом, а затем адаптируемого к иным, культурно отличным регионам мира. Более того, радикализация определенных ценностей, принципов и институтов модернизации может оборачиваться свертыванием Модерна. Это наглядно показывают, с одной стороны, практики тоталитарных (дисциплинарных) обществ и господства коллективной автономии, где элементы национально-культурного самоопределения, государственной регуляции и стремление к рациональной организации всех сторон жизни общества подавили важные принципы субъектности и автономии личности. С другой стороны, этот же тезис подтверждают принципы мультикультурализма, толерантности, идентичности, ведущие к деуниверсализации и проблематизации функционирования общеобязательных социально-политических институций общества, подвергаемых постоянному пересмотру, критике и элиминации. Помимо неизбежного политического напряжения между правами граждан и коллективными правами и приоритетами нации (народа, государства), здесь возникает еще и политическое требование защиты особых прав меньшинств (культурных, религиозных, лингвистических, возрастных и т.п.), разрушающих универсум равных для всех индивидуальных и коллективных прав членов того или иного политического сообщества.

Таким образом, поздний или глобализированный Модерн все менее соответствует теориям модернизации, пытавшимся выстроить универсальную иерархию Модерна в мировом масштабе, в которой страны центра миросистемы будут являть образцы *конца истории* для периферии, стремящейся к капитализму, демократии, либерализму, формированию нации-государства, рациональной бюрократии, автономии индивида и автономной публичной сферы. Когда общие идейные универсалии реализуются на практике разных регионов мира, неизбежно возникают институциональные инварианты сплава либерализма, демократии, национализма и капитализма внутри Модерна. Однако перенос модели конкретного национального Модерна в неизменном виде на любую иную социокультурную реальность невозможен. Например, политические нормы в основании объединенной Европы принципиально от-

личаются и во многом отрицают изначальные принципы европейского национального Модерна. Особенности моделей форсированной модернизации западных регионов мира эмпирически опровергли тезисы о неизменности культурной и институциональной модели движения всех регионов к определенной культурной модели Модерна, представленной западными обществами. Наконец, расширение Модерна за границы ареала его исторического происхождения представляет новый опыт, формирующий оригинальные структуры и этос эффективных вариаций Модерна, в том числе серьезно противоречащих тем или иным его исходным историческим постулатам, но в то же время открытых для дальнейших интерпретаций и изменений. Поэтому неизбежной представляется трансформация организации политического общества в виде сакрализации территориальности наций-государств в пользу более универсальных проектов, предполагающих своим местом действия весь мир и все человечество.

В условиях позднего Модерна огромное значение приобретают процессы сакрализации/профанизации, заколдовывания/расколдовывания мира в подобных объяснительных координатах. Реализация целей и ценностей нарратива Модерна является одновременно и процессом его исчерпания. Например, самое реальное (и по этой причине самое легитимное), с чем мы имеем дело в современной политике, осуществляемой в рамках нарратива Модерна, – это идеал легитимации власти с помощью представительной демократии и ее синонимов. И смена гегемонистского кода демократия/недемократия есть вопрос изменения статус-кво всей миросистемы, устроенной таким образом. Но что предлагается взамен? Что может стать более легитимным в современной глобальной политике, чем демократия? Возможна ли недемократическая современность? Если демократия есть воплощение Модерна, то альтернативы ей должны быть утопическими, отвергающими ее с позиций того, чего еще нет, т.е. будущего, трансцендирующего настоящее.

Интеллектуальная борьба за контроль всеобщей нормативной истины о демократии в политической науке аналогична борьбе за мифический Хартленд, владея которым, можно контролировать весь мир. Соответственно, нормативно *присваивая* демократию, можно контролировать то, что она символизирует – Модерн. Определяя демократию нормативно, мы закрываем путь к объективности, поскольку ценности недоказуемы, субъективны, автономны от любой онтологической аргументации. Но еще более сложный вопрос – возможно ли сделать это новое определение политической современности легитимным и самоочевидным для всех, не прибегая к верификации средствами опытно-эмпирической науки.

Метафора демократии в системе современной политики и политической науки является центром, легитимирующим аксиологическую структуру политического знания. Этот трансцендентный центр не принадлежит профанной (реальной) политике. Подавляющая часть государств официально называют себя демократиями. В то же время в мире нет ни одной *идеальной демократии*. Соответственно, демократия превращается в символ веры нарратива Модерна, эмпирически недоказуемый, но и неопровержимый. Реальная демократия как состояние перманентного конфликта социальных интересов, периодически пересматриваемого в результате выборов, предполагает наличие действительных альтернатив статус-кво. Причем ни одна позиция не может восторжествовать окончательно, поскольку в случае проигрыша всегда есть шанс выиграть в будущем. Именно в подобной незавершенности любых решений заключается основа основ демократии. В реальной демократии большинство граждан идеологически ангажировано и готово отстаивать свои убеждения не только на избирательных участках, но и активным вмешательством в политику путем пикетов, забастовок, разных форм гражданской активности. Поэтому не идеальный тип, а реальная демократия, когда люди активно вмешиваются в свою *общую судьбу* (а политика и есть участие в общей судьбе), нестабильна и легко приводит к революциям и гражданским войнам.

Все фундаментальные ограничения сначала преодолеваются в воображении, утопии, проекте, мысли, направленной на их превосхождение. Поэтому в высших своих проявлениях человеческие устремления всегда поначалу идеалистичны, являясь вызовом божественному. Это чистое желание, все последующее удовлетворение которого является вторичным по отношению к нему, предполагая разнообразие проектов, планов и техник его удовлетворения. Гипотетически политическая мысль может обосновать новый легитимирующий проект, равновеликий демократии. Это значит одновременно бросить вызов всему Модерну капиталистической миросистемы и, соответственно, легитимирующему ее идеологическому аппарату политической теории, в центре которого находится демократия.

Если речь идет о поиске действительной альтернативы, то необходимо описание *возможного общества*, которое превзойдет нынешнюю миросистему с ее либеральным консенсусом в пользу более универсальных и справедливых ценностей, даст новые возможности и надежды взамен нынешней детерминированности и предсказуемости, которые для многих классов и периферийных стран оборачиваются безнадежностью. Иначе проблема замены демократии ее альтернативами превращается в бессмысленную схоластику. В настоящее время ведущие мировые центры силы (экономической, политической, интеллектуальной) в принципе все устраивает и в Современности-Модерне. Что есть глобально более легитимного в политическом нарративе Модерна, чем демократия, либерализм, капитализм? По большому счету ничего. Без действительных альтернатив капиталистическая миросистема может существовать если не вечно, то неопределенно долго, переводя любые противоречия во внутренний план системы. И это не так уж плохо, поскольку фундаментальные социальные перемены всегда амбивалентны, и *место* не значит *лучше*.

Тем не менее проблема альтернатив никогда не исчезает. Поиск новых трансцендирующих оснований для современной политики и общества интенсифицируется именно потому, что старые уже реализованы. Продуктивно

размышлять о Модерне и демократии, а они политически тождественны, возможно только если мы хотим их отвергнуть в пользу чего-то иного. В противном случае мы рискуем скатиться к вечному ремонту статус-кво, его описанию некими дополняющими кодами. Недемократия будет дополнять доминирующий в нарративе Модерна код демократии, тем самым фактически превращаясь в подпорку демократической современности, глобалисты в антиглобалистов и т.д. Подобная дополняющая критика только укрепляет свой объект.

Итак, возможен ли более эгалитарный и справедливый нарратив Модерна, нежели тот, который предлагает либеральный консенсус капиталистической миросистемы? На чем может быть основана легитимность этого проекта? Что современное общество готово трансцендировать в политике, в какие символы оно готово верить, какие метафоры для него будут убедительны?

Прежде всего, стоит обратить внимание на функции ускользания от определений, на то, что ключевые обобщающие понятия политических наук – демократия, общество, свобода, капитализм, справедливость и т.п. – принципиально неопределимы до конца. Они всегда уходят в политическое трансцендентное. Собственно, эта расплывчатость, множественность смысла имеет важную функцию – является условием возможности диалога, создания интересубъективного пространства. Любой язык, и естественный, и искусственный, невозможен без ряда молчаливых, необсуждаемых аксиом (конвенций), из которых выводится все остальное. Это минимум интуитивного взаимопонимания, опирающийся на то, что называется здравым смыслом или самоочевидностью в виде предпонимания аксиом, из которого появляются все остальные смыслы.

Поэтому в любой дискуссии возникают естественные проблемы с интерпретацией ключевых понятий, особенно современности, либерализма или демократии, которые являются самыми идеологизированными понятиями общественнознания. В настоящее время эти размытые понятия, выйдя на гло-

бально-нормативный уровень, во многом оказались в содержательном тупике. Приставки пост- и нео- только усугубляют ситуацию, почти ничего не добавляя к содержанию понятий, которые они должны дополнить, прояснить и исправить. Компенсаторное умножение политических сущностей, тех же ипостасей демократии, превращается в интеллектуальную игру, которая никак не соотносится с реальностью и во многом носит имитационный характер.

Проблема видится в том, что ключевые понятия политического нарратива Модерна делегитимированы в результате сведения трансцендентного к имманентному по причине своей банальной институциональной реализации. Когда самореференция любой политической теории прерывается (политические теории окончательно непроверяемы опытным путем), самое реальное, что останется в ее защиту и на чем будет держаться ее легитимность, – это апелляция к самоочевидности. А последний ответ, к которому все сводится: потому что *так* естественно, самоочевидно и тождественно *здоровому смыслу*. То есть наиболее легитимно и реально самоочевидное, то, что не нуждается в доказательстве. И доминирующие политические понятия, метафоры и коды являются таковыми, только если поддерживают монополию на здравый смысл.

Но когда ключевые, самоочевидные метафоры и понятия современного обществознания ставятся под вопрос в ходе их реализации (т.е. профанизации), когда оказывается, что самоочевидности нет, а есть множественность определений и интерпретаций, возникают закономерные проблемы и с эвристическим потенциалом исчерпанных понятий, и с легитимностью социальной реальности, которую они призваны описывать. Таким образом, определяющее свойство ключевых понятий – их способность ускользать от окончательных рациональных определений в трансцендентное. Поэтому демократия, современность, либерализм, коммунизм – это скорее элементы *здесь и сейчас* убедительного для большинства нарратива, нежели научные категории. И чем больше в них рациональности и определенности, тем, как ни па-

радоксально, сильнее ограничена их способность легитимировать социальную реальность, институты и практики.

В условиях Модерна традиционное религиозное деление на профанное и божественное заменяется феноменологическим паллиативом в виде дихотомии *политической системы и жизненного мира*¹. Кажется бы, светская власть таким образом лишилась последней привязки к трансцендентному. Кажется, что в условиях капитализма и демократии политико-экономический порядок Модерна становится абсолютно прозрачным, функционируя в имманентном пространстве рациональности и рыночных метафор². На самом деле меняется лишь способ возмещения трансцендентности политики. На смену божественности приходят глас народа, статистика, опросы, *телевизионная агора*, виртуализация и дигитализация власти. Легитимность правящих элит уже не является следствием их прямого доступа к трансцендентному, но подтверждается цепочками авторитетных отсылок, общественным мнением, результатами выборов (эмпирические, социологические и статистические факты) и отчасти трансценденцией самой среды власти (советники, эксперты, *закулиса*) и т.п.

Реальная субстанция власти начинает активно перетекать в те практики, представления, институты, которые дают ей выход на сакральное измерение. Власть, согласно М. Маффесоли, в силу инстинкта самосохранения неизбежно обращается к мифу, чуду и принципу веры, к обожествлению социального³. Кризису или крушению любого режима и любой общественной теории предшествует потеря ими своей сакральности. Революции, научные и общественные, лишь придают очевидность этому факту. Любые идеи профанизируются, когда реализуются (овеществляются) в социальных институтах. Как заметил Б.Г. Капустин, *объективация ценностей* путем их отождествле-

¹ Фишман Л.Г. В ожидании Птолемея. Трансформация метапарадигмы наук об обществе. Екатеринбург, 2004. С. 25-38.

² Нежданов Д.В., Русакова О.Ф. «Политический рынок» как системообразующая метафора современного политологического дискурса // ПОЛИС. Политические исследования. 2011. № 4. С. 158-170.

³ Маффесоли М. Околдованность мира или божественное социальное // Социо-Логос=Socio-Logos. М., 1991. С. 274-283.

ния с определенными историческими институтами изначально ложна¹. Идеи автономны от реальности, они объективируются, когда реализуются в политических институтах, но в то же время они автономны от онтологической критики. Отождествление с социальной реальностью является исчерпанием идеи. Идеи порождают институты, но институты не могут автоматически породить сознание, когда-то их инициировавшее. Например, транзитологический рецепт внедрения институтов демократии, свободы слова, разделения властей, выборов, рынка вовсе не ведет автоматически к легитимности ценностей демократии.

Критерии современной легитимности отчасти фиксируются в виде результатов выборов, статистики общественного мнения, проявлений политической воли посредством забастовок, пикетов, митингов и т.д. Здесь важен переход от формальной легальности к легитимности как морально-правовой проблеме. Суть легитимности – добровольное разделение большинством граждан идей, которые лежат в основании законов. Легитимные законы и политические порядки соблюдаются не из страха наказания и репрессивных санкций, а потому, что люди добровольно разделяют существующие ограничения, запреты и обязанности в обмен на набор неких прав, считая такой порядок естественным, самоочевидным, справедливым.

Процедуры и ритуалы массовой политической легитимации в условиях секулярной политики Модерна являются одновременно способом сакрализации. При этом трансцендентное есть нечто, принципиально не объяснимое до конца, загадка, миф, вера, иррациональное и т.п. Ф. Анкерсмит отмечает, что репрезентативная демократия как *принципиальная непринципиальность*, как нормативный механизм согласования интересов помог Европе найти политический инвариант для современного общества между абсолютной монархией и гражданской войной, трансцендировался принципом историзма². Интегрирующий исторический миф позволил выработать такие понятия, как государ-

¹ Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. М., 2004. С. 61.

² Анкерсмит Ф. Репрезентативная демократия. Эстетический подход к конфликту и компромиссу // Логос. 2004. № 2. С. 15-40.

ство, нация, гражданское общество, общественный договор и т.д., сделав религиозные дискуссии идеологическими и введя их в новые легитимные институциональные рамки.

Мысль о легитимации как трансценденции является ключевой для разрывания институтов и практик прикладного уровня. В указанном методологическом контексте неразрешимой проблемой современного нарратива становится постоянная критическая рефлексия. И обществоведы, и политические субъекты не могут элиминировать свои исторические координаты, социальные контексты, ценностные предпочтения и т.д. Любые попытки рассуждать в политических науках беспристрастно, встав *над обществом*, являются позицией бога. Поэтому не может быть современной политической теории, которая не имеет, пусть и предельно опосредованной, связи с интересами значимых социальных сил, классов, обществ и т.д. Более того, эта политическая теория аксиоматически невозможна без выстраивания ценностных координат и властных иерархий, соотносимых с определенными онтологиями в социально-политическом и экономическом полях. Иначе теряется сам современный субъект социально-политической теории и агент желательных социальных изменений, без которого современные политические теории утрачивают смысл.

Легитимность современного политического нарратива, будь то демократия, капиталистическая миросистема, либерализм или социализм, не может полностью принадлежать порядкам тех институтов, которые его выражают на практике. То есть не может быть полностью профанной и рациональной. Как только политический порядок начинает принадлежать постороннему пространству повседневности, как только его механизм становится прозрачным для непосвященного взора, он превращается в хрупкое *послевластие*, которое разрушается преступлением незыблемых ранее ценностей, иерархий, запретов согласно принципу *голового короля*.

Одно из ключевых затруднений капиталистической миросистемы именно в том, что она институционально и ценностно господствует в современном мире. Но эта глобальная успешная материализация плохо совмести-

ма с тем, что для сакрального нарратива высшей легитимностью обладает то, чего еще нет, будь то царство небесное, коммунизм или идеальная демократия. В политическом нарративе Модерна либеральный призыв к социальным переменам во имя более рационального и справедливо устроенного общества априори переигрывает апологетику социального статус-кво. Для капиталистической миросистемы сегодня не наблюдается принципиальных вызовов, связанных с трансценденцией альтернативных оснований человеческого жизнеустройства. Критические замечания, связанные с неравенством периферии и центра, неудовлетворенностью либеральным консенсусом и мировым разделением труда, не являются фатальными. Истинно слабое звено состоит в снижении общей легитимности (сакральности) как следствии практической реализации. Поскольку только еще нереализованные утопии сохраняют сильный иммунитет к онтологической критике и аргументации.

Пределные основания власти и политики всегда уходят в трансцендентное. Эффективная власть метафизична в отношении закрепляемого с ее помощью *порядка вещей*. Поэтому, например, представительная демократия, рынок, советский путь и т.п. – это не столько набор неких истинных и универсальных для человечества практик и институтов, сколько лежащий в их основе трансцендентный политический символ веры.

Трансцендентное в современной политике выступает и как мифическое, и как религиозное, и как идеологическое. Основная проблема состоит именно в *профанизации* (материализации) всех ключевых целей Модерна. В отношении к социальным изменениям представляется существенным, что современные общества базируются на линейной идее прогресса, которая социально и технологически возможное сделала общественно необходимым. Осуществление возможного, т.е. утопий, превратилось в базовую потребность и принцип. Ожидания стали полноправной частью социальной реальности, а не удачей, чудом, милостью короля и т.д. Люди начали оценивать социальные институты, включая государство, исходя из их новых доступных возможностей (социальных, научных, управленческих, технологических и т.д.). Воз-

возможности стали неотъемлемой частью социальной реальности. Политический нарратив Модерна оказался существенно зависим от материальных и интеллектуальных *фьючерсов*. Они легитимируются надеждами на улучшающие изменения, которых не питали люди, жившие в домодерных обществах, подчиненных естественным природным циклам.

Соответственно, несправедливость в обществе прогресса стала интерпретироваться уже не как ухудшение статус-кво, но, наоборот, как его сохранение, как нереализованность возможностей и надежд, как отсутствие изменений к лучшему. Именно такая критика усиливается в капиталистической мироземле: возможностей для улучшения жизни большинства все больше, но они либо не используются, либо остаются монополией незначительного меньшинства. Более того, новые возможности, предоставленные прогрессом, зачастую употребляются в пользу умножения социального и экономического неравенства. И эти поддающиеся общественному регулированию неравенства более нетерпимы, чем статичные и нерегулируемые неравенства прошлого.

В результате в условиях позднего Модерна сложилась общественно-историческая и интеллектуальная ситуация, состоящая не столько в кризисе капиталистической мироземле и/или представительной демократии, сколько в потере ими утопического измерения, способности давать надежды на что-то большее. В связи с этим не случайна актуализация такого демифологизирующего жанра, как политические антиутопии и альтернативная история¹. Демократия, капитализм и либерализм стали частью повседневности, обыденности. Но повседневность не обладает потенциалом легитимации, обществу прогресса нужны новые утопии, надежды и возможности, представить которые демократия и либерализм не могут, поскольку кардинально лучше в этом либерально-демократическом и капиталистическом дискурсе уже не бывает. Таким образом, политический нарратив Модерна не столк-

¹ Дивов О. Выбраковка. М., 2000; Пелевин В. Empire V. M., 2006; Сорокин В. День опричника. М., 2006; и др.

нулся с принципиально новыми общественными проблемами, для разрешения которых необходим принципиально новый политический порядок. Глобальный мир, скорее, все более разочарован в идеологиях, институтах и коллективных практиках, которые уже не дают перспективы будущего. Социально-политические идеалы демократии и либерального консенсуса в общем и целом реализованы в современном мире. Поэтому в данной перспективе принципиально иного будущего нет. А есть лишь «тирания настоящего времени»¹, перманентный ремонт демократии, распространение политических ценностей либерального консенсуса на периферию миросистемы и т.п. С. Ринген, в частности, пишет по поводу кризиса норвежской демократии, одной из самых благополучных в мире: «...причиной того, что люди отворачиваются от политики, служат не новые ценности и настроения... Грубо говоря, разумные и информированные граждане *правы*, теряя интерес к демократической политике. В этой государственной системе граждане оказываются ни в чем не виноваты; вина падает на тех, кто трудится на их пользу»². То есть уже реализованные демократические идеалы превращают политику в бессмысленный набор повторяющихся автоматизмов, работающий без какого-либо участия и ответственности населения. Основные социальные группы вовсе не хотят чего-то принципиально нового, они вообще ничего *принципиально иного* не хотят, что отражает бодрыйровская метафора *имплозии масс*³. И недовольство людей отдельными элементами капиталистической миросистемы не должно вводить в заблуждение. Никто не собирается принципиально менять эту действительность, а тем более *заколдовывать* социальный мир на новых идейных основах.

Ключевое условие гипотетической *заколдовывающей альтернативы* вместо капиталистической миросистемы и легитимирующего ее нарратива Модерна – отказ от расколдованной демократической современности, констатация ее интеллектуальной, социальной, моральной ограниченности. Из-

¹ Вирильо П. Тирания настоящего времени // Искусство кино. 1996. № 1. С. 130-133.

² Ринген С. Демократия: куда теперь? // Логос. 2004. № 2. С. 96-97.

³ Бодрыйяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000. С. 6-8.

менение структуры современных обществ демонстрирует распад интегрирующих институтов, вроде наций, идеологий, экономических макрокласов, массовых партий, профсоюзов и т.п. Аналогичным образом идет трансформация идейных альтернатив, связанных с морально-политической локализацией (национализм, цивилизационная теория, этика добродетелей, экологический дискурс и т.д.), что не позволяет, по сути, полноценно выйти за пределы *дискурса ремонта* уже имеющейся капиталистической миросистемы вместо формулирования полноценных альтернатив.

Выводы

В исторической ретроспекции столкновение двух ценностных систем – христианской морали традиционного общества и формирующейся в его недрах антихристианской логики ценностей капитализма привело к своего рода *моральному коллапсу* и институциональному переформатированию европейского политического пространства. Выходом из этого кризиса стал политический нарратив Модерна, в основу которого был положен либеральный идеологический консенсус, призванный легитимировать капиталистическую миросистему и при этом не допустить дезинтеграции локальных политических обществ. Базовые либеральные идеи свободы и автономии граждан, общественного договора, прав и свобод человека стали своего рода паллиативом, своеобразным способом примирения христианских ценностей и капиталистической логики развития, во многом строящейся на элиминации данных ценностей. Модерные идеологии и утопии смогли разработать гибридные версии ценностных систем, совмещающие ценности рынка, конкуренции, личного успеха, бесконечного накопления капитала, неравенства людей, свойственные возникающим общественным отношениям эпохи капитализма, с христианскими ценностями милосердия, равенства, братства, взаимопомощи, эгалитарности, область эффективного действия которых сократилась до регуляции частных жизненных миров людей, их семей и знакомых. Подобное

разделение приоритетов, своего рода двойные моральные стандарты – преимущественно христианская мораль для частной жизни и капиталистическая для жизни в обществе и социально-ролевых функций – во многом способствовали смягчению, но не преодолению морального коллапса капиталистической миросистемы.

Секуляризация современного общества привела к автономизации и эссенциализации политического в национальных границах. Когда универсум политики *заземляется* на определенную территорию, возникает дефицит универсальности, а следовательно, и легитимности ценностей и институтов территориально организованной и в силу этого ограниченной политической общности. В результате трансцендентные основы буржуазных государств стали черпаться *снизу*, в их национальных, народных, исторических и демократических основаниях – общественное благо, концепции представительства народных интересов, сакрализация *гласа народа*, общественный договор, классовые интересы, выборы и иные концепции и механизмы республиканской легитимации политического порядка.

Историческое развертывание нарратива Модерна привело к тому, что его высшие, ключевые понятия (демократия, рынок, либерализм и др.) во многом являются глобально воплощенными, что естественным образом приводит к их профанизации (десакрализации) и *расколдовыванию*. В результате усиливается запрос на поиск политических альтернатив в интересах тех социальных классов и слоев, которые сталкиваются преимущественно с издержками, эксплуатацией и негативными сторонами глобального развертывания капиталистической миросистемы. Однако отвергнуть представительную демократию и либеральный консенсус можно лишь, предложив *нового бога политики*. Пока большинство субъектов, ратующих за социальные изменения, не идут далее необходимости инструментальной или ситуативной *наладки* миросистемы. Тем более что период уточнения, наладки, ремонта и последующего умирания капитализма, демократии и либерализма в основе политического нарратива Модерна может стать воистину бесконечным. По-

этому ситуация стагнации, кризиса или перманентного *разоблачения* вовсе не позволяет отнести Модерн к числу закрытых исторических эпох. Наоборот, в политическом измерении нарратив Модерна остается *незавершенным, способным к коррекции, совершенствованию и ремонту*. Таким образом, политический нарратив Модерна, несмотря на убедительную и разнообразную критику, выступает базовым языком самоописания и легитимации глобальной политической реальности.

Модерн как развивающийся нарратив приспособливается к новым вызовам и использует все новые возможности, сохраняя свое ценностное ядро. Исследователи, несмотря на значительные онтологические и институциональные изменения, постоянно наблюдаемые в современных обществах, подчеркивают, что мы все еще имеем дело с нарративом Модерна, будь то *сингулярная современность* Ф. Джеймисона, *текущая современность* З. Баумана, *гипермодерн* А. Турена и Ж. Липовецкого, *космополитический, второй или поздний Модерн* У. Бека, концепция *радикального Модерна* Э. Гидденса, а не с тем, что периодически приходит на смену – постмодерн, постпостмодерн (А. Павлов), новое Средневековье (П. Ханна, У. Эко, Дж. Коткин, В. Шляпентох и др.), децентрированная империя (М. Хардт и А. Негри), а тем более разнообразные утопические и фундаменталистские проекты, связанные с отрицанием капиталистической миросистемы и либерального консенсуса, лежащих в основании легитимности нарратива Модерна.

ЧАСТЬ II. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МОДЕРНОГО ОБЩЕСТВА И ПОПЫТКИ НОРМАТИВНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПРЕОДОЛЕНИЯ НАРРАТИВА МОДЕРНА

Глава 1. Совершенствование нарратива Модерна и нормативные альтернативы

§ 1. Глобализация Модерна: единство против множества

Политический нарратив Модерна во многом стал рефлексией о необходимости преодоления своего рода морального дефицита, который капитализм привнес в жизнь традиционных обществ, когда их осовременивание шло параллельно с деуниверсализацией и ограничением регулятивного потенциала христианских ценностей. В этико-политической плоскости политический нарратив Модерна вырастает из попыток минимизировать последствия морального кризиса капитализма, приспособить общество к жизни в условиях капиталистической мирозкономики. И в этом нарративе превалирует, скорее, не стремление к экономической прибыли, но гарантии жизни, свободы, собственности, равенство, братство, справедливость, солидарность и т.д., позволяющие охранять политическое общество от распада. Все эти идеи объединились в базовую идеологию либерализма, который, реализовавшись институционально в странах центра миросистемы, исторически породил свои социал-демократические, консервативные и националистические инварианты. Формирование политического нарратива Модерна позволило складывающемуся центру миросистемы смягчить хронический моральный коллапс капитализма, сделав жизнь при капитализме сносной и даже приятной для большинства. Особенно в условиях неравновесного ресурсного обмена метрополий с колониями, центра с периферией. В сфере идеологической надстройки капиталистической миросистемы сформировался эволюционирующий либеральный консенсус, который начинает восприниматься как необходимая часть Модерна в целом¹.

¹ Валлерстайн И. Крах либерализма // После либерализма. М., 2003. С. 216-233.

Изначально европейский нарратив Модерна определил программы социального знания эпохи классического классово-индустриального, которые первоначально были ориентированы на нацию-государство как нормативную политическую форму своего практического воплощения. Именно поэтому Маркс, обобщая достижения своей эпохи, еще мог опираться на *английскую* политэкономия, *немецкую* философию и *французских* утопистов¹. В условиях позднейшей глобализации нарратива Модерна, создания и накопления общемировых баз научно-статистической информации любые национальные школы и традиции социального знания утрачивают самодостаточность. Поэтому представляется, что в общественных науках (само возникновение которых неразрывно связано с нарративом Модерна), *изначально* ориентированных на поиск всеобщих закономерностей, множественная причинность в объяснении социально-политических реалий разных обществ, признание доминирующего воздействия их своеобразия и исключительности выступают явным признанием бессилия в их действительно научном объяснении.

В дальнейшем национальные сообщества все чаще превращаются лишь в место производства или применения глобальных рецептов, в частное и особенное в сравнении с всеобщими закономерностями, которые релевантны для человечества в целом. Самым большим коллективным *мы* в глобальном мире вопреки С. Хантингтону становится вовсе не *цивилизация*, а *род человеческий*. Программа научного знания об обществе в Новое и Новейшее время исторически развертывалась как рефлексия становящегося Модерна, представленного в виде идеологических систем ценностей, индустриального общества и политической формы наций-государств. Однако привычные для европейского Модерна нарративы социального знания все менее эффективно описывают глобальную феноменологию социально-политического пространства. Перед лицом глобальных вызовов и угроз – ценностных, экологических, технологических, демографических, конфессионально-этнических – пробле-

¹ Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма // Полное собрание сочинений. Т. 23. М., 1973. С. 40-48.

мы различных стран приобретают интернациональный характер. При этом общность фундаментальных проблем демонстрирует все большие нормативные различия обществоведов разных стран в интерпретации образов будущего, призванных их разрешить. Мировая политическая мысль произвела множество концепций, объясняющих ценностные и институциональные трансформации глобального мира. Для интерпретации современности возникают альтернативные нарративу Модерна концепции постмодерна¹, неотрадиционализма², постматериального общества³ и др. В публицистике, литературе и фантастике можно наблюдать всплеск интереса к жанру прогнозов, конструированию сценариев будущего, описанию новых утопий⁴.

Однако представляется, что человечество, несмотря на постоянно возникающие оппозиции и альтернативы, находится внутри дрящегося Модерна и соответствующего нарратива как релевантной карты современности, отражающей как ее морально-политический порядок, так и социально-экономические закономерности современного общества. В постбиполярном мире закономерно обострилась дискуссия о смысле и назначении человеческой истории, связанная с оппозицией цивилизационного и исторического (формационного) подходов, акцентирующих, соответственно, различия (уникальность) и единообразие (универсальность) разных частей человечества. Распад советского блока и относительно стабильной биполярности не привел ни к *концу истории*, ни к однополярности, ни к уверенному доминированию определенной *цивилизации*. Вместе с тем актуальный глобальный мир становится все более динамичным, открытым и *плоским* (Т. Фридман⁵), все большее количество прежде культурно различных регионов мира успешно адаптируется к ценностям и институтам позднего, *второго* или космополитиче-

¹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.

² Рябов А. Возрождение «феодалной» архаики в современной России: практика и идеи // Рабочие материалы (Working Papers) Московского центра Карнеги. 2008. № 4. С. 4-14.

³ Белл Д., Иноземцев В.Л. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. М., 2007.

⁴ De futuro, или История будущего / Под ред. Д.А. Андреева, В.Б. Прозорова. М., 2008; Бестужев-Лада И.В. Россия в XX-XXI веках. 1917-2017. Трижды от колосса к коллапсу и обратно. М., 2008; Проект Россия. М., 2007.; Воины креатива. Главная книга 2008-2012. М., 2008; Воины Креатива. Праведный Меч. М., 2008; Юрьев М. Третья империя. Россия, которая должна быть. СПб.-М., 2007; Делягин М.Г. Реванш России. М., 2008; и др.

⁵ Friedman T. The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century. N.Y., 2005.

ского Модерна¹, выходящего за любые национальные и историко-культурные границы. Поэтому, несмотря на сохраняющееся культурное и институциональное разнообразие Модерна, процессы ценностной интеграции человечества преобладают над всеми прочими альтернативными политическими нарративами. Политический нарратив Модерна впервые в истории охватил все человечество. Анализируя его актуальное осмысление, можно выделить две группы базовых теорий, где сторонникам эконоцентричного *плоского мира* и культурной интеграции человечества противостоят приверженцы наступления *множественной модерности*, обусловленной нарастающим разотождествлением Модерна с Западом. Попытки объяснить глобальное разнообразие ответов на вызовы модернизации привели к росту популярности культурных теорий, интерпретирующих специфику модерности незападного мира в виде возможности альтернативной нормативности Модерна, порождающей разные современности.

Более того, оборачивание социально-политических институтов и практик в традиционные одежды и коллективные идентичности осуществляется в виде конструирующего нарратива Модерна и в полном соответствии с его духом автономии, свободы и плюрализма. И этот современный дух никогда не был присущ традиционным ценностям, к которым апеллируют те или иные социальные силы. Они используют историю, традицию, коллективные идентичности и национальные ценности не как конечные цели, понимая, что возврат к реальности догматической традиции, принципам примордиализма, культурному, религиозному и лингвистическому единообразию уже невозможен, но как ресурс для обеспечения и легитимации своих актуальных интересов: «На самом же деле многие европейские общества создали ту или иную степень культурного единства (*coherence*) на протяжении девятнадцатого и двадцатого веков посредством строительства национальных институ-

¹ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007. С. 329-404.

тов, а вовсе не воздвигли эти институты на основании единства уже существовавшего»¹.

Безусловно, отсутствие четкой границы между ценностями (культурой) и институтами обуславливает их взаимопереходный характер. С одной стороны, ценности не могут быть внеисторичны, с другой – любые институты также являются разворачивающимися в истории регулярными процессами, воспроизводство которых корректируется с течением исторического времени. Таким образом, односторонняя абсолютизация в качестве основания общества ценностей (культуры) в цивилизационном подходе или институтов в формационно-стадиальной парадигме прогресса чревата неоправданным редуционизмом.

Умножение ведущих акторов постбиполярного мира и радикализация неравенства и различий внутри наций-государств и мироэкономики, ведущих к эскалации политических, экономических, культурных конфликтов, порождают большой соблазн объяснить эти явления сквозь призму цивилизационного нарратива и устойчивых культурных различий. Однако подобное объяснение фактически лишь работает на закрепление этих различий, подразумевая их непреодолимость и *объективный характер* следующих из них дискриминационных практик, неравенства, нормативного партикуляризма различных *духовных основ*. Таким образом, в контексте нарратива Модерна цивилизационный дискурс имеет, скорее, прагматическое, популистское применение, чем является способом объяснения закономерностей, действующих на современное человечество. Например, «“цивилизационному ядру” Запада приписываются – в качестве “ценностей” – те этико-политические явления и институты (верховенство закона, демократический выбор, гуманистические принципы, либеральные права, представительное правление и т.д.), которые в действительности были *специфическими продуктами Современности*. Тем самым производится *узурпация* “западной цивилизацией” нравственно-

¹ Открытость будущего: модерность и общественные науки. Интервью с Питером Вагнером // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12, № 2. С. 11.

политического содержания Современности, в правах на которое и даже в возможности причастности которому *в будущем* другим “цивилизациям” отказано (ведь оно – уникальное достояние “западной цивилизации”). Получается, что столкновение будто бы сравнительно *не оцениваемых* локальных “цивилизаций” все же оказывается противоборством нравственно-политической Современности, локально воплощаемой Западом, с нравственно-политической досовременностью, т.е. отсталостью, представляемой всеми остальными “цивилизациями”. Это и есть апология Запада»¹.

Представляется, что в условиях глобализации Модерна исследовательский акцент на уникальности и культурных отличиях разных регионов, в наиболее типичной форме выраженный в популярной концепции *множественной современности* (multiple modernities) Ш. Эйзенштадта не позволяет эффективно познавать всеобщие закономерности общественного развития, что является основной задачей социально-политических наук. *Множественная модерность*, по сути, является политкорректной формой свертывания ценностного нарратива Модерна в пользу цивилизационного подхода. Подхода, который, помимо критики, не может предложить более универсальной моральной программы для обоснования альтернатив глобальному Модерну, поскольку этически оправданная цель любых политических проектов в глобальном мире неизменно выходит на рамки наций и цивилизаций.

Культурная программа Модерна строится, по мнению Ш. Эйзенштадта, на следующих принципах²:

1) специфическое представление о человеческой агентности и месте человека в истории. Человек сам создает будущее через свою деятельность. Согласно Эйзенштадту, лучшее определение этому дал Вебер: до Модерна вселенной управлял бог, и она представляла собой этически заряженный и управляемый космос. В тот момент, когда священным образом созданный порядок утрачивает свою легитимность, и рождается Модерн. Мир становит-

¹ Капустин Б.Г. Политические смыслы «цивилизации» // Политическая концептология. 2009. № 3. С. 34-35.

² Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // Daedalus. 2000. Vol. 129, No. 1. P. 1-29.

ся изменчивым, не богоданным. Социальный порядок также становится производным от человеческой деятельности. При этом неважно, какие именно боги отрицались конкретными цивилизациями, содержание сакральных ценностей может быть разным. Суть одна – нарратив Модерна поставил под вопрос подобную легитимацию. Модерн исходит из автономии человека. Отсюда берут начало два компонента программы Модерна: многообразие социальных ролей и возможность участия в более широких, чем локальные, системах социальных действий;

2) радикальная трансформация политического порядка, структуры и сути политического процесса. Отрицается традиционная легитимация, открываются возможности для социального конструирования. Постоянный протест тех или иных групп в связи с проблемами равенства, свободы, справедливости, автономии, солидарности, идентичности становится незаменимым компонентом политического действия, служит освобождению человека. В эпоху Модерна эти ранее периферийные темы становятся центральными. Требования различных общественных групп политизируются и институционализируются как легальный конфликт интересов;

3) по-новому определяются границы коллективностей. Усиливается гражданский компонент за счет других – этнических, примордиальных и пр. При этом идентичности также не рассматриваются как предзаданные, но активно конструируются в ходе конфликта;

4) универсализация разума, то, что М. Вебер назвал «расколдовыванием мира», параллельно приводит к прогрессирующей рутинизации и бюрократизации политики. В терминах другого исследователя Модерна П. Вагнера, подобная рационализация всей жизни порождает имманентное противоречие между свободой и контролем (государством) присущее Модерну¹. Еще одно противоречие – между суверенным индивидом и необходимостью следовать общему благу.

¹ Вагнер П. Политическая форма новой Европы, Европа как политическая форма // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12, № 2. С. 23-24.

Собственно, в этих ценностных координатах, по мнению Эйзенштадта, и развивается нарратив Модерна. Различные альтернативные движения (социалистическое, фашистское, национальные) на самом деле уточняют или пытаются иначе определить границы между индивидом и коллективностью, что является сущностной проблематикой нарратива Модерна. Этот конфликт одинаково важен во всех частях света, когда мы наблюдаем, как решаются основные антиномии Модерна в различных культурных контекстах. Социалистические движения недовольны незавершенностью капиталистического Модерна, националисты озадачены вопросом суверенитета и границ, которые обеспечат автономию определенным коллективностям. Тем не менее понять подобные движения возможно только в рамках культурной программы Модерна.

Согласно Ш. Эйзенштадту, первая неевропейская версия Модерна появляется в США, в ходе конфронтации с Англией и Францией, будучи связана с отказом принять базовые политические институты, которые предлагались. Тем не менее именно Европа и последующая оппозиция к ней позволили создать новую самореференцию американского общества. Дальнейшее разнообразие версий нарратива Модерна связано с военным и экономическим империализмом и колониализмом. Это те механизмы, благодаря которым европейский проект Модерна распространился по всему миру. Прежде всего, в форме территориальной модели нации-государства. Также повсеместно появились законодательные и административные институты, которые обеспечивают репрезентативность выражения общей воли.

Однако встреча западного нарратива Модерна с незападными культурами привела к его закономерной трансформации. Ш. Эйзенштадт подчеркивает привлекательность западного Модерна, который достаточно быстро уничтожает основы традиционных обществ и интегрирует местные элиты в общемировую систему. Однако принятие части ценностей Модерна не всегда заставляет локальные элиты отказаться от выгодных для них элементов

национальной культуры и способов выгодного им ресурсного контроля потоков на контролируемой ими территории, вплоть до оппозиции Западу¹.

Таким образом, происходит переинтерпретация импортированных идей, когда зачастую политический нарратив Модерна лишь симулируется элитами в целях собственной легитимации². Очевидно, что оппозиция Модерну со стороны местных элит является, прежде всего, попыткой сохранить монополию на контролируемые территории и ресурсы. Поэтому культуроцентричная антимодернистская риторика здесь часто предстает не самоцелью, а лишь средством для обеспечения чьих-то особых и неуниверсальных политэкономических интересов, которые более универсальный нарратив Модерна лишает легитимности. Что не мешает этим обществам пользоваться возможностями и благами присоединения к Модерну. Тем не менее Ш. Эйзенштадт аргументирует мысль, что альтернативные европейской версии Модерна возникают именно по причине негативного культурного резонанса. Хотя подобный резонанс должен был бы логически привести к отрицанию ценностей Модерна, а не построению его *альтернативных* культурных версий. Представляется, что Модерн не уникальная, но закономерная ситуация современности, поэтому его вариации могут существовать в области институциональной реализации, но никак не в сфере культурных, ценностных отличий, характерных для домодерных обществ разных регионов мира. Поскольку эти домодерные культурные отличия нарратив Модерна сглаживает и консолидирует в более универсальных ценностях и институциональных формах.

Наконец, еще один фактор дифференциации версий нарратива Модерна Ш. Эйзенштадт вполне справедливо связывает с кризисом политической формы и легитимности нации-государства на фоне роста влияния транснациональных финансово-экономических агентов. Нации-государства перестают быть главным локусом, где реализуется программа современности. Они

¹ Mishima K. The Long Shadow of European Self-interpretation in Another Modernity // Social Imaginaries. 2016. Vol. 2, No. 2. P. 183-197.

² Бляхер Л.Е. Архаические механизмы легитимации власти в России, или Очерки об истоках ностальгического сознания // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2008. № 3. С. 7-29.

больше не нормируют правила политической и иной коллективности. Среди движений, которые предлагают альтернативные версии модернистским идеологиям, – женское движение и экологисты, фундаменталисты (религиозные движения) и этнические движения. Они не фокусируются на уровне нации-государства, но обращаются к другому социальному контексту и таким образом могут занять центральные позиции как в определенных государствах, так и одновременно на международной арене.

Все они предлагают новое определение политической коллективности за пределами нации-государства. На первый взгляд они альтернативны нарративу Модерна. Однако даже при активной антизападной риторике они обращаются к ценностям нарратива Модерна, но используют для этого собственные термины и реалии. Тем не менее и они верят в сознательное трансформирующее действие и озадачены вопросом о соотношении всеобщего и локального – глобализация против местных сообществ и культур. Они восстанавливают проблематику Модерна в новых исторических обстоятельствах. А поскольку они часто антизападны, то просто разрушают монополию Запада на Модерн, что вызывает ответную реакцию в виде упреков в антимодернизме.

Таким образом, во многом у Ш. Эйзенштадта нарратив *множественной современности* обусловлен культурными факторами, проистекающими из предшествующего различия цивилизаций, сохраняющегося и в современности¹. *Множественная современность* представляет собой стремление заменить стадильно-диахронную модель движения всего человечества к цивилизации, представленной, прежде всего, Западом, из условий нецивилизованности, на модель синхронную, где декларируется сосуществование *плюральных цивилизаций* Модерна, среди которых в силу самой цивилизационной логики неизменно выделяются *ведущие* и *периферийные* образцы современности². Фактически это попытка сохранить релевантность понятия *циви-*

¹ Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // Daedalus. 2000. Vol. 129, No. 1. P. 1-29.

² Капустин Б.Г. Политические смыслы «цивилизации» // Политическая концептология. 2009. № 3. С. 33-34.

лизация в условиях глобализованного Модерна, усилие предложить некие объясняющие общество *цивилизационные модели* Модерна, детерминированные историко-культурными особенностями региональных цивилизаций. Получается, что Модерн по Эйзенштадту не отменяет предшествующие ему исторические цивилизации, наоборот, цивилизации становятся модерными, не утрачивая своих непреодолимых культурных различий. Таким образом, *множественность модерности* элегантно превращается лишь в сохраняющееся *множество цивилизаций* в эпоху Модерна, множество несвязанных между собой модерностей. Остается непонятным лишь то, почему все цивилизации вдруг оказались современными, т.е. модерными, несмотря на их культурно-исторические отличия.

Между тем нарратив Модерна представляется именно таким универсализирующим проектом, который преодолевает предшествующие цивилизационные, этнические, конфессиональные и иные различия. Поэтому проблема разнообразия внутри Модерна предполагает инварианты его институциональной реализации при относительно гомогенном центральном ценностном ядре. Но у Ш. Эйзенштадта, наоборот, множественность Модерна вытекает из различия цивилизационных ценностей, что фактически приводит к противоречивому в самом себе на уровне ценностного ядра *цивилизационному нарративу* Модерна. И это состояние множественной культурной модерности становится невозможно описывать как целостный, а тем более универсальный, космополитический проект. Таким образом, совмещение методологических антагонистов – цивилизационного нарратива (акцентирующего культурную уникальность разных обществ) с универсалистским нарративом Модерна (нацеленным на поиск общих закономерностей общественного развития, в том числе вне локального-регионального культурного контекста и традиций) – представляется малоубедительным синтезом, в котором Модерн, выходящий за пределы Европы, тут же распадается на ничем не взаимосвязанное множество культурно уникальных модерностей.

Признавая европейский нарратив Модерна как исходный образец, точку отсчета (*reference point*) для развития более поздних *культурных программ* незападной модерности, Ш. Эйзенштадт критикует отождествление глобального распространения Модерна с культурной вестернизацией, в то же время справедливо отмечая, что и критика нарратива Модерна, в том числе фундаменталистского толка, зачастую порождены самим Модерном. Поэтому обычно отрицают не Модерн, но лишь его западную версию; утверждают собственные, отличные от Запада идеологические и институциональные констелляции Модерна. При этом первые версии альтернативного нарратива Модерна уже внутри европейской версии по Эйзенштадту демонстрируют коммунизм и фашизм. Признавая, что западные образцы современности не являются некими *аутентичными*, но лидируют лишь в области исторического прецедента, продолжая оставаться объектом сравнения для последующих моделей нарратива Модерна. Однако детерминируя *множественность современностей* и соответствующих им институциональных констелляций, активно нарастающую после Второй мировой войны, лишь перманентным соревнованием различных *культурных программ*, Эйзенштадт затрудняется сформулировать общее ценностное ядро *множественных современностей*, принципиально отличающихся друг от друга в области традиций, религии, экономических обменов, организации семейной жизни, институциональных политических структур, особенностей урбанизации, индивидуальных ценностных ориентаций и т.п. В итоге он парадоксальным образом апеллирует лишь к хрестоматийным именно для исторического европейского нарратива Модерна ценностям автономной личности, *расколдовывающей* социальной рациональности, субъектности, разума, множественной социальной идентичности, освобождения и т.д. Тем самым признавая, что ценностное единство поздних вариаций нарратива Модерна образуется вопреки множеству наблюдаемых в мире незападных культурных программ и институциональных отличий именно на базе первоначально западного ценностного ядра.

Соответственно, идея *множественной современности*, которую Эйзенштадт пытается противопоставить кризису европейской модели нарратива Модерна, все более подвергается эрозии в процессе глобализации и универсализации современных политических ценностей и институтов. И культурологическое умножение модерности в концептуальном плане не дает ничего принципиально нового для рефлексии актуальной социально-политической онтологии. Как, впрочем, не представляют необходимой новизны и альтернативные взгляды на глобализацию нарратива Модерна, выраженные в виде концепций *конца истории* (глобальный вестернизированный Модерн) или *столкновения цивилизаций* (отрицание универсальности Модерна). По мысли Эйзенштадта, происходит не конфликт цивилизаций и не конец истории, а совершается непрерывный процесс переосмысления культурной программы Модерна, предложение новых политических форм для ее воплощения внутри и за пределами традиционных наций-государств.

При этом остается непроясненным, происходит ли это переосмысление как самопроизвольное появление революционного *нарратива культурной трансформации*¹, или все же этот легитимирующий политический нарратив сам по себе является лишь следствием выработки определенных ценностей-норм-правил, обусловленных рядом закономерных фоновых процессов *долгого исторического времени* в масштабе всего человечества. Представляется, что разной степени интенсивности волны отторжения на форсированные процессы модернизации полупериферии и периферии капиталистической миросистемы, принимающие форму возрождения культурных отличий, возврата к традиции, к цивилизационным ценностям, вовсе не тождественны отказу от нарратива Модерна. Любое развитие всегда идет волнообразно, а любые революции предполагают последующую реакцию, испытывающую новые ценности на прочность. И даже такие относительно новые политические формы, как суверенные нации-государства, в которых осуществляется изна-

¹ Thompson J.B. Ideology and Modern Culture. Stanford, 1990.

чальный, *национальный* политический проект Модерна, испытывают все более серьезные вызовы со стороны глобального мира.

Таким образом, основная проблема, из которой проистекает гипотеза *множественной современности* заключается в оценке успешности способов трансплантации нарратива Модерна за пределы его исторической европейской модели. Новые версии Модерна возникают из взаимодействия идей, ценностей и институтов, которые в ходе колонизаций распространили европейцы, и местного культурного субстрата. Дилемма, на которую Эйзенштадт не дает однозначного ответа, состоит в том, творят ли уникальные общества свой собственный, культурно невоспроизводимый вовне их Модерн, или же Модерном предполагается единая культурная программа, которая претерпевает некие закономерные абберации в иноевропейских условиях. И Эйзенштадту волей-неволей приходится склониться все же к последней версии, поскольку условия запуска и воспроизводства нарратива Модерна сами по себе должны стать модерными, признавая человеческую агентность, рефлексивность, социальную рациональность, независимость от предшествующего развития и традиционной культуры. В противном случае гипотеза *множественной современности* становится тождественна множеству цивилизаций и утраивает признаки оригинальности.

Более того, если мы признаем, что в итоге сильнее оказывается не нарратив Модерна, а местная культурная традиция, тогда мы впадаем в культурный детерминизм, переоценивающий влияние предшествующей культурной традиции на базовый принцип индивидуальной автономии жизни людей в условиях Модерна. Свободы, предполагающей самостоятельное принятие любых решений без оглядки на внешние авторитеты, бога, традиции, историю и т.д. Соответственно, сравнение культурных вариантов Модерна по определению не может дать принципиально нового знания в области поиска общественных закономерностей, если эти культурные отклонения заведомо не универсальны и полностью зависимы от прошлого развития, а тем более приводят к свертыванию нарратива Модерна.

Наконец, если основная идея Эйзенштадта сводится в тому, что современное общество не связано традицией, опирающейся на сакральную божественную легитимацию политического порядка, то это логически означает, что человек (общество) Модерна может свободно конструировать социальный порядок по любым лекалам, в том числе немодернистским. Поэтому концепция *множественной современности* фактически начинает имплицитно подверстывать в политический нарратив Модерна и те социально-политические силы, которые не приемлют в силу разных причин современной стратегии развития, объясняя данное несоответствие некими культурными особенностями неевропейского и немодерного пути развития, дающего аутентичные ответы на актуальные для всех проблемы глобальной современности. Причем легитимация подобных вариантов сводится к тому, что именно такие невоспроизводимые вовне культурные образцы и ответы изнутри конкретного общества на вызовы глобального Модерна и будут наиболее эффективными.

Представляется, что подобный дискурс, вопреки собственной риторике, оборачивается из современного в цивилизационный, акцентирующий приоритет уникальности и различий, а не закономерностей и сходств. Фактически он редуцирует все классовые, социально-экономические конфликты к неизменным во времени и истории конфликтам культурным, к несовместимости агентов конфликта на уровне их *непоколебимых* ценностей. Либо к проблеме пагубного отхода от этих ценностей в виде *варваризации* или утраты традиций и *правильной* идентичности в результате губительного влияния иноцивилизационных ценностей. Подобная *логика культурного мифа* затрудняет модернистскую рационализацию политических конфликтов, нацеленную не на констатацию их непреодолимости, но предполагающую их интерпретацию, изменение, критическое обсуждение и выработку различных форм синтеза частных и особых интересов во всеобщий, преодоление противоречий интересов в адекватных для имеющихся конфликтов институциональных формах выражения.

Таким образом, предположение о *множественности современностей*, причем культурно детерминированных, является латентным дискурсом цивилизационного подхода, маскируемым под модернистскую риторику. Возможность умножения сущностей Модерна, по сути, является попыткой его опровержения, т.к. нарратив Модерн предполагает универсализацию и глобализацию социально-политических ценностей и общественных институтов, выходящую за пределы наций, культур и цивилизаций, но эффективно работающую в любых регионах мира вне зависимости от особенностей предшествующего развития. И здесь разнообразие институциональных моделей не опровергает ценностного ядра нарратива Модерна, более космополитического и всечеловеческого, чем любой из предшествующих или альтернативных ему в настоящем политических проектов.

Все очевиднее становится тот факт, что морально-политическая *игра на повышение*, связанная со стиранием всевозможных границ и поиском общих транснациональных ответов на фоновые вызовы (пределы роста свободных рынков, изменение факторов социальной стратификации, кризис социального государства, трансформация *общества труда*, рост ресурсного неравенства, структурное расширение безработицы и т.д.), с которыми с разной степенью интенсивности сталкиваются все современные общества, является более трудной, но единственно возможной стратегией их действительного разрешения. В данной перспективе концепция *множественной модерности* является ложной альтернативой развития позднего Модерна, которая воскрешает культурно-цивилизационные границы, отказывается от универсальной морали в пользу этики добродетели, осуществляет редукцию коллективного воображаемого в пользу легитимации партикулярных политических форм и привилегированной эксклюзивности коллективных меньшинств. В результате универсальные центры и иерархии политического нарратива Модерна превращаются в аморфные *множества*, представляемые как пространства и конгломераты различных автономных подмножеств, результатом которых может быть лишь постоянный *справедливый* передел ресурсов от одних из

этих политических субъектов к другим по принципу нулевой суммы, но стратегический выход из подобного ложного круга, связанный с другим уровнем политической рефлексии, будет надежно закрыт, усугубляя накопленные противоречия.

Цивилизационный дискурс *множественной современности* является деуниверсализирующей, локальной интеллектуальной реакцией на издержки и неодновременность глобализации Модерна. При этом он выступает изобретением самого Модерна, а не внешней альтернативой, возврат к которой невозможен. Поскольку горожане мировых мегаполисов на территории любых цивилизаций сегодня ближе друг к другу по образу жизни и системе ценностей, чем к собственным предкам или неким неизменным цивилизационным кодам, от которых они давно отказались взамен более универсальных ценностей нарратива Модерна, эффективно работающих в любых культурных контекстах. Что лишний раз свидетельствует о рефлексивности, текучести и постоянной изменяемости современности, ее неподвластности исторически закрытым эпохам прошлого, невзирая ни на какие убедительные аналогии, отдельные примеры или метафоры¹. Прошлые эпохи и эссенциалистские ценности цивилизаций конструируются апостериори посредством нарративного конструктора Модерна. Популярные модели возврата к некой культурной аутентичности представляют собой никогда не существовавшие в истории идеальные типы. Само понятие цивилизации, как замечает Б.Г. Капустин, в привычном нам виде не существовало до современности, но является продуктом рефлексии довольно позднего нарратива Модерна². Сконструированный внутри нарратива Модерна дискурс цивилизации оказалось возможным использовать для переинтерпретации реального столкновения политических

¹ Например, представляется, что с помощью разного рода аналогий тезис «современная Россия как феодальное общество» (В. Шляпентох) с не меньшим успехом можно отстаивать по отношению к любому иному современному обществу, будь то США, Япония, Китай или Европа. Поскольку сложное, дифференцированное, обезличенное общество, государство, бюрократия, экономика Модерна всегда надстраиваются как внешняя оболочка над сохраняющими свою эффективность семейно-родственными и вне рыночными, дарообменными механизмами, восходящими не то что к феодальным, но напрямую к родоплеменным структурам. Эти архаические элементы социальной регуляции по принципу матрешки всегда сохраняются параллельно с более поздними способами организации коллективной социальности.

² Капустин Б.Г. Политические смыслы «цивилизации» // Политическая концептология. 2009. № 3. С. 48.

интересов различных коллективностей в расово-этнических и цивилизационных категориях.

Констатация *множества современностей* провоцирует постановку проблемы определения и последующего соотношения в политическом нарративе Модерна нормы и не-нормы. И эта дилемма закономерно разрешается путем имплицитного отождествления западной цивилизации с современностью, а все остальные цивилизации характеризуются культурными чертами предсовременности, даже гипотетически неспособной к выработке политических идеалов Модерна. И право на цивилизационный дискурс оборачивается правом не быть современным, что означает не претендовать на универсальность политического законодательства в области целей для всего человечества, когда культурные различия ставятся выше единства людей как рода. В результате все иные цивилизации превращаются в пространство культурной резервации, которое нуждается в сохранении, но не способно предложить свою интерпретацию модерни. С методологических позиций гипотеза *множественной современности* превращается в политкорректную риторику, призванную отчасти сгладить тождество западной цивилизации и глобального Модерна, наблюдаемое в работах исследователей, придерживающихся цивилизационной парадигмы более прямолинейно, чем Эйзенштадт¹.

В процессе освобождения бывших колоний и обретения ими политической и экономической субъектности впервые встал вопрос о том, что в условиях глобального Модерна они могут претендовать на тот же уровень политической субъектности и те же условия жизни, что и бывшие колонизаторы. Пути к современности и ее институциональные воплощения у разных обществ могут варьироваться в зависимости от *предшествующего развития* (path dependence). Предшествующая история в ходе реализации Модерна обнаруживает значение механизмов институциональной инерции, но не они определяют новый путь обществ. Концепция *множественной модерности*

¹ См., например: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003; Дискуссия вокруг цивилизационной модели: С. Хантингтон отвечает оппонентам // ПОЛИС. Политические исследования. 1994. № 1. С. 49-57; Бьюкенен П. Смерть Запада. М., 2003.

пытается развести универсальные институты, технологии и процессы, объектом которых является человечество в целом, и культурные идентичности как достаточно статичную и ригидную ценностную среду в основе социального порядка обществ, в которой происходит адаптация и оптимизация современных инноваций. Противоречие состоит в том, что переход к Модерну обусловлен первоначальным критическим изменением ценностных императивов общества и практики составляющих его людей и лишь затем внедрением конкретных институтов и технологий. Именно эти ценностные изменения универсальны при многообразии институциональных механизмов их реализации, демонстрируемых в глобальном состоянии Модерна: «Постепенный упадок европейской, или западной, глобальной гегемонии, обратной стороной которого является растущее распространение современных институтов по всему миру, со всей очевидностью является одним из главных действующих ныне факторов. Прогнозируемый “упадок Запада” занимал мысли некоторых авторов с конца девятнадцатого века. В таком контексте это выражение обычно означает концепцию циклических исторических изменений, где современная цивилизация видится лишь как одна из регионально локализованных цивилизаций, наряду с иными, предшествовавшими ей в других регионах. Цивилизации имеют свои периоды юности, зрелости и старости, и по мере вытеснения одних из них другими распределение силы меняется. Но модернизм не является лишь одной из цивилизаций среди прочих. Упадок влияния Запада не связан с ослаблением воздействия институтов, впервые появившихся именно там, но, напротив, есть результат их глобального распространения»¹.

В институциональном плане политический нарратив Модерн предстает как рефлексия и легитимация общественных последствий фоновых процессов, единых для всего человечества. Это возвышение ценности автономной личности, формирование индивида и гражданина при ослаблении регулятивного воздействия коллективных общностей: нации, государства, класса, об-

¹ Гидденс Э. Последствия модернизма // Новая постиндустриальная волна на Западе / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 114.

щины, патриархальной семьи; деиерархизация общества; делегитимация морального превосходства элит; выравнивание доступных возможностей, наделение граждан одинаковыми правами; формирование наций-государств с унифицированными правовыми, культурными и властными пространствами; национализм как система их легитимации; отказ от трансцендентной легитимации политического, представляющего лишь результатом посюстороннего соглашения людей; принципиальное разделение публичного и частного пространств; урбанизация¹; секуляризация; индустриализация; дифференциация институтов и возвышение бюрократии; повышение уровня образования; демографический переход; увеличение продолжительности жизни и ее качества; рост индивидуальной мобильности; формирование универсальных общечеловеческих ценностей на базе концепции прав человека и т.д.

В.Л. Иноземцев предлагает аналогию перехода человечества к Модерну, сравнивая его с песочными часами, где все предшествующее разнообразие человечества в его культурном, экономическом, географическом измерении неодновременно, но все же неизбежно проходит сквозь узкую воронку Модерна как общества, наиболее эффективно в ценностном и институциональном плане отвечающего на вызовы современности². Интеллектуальные и институциональные механизмы ответов на эти вызовы могут в разных обществах широко варьироваться. Здесь неизбежность возникновения проблемной повестки Модерна для всех обществ, осуществляющих долговременные, фоновые процессы перехода к современности.

С XVIII в. по настоящее время происходит неодновременная для разных регионов эволюция Модерна от ранней, европоцентричной современности ко второму этапу поздней или глобальной современности, где можно наблюдать множественность ее версий. Неодновременность развития Модерна

¹ Модернизация фактически является синонимом мировой урбанизации. Население мира все больше концентрируется в городах и мегаполисах. В 2018 г. 55% населения Земли составляли жители городов (для сравнения: в 1950 г. этот показатель равнялся 30%). Более подробно см. доклад ООН: World Urbanization Prospects: The 2018 Revision. N.Y., 2019. URL: <https://population.un.org/wup/Publications/Files/WUP2018-Report.pdf>

² Модернизация России в контексте глобализации: материалы научного семинара // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 2. С. 111.

в разных частях мира обусловила тот факт, что все его версии, кроме европейской, уже имели перед собой готовые образцы модерности, с которыми они вступали в разнообразные культурные конфликты и взаимовлияния. Например, Э. Мэддисон обозначил термином «ответвления Запада» (Western offshoots) государства, которые образовались и развились вне Европы как структуры, в которых европейское население составило большинство, будь то США, Австралия, Новая Зеландия, Канада и т.д.¹ И эти страны действительно демонстрируют значительность культурных факторов развития Модерна в сравнении с теми государствами и бывшими колониями, где европейцы остались в меньшинстве. Территории бывших колоний, где стали доминировать европейцы как люди современной культуры, показали опережающее развитие Модерна по близкой им культурно-исторически европейской модели. Однако последующий отход от первоначальной колонизаторской модели распространения Модерна и постепенное ослабление Европы выявили, что успешное (в том числе форсированное) развитие Модерна возможно и вопреки культурно-политической гегемонии Европы, будь то примеры СССР, Японии, Китая, Индии, *азиатских тигров*, ОАЭ и т.д.

Таким образом, культурные факторы могут играть на определенных этапах значимую, но не определяющую роль в расширении нарратива Модерна, о чем свидетельствуют достаточно глубокие экономические, правовые и политические различия между разными регионами внутри самой Европы, формально относящимися к одной христианской культуре. Причем отказ от глобальных статистических обобщений на уровне противопоставления центра и периферии миросистемы и обращение к локальным сравнениям соседних регионов или внутренней топографии отдельных мегаполисов и их пригородов будут выявлять все более фрагментированную картину неодновременного глобального Модерна в миниатюре. Здесь на территории мировой периферии можно будет находить урбанистические пространства постиндустриального Модерна, а в центре Европы сталкиваться с домодерными фео-

¹ Maddison A. Phases of Capitalist Development. Oxford, 1982.

дальными традициями¹. Так, во всех современных обществах можно констатировать факты одновременности сосуществования и наложения в разных сферах жизни реципрокных (дарообменных) и рыночных отношений, а также постепенное изменение их соотношения в долгом историческом времени сложносоставного общества глобального Модерна в пользу последних. Причем интеллектуальная фиксация на доминировании в конкретном обществе архаичных или рыночных отношений как неизменных, приостановка движения истории и отказ от наблюдения долгосрочных социальных изменений как раз и позволяют строить теории различных идеальных типов политической культуры, например, парохимальной (племенной), подданнической и участнической (гражданской). Подразумевая при ряде оговорок относительно возможности смещения этих типов в условиях доминирования нарратива Модерна, что «гражданская культура и открытая полития представляют собой великие и загадочные достижения Запада»².

Нарратив Модерн как довольно гибкий социальный конструктор современности может обойтись в разных своих версиях без многих элементов, даже явного капитализма (СССР) или либеральной демократии (Китай). Но при этом Модерн всегда должен опираться на то, что бог умер, расколдованный социальный мир действует по рациональным, познаваемым законам, а личность является автономной. И эти личности создают коммуникации, управление которыми не должно отчуждаться от них через апелляцию к неизменным внешним институциям, не являющимся предметом перманентно пересматриваемого общественного договора (или *коммуникативного консенсуса* в терминологии Ю. Хабермаса), а составляющих его базовые условия.

И ранний, и поздний нарратив Модерна, по сути, не может быть легитимен без широкого либерального консенсуса. Поскольку если нарратив Модерна может обойтись и без либерализма, тогда у него не остается никакого

¹ Жайе М.-К. От социальной сегрегации к пространственной самоизоляции: крупные города Европы перед риском десолидаризации общества // Крупные города и вызовы глобализации / Под ред. В.А. Колосова, Д. Эккерта. Смоленск, 2003. С. 175-179.

² Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура (Подход к изучению политической культуры) (I) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2010. № 2. С. 128.

неизменного ценностного основания, позволяющего рассматривать Модерн как самостоятельный политический проект. Собственно, утверждение Ш. Эйзенштадта о *множественной современности* как культурно различной в области ценностей и является попыткой поставить под сомнение единство базового ценностного ядра Модерна.

Все предшествующее культурное разнообразие в силу своей локальности противостоит универсальному нарративу Модерна. Проблема, скорее, в том, что ценности не создают одинаковых форм реализации идеалов и целей, что само по себе не является достаточным основанием для появления *множественной современности*. Более того, новые нормы и институты никогда не вытесняют старые одномоментно и полностью. Подобное вытеснение может, например, принимать форму *транспланта*, когда ценности Модерна на институциональном уровне частично смешиваются с отживающей культурной традицией¹. И вытеснение старых ценностей в исторической перспективе создает переходные институциональные эффекты, которые было бы соблазнительно объяснить культурной спецификой или уникальностью того или иного общества.

Однако длящийся политический проект Модерна может быть адекватно объяснен только изнутри и посредством собственного нарратива. Поскольку процессы глобализации политики, экономики и права в современном мире доминируют над вторичной реакцией на эти процессы, выражаемой в попытках культурной, этнической, религиозной фрагментации мира. Поэтому такие варианты, как автаркия и изоляция (Тибет и Северная Корея), поддержание культурной самобытности или возврат к *золотому веку* (СССР, Российская империя), скорее, напоминают варианты альтернативной истории и заведомо проигрывают тем возможностям и выгодам для большинства, которые несут процессы *подключения* разных обществ к глобальному Модерну, позволяющему выйти на более эффективную траекторию долговременного

¹ Панкевич Н.В. Взаимодействие и трансформация правовых систем в процессе глобализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6, № 3. С. 115-132.

развития¹. Глобальный Модерн предполагает способность общества жить в соответствии с всеобщими правилами, одновременно их вырабатывая. То есть мыслить с позиций всего человечества и себя лишь как его составляющей части, решать мировые проблемы и свои как партикулярное следствие более универсальных причин и фоновых процессов, выходящих за пределы суверенной территориальности, гражданства, исторического национального мифа и охватывающих все человечество.

В свое время СССР являл собой квинтэссенцию *организованной модерности* (П. Вагнер), которая начала испытывать нарастающие вызовы со стороны множественной модерности как альтернативного политического метанарратива. В одном случае превалируют риторические попытки вернуться к *организованной модерности*; в другом – попытки примирить накопленные противоречия и конфликты в виде *множественной модерности*. Это моральная игра на понижение современных политических идеологий/порядков, когда легитимируются логики различия, дифференциации, партикуляризации, культурного обособления, идентичности, легитимации прав все новых меньшинств, реальных и воображаемых границ: «Исчерпанность прежней парадигмы общественного развития, новые особенности социальной структуры, экономика посттруда, отсутствие адекватных альтернатив государству благополучия порождают политику идентичности, обладающую большим потенциалом деструкции»². Разнообразные различия начинают полагаться естественными и более важными, чем сходства, а логика создания новых границ начинает превалировать над изначальным замыслом Модерна, ориентированным на универсализацию человечества и стирание всевозможных домодерных границ. Представляется, что игра на понижение предстает как логика архаизации Модерна, а не движение к его более прогрессивным и релевантным версиям в виде *множественной модерности*.

¹ Норт Д.К., Уоллис Дж., Вайнгафт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.

² Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая наука. 2020. № 4. С. 22.

Фактически культурная программа *множественной современности* не претендует на объяснение глобальных закономерностей, действие которых охватывает все человечество, а не отдельные его части. Глобализация обнаруживает пределы описательного, идеографического знания в социальных науках, когда разнообразие и различие культур как приоритетный фактор объяснения общества, его особенностей и изменений, не позволяет объяснить все большее ценностное и онтологическое единство процессов глобализации. Соответственно, эвристическое преимущество получают номотетические теории Модерна, ориентированные на поиск онтологических закономерностей развития современных обществ, выходящих за пределы привычных наций и цивилизаций. В результате, как справедливо замечает П. Вагнер, в последнее время цивилизационные теории вытесняются из макросоциологии, превращаясь в теории среднего уровня, относительно эффективно описывающие особенности изменений отдельных обществ в глобальном мире, но все хуже схватывающие мир в целом¹. Это лишь функция дополнительного языка описания культурных реакций, изменений и адаптации обществ, социальных групп и отдельных людей, которые следуют за более фундаментальными тенденциями и волнами развития, проистекающими из общей для всех современных обществ повестки глобального Модерна.

Представляется также закономерным, что завуалированный в виде концепции *множественной современности* цивилизационный подход оказывается особенно востребованным общественными науками стран, либо переживающих откатные волны демодернизации, либо находящихся на периферии миросистемы для оправдания антимодернистских сил и настроений в обществе. Как правило, антимодерные элиты, монополизировавшие разного рода ресурсную ренту и стремящиеся сделать ее наследственной, апеллируют к непреодолимым историческим и культурным различиям, не позволяющим отсталым обществам менять свои базовые цивилизационные коды для более

¹ Wagner P. From Interpretation to Civilization – and Back: Analyzing the Trajectories of Non-European Modernities // European Journal of Social Theory. 2011. Vol. 14, No. 1. P. 89-106.

успешного существования в глобальном мире. Как правило, зависимость от внешних и исторических факторов переоценивается, будучи поистине универсальным объяснением причин неудач любых политических и экономических перемен на периферии миросистемы. В странах периферии капиталистической миросистемы цивилизационная теория закономерно приобретает характер риторики страха, врагов и угроз, боязни активного политического действия, призывов закрыться от глобальных экономических, экологических, миграционных, террористических и иных вызовов.

§ 2. Постмодерн, постиндустриализм и постматериализм как критика либерального консенсуса

Начиная со второй половины XX столетия в общественно-политической мысли существует альтернативная мейнстриму постмодерная исследовательская позиция, склонная перенести длящийся социально-политической нарратив Модерна по аналогии с художественными стилями модернизма (ар-нуво, архитектура, живопись и др.) XIX – начала XX вв. в область политической истории. Модерн стал представляться исторически закрытой, преодоленной эпохой, относящейся к прошлому, рассматриваться как пройденная историческая парадигма. Обычно к такой теоретической схеме склонны либо традиционалисты и консерваторы, отрицающие аморальный с их позиций либеральный Модерн в пользу возврата к идеализированному прошлому¹, либо постмодернисты, критикующие нарратив Модерна за устаревшую репрессивную универсализацию, подавление различий, ассимиляцию, оборачивающиеся утратой легитимности *метарассказов* Модерна: «Когда этот метадискурс прибегает эксплицитным образом к тому или иному великому рассказу, как, например, диалектика Духа, герменевтика смысла, эмансипация разумного субъекта или трудящегося, рост богатства и т.п., – то науку, которая соотносится с ним, в целях самолегитимации решают назвать

¹ Мартъянов В.С., Фишман Л.Г. Моральный тупик цивилизационной парадигмы // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2006. № 4. С. 72-87.

“модерном”... Упрощая до крайности, мы считаем «“постмодерном” недоверие в отношении метанарративов»¹. Ж.-Ф. Лиотар фиксирует постмодерн как состояние паралогии – равенство разных легитимирующих оснований. Однако постмодерн описывается им скорее лишь как специфическое *состояние* нарратива Модерна, чем действительно новая эпоха, фундированная новым метарассказом. По словам С. Лайта, «современность – это соперничество, борьба между современностями. Постмодернизм может существовать только вне этой ведущей проблематики, этой социально-исторической и социально-цивилизационной проблематики, возникшей в 1789 г. и остающейся организационным основанием наших социально-политических и социально-экзистенциальных условий. Мы существуем в условиях конкурирующих современностей. Мы живем во время этого соперничества, а не вне (“пост”) него»².

Однако неприятная истина, открываемая постмодернизмом, состояла в том, что в политике целостность политического нарратива Модерна была достигнута в том числе за счет всего, что было из него исключено или выведено за пределы *политической нормы*. Оказалось, что любое политическое знание тождественно политическому бытию лишь в определенной перспективе социально ангажированной рациональности, на определенном историческом отрезке времени и для конкретного политического субъекта. Возможность всеобщности политического разума в осуществленной утопии нарратива Модерна постепенно стала лишь одной из критикуемых моделей социально-политической рациональности, принадлежащей главным образом буржуазии и комплексу либеральных идей, лежащих в основе проекта Просвещения. Как только целостность модернистского нарратива стала ослабевать, в том числе в силу его реализации, вытесненные из проекта субъекты, ценности, институты и т.д. стали все чаще брать верх над нормативными тождествами нарратива Модерна. Очевидно, что легитимации политических субъектов,

¹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. С. 10.

² Лайт С. Радикализм Бодрийяра и политическая ставка нашей современности // ХОРА. Журнал современной зарубежной философии и философской компаративистики. 2009. № 2. С. 109.

решений и институтов авторитетом разума стало недостаточно в имманентном им пространстве рационального, поскольку то, что легитимирует, полностью вписывается в пространство легитимируемого, представляя обычную тавтологию.

Интеллектуальная стратегия постмодернизма строится на переворачивании базовых бинарных оппозиций нарратива Модерна, что должно было зафиксировать их релятивный (политически ангажированный), а не научный характер. В концептуальном плане постмодернистский дискурс основан на открытии некоей всеобщей бинарной оппозиции, где один ее член господствует над другим: профанное/сакральное (религия), имманентное/трансцендентное (метафизика), цивилизация/варварство (культура), сущность/явление, познаваемое/непознаваемое (И. Кант), сущность/существование (экзистенциализм), означаемое/означающее (Ф. де Соссюр, Р. Барт), система/жизненный мир (А. Шютц), сознание/подсознание, явное/скрытое (З. Фрейд), капитал/труд (К. Маркс), мировой центр/мировая периферия (И. Валлерстайн) разум/безумие, демократия/тоталитаризм, социализм/капитализм, план/рынок, рациональность/чувственность и т.д. После открытия подобной ассиметричной и несправедливой бинарной парадигмы следует закономерный ценностный вывод о необходимости освобождения подавляемого члена оппозиции. В радикальном варианте постмодернизм строится на отрицании базового для Просвещения принципа мышления бинарными оппозициями: истина/ложь, добро/зло, красота/безобразие. Эволюция стратегий трансценденции власти связана с аналогичной исторической преемственностью ряда бинарных оппозиций, поддерживающих подобную двойственность: хтоническое/посюстороннее, земное/святое, частное/публичное, реальное/гиперреальное и т.п.

Таким образом, практика постмодерна обосновывается и легитимируется в рамках дискурса радикального освобождения от прескриптивных метарассказов, где любые социальные структуры, институты, законы представ-

ляются способными нести в себе априорное зло. Однако чаще дискурс постмодерна невольно перевертывает асимметричную оппозицию метарассказа на противоположную, в результате «кто был ничем, тот становится всем» и наоборот. Тем самым исходная асимметрия бинарного кода в большинстве случаев сохраняется в неизменности. Более того, не предлагая замены в виде более универсальной теории, снимающей противоречия ассиметричной оппозиции, он превращается в интеллектуальный анархизм, которому может соответствовать только не менее противоречивая и локализирующая социальная практика, направленная против существующих социальных конвенций и институций. Поэтому постмодернистские теории не образовали в терминологии Т. Куна¹ новой *нормальной парадигмы*, не только снимающей накопленные онтологические и ценностные противоречия нарратива национально-классово-индустриального Модерна с его базовым либеральным консенсусом (И. Валлерстайн) и идеологическими самореференциями, но и обладающей бóльшим эвристическим потенциалом в объяснении, легитимации и прогнозировании природы современного глобального мира.

Нарратив социально-политических наук, объясняющий и легитимирующий общество Модерна, возник одновременно с капитализмом, классовой стратификацией и массовыми политическими правами. Он организован в виде бинарного кода, дополнительно подкрепленного во второй половине XX в. институциональной биполярностью мира. Если на Западе доминирующая оппозиция метакода оформлялась в условиях капитализма как апология нормативности *человека экономического* (либерализм), то в СССР для объяснения законов истории и легитимации политического порядка использовалась другая оппозиция нарратива Модерна, выраставшая из рефлексии негативных издержек капитализма (марксизм) и пытавшаяся инициировать альтернативную (советскую) модель некапиталистического Модерна. Критическое переосмысление этого ортодоксального метакода было инициировано глобализацией, кризисом системы территориальных наций-государств, распадом

¹ Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago, 1962.

биполярной модели мировой системы, поначалу воспринятой как победа одной из сторон. Впоследствии становилось все более очевидным, что если одна из базовых интерпретаций социальной реальности утратила релевантность и легитимность, то вторая тоже значительно поколеблена, ее победа оказалась воистину пирровой, а вовсе не концом истории.

Усложненная феноменология мирового социально-политического пространства все хуже вписывается в привычные для первоначального модерного нарратива идеи закономерного движения истории, подчиненного транс-историческим законам, движимым разумом, прогрессом, абсолютной идеей, вечной борьбой классов либо каким-то иным постигаемым первоначалом, организующим человеческую историю. Количество исключений из истории накапливается на фоне усиления неодновременности и непредсказуемости фоновых глобальных процессов и угроз, охватывающих человечество в целом. В результате постмодернистские теории закрепились в виде критики телеологического, тотализирующего, фаталистского мышления, разоблачаемого в качестве отнюдь не универсального дискурса власти. Эта критика оказалась продуктивной в поле междисциплинарных исследований, преодолевающих привычные интеллектуальные и институциональные перегородки программы общественных наук Модерна.

Первоначально переосмысление и преодоление издержек и противоречий биполярного общества Модерна считалось возможным в виде возврата к его идеализированным истокам под видом неомарксизма, неоконсерватизма или неолиберализма, однако «к началу восьмидесятых годов возрождение с приставкой нео- начинает исчерпываться. На смену ему приходят движения уже не возрождения, а отхода от традиции и ее критики. Многие тогда обзавелись приставкой “пост”»: пост-структурализм, пост-гуманизм, пост-реализм, пост-феминизм, пост-марксизм, пост-колониализм, франко-английская школа пост-фордизма в политэкономии и, конечно же, самый популярный из “постов” восьмидесятых – пост-модернизм»¹. Но нарратив ка-

¹ Дерлугьян Г. О нашем месте в истории // Политическая концептология. 2011. № 2. С. 151.

питалистического общества Модерна может быть замещен, только когда его бинарные составляющие будут вытеснены более эвристичной и убедительной структурой нарратива.

В отличие от марксистской или традиционалистской критики капиталистического общества, предполагающей преобразование его несправедливых экономических, политических, культурных принципов, постмодернизм не предлагал реалистичных альтернатив, связанных с действительным преобразованием современного общества. Скорее, наоборот, он больше связан с функциями легитимации и оправдания позднего капитализма в его все более транснациональных и более гибких, дифференцированных формах приращения капитала и эксплуатации человека и природы¹. В силу этого не только падает убедительность и релевантность постмодернистской критики ценностного ядра нарратива Модерна, но и происходит ее превращение в чистое отрицание Модерна, антитезис, не оставляющий возможности для нового синтеза. Это подтвердила и практика, когда принципы постмодернистских теорий, будучи действительно реализованы, стали разрушать современные нации-государства, умножая конфликты, группы обделенных и недовольных, а также разделенные общности и разнообразные меньшинства. Паралогия, множественность социально-политических логик превратились в анархию, разрушение и фрагментацию социальных универсалий современного политического пространства.

Следует отметить, что доминирующий в познавательном модусе нарратива Модерна просвещенческий дискурс убеждения (доказательства) опирается, прежде всего, на мнение (доксу) авторитетного наблюдающего субъекта и очевидность эмпирического факта, пришедшие в современном нарративе науки на смену метафизическим и религиозным авторитетам: «Вместо того чтобы основываться на логике, математике или риторике, Бойль опирается на параюридическую метафору: заслуживающие доверия, состоятельные и достойные уважения очевидцы, собравшиеся вокруг сцены, на которой прово-

¹ Харви Д. Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений. М., 2021.

дится опыт, могут свидетельствовать о существовании факта, *the matter of fact*, даже если сами они ничего не знают о его подлинной природе. Таким образом, Бойль изобретает эмпирический стиль, которым мы пользуемся и по сей день... Бойль превращает недостаток – мы производим только *matters of fact*, созданные в лабораториях и обладающие только локальной ценностью, – в решительное преимущество: эти факты никогда не изменятся, что бы ни происходило в любом другом месте – в теории, метафизике, религии, политике или логике»¹.

Постмодернистский дискурс предлагает заменить дискурс *matters of fact* бессубъектным дискурсом повторения и умножения. То есть постмодернизм обеспечивает избыток означающих как возможность интерпретации любых концептов. Он предстает как отмена правил модернистской научной игры, ориентированной преимущественно на установление онтологических истин как тождества реальности и означаемых. Это ведет и к отмене состязательности, где каждый приобретает право на свою истину, но никто уже не в силах сделать ее всеобщей. Если неомарксизм еще имел отношение к общественной онтологии, критической теории и политической борьбе, то постмодернизм символизирует уход идеи революции в политическое бессознательное. Эффективность этой идеи в постмодернизме уже не сопряжена с насилием и коллективными практиками масс. Постмодерн видит в революции противостояние тотализирующей целостности нарратива Модерна через деконструкцию легитимирующих его онтологических и гносеологических оснований. Постмодернизм обозначает ситуацию *конца идеологического*, но вовсе не некий альтернативный политический нарратив. Напротив, речь идет об отсутствии конкурирующего ядра ценностей, связанного со значимыми трансцендентными и онтологическими субъектами. По сути, постмодернизм, скорее, воскрешает интеллектуальную изнанку, *негативную сторону* нарратива Модерна, спекулирует на его разрывах, перифериях, асимметриях и частных противоречиях. Политические ценности Модерна утрачивают свой

¹ Латур Б. Нового времени не было. С. 79-80.

привилегированный статус, с помощью которого они легитимировали политическую практику. *Равенство сакральных модернистских ценностей профанному миру, т.е. ситуацию их реализации (овеществления) как раз и выражает логика постмодерна, где норма теряет преимущество перед не-нормой.*

Характерные для раннеמודерного утопического сознания героические нарративы сменились более пессимистическими и дистопическими настроениями, связанными с противоречивостью и амбивалентностью реализации современных ценностей и институтов, рождающих новые общественные противоречия и социальные группы. В подобном контексте постмодернизм содержательно реализуется как «любовь к частному, сниженные ожидания, субъективизм, индивидуальность, партикуляризм и приверженность местному кодировались как воплощения добра. Что касается нарратива, то основные исторические постулаты постмодернизма – упадок большого нарратива и возвращение к местному, восхождение пустого знака, или симулякра, акцент на плюрализм и различия – являют собой прозрачные репрезентации сниженной нарративной схемы. Это ответы на спад “прогрессивных” идеологий и их утопических убеждений»¹.

В позднеמודерном нарративе первоначальная интенсивность социальных утопий сменилась холодным реализмом, а настоящее из черновика светлого будущего стало всепоглощающим центром системы идеологических координат, которая стала все более смещаться с всеобщих коллективных целей к изменениям и модернизации частной жизни, к локальным утопиям, которые возможно осуществить лишь в судьбах отдельных людей. При этом поддерживается либертаристская вера в то, что *все люди имеют шанс* на реализацию подобной утопии в рамках своей биографии. Отсюда же сакрализация и легитимация новых локальных нарративов относительно малых социальных групп и меньшинств. Универсальные социальные утопии Модерна стали подозреваться в наивном хилиазме, недостижимости и неадекватности, они

¹ Александер Дж. Модерн, анти-, пост- и нео-: как интеллектуалы объясняют «наше время». С. 554-555.

уподобляются социальными критиками состоянию коллективного невроза, из которого требуется выйти к состоянию нормы. При этом коллективное освобождение в основе прогресса для все большего широкого перечня социальных групп обнаруживает либо условия недостижимости, либо вовсе ложной идеи, призванной замаскировать нечто противоположное – закабаление большинства и повсеместное усиление дисциплинарных практик.

Следует отметить историчность и релятивность политических оценок современной утопии, поскольку то, что ранее было недостижимым, становится неотъемлемой частью повседневного жизненного мира большинства в условиях постоянной радикализации и появления все новых требований к доступным правам, ресурсам и свободам. Постмодернизм предстает как истощение сакрального импульса и универсального характера современных утопий. В подобном контексте все ранее осуществленные в Модерне социальные требования теряют свой утопический потенциал и становятся объектом иронической или циничной постмодернистской критики в контексте новой чувствительности к классовым, культурным, гендерным, этническим и иным неравенствам, стремительно продвигающимся с периферии в центр рефлексивных конструкций позднемодерного нарратива. Парадокс состоит в том, что в ситуации расшатывания универсальной иерархии либерального консенсуса выправление одних неравенств закономерным образом оборачивается созданием новых, поскольку восстанавливающие *справедливость* политические решения все чаще основаны на сомнительных привилегиях и исключениях, идентичностях и социальном воображении, ведущих к ренте и контрибуциям, получаемым разнообразными меньшинствами за счет большинства.

Ключевым является сдвиг в области морально-политического целеполагания, которое все чаще упускает из виду *все общество*, не в состоянии убедительным образом справиться с растущей сложностью, динамичностью, противоречиями, конфликтами и разными перспективами взгляда на него. Отличительная черта постмодернистского мышления – интуитивное и, возможно, даже эсхатологическое предчувствие грядущего политического нар-

ратива, на который указывает состояние постмодерна с его крайними формами скептицизма, нигилизма, декадентства, тотальной иронией и вторичностью, которые характерны для *последних времен*. Сигнализируя о кризисе нарратива Модерна, сам постмодернизм не несет в себе нового политического метанарратива, и эта очищающая пустота освобождает место для чего-то принципиально нового, которое так и не появилось. Победа толерантности, политкорректности, мультикультурализма, различных меньшинств над большинством, т.е. «единичного над Единым», является победой постмодерновой *миноритарной демократии* над тотальностью Модерна¹.

Впрочем, ключевой онтологический концепт постмодерна – *Другой* – является лишь историческим преемником *идеального онтологического означаемого*, в роли которого уже выступали дикари (Просвещение), крестьяне (народничество), пролетариат (марксизм), население третьего мира (антиглобализм) и т.д. Несомненно эτικο-политический компонент проблемы Другого имеет большое значение на Западе с его колониальным наследием, придавая через чувство исторической вины (реальной или инсценируемой) высокую интенсивность ее обдумыванию. Однако реальная материализация Другого в виде тех или иных коллективных субъектов приводит к краху утопических представлений, ибо при ближайшем рассмотрении оказывается, что Другой – иммигрант, беженец, фундаменталист, прекариат и пр. – вовсе не столь идеален и безобиден, как это приписывается ему постмодернистами, угрожая в случае сохранения расширения своей автономии существующим универсалиям нарратива Модерна. Теория мирного и свободного сосуществования меньшинств рушится, как только встает принципиальный вопрос о критериях соотношения прав и уровней доступа к ресурсам, которые в отсутствие иерархии приводят к войне различий и борьбе всех против всех. Поэтому *естественная гармония* частных мнений и различий в логике постмодерна оказывается невозможна. Проблема Другого, таким образом, неразрешима. Возможность его существования признается лишь затем, чтобы потом

¹ Парамонов Б. Конец стиля. М., 1997. С. 1-7.

объявить злом и осуществить самоидентификацию от противного. С моральной точки зрения зло, отождествляемое с Другим, обнаруживает двойственность и относительность любых явлений. Чем активнее изживается зло в пользу добра (путем замалчивания, инкорпорации, исключения, интерпретации), тем все более опасные формы оно начинает принимать, угрожая в конце концов разрушить извне (где, собственно, и оказывается все вытесняемое и исключаемое) политический универсум капиталистической миросистемы.

Особенность современной ситуации мышления состоит в том, что политический порядок Модерна в целях своего воспроизводства и выживания просто симулирует Другого как «свое иное», причем оно стало обнаруживаться там, где его, по сути, не должно быть и реально не существует. Так, хулиганы становятся скинхедами, патриоты – фашистами, экологи – террористами, секс-меньшинства оборачиваются борцами за права человека, любые повседневные явления легко обретают символическо-политический контекст. Бесконечная дифференциация иного является лишь способом удержания порядка универсального, в пределах которого она происходит и которое она утверждает. Однако возникает резонный вопрос: возможно ли в принципе естественное сосуществование с Другим в рамках любой культуры, не связанное с попытками его уничтожить или включить в сферу своего влияния, переработать в собственных целях посредством универсального механизма дифференциации.

Постмодернисты эффективно обличали интеллектуальную традицию нарратива Модерна – прогресс, панлогизм, универсализм, забота об общем благе. *Но в конечном итоге разрушительный пафос постмодернизма был исчерпан, а лучшие образцы критического постмодернистского творчества, – труды Ж. Деррида, Ж. Делёза, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Бодрийяра и др. – закономерно стали новейшей составной частью современной академической традиции.* Оказалось, что риторика не заменяет семантики, деконструкция – синтеза, ирония – метафизики, анархия – иерархии, а контекст – самого текста. Начав как глобальный вызов нарративу Модерну, постмодернизм позднее

превратился в интеллектуальную основу для множества теорий среднего уровня, таких как мультикультурализм, феминизм, теория идентичности, апология коллективных прав меньшинств и т.п. При этом вызревание иного социального бытия происходит за счет собственных противоречий Модерна в форме «симуляции реальности социальных институтов Модерна»¹.

Интеллектуальная карта Модерна во многом выработала в социальной теории свой эвристический потенциал, фактически став синонимом капитализма и политических механизмов его сдерживания (демократия, права человека, территориальное государство). Но и постмодерн, в свою очередь, не стал глобальной утопией, бросающей реальный вызов Модерну. Представляется, что исторические фоновые трансформации нарратива Модерна в процессе его деевропеизации и глобализации не привели к вытеснению его базового ценностного ядра новыми теориями, описываемыми как постмодернистские, т.к. подавляющая часть этих нарративов в глобальной политической практике оказались заведомо менее универсальны, чем ценностно-институциональное ядро Модерна. И относительно успешная глобализация Модерна в отсутствие значимых концептуальных альтернатив оспорила постмодернизм в качестве основы более универсального объясняющего нарратива, которая мог бы прийти ему на смену. Постмодернизм оказался не в состоянии предложить постсовременный политический нарратив, т.к. в отличие от Модерна не обладает позитивной концептуальностью, способностью генерировать универсальное и тотальное в области ценностей и целей. Аналогичным образом постмодернистский *культурный поворот* не стал новым мейнстримом нормативной политической теории, но лишь способствовал своей критикой методологической модернизации политического знания².

Таким образом, постмодернизм довел до логического конца внутренние противоречия нарратива Модерна, но не смог предложить ему системной альтернативы. Поэтому постмодернизм остался в основном критикой поздне-

¹ Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб., 2000. С. 39.

² Алексеева Т.А. Химеры страны Оз. «Культурный поворот» в теории международных отношений // Международные процессы. 2012. № 3-4. С. 4-19.

го Модерна, автономия которой невозможна. Ее зависимость состоит в том, что конец нарратива Модерна одновременно означает и конец постмодернизма, имеющего своим содержательным объектом критику Модерна: «Доказательством того, что постмодернизм не столько знаменует разрыв с модернизмом, сколько, более вероятно, является его новейшей версией, служит тот факт, что... когда они [постмодернисты] яростно протестуют против гнета объективных структур и превозносят достоинства “культуры”, воплощающей субъективный фактор, они, в сущности, провозглашают примат сферы гражданского общества над сферами государства и рынка. Но попутно они соглашаются с тем, что разделение на три автономные сферы реально и представляет собой исходный пункт анализа»¹.

Если неомарксизм (франкфуртская школа, французские структуралисты) еще был связан с критической теорией и политической борьбой, то постмодернизм, скорее, рисует ситуацию ухода идеи революционного преобразования общества в политическое бессознательное. Постмодерн понимает революцию, прежде всего, как противостояние тотализирующей целостности нарратива Модерна (в онтологическом плане ассоциируемое с элитарной демократией и капитализмом) через деконструкцию легитимирующих его онтологических оснований. Постмодернизм сам по себе есть именно состояние конца идеологического, ситуация профанизации Модерна. Это разрушение универсального базового ядра, структурирующего систему ценностей, связанную с все менее значимыми трансцендентными и онтологическими субъектами. В условиях классового общества Модерна зависимость политического сознания от его онтологии стала нормой: «Если понятие частичной идеологии рассматривает как идеологию лишь *часть высказываний* противника (и только в аспекте *содержания*), то понятие тотальной идеологии ставит под вопрос все мировоззрение противника (в том числе и его категориальный аппарат), стремясь понять и эти категории, отправляясь от коллективного субъек-

¹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. С. 169.

екта»¹. И надежды К. Манхейма на консолидирующую роль «социально свободно парящей» между классами интеллигенции (интеллектуалов)², естественно, в последующем не оправдались. Идеология как связующее звено знания и власти обладает способностью к перекодированию научного *кода истины* во вторичный код *оправдания власти*. До Просвещения политические, экономические, этические, исторические споры традиционно выражались в наиболее универсальной для того времени форме религиозных споров. На смену религии пришла идеология как способ ориентации в секуляризованном политическом пространстве. Идеология стала формой политического метарассказа эпохи Модерна.

Классический век идеологий Модерна представлял собой борьбу означающих систем за истину референта, единственно возможную его интерпретацию. Аксиома возможности единственной высшей истины указывает на позитивистский характер этой борьбы. Однако идеология отказалась от трансцендентных ценностей и базировалась только на секулярных, земных, имманентных ценностях, которые, как оказалось, можно было в значительной степени реализовать. Овеществленные, реализованные ценности утрачивают сакральность, превращаясь в обыденное. А профанная, обесцененная политика неполна в том смысле, что является лишь частью целого, частью кода профанное/сакральное, где последний элемент, чем сильнее его отрицают, тем мощнее проявляется как *проклятая сторона вещей*. В результате политический нарратив Модерна, фундированный спором ключевых идеологий, теряет привычный формат убедительности как критику истины одних идеологий с позиций других. Во второй половине XX века набирают силу процессы ускорения социального конструирования и экспериментирования, бросающие вызов идеологиям, выраженные в процессах идеологической гибридизации и феноменах *частичных идеологий*, не претендующих на то-

¹ Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 57.

² Там же. С. 132.

тальное объяснение общества¹. Постмодернизм в подобной ситуации предстает как критика идеологии в виде господствующего формата политического мышления.

Постмодернистская критика неуниверсальности и неэффективности классических идеологий повлекла ряд следствий. Первое из них – попытки деконструкции великих идеологий, упразднение их нормообразующей роли в политической практике. Г. Маркузе² показал, как идеологии трансформируются в политические технологии, когда заложенные в них ценности и цели уже реализованы либо более не актуальны, но еще возможно их использование, основанное на эффекте последствия или симуляции. Однако субъекты тотальной постмодернистской критики идеологии остаются партикулярными или неявными, указывая на герменевтический крен политики. Соответственно, эмистемологическое недоверие к политической онтологии, иерархиям и ценностям Модерна не превращается в его полноценные альтернативы. Акцент в политической деятельности смещается от выходящих за пределы нарратива Модерна целей к его *ремонту*: от всеобщего блага к эффективности управления, от изменения реальности к борьбе за ее интерпретацию, от построения общества нового типа к переделке старого. Просвещенческий дискурс убеждения (доказательства) сменяется постмодернистским риторическим дискурсом повторения, умножения и интерпретации.

Новые ценности черпаются главным образом во всем, что исторически подавлялось и вытеснялось привычной рацио-антрополого-центричной нормой, которая в свое время тоже носила революционный характер относительно иерархий Старого порядка. И здесь проклятая сторона вещей вдруг становится *утопической стороной*, открывая подавляемое и вытесняемое ранее содержание. *Исключаемые* ранее ценности и смыслы приобретают характер *исключительных*, прежняя маргинальность/периферийность оборачивается претензией на новую нормативность. А поскольку классический полити-

¹ Малинова О.Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политическая наука. Политическая идеология в современном мире: Сборник научных трудов. М., 2003. С.29.

² Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. С. 115.

ческий нарратив Модерна потерял утопический жест, все, что можно положить в основание легитимации позднемодерной демократии, это построение *еще более рыночного, гражданского, демократического и т.п. общества*, чем уже имеющееся. Вместо системного обновления позднемодерного общества постмодерн связан, скорее, с его второстепенными *социокультурными настройками* на фоне отказа от тотальных социальных проектов и радикальных политических изменений. В отсутствие универсальных иерархий мультикультурализм легко превращается в этноцентризм, патриоты – в экстремистов, левые – в консерваторов, ирония – в апологию своего объекта и т.д. В результате через несколько десятков лет дискуссий о будущем все возвращается на круги своя и проводы Модерна оказываются преждевременными в отсутствие значимых альтернатив: «Жизнь и искусство в эпоху модерна способны к безграничной самокритике и самообновлению. Постмодернисты стоят на том, что горизонт модерности схлопнулся, она исчерпала свою энергию – словом, что модерность ушла в прошлое. Социальная мысль постмодернистов высмеивает любые коллективные надежды на моральный и социальный прогресс, на свободу личности и общественное счастье, унаследованные нами от модернистов эпохи Просвещения. Постмодернисты считают, что эти надежды оказались полностью несостоятельны: в лучшем случае это пустые и бесполезные фантазии, в худшем – средства утверждения господства и чудовищного порабощения»¹.

Постмодернистской критики и иронии оказалось недостаточно, чтобы окончательно деконструировать нарратив Модерна. Постмодернистские теории эвристически сильны в изучении разного рода разрывов, границ, периферий, перверсий, культурных противоречий нарратива Модерна, связанных с критикой и вызовами, продуцируемыми разного рода периферией, доминирующим ценностям, структурам и центрам. Подобная методологическая критика легко перерастает в нормативно-политическую, подчиняя факты идеологическим ценностям. В результате «программа децентрации, эксплицитно

¹ Берман М. Все твердое растворяется в воздухе. Опыт модерности. М., 2020. С. 11.

обосновывающаяся, как правило, весьма гуманными соображениями, имплицитно мотивирована устремлением к безответственности и конструированием алиби на все мыслимые случаи. И тогда центр – место, перед которым возникает ответственность и откуда приходит наказание, – естественно, становится мишенью для атак»¹. Аиерархические картины политики, связанные с критикой любого подавляющего центризма, оказались нереализуемы на практике: одна из сетей *ризом* или коммуникаций все равно оказывается упорядочивающей и доминирующей, в противном случае мы можем иметь дело лишь с радикальным анархизмом, связанным с отрицанием общественных иерархий и социальных структур, упорядочивающих коллективные практики и поддерживающих общественный порядок. До сих пор ни одно реальное общество не смогло обходиться без центра и структуры, как бы негативно их не характеризовали оппозиционеры, всевозможные меньшинства и представители маргинальных дискурсов. Вместе с тем постмодернистская критика транзитологии как перехода к Модерну в виде ряда неизменных и универсальных институтов, а также непредзаданность подобного прогрессистского перехода, как и необязательность тех или иных его ценностей и институтов в различных успешных моделях модернизаций привели к усложнению понимания реального состояния и нарратива Модерна: «Отсюда, собственно, и начинается разговор о модерности (modernity) как таковой – постепенно заменяющей в общественных науках понятие “современного общества” (modern society). Активное использование этого термина, таким образом, началось сравнительно недавно и связано, главным образом, с тем переосмыслением модернизации, которое можно обнаружить в работах Шмуэля Айзенштадта, Питера Вагнера, Йохана Арнасона, Чарльза Тэйлора и других сторонников теорий “множественных” (multiple), “плюральных” (plural) и прочих модерностей»².

¹ Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. С. 16.

² Хомяков М.Б. Модерность: пути к открытости будущего // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12, № 2. С. 61.

Однако на условиях и принципах постмодернизма оказалось невозможным создать площадку для нового ценностного консенсуса взамен либерального политического порядка и общественного договора. Постмодернизм не предполагал каких-либо принудительных способов заставить различные социальные силы и конкретных индивидов отказаться от части своей автономии, особенных интересов, идентичности в пользу общего блага. В результате критика консолидирующего нарратива Модерна обращается в разрушение любых холистских структур. Постмодернизм предполагает своего рода априорный запрет на холизм, отождествляемый на уровне культуры и морали с тоталитаризмом, ассимиляцией и порабощением. Однако конечный результат оказывается противоположным: война всех против всех, ниспровержение традиции и авторитетов, увеличение индивидуальных рисков и несвободы при отсутствии внятных правил общественной жизни.

Такая радикальная критическая стратегия приводит к разрастанию и легализации исключений, которая, собственно, и представлена постмодернистскими теориями. Приводит к тому, что реальные социальные противоречия либо не замечаются на уровне политкорректного языка описания и анализа действительности, чем лишь усугубляются в реальности, либо разрешаются неадекватными способами, когда рост исключений из общих правил и партикулярных привилегий вместо решения одной проблемы порождает множество новых. Проклятая, теневая сторона социальных процессов разрастается, т.к. они стараниями постмодернистской теории не могут быть рассмотрены с позиций всеобщего и универсального порядка, всегда отождествляемого постмодернистами с ограниченным дискурсом власти. А любая власть, ее дискурсы, желания и иерархии априорно оцениваются как негатив и безусловное зло. Поскольку по этой причине не образуется морально-нравственной противоположности между властью и ее оппозиционными альтернативами (в политике, экономике, науке, искусстве), постмодернизм провозглашает тщетность усилий что-либо изменить в социальном или интеллигентном мире. Власть вечна, и она пронизывает все, что бы мы ни пред-

принимали, а противостоять ей может только децентрация и локальные частные интересы, ведущие к распаду общества. Отсюда возникает социальный фатализм.

Таким образом, постмодернизм, провоцируя и оправдывая множасьщиеся претензии и конфликты все более мелких и ограниченных человеческих идентичностей (этносы, иммигранты, языковые, сексуальные и религиозные меньшинства, богатые и бедные и т.д.), не содержит рекомендаций по их действительному разрешению, поскольку не обладает универсализующим потенциалом, на котором может быть основано легитимное включение в более универсальный порядок, а также оправданное обществом насилие и принуждение. Однако любой универсум ценностей всегда подразумевает отношения иерархии этих ценностей¹, даже если эта иерархия является исторически подвижной и многофакторной. Постмодернизм методологически отрицает эту тотализирующую и обязывающую ценностную иерархию в пользу паралогии.

Соответственно, он не может дать какой-либо основы для справедливой иерархии этих *назначенных, присвоенных* и *воображаемых* идентичностей в универсальном пространстве. Здесь постмодернизм парадоксальным образом оказывается до-модернизмом и даже до-просвещением с его принципами классификации всего сущего в виде китайской энциклопедии². Легитимирующие существующий порядок метарассказы отвергнуты, а принципиально иного универсального содержания, на практике вытесняющего нарратив Модерна, не предложено. Постмодерн во многом предстает как критическая рефлексия состояния овеществления, реализованности и институализации утопий нарратива Модерна. Как рефлексия Модерна, реализовавшего свои либеральные утопии, когда сакральное стало повседневностью, а многие утопии в реальности превратились в антиутопии и не привели к желаемым целям. Проблема выхода постмодернизма на принципиальные вопросы,

¹ Гартман Н. Этика. СПб., 2002. С. 291-296.

² Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 28-37.

занятие «не-позиции» (Ж. Деррида) или внесистемной позиции, способности производить утопические идеалы, взрывающие политическое ядро Модерна, состоит не в знании/незнании некой истины, которая нереализуема в рамках политического порядка Модерна, а обусловлена, скорее, отношением к свободе. Свобода как практика питается энергией освобождения, но любое освобождение способно обернуться как добром, так и злом. Как замечает С. Жижек, «“действительная свобода” означает, что акт действительного изменения этого набора совершается только тогда, когда в ситуации вынужденного выбора человек действует так, *как если бы выбор не был вынужденным*, и “выбирает невозможное”»¹. То есть подлинный выбор связан не с «выбором в очерченных координатах», а с «выбором самих координат», свободой выбирать между «выбором выбора или невыбора»². Проявлением свободы является в том числе и отказ от нее во имя других ценностей. Выбор, связанный с самоограничением, аскезой, не отменяет свободы субъекта, не ограничивает ее степень, но является *реализацией его свободы*.

Источником дальнейшего развития нарратива Модерна стал именно постмодернизм, предложивший способы критического самоописания, системной дифференциации и самоусложнения Модерна. В категориях Н. Лумана постмодернистские теории являются условием *автопойэсиса*, самосовершенствования, а вовсе не тем, что придет на смену Модерну. Это критика изнутри нарратива Модерна, так и не создавшая альтернативную ценностную универсальность. Поэтому отказ от метарассказов, предлагаемый Ж.-Ф. Лиотаром, на практике вместо освобождения от авторитетов влечет утрату легитимности интеллектуальных и институциональных конструкций, позволяющих сложному обществу Модерна существовать. Поскольку локальные нарративы ничего в обществе Модерна уже не легитимируют, а их продуцируется слишком много, чтобы они смогли консолидировать сложно-составное общество.

¹ Жижек С. Что может сказать нам Ленин о свободе сегодня? // Ruthenia. URL: https://ruthenia.ru/logos/kofr/2002/2002_09.htm

² Половинкин С.М. Все // Вопросы философии. 2002. № 4. С. 41.

Представляется, что, получив интеллектуальную прививку постмодернистских теорий, Модерн продолжает развиваться. Более универсальных и эгалитарных утопических альтернатив ему в мировом масштабе человечество еще не изобрело. Поэтому периодические поминки по Модерну оказываются преждевременны. В настоящее время разворачивается нарратив позднего или глобального Модерна, определяющий возможности развития человечества в XXI в. Поэтому человечество остается в ближайшем будущем в глобальном Модерне, с каких бы идейных позиций не критиковались капиталистическая миросистема и ценностный либеральный консенсус, лежащие в его основе. Политический нарратив позднего Модерна в целях самосохранения неизбежно обращается к мифу, чуду и принципу веры, к *обоожествлению социального* в противовес десакрализирующей рациональности, поскольку крушению любого политического порядка предшествует потеря им своей сакральности. Революции, научные и политические, лишь придают очевидность этому факту.

Постмодернизм ни в области критики культуры, ни в области своих онтологических версий (в виде постиндустриальных утопий) удовлетворительного ответа на вопрос об альтернативе либеральному консенсусу и нациям-государствам не сформулировал. Он остался критикой универсальности модерных оснований морали и рациональности, что и обусловило ограниченность его утопического, преобразующего общества потенциала. Постмодернизм как интеллектуальное направление не породил значимых онтологических трансформаций. Если Модерн – это все еще дрящящаяся и открытая для изменений эпоха, впервые охватившая все человечество и даже переживающая в настоящее время переход к версии второго, космополитического (У. Бек) или позднего, радикального, рефлексивного (Э. Гидденс) Модерна, то постмодернизм является его имманентным внутренним антитезисом на пути к глобальному обществу. В результате можно констатировать тихую смерть постмодернизма, незаметно отошедшего в область истории, чье место

уверенно занимают новейшие вариации современного нарратива – альтермодерн, неомодерн, гипермодерн, метамодерн, контрмодерн и т.д.¹

В настоящее время можно наблюдать скорее трансформации центральной ценностной системы нарратива Модерна, чем ее разрушение иерархическими постмодернистскими теориями. Постмодернизм стал закономерной промежуточной реакцией на фоновые и волнообразные процессы глобализации, радикально меняющие и во многом уничтожающие прежние цели, ценности, идеалы, традиции разных обществ классического Модерна. Эти изменения осмысливались интеллектуалами постиндустриального мира «в виде *постмодернистской чувственности и постметафизического мышления...* которые детерминируют представление о *хаотической и ризоматической* структуре мира»² как господстве *освобождающих* децентрирующих процессов, разрушающих привычные современные ценностные, интеллектуальные и институциональные конвенции. Постмодернистская критика стала необходимым функциональным дополнением мирового перехода от нормативной модели ограниченного или узкого (национального) Модерна к нарративной модели полного, второго или глобального Модерна.

Несмотря на то, что постмодернизм утратил влияние в области философии, он обрел вторую жизнь как эффективное обоснование политической практики разнообразных меньшинств. Постмодернизм политически все чаще характеризуется интенсивной ориентацией на власть как руководящую и структурирующую силу общества, которая созависима от отрицания объективного знания. Компоненты постмодернизма, в первую очередь являющие собой протест против всякого рода центризмов, овладели массами, с одной стороны, породив политический интерсекционализм³, с другой – дав новую аргументацию теориям заговора и радикальному диссидентству разного рода.

¹ Павлов А.В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М., 2019. С. 511-527.

² Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Социальные основания постмодернизма: попытка марксистского анализа // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2009. № 9. С. 121.

³ Pluckrose H., Lindsay J. Cynical Theories: How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender, and Identity – and Why This Harms Everybody. Durham, 2020.

Одновременно с постмодернизмом развивались и более прикладные направления осмысления экономических, технологических, ценностных и культурных изменений, происходящих в позднемодерном обществе и связанных с постиндустриальностью (постфордизмом) и расширением регулятивного потенциала постматериальных ценностей. В условиях постоянной трансформации и социокультурной настройки либерального консенсуса общества позднего Модерна в теоретико-методологической повестке обществоведения все активнее звучали голоса сторонников теории глобального транзита человечества к постиндустриальному или посткапиталистическому обществу, к новой общественной формации, *основанной на знаниях (knowledge society)*. И действительно привычный классово-идеологический язык самоописания индустриальной реальности эпохи фабричных труб оказывается все менее применим к меняющейся социальной и пространственной структуре технологически развитых обществ. Помимо наиболее влиятельной группы постмодернистов, заявляющих о крушении Модерна как культурного метанарратива (У. Томпсон) или эпохи господства метанарративов как таковых (Ж.-Ф. Лиотар), существует целый ряд критических онтологических концепций, ставящих под сомнение не только релевантность идейных оснований индустриального общества, но и предсказывающих поворот к новым институциональным механизмам самоорганизации. Эти концепции постмодерного будущего, связанные с технологическими изменениями, – постиндустриального общества (Д. Белл), постфордизма (С. Лэш, Дж. Урри и др.), постматериального общества (Р. Инглхарт, К. Вельцель и др.), сетевого общества (М. Кастельс, А. Бард), информационного общества (Э. Тоффлер, Ф. Уэбстер, В.Л. Иноземцев и др.), посткапиталистического общества знания (П. Дракер) – оказали значительное влияние на политическую мысль в последние десятилетия XX и в начале XXI вв.¹

¹ В 1990-2000-е гг. наиболее последовательно теория постиндустриального общества разрабатывается в трудах В.Л. Иноземцева, директора Центра исследований постиндустриального общества: Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М., 1998; Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. М., 2000; Иноземцев В.Л. On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века // Постчеловечество. М., 2007; и др.

Однако фоновые противоречивые процессы, разворачивающиеся в XXI столетии, во многом обнаруживают утопический характер первоначальных ожиданий, связанных с прорывом к принципиально новому типу общества¹. Масштабная интеллектуальная утопия, связанная с описанием технологического сдвига человечества к постиндустриальному и чуть ли не к посткапиталистическому обществу, где люди смогут реализовать свой творческий потенциал в менее отчужденных формах трудовой деятельности, оказалась слишком оптимистической, особенно за пределами стран центра капиталистической миросистемы. Более того, в области политической теории не возникло новых влиятельных нарративов, которые вытесняли бы капитализм и компенсирующий и одновременно легитимирующий его политический проект Модерна как базовые, доминирующие категории самоописания глобальной социально-политической и экономической реальности. Исследовательский поиск ведется преимущественно в области продуктивных метафор и неологизмов, призванных выразить метаморфозы ценностного и институционального ядра, которое в основных своих чертах все же остается модерным.

В контексте своего рода негативного консенсуса против альтернативных социальных утопий, популярность получают более приземленные исследовательские концепции. Они пытаются выйти на теоретические обобщения социальных изменений жизненного мира позднего Модерна не столько с помощью нормативных предписаний, легитимируемых через идеалтипический образ будущего, сколько путем осмысления текущих и не всегда явно видимых социальных изменений – тех новых явлений, процессов и тенденций, которые набирают силу в позднемодерном обществе. Это устойчивые тенденции, новые ценности и технологии, а также повторяющиеся феномены, осмысление которых приоткрывает наше ближайшее будущее релевантнее, чем амбициозные индуктивные обобщения, часто основанные на чрезмерной редукции социальной сложности.

¹ Трахтенберг А.Д. Современные подходы к изучению социальной адаптации технологий и информационная революция // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2012. Т. 10, № 3. С. 90-95.

В таком прагматичном ключе выдержаны междисциплинарные исследования, осмысляющие глобальный мир в категориях постматериализма и постфордизма (С. Лэш, Дж. Урри и др.). Постфордизм как теоретическое направление ориентирован не столько на создание принципиально новой социальной макротeorии наподобие миросистемного анализа (И. Валлерстайн) или бинарной парадигмы естественного государства/общества «открытого доступа» (Д. Норт и др.), сколько на анализ изменений, которые выбиваются из подобных парадигм, являясь потенциальными ростками новых социальных, политических, экономических и культурных феноменов, которые имеют шанс развиться (причем возможный шанс, который не является закономерностью) в системные признаки новых социальных практик институтов. Это анализ того, как трансформируется позднемодерное общество, сохраняя свое относительно неизменное ценностное ядро.

Для постиндустриальной или постфордистской модели общества характерны высокие технологии с высокой добавленной стоимостью, реализуемые на глобальном рынке; опора на *интеллектуальный капитал*; доминирование постматериальных потребностей людей, связанных с приоритетом самореализации; креативный *труд как творчество*; эффективные *слабые социальные связи*, сопряженные с межиндивидуальным и институциональным доверием, и т.д.¹ С другой стороны, сразу можно возразить, что все актуальные тенденции постфордизма относятся, прежде всего, к изменению внешних условий жизни общества, когда технологический прогресс действительно увеличивает сумму доступных возможностей, удобств и удовольствий, располагаемых каждым членом общества, будь то возрастание доли самозанятости (фрилансерства) в экономике как неконвейерного труда; качественная медицина; комфортное жилье; невиданная ранее социальная мобильность населения; связь, отменяющая любые расстояния; свободный доступ к бездонным хранилищам информации в Интернете и т.п. В данной перспективе

¹ См.: Новая технократическая волна на Западе. М., 1986; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000; Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999; Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004; и др.

постфордизм/постиндустриализм/постматериализм можно рассматривать как онтологический аналог культуроцентричных теорий постмодерна. Предполагалось, что технологическая революция принципиальным образом изменит привычные общественные отношения, связанные с конфликтами труда и капитала, создаст новую общность, которая будет играть ведущую роль в постматериальной экономике – креативный класс, использующий в качестве ведущего фактора производства инновации, образование и знание¹. Новый средний класс, для которого образ креативного класса служит идеалтипической моделью, рассеян в географическом, социальном, технологическом пространстве. Для организации производственного процесса уже не нужны фордовские конвейеры и их аналоги, требующие опасной концентрации множества людей в одном месте с неизбежным появлением и осознанием ими общих интересов и порождением политической субъектности.

Но можно ли данные изменения трактовать как переход к новому постфордистскому/посткапиталистическому/постиндустриальному обществу, если нарратив и ценности современного общества, его цели и структура существенно от всего этого не меняются, да и принципиально новые цели не ставятся²? При более детальном рассмотрении оказывается, что для большинства населения планеты принципиальных социальных перемен не происходит. Новая технологическая утопия всеобщего освобождения, обманчивая в своей доступности, оказывается пирогом не для всех, т.к. постиндустриализм/постфордизм оборачиваются не столько новым типом экономики, сколько процессом создания высокоприбыльных глобальных монополий в достаточно узких сегментах капиталистической миросистемы. Более того, после появления постиндустриальных, цифровых и креативных сегментов экономики, взрывного роста, сверхприбылей и последующего уплотнения конкуренции довольно быстро обнаруживаются их естественные пределы

¹ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2007.

² Цаплин В.С. Постиндустриализм: оправданы ли претензии? // Социологические исследования. 2006. № 4. С. 124-130.

рентабельности и занятости, т.к. рост глобального спроса не может быть бесконечным.

Усиление конкуренции и падение прибылей в постиндустриальном сегменте привели к массовому краху мелких и средних фирм, в результате чего глобальный креативный рынок поделили и стали управлять им такие же вертикально интегрированные ТНК (Microsoft, Apple, Samsung и др.), как и в более традиционных областях глобальной экономики. Утопические ожидания свободной творческой самореализации и сетевых взаимодействий разбились об интересы олигополий. Б.Ю. Кагарлицкий справедливо отмечает по этому поводу: «как только мы обращаемся к таким понятиям, как “прибыль”, “капитал”, “заработная плата”, “наемный труд”, мы обнаруживаем сколь условны различия между “информационным” и “индустриальным” обществом»¹.

Более того, меняется по большому счету второстепенное: номенклатура существующих специальностей; расширяется классификация видов деятельности; относительные соотношения сферы производства и услуг; специализация тех или иных национальных экономик; виртуализируется финансовый сектор; все больше ценятся уникальные носители интеллектуальной собственности и т.д. Но при этом ни законы капиталистической мирэкономки, ни тип государства, ни моральные ценности практически не меняются. Скорее, мир сталкивается с очередной ротацией доминирующих ресурсов, на которые опирается человечество на определенном историческом этапе, будь то военная сила, земля, техника или знание.

Таким образом, попытки применения к общемировым реалиям теории смены индустриального общества постиндустриальным наталкиваются на существенные препятствия. Первоначальный вариант теории постиндустриального или информационного общества (Э. Тоффлер, Д. Белл, А. Турен и др.) неадекватен актуальным реалиям, поскольку авторы классических теорий 1960-х гг. понимали под информацией почти исключительно научное

¹ Кагарлицкий Б.Ю. Восстание среднего класса. М., 2003. С. 72.

знание; современная же информационная революция отнюдь не сводится к экспансии такого знания. Теории постиндустриального общества или постфордизма обещали возрастание роли интеллектуального труда и изменение вследствие этого социальной структуры, роста производительности труда и т.д. На первый взгляд, эти прогнозы сбылись для стран Запада. Но более детальный анализ ситуации показывает, что широкое внедрение информационных технологий сформировало новую отрасль глобальной экономики, связанную с компьютерами, программным обеспечением, Интернетом, электронными коммуникациями, развлекательными масс-медиа, но почти не сказалось на реальной производительности труда для большинства других секторов экономики. Многочисленные выгоды постиндустриализма оказались фрагментарны и во многом стали следствием формирования глобальной экономики с ее транснациональным разделением труда.

Для адекватного рассмотрения будущих перспектив постфордизма представляется целесообразным проанализировать проблему осуществимости перехода к постиндустриальности в глобальном масштабе. Каждая нация становится лишь частным случаем более общих экономических, политических, культурных процессов, идущих на планете. Следует отметить, что сегодня в глобальной миросистеме одновременно сосуществуют три историко-экономических уклада¹. И основное отличие этих укладов состоит вовсе не в образе жизни населения и характерных товарах, а, прежде всего, в *норме прибыли*, которую позволяет получить тот или иной сегмент мироэкономики. И проблема отсутствия идейного консенсуса относительно релевантности постиндустриальных теорий является прямым следствием радикальной неодновременности человечества, которое продолжает жить во всех трех *волнах* или исторических укладах – аграрном, экономическом и *постэкономическом*.

В настоящее время политики и ученые соревнуются в метафорах и эпитетах относительно новой экономической, политической, культурной реаль-

¹ Более подробно см.: Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003; Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М., 2006; Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя. Россия и миросистема. М., 2004; и др.

ности, формирующейся в глобальном масштабе – децентрализованного, сетевого, информационного, постмодернистского, постиндустриального, урбанистического общества, *общества потребления, общества третьей волны* и т.п. Действительно, трудно не заметить социальные трансформации, происходящие с передовыми обществами. Размываются привычные социальные классы, на смену которым приходят аморфные группы населения. Прогресс автоматизирует производственные процессы, сокращая рабочие места в секторе реального производства. В результате рабочие и аграрии, составлявшие большинство в обществе индустриально-классового Модерна XIX – начала XX вв., оказались в меньшинстве. Постиндустриальная экономика *количественно* все менее базируется на сельском хозяйстве и промышленности, где наблюдается устойчивое сокращение занятости. Все большее число людей *вынуждено* искать себе применение в расширяющемся секторе услуг. Но здесь массовая занятость тоже не требуется, т.к. изобретения и технологии являются результатом деятельности ученых-одиночек и малых трудовых коллективов, чьи результаты труда затем лишь копируются в промышленных масштабах и неограниченном количестве. Наконец, даже антиглобалисты признают неизбежность глобализационных процессов. Поэтому объектом критики выступает не сама глобализация как закономерный рост взаимосвязи экономических, политических, финансовых процессов в мироэкономике, но, скорее, сопутствующие ей издержки (экологические, трудовые, миграционные, безработица)¹. Ценность подобной критики, справедливой в частном и особенном, серьезно снижается тем, что у альтерглобалистов даже в теории не существует альтернативного по масштабу универсальности проекта взамен актуальной мироэкономике.

Капитализм является не только состоянием, но и динамическим, *временным* процессом. Он способен как создавать новые инфраструктурные пространства капитала, так и приводить к разрушению уже имеющихся, т.е. к

¹ См.: Агинтон К. Альтернативный глобализм: Новые мировые движения протеста. М., 2004; Альтерглобализм: Теория и практика «антиглобалистского» движения. М., 2003; Бузгалин А.В. Альтерглобализм как феномен современного мира // ПОЛИС. Политические исследования. 2003. № 3. С. 71-85; и др.

декапитализации национальных экономик, вследствие падения прибылей, роста затрат на зарплаты, истощения ресурсов, роста административных издержек и политических рисков. Обычно началом декапитализации является кризис перепроизводства, падение стоимости активов и географическое бегство капиталов, которые влекут за собой застой, деиндустриализацию и экономическую депрессию¹. В том числе и потому, что избыточный финансовый капитал постиндустриального мира, обращенный в ликвидную, легко перемещаемую форму финансовых инвестиций, способен получать сверхприбыль из глобального демпинга стоимости сырья и труда за пределами центра мир-системы. Но дело в том, что в глобальной экономике капиталу, по сути дела, больше некуда бежать в погоне за прибылью. Все зоны влияния и рынки сбыта давно освоены и поделены, а финансовый рынок является глобальным. Пределы географической экспансии капитала в погоне за легкой прибылью исчерпаны.

В результате парадоксальным образом развитие креативных технологий, индустрий брендовых люксовых товаров, сферы услуг и образования, механизмов удаленной и частичной занятости, все больше доминирующих в постиндустриальном обществе, часто является *вынужденной* стратегией, следствием нарастающей деиндустриализации постфордистского общества без рабочего класса. Такова, например, была ситуация со все более нерентабельной угольной, сталелитейной и автомобильной промышленностью, производством одежды и бытового ширпотреба в Европе и США. В 1980-е гг., не выдерживая растущей конкуренции со странами Азии, закрывались целые отрасли и производства, а в сфере сельского хозяйства вводились невиданные ранее государственные дотации, чтобы поддержать продовольственную безопасность.

Одновременно с помощью массированных инвестиций в Европе и США создавались новые рабочие места в постиндустриальном сегменте экономики, в котором эти страны могли бы производить конкурентные товары,

¹ Арриги Дж. Утрата гегемонии // Прогнозис. 2005. № 2 (3). С. 5-60.

обеспечивая высокие нормы прибыли и поддерживая достигнутый уровень жизни своих граждан. Но даже при этом средние зарплаты в реальном исчислении практически остановили свой рост в Европе, США и Японии. За последние 50 лет реальные доходы 90% населения США прекратили свой рост, в то время как экспоненциальный рост демонстрируют лишь доходы наиболее богатого 1% населения¹. И обществам центра мироэкономики, переживающим значимую деиндустриализацию, не остается ничего иного, как превращаться в *вынужденно постиндустриальное* общество. Хотя не менее точно его можно было бы назвать *альтериндустриальным*. Таким образом, *общество знания* или *постфордистское общество*, центрированные на экономике услуг, во многом оказываются создаваемыми вынужденно, иначе общество уже не способно далее другими способами поддерживать достигнутые стандарты доходов, комфорта и потребления.

Таким образом, целенаправленное развитие постиндустриальных сегментов зачастую является следствием роста неконкурентоспособности в секторе реального производства. В сырьевом, аграрном и индустриальном секторах глобальной экономики высока конкуренция участников, а значит, низка рентабельность: издержки индустриального производства в первом мире все время растут – это затраты на оплату труда, пенсионные отчисления и широкие социальные гарантии, высокие налоги и экологические стандарты, государственные расходы на продовольственную безопасность (субсидии аграриям) и т.п. Проигрывая в индустриальной нише, постиндустриальному миру остается брать реванш в областях, где возможно поддержание глобальной монополии, а значит, сверхприбыли, обеспечивающей уже достигнутый уровень жизни. В противном случае деиндустриализация экономик развитых стран превратилась бы в социальный застой, связанный с высокой безработицей, экономической стагнацией и географической утечкой капиталов. И сферами компенсации дефицита индустриальности обычно становятся обра-

¹ When Income Grows, Who Gains? // The State of Working America. URL: <http://stateofworkingamerica.org/whogains/#/?start=1971&end=2008>

зование, наука, высокие технологии, туризм, банковско-финансовая деятельность, производство уникальных культурных артефактов, индустрия дорогих товаров и т.п. Но при таком взгляде на эффект постиндустриализма существуют серьезные сомнения в том, что наблюдаемые сегменты постиндустриальности могут в обозримом будущем стать судьбой всего человечества. Поскольку они представляют собой не более чем специализацию на сверхприбыльных отраслях экономики в глобальном масштабе. Таким образом, вопреки декларациям о свободе торговли и честной конкуренции ключевой задачей постиндустриальных стран становится неконкурентное лидерство в секторах экономики с высокой нормой прибыли.

Если в странах центра мировой экономики деиндустриализацию еще можно искусственно перенаправить в постиндустриализацию, т.е. в развитие конкурентоспособных сегментов *индустрии знаний*, то проблема полупериферийных стран заключается в том, что подобное решение для них не срабатывает. Поэтому кризис фордистского или индустриального общества довольно часто превращается в инволюцию к доиндустриальному состоянию. Некоторые исследователи пытаются реанимировать универсальный потенциал дискурса постфордизма путем его локализации. Однако, несмотря на популярные работы, ориентированные на эффект локального развития – различные концепции креативного города, креативной экономики и символического брендинга малых территорий¹, становится все очевиднее, что в глобальной экономике конкуренция отдельных компаний и регионов на внутреннем рынке второстепенна. Эта конкуренция вписана в глобальные движения технологий, капитала и трудовых ресурсов. Например, пока США сохраняют относительную монополию на программные продукты, город Остин (Техас) еще может переманить за счет дешевизны жилья IT-специалистов из Сан-Франциско и Силиконовой долины (Калифорния). Но не спасется ни тот, ни другой, если США потеряют глобальную монополию в

¹ Более подробно см.: Лэндри Ч. Креативный город. М., 2006; Хокинс Д. Креативная экономика: как превратить идеи в деньги. М., 2011; и др.

данном сегменте рынка. И тот же продукт будет создаваться вдвое дешевле в Индии или Китае. Глобальная монополия США и ЕС в постиндустриальном сегменте сохраняется, пока их экономики способны вкладывать в высокие технологии больше, чем другие страны, а евро и доллары являются резервными валютами в мировом масштабе.

В теории постфордизма *постиндустриальная постсовременность* представляется желаемым утопическим образом ближайшего будущего всего человечества. Однако при внимательном рассмотрении она оказывается в определенной степени паразитической надстройкой над существующими одновременно с ней индустриальной современностью Модерна и аграрно-сырьевыми обществами домодерна. Более того, изменение инвестиционных потоков, все активнее текущих от периферии к центру миросистемы, ведет к ослаблению риторики глобализации периода 1990-х – начала 2000-х гг., когда она была выгодна постиндустриальному миру, активно поглощавшему с помощью инвестиционной экспансии целые регионы биполярного мира, принадлежавшие бывшему противнику. Сегодня постиндустриальный мир, вопреки многим ранее декларируемым принципам открытого общества, все активнее пытается отгораживаться с помощью технологий протекционизма как от переполняющих его потоков мигрантов, так и от множества конкурентных товаров, производимых вовне.

Расширение альтернативных экономических центров силы будет способствовать переносу не только реальных производств, но и производства услуг и технологий в Китай, Южную Корею, Индию, Бразилию и т.п. В результате неизбежно перераспределение глобальных монополий и падение их сверхприбылей. Экономика *глобального бутика* эффективна, если нет глобальных конкурентов. При этом задачи реиндустриализации развитых обществ могут оказаться попросту невыполнимыми. С другой стороны, в мироэкономике монополия на ресурсы и технологии не может быть долгосрочной. Любые невозобновляемые ресурсы и конкурентные преимущества кончаются, а когда-то уникальные технологии рано или поздно становятся всеобщим

достоянием. Шанс пробиться в мировую элиту имеют все общества. И ставки в глобальной экономике могут быть сделаны на разные виды монополии. Так, постиндустриальные страны делают успешную ставку на технологическую монополию (компьютеры, программное обеспечение, космос, авиация, вооружения и т.п.). В свою очередь, полупериферия стремится монополизировать дешевый труд и типовые технологии, убрав конкурентов с рынка ширпотреба, бытовой техники, продовольствия и т.д. Экономика постиндустриального мира способна привлекать рекордные инвестиции, обеспечивающие глобальную монополию или олигополию на уникальные технологии. В глобальной экономике мировое лидерство обеспечивают относительно закрытые, высокомонополизированные секторы экономики. Это космос, телекоммуникации, финансы, авиация, медицинские технологии, программное обеспечение, вооружения, уникальное оборудование и пр.

Предполагается, что зависимость постиндустриальных обществ от сектора материального производства падает. Однако потребности людей в этих обществах остаются вполне материальными, даже если капитал, которым располагают эти общества, все менее материален. И в критической ситуации постиндустриальный мир будет зависим от индустриального и аграрного мира гораздо больше, чем они от него. Поскольку без топлива, еды и одежды выжить гораздо труднее, чем без космических технологий или компьютеров. Все это создает уязвимость постиндустриального нарратива. Поэтому представляется, что постиндустриальный сегмент глобальной экономики в настоящее время является не историческим этапом, к которому неизбежно эволюционирует все человечество, но, скорее, довольно ограниченной по своему удельному весу отраслью мировой экономики, извлекающей сверхприбыль из ряда монополизированных секторов этой экономики. Реализовать в полном объеме постиндустриальные утопии не удалось, т.к. «постиндустриальный мир породил не неограниченное богатство, а условия для его создания. Он выработал технологии, радикально расширявшие экономические горизонты – но вместо того, чтобы воспользоваться ими, предпочел передать их

другим исполнителям и ограничиться ролью сервисной экономики и финансового центра»¹. Закономерен и итог подобной стратегии постиндустриализации: «Именно на протяжении 2000-х годов стало очевидно, что за пределами эпохи полномасштабной технологической революции копирование технологий оказывается выгоднее их создания, и новые индустриальные страны стали активно догонять западные державы»².

Тем не менее главные перемены в условиях становления нарратива глобального Модерна связаны вовсе не с постиндустриальностью и постфордизмом. Основной чертой глобального Модерна является тот факт, что «капитализм постоянно ищет... новые технические возможности, новые способы организации труда, новые географические сочетания. Капитализм никогда не является постоянным»³. Но при этом он остается капитализмом, постоянно приспособляемым к прогрессу и новым технологиям, капитализмом в постфордистской технологической оболочке и с постмодернистской или неолиберальной легитимирующей риторикой. Представляется, что наиболее важные изменения в глобальном мире происходят вовсе не в области прогресса технологий и изменения структуры мирового производства, описываемого как постфордистская экономика. Это, скорее, процессы географического переструктурирования мировой экономики, которые не дают веских оснований к провозглашению утопических проектов построения *нового общества*.

Значимые общественные изменения связаны, прежде всего, с внеэкономическими регуляторами капитализма, позволяющими сдерживать и регулировать его в общественных интересах внутри и за пределами наций-государств. Поскольку сам по себе капитализм в чистом виде с его моделью человека экономического не в состоянии удерживать общество от распада без внешних морально-правовых, политических и иных социальных регуля-

¹ Иноземцев В.Л. Воссоздание индустриального мира // Россия в глобальной политике. 2011. № 6. С. 91-92.

² Иноземцев В.Л. Потерянное десятилетие // Вестник Московской школы политических исследований. Общая тетрадь. 2012. № 4. С. 88.

³ Неолиберальная урбанизация: лекция Д. Харви, прочитанная в Москве 25 мая 2007 г. в рамках проекта «Русские дебаты» (перевод Г. Дерлугьяна) // REDFLORA: Публицистика. Мнения. Комментарии. Аналитика. 06.07.2012. URL: http://www.redflora.org/2012/07/blog-post_06.html

торов. В настоящее время относительно указанных регуляторов можно фиксировать фоновое движение от демократии как диктатуры большинства или определенного класса к многосоставному обществу; формирование все более эффективных и функциональных транснациональных сетей и сообществ¹; движение от сакрализации территориального суверенитета (национализм) к политической этике космополитизма; переход от привычной технократической модернизации, субъектом которой выступало государство, к органической модернизации, в центре которой в качестве ее и цели, и субъекта помещается человек. Происходит медленное объединение человечества общим ценностным нарративом, вырабатываемым на основании концепции прав и свобод человека. Институциональная форма подобной долгосрочной социально-политической интеграции выражается в принципах усиления значения международных соглашений, идеях ограничения суверенитета современных наций и усилении роли транснациональных коллективных органов регулирования. Параллельно эмпирические замеры последних десятилетий указывают на глобальный ценностный сдвиг, связанный с успехами мировой модернизации, – движение человечества от традиционных ценностей выживания к постматериальным ценностям самореализации².

Указанные фоновые тенденции свидетельствуют о сохранении базовых современных иерархий ценностей, институтов и коллективных идентичностей, позволяющих организовывать и регулировать все более универсальные ценностно-институциональные пространства, охватывающие человечество и формирующие нарратив глобального или позднего Модерна. Безусловно, эти трансформации включают тенденции постфордизма как автоматизации и роботизации экономики, исключаящей человека из рутинных процессов и постиндустриальности как расширения сервисной экономики, экономики знания и экономики услуг. Однако сводить все многообразие позднемодерных социальных преобразований к радикальной *технократической редукции*

¹ Акопов С.В. Транснациональное измерение современности // Философские науки. 2015. № 3. С. 104-119.

² Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 261-291.

общества и соответствующим моделям *технологических утопий* было бы слишком опрометчивым упрощением противоречивых общественных процессов глобального Модерна.

Параллельно технологическим изменениям идет значимая трансформация ценностных обоснований позднемодерных политических порядков. В каждом современном обществе существует исторически подвижное ценностно-функциональное соответствие (ядро) сакральных идей и институтов, способное удерживать его от распада. Это ядро, являющееся предметом подвижного общественного согласия, обеспечивает то терпимое легитимное насилие, которому граждане согласны подчиняться: «Любой политический режим, сохраняющийся в течение долгого времени, практически всегда опирается на соответствующий нравственный порядок, который формирует политические и экономические системы, а также сам формируется под их влиянием»¹. В домодерных обществах ценностный порядок организуется в мифической и религиозной форме. Традиция в основе морали домодерных обществ не предполагает критической рефлексии. Природа человека считается познанной, а его добродетели заключаются в исполнении неизменных пожизненных социальных ролей, обеспечивающих предустановленную гармонию. Ценности даны в виде ритуала и символа веры, они тождественны вечному и неизменному социально-политическому порядку. Любые недогматические интерпретации привычных ценностей определялись как ересь, подлежащая исключению и уничтожению.

В исходном политическом нарративе Модерна центральная ценностная система общества организуется *великими идеологиями и утопиями*, часто интерпретируемыми как светские религии, фундированные либеральным консенсусом. Последний выступает доминирующим способом ценностно-институционального сцепления капитализма и нивелирующего его издержки социально-политического порядка. Массовая рефлексия социальных ценностей становится возможна лишь в классовом обществе с развитой автономии-

¹ Там же. С. 279-280.

ей самореферентных подсистем (экономика, политика, право, мораль, образование и т.д.), когда дифференциация и конфликт социальных интересов становятся нормой, а неэлитарные социальные слои получают право на публичную артикуляцию и защиту своих коллективных интересов. Ценности впервые имеют множество социальных субъектов своего воспроизводства. Поэтому они нуждаются в постоянной аргументации их всеобщности в ситуации перманентного социального конфликта современного общества, состоящего из разных классов. Они вырабатываются в публичной сфере как пространстве жизнедеятельности всех политических классов, входящих в политическое сообщество. Поэтому отсутствие заявок на универсальность сразу же выводит ценности из сферы современной политики.

Выработка общих ценностей и правил требует институционального согласования антагонистических интересов и механизмов подчинения несогласных. В позднем Модерне постмодернистская критика тотализирующего характера современных политических учений приводит к попыткам обосновать альтернативные принципы общественной морали, связанные с фоновыми процессами роста рефлексивной социальности, индивидуальной автономии и проистекающей из них индивидуализации нравственности. Отчасти подобное положение дел связано с кризисом современной политической утопии, поскольку «утратил актуальность сам замысел построения идеального социального порядка. Он представляется ныне не только недостижимым, но и не особенно привлекательным... Однако импульс, питающий утопическое мышление, отнюдь не иссяк. Теперь он прорастает на иной почве: *место социальных утопий занимают утопии индивидуальные...* Ориентиром и мерой прогресса при этом выступает непрестанное, в идеале безграничное расширение индивидуальных возможностей человека»¹.

Таким образом, постмодернизм обнаруживает упадок легитимирующей способности универсальных современных идеологий, что приводит к закономерной критике подобных метанарративов и торжеству локальных моралей,

¹ Юдин Б.Г. Сотворение трансчеловека // Вестник Российской академии наук. 2007. Т. 77, № 6. С. 521.

распространяемых только на представителей той или иной социальной, этнической, религиозной группы. В свою очередь, локальные морали для тех или иных корпоративных сообществ, связанные с воскрешением архаичной этики добродетели, не могут быть расширены на остальное общество и противостоят более поздней универсалистской кантовской этике принципов¹. В области социально-политических ценностей различного рода критика универсальности и центризма приводит не к созданию релевантной и легитимной универсальности более высокого порядка, но к разрушению имеющейся. На онтологическом уровне это легитимирует новую сословность, выделяемую по экономическим, профессиональным, этническим, религиозным, территориальным, культурным и иным принципам. Каждое сословие регулируется собственными добродетелями, выработанными внутри сообщества, но при этом данные добродетели и моральные принципы не распространяются на *чужих*, тех, кто не принадлежит к группе. Поэтому согласование общего блага, воспроизводство публичной сферы как условия для артикуляции интересов и институционализации конфликтов, процедуры коммуникативного консенсуса становятся все большей проблемой как на национальном, так и глобальном уровнях.

Как ни парадоксально, возможность такой ситуации обусловлена тем обстоятельством, что в условиях массовой гарантии обеспечения базовых *потребностей выживания* в обществах всеобщего благосостояния на первый план в жизни людей выходят постматериальные ценности². Следует отметить, что в истории человечества задолго до Модерна существовали люди, для которых проблемы выживания не были первоочередными. Однако таких людей было относительно мало, они принадлежали к элитам, а их постматериальные ценности были слишком специфичными добродетелями правителей и воинов, будучи опосредованно ориентированы собственным выживанием. Постматериализм проявляется в росте значимости внеэкономических,

¹ Макинтайр А. После добродетели. М.-Екатеринбург, 2000.

² Inglehart R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics. Princeton, 1977.

культурных, ценностных факторов в целеполагании и принятия индивидуальных и коллективных решений в сравнении с экономическими. Поэтому в данном контексте у ряда исследователей возникает довольно утопическая гипотеза о целенаправленном движении человечества к постэкономическому обществу, где наиболее развитые общества и тенденции, превалирующие в них в настоящем, являют собой картину будущего для периферийных обществ миросистемы¹. Например, длящийся около 40 лет исследовательский проект «Всемирный обзор ценностей» (World Values Survey, WVS) на международном уровне демонстрирует значимую статистическую зависимость: повышение уровня жизни людей приводит к росту постматериальных ценностей самореализации, доверия, ответственности, заботы о людях и природе, а также ценностей открытости изменениям. В то же время низкий уровень жизни населения коррелирует с сохранением доминирующей роли носителей консервативных материальных ценностей выживания, сохранения и самоутверждения. На фоне уже решенных материальных проблем индивидов в странах центра мироэкономики приоритетными для них становятся ценности самореализации и саморазвития, формирующие контуры новой политической этики и часто интерпретируемые как постмодерные. Эти ценности выражают растущее моральное неприятие такого социально-политического статус-кво, в котором господствующей ценностной стратегией граждан является демонстрация социально одобряемого поведения и выживание как пассивная адаптация к наличным и считающимся неизменными общественным нормам и практикам.

Расширяющиеся постматериальные ценности революционны в том, что связаны не с приспособлением индивида к обществу, а с попытками его целенаправленного изменения, когда самоорганизация общества снизу начинает превалировать над его институциональной инерцией и приоритетом всеобщего (государственного) интереса над частными интересами граждан. От-

¹ Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М., 1998.

сюда закономерен рост ценности неформальных практик и технологий согласования, координации и консолидации гражданского общества, низового лоббирования гражданами своих интересов постклассовом обществе. С другой стороны, этот рост может быть связан не только с постматериализмом, но и с преодолением экономикоцентричных моделей модерной политики, подчиняющих ее логике капитала, а также с возвратом к домодерным культурным конфликтам и отличиям, выражающимся в культурных отличиях. Рост возможностей каждого человека выбирать из множества альтернатив оборачивается общей непредсказуемостью и институциональной неустойчивостью позднемодерного *общества риска* (У. Бек), которое не содержит готовых этических и правовых механизмов согласования партикулярных интересов, обеспечения легитимности постоянно меняющихся правил совместного проживания. Уязвимость постматериальной утопии состоит в том, что люди сами по себе не становятся постматериальными, они остаются существами из плоти и крови с вполне земными партикулярными интересами. И рост значимости постматериальных ценностей для все большего количества людей не влечет автоматической отмены ценностей материальных, по-прежнему организующих социальное жизненное пространство подавляющей части человечества.

Таким образом, благое стремление поместить в центр политики отдельного человека, раскрыть его потенциал самореализации, защитить от всепроникающих влияний аппарата власти (биополитика) вовсе не ведет к глобализации политического мышления, когда этическая мысль: а) напрямую связана с интересами человека как персонификации всего человечества; б) права и обязанности распространяются всеобщим законодательством на всех людей, без учета их гражданства. В данном случае этическая риторика освобождения подавляемых и репресслируемых социальных групп как *оружие слабых* оборачивается лишь невозможностью многосоставного общества, его распадом.

Исторический способ существования современного общества связан с усложнением его ценностно-институциональной структуры, организацией эффективного взаимодействия автономных подсистем (экономика, политика, право, мораль и др.) и бесконечным реагированием на внутренние и внешние вызовы: «Сообщества, “уклоняющиеся” от вмененной им задачи интенсивного самоизменения, реально рискуют необратимо растерять накопленные прежде ресурсы социокультурной консолидации, утратить идентификационную привлекательность для составляющих их индивидов, бесследно раствориться в потоке глобальных перемен. Парадоксальным образом, неизменность, постоянство, верность традициям обрекает любую социальную структуру на онтологическое поражение, тогда как лишь стремительная и непрерывная адаптация к изменчивым требованиям современности дает ей шанс на сохранение собственной субъектности, шанс на выживание»¹.

Соответственно, любой современный гражданин не получает в готовом виде универсальные нормы для всех сфер жизни, но призван к тому, чтобы на основании собственного выбора в каждый момент времени выбирать ценностные основания своих действий. Поэтому действительный успех постматериальной нравственности может быть обусловлен лишь большей универсальностью новых норм в сравнении с уже имеющимися. Дальнейшее развитие человечества потенциально заложено в возрастающей свободе и моральной автономии граждан, в росте возможностей их самовыражения. Стратегическое развитие требует расширения свободы и критической рефлексии, а значит, неопределенности и риска, связанных с усилением начал самоорганизации современного общества. Достижение указанной цели через разрушение *репрессивных* институциональных основ наций-государств Модерна часто оборачивается архаизацией, ростом конфликтности, падением эффективности социально-политических институтов и коллективных практик в отсутствие действенных механизмов институционализации согласия. В такой ситуации успехи борьбы лишь с *центрами* и *структурами* вместо роста общего

¹ Лапкин В.В. Политическая модернизация России в контексте глобальных изменений. М., 2012. С. 45.

пространства институциональной свободы ведут к увеличению всевозможных рисков для граждан, связанных с дисфункциональностью и делегитимацией современных институтов, выражающих общую волю и общее благо.

Основное препятствие, ограничивающее возможности глобальной трансформации центральной ценностной системы в постматериальном ключе, состоит в том, что общество Модерна до сих пор онтологически тождественно, прежде всего, капиталистическому. Поэтому действительной альтернативой ценностному и социально-политическому проекту Модерна является онтологический выход за пределы капитализма. Однако процессы глобализации на уровне социальной онтологии не столько ведут к упадку Запада и преодолению капитализма, сколько демонстрируют эффект глобального подъема Модерна, очищенного от наследия партикулярных традиций и цивилизационных особенностей Запада в пользу его действительно всеобщего содержания, преодолевшего исторические, географические и культурные ограничения прежних исторических проектов. В частности, это возвышение интерпретируется Э. Гидденсом как одновременная радикализация и постматериализация ценностных оснований либерализма, фундирующей нарратив Модерна: «Мы не выходим за пределы модернити, но переживаем эпоху ее радикализации... Ее наиболее заметные черты – *крах эволюционизма, исчезновение исторической телеологии, признание радикальной, конститутивной рефлексивности, а также утрата Западом своей привилегированной позиции* – переносят нас в новый и беспокойный универсум опыта»¹.

Если раннеиндустриальный национальный Модерн предстает как институционализация либерализма, то движение к глобальному Модерну обернулось усилением индивидуальной экономической, этической, рефлексивной автономии людей, которые все активнее действуют в своих интересах, в том числе вопреки сложившимся коллективным историческим идентичностям, традициям и ценностным обоснованиям. Это кантианская мысль о рождении

¹ Гидденс Э. Последствия модернити. С. 113-114.

общего блага из правильной институциональной организации совокупности партикулярных эгоизмов¹.

Постматериальный сдвиг заключается в том, что растущие ценности людей, связанные с возможностями их самореализации, все сильнее отрываются от раннеиндустриальных национальных современных институтов, связанных с ценностями коллективного выживания и обеспечения безопасности, предполагающими более высокую степень унификации, принуждения, дисциплинирования, мобилизации и вовлеченности граждан в общественные дела. В условиях нарастающего расхождения постматериальных ценностей и их институциональной фиксации, в глобальном нарративе Модерна наблюдается эффект, когда сила институциональной инерции предшествующего общественного состояния нивелируется падением ее ценностных оправданий: «Различные теории предполагают, что институты существуют постольку, поскольку их поддерживает культура данного общества, или, иначе говоря, пока социальные акторы верят в ценность этих институтов. В этом смысле институты зависят от ценностей, и эта зависимость тем больше, чем более институты нуждаются в добровольной поддержке социальных акторов. Потребность в такой поддержке возрастает, потому что индивидуализация, главная тенденция современности, освобождает людей от механизмов социального контроля. Чтобы индивидуализированные люди следовали правилам, необходима добровольная поддержка ими этих правил, возможная только в том случае, если люди ценят эти правила. Поэтому ценности людей все больше влияют на институты общества, в том числе и на права»².

В подобном контексте либеральный консенсус, фундированный моделью человека экономического, будет все активнее проверяться на легитимность и универсальность именно постматериальными ценностными альтернативами. Более того, реальной угрозой развитию ценностных констелляций либерализма в глобальном мире являются не столько левые и постмодер-

¹Кант И. К вечному миру // Сочинения: в 8 т. Т. 7. М., 1994. С. 5-56.

² Вельцель К., Инглхарт Р., Александер Э., Понарин Э. Распутывание связей между культурой и институтами на примере эмансипации человечества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 4. С. 14.

нистские проекты, сколько сами неолибералы, руками которых капитализм упраздняет сам себя путем отмены своих внеэкономических ограничителей, являющихся условиями его существования. Ценностная модель экономического человека как разумного индивидуалиста и эгоиста, стремящегося к максимизации своей прибыли *в чистом виде*, не может институционально поддерживать существование общества. Любые иные социальные регуляторы (традиция, мораль, добродетели, семья, бюрократия) расцениваются как препятствия или транзакционные издержки, снижающие эффективность экономических коммуникаций. Однако проблема в том, что индивидуальные стратегии в модели экономического человека могут осуществляться только на фундаменте игнорируемых и выводимых за скобки этой моделью коллективных стратегий, ставящих пределы частным интересам, совокупность которых не образует необходимой полноты учета противоречивых интересов участников рынка или выстраиваемого на основе этой же модели политического сообщества. Соответственно, ценностно и институционально капитализм наиболее быстро разрушается именно радикальными капиталистами, а либертариисты способны просто разрушить капитализм, доведя его до логического завершения. Поэтому в реальной политике «институты имеют значение» (Д. Норт), а в более широком плане и «культура имеет значение» (С. Хантингтон), которое невозможно игнорировать просто потому, что «вера и семья, кровь и предания – вот с чем идентифицируют себя люди и вот ради чего они будут сражаться и умирать»¹. Устойчивая культурная среда всегда продуцирует собственные ценности в исторически сложившиеся институты, инерция которых объясняет крах многих институциональных новаций.

В настоящее время в глобальном масштабе можно наблюдать, что радикализация капитализма выражается в нарастании неэквивалентности ресурсных потоков и экономических обменов на всех уровнях. Внеэкономическая компенсация этих критических диспропорций выражается в развитии

¹ Дискуссия вокруг цивилизационной модели: С. Хантингтон отвечает оппонентам // ПОЛИС. Политические исследования. 1994. № 1. С. 56.

социально-политического нарратива позднего (З. Бауман), высокого, космополитического (У. Бек), второго, радикального (Э. Гидденс) или глобального Модерна, связанного с увеличением доступных возможностей как можно большего числа людей, использованием ими ресурсов своей возрастающей автономии в различных сферах жизни. Последняя тенденция часто описывается как фрагментация и индивидуализация общества (З. Бауман), как турбулентность изменений, как перманентный распад предшествующих форм социальной организации (семья, община, этнос, нация, связанные территориальным, языковым и культурно-историческим единством). Тем не менее, при всех наблюдаемых изменениях, рациональная модель человека экономического остается доминирующей, а стратегии ее морально-политической, ценностной компенсации остаются модерными.

Если ранее культурные различия и ценности были преимущественно аргументом консерваторов, то глобализация и деевропеизация нарратива Модерна вновь обращают внимание на социальное экспериментирование и конструирование новых ценностей как необходимого условия глобального развития. Поскольку именно постоянно конструируемые и интерпретируемые ценности находятся в основании любого длительного общественного консенсуса или негласного договора относительно приемлемых правил совместного общежития¹. Таким образом, в обществах, в которых действуют постиндустриальные тенденции, набирают вес нематериальные ценности – культурные факторы и регуляторы общественных изменений становятся не менее значимыми, чем экономические. Новые постиндустриальные кластеры экономики все прочнее связаны с постматериальными активами уникального знания, технологий и творческого креатива, т.е. самореализацией и самовыражением, вытесняющими достигнутые большинством цели обеспечения индивидуальной безопасности и материального благосостояния. Усиление влияния ценностей на траекторию трансформации позднемодерного общества

¹ Макаренко В.П. Общественный договор и проблема молчаливого согласия // Политические исследования. 2012. № 2. С. 141-151.

«...является ожидаемым результатом с точки зрения развития человеческих возможностей. Права не сообщают нам о том, чего желают люди, они являются следствиями из желаний людей. Ценности, напротив, непосредственно представляют собой желания людей. Расширение прав и возможностей человека приводит к тому, что ценности людей начинают больше влиять на путь развития общества»¹. И ценности, связанные с обеспечением непосредственной, материальной жизни человека, начинают превосходить ценностями, действующими в более универсальном контексте, чем частная жизнь, предполагающими развернутую социальную рефлексию граждан относительно условий совместного существования и открытых для них возможностей самовыражения.

Выводы

Интенсивная глобализация политического нарратива Модерна при всей возможной вариативности институциональной реализации в различных регионах мира подтверждает сохранение единства его ценностного ядра. Институциональное разнообразие Модерна обусловлено, прежде всего, исторической неодновременностью, а не культурными особенностями предшествующего развития соответствующих регионов. Поэтому теория *множественной современности* акцентирующая политическую значимость культурных отличий, является способом концептуального свертывания ценностного нарратива Модерна, стремящегося преодолеть эти различия в более универсальных ценностных и институциональных формах, в пользу более узкого цивилизационного (культурного) дискурса. Таким образом, теория *множественной современности* на уровне своей методологии и целей парадоксальным образом превращается в попытку приостановки нарратива Модерна в пользу неоправданно высокого значения, придаваемого в ней

¹ Вельцель К., Инглхарт Р., Александер Э., Понарин Э. Распутывание связей между культурой и институтами на примере эмансипации человечества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 4. С. 38.

уникальности отдельных обществ и их зависимости от предшествующего развития.

Постмодернизм во многом явился критической интеллектуальной реакцией на изначально оптимистический нарратив Модерна, который не был осуществлен в задуманном виде в глобальном масштабе, а сохраняющееся многоуровневое неравенство вызвало необходимость объяснения моральных издержек глобализации модернистского проекта. В результате критика реализации принципов и целей Модерна переросла в отрицание нарратива Модерна как глобального проекта, оборачивающегося тотальным принуждением всего человечества к всеобщим целям, ценностям и институтам, которые на практике не столь универсальны, как казалось вначале. В постмодернизме все, вытесненное в свое время на интеллектуальную, культурную и классовую периферию Модерна в угоду его тотальности, берет реванш. Но, являясь оборотной стороной Модерна, постмодерн лишь переворачивает, но не снимает дуализма бинарных кодов, которыми оперировала модернистская политическая мысль. В итоге патология и норма зачастую просто меняются местами. Онтологические и культурные тенденции, на которые опирались постмодернистские теории, оказались переоценены и во многом партикулярны и противоречивы. Несмотря на фундаментальность и обоснованность постмодернистской критики *проклятой стороны* современного общества, его ценностей и институтов, постмодернистские теории в итоге были включены в более сложный нарратив позднего или глобального Модерна на функциональных условиях его критического самоописания.

Аналогичные процессы возвышения и упадка можно было наблюдать и в отношении постиндустриальных и постматериальных концепций, которые из тотальных утопических альтернатив нарративу Модерна превратились в его интеллектуальные приложения и дополнения, иллюстрирующие институциональное усложнение и ценностную дифференциацию позднемодерного общества. В ситуации упадка классической модели индустриального общества и классовой стратификации доминирующие политические силы стали

культивировать социальную утопию о неизбежном и всеобщем наступлении постиндустриального, постфордистского общества, опирающегося на *креативные отрасли*. При этом неоправданно широко обобщая частные тенденции в отдельных регионах мира и отраслях и вынося за скобки структуру мировой экономики в целом.

В начале XXI в. постиндустриальные теории оказались слишком поспешно фундированы переоцененными тенденциями общественного развития, которые обернулись новыми политическими утопиями с завышенными социальными ожиданиями. Это новейший инвариант *мифа техники*, который уже был в свое время представлен на разных этапах прогресса утопиями электричества, телеграфа, телевизора, Интернета, роботизации и искусственного разума, предполагавшими радикальное преобразование и *освобождение* человечества на основе очередных технологий. Утопии постфордистского общества оказались отчасти наивно оптимистичными, отчасти возможностью не для всех. В настоящее время теории постиндустриализма, постфордизма, информационного, сетевого или креативного общества во многом являются скорее желаемым образом будущего, чем реальным состоянием даже самых передовых обществ. При этом стремление/желание индивидов и социальных групп воспользоваться новыми технологическими возможностями представляет инструментальную проблему, вполне решаемую *внутри социокультурных настроек* глобального Модерна. Особое значение в становлении нарратива позднего Модерна, помимо завышенных ожиданий от экономико-технологических преобразований, имеет комплекс взаимосвязанных онтологических процессов, ведущих к существенной коррекции ценностного ядра его политического нарратива в направлении роста значимости постматериальных мотивов индивидуальных и коллективных стратегий.

Глава 2. Онтологическая динамика нарратива Модерна

§ 1. Эволюция политической онтологии Модерна: проблема конструирования большинства

Основной политический вопрос нарратива Модерна в онтологической плоскости состоит в следующем: на каких условиях возможен легитимный политический порядок в ситуации посттрадиционного общества, сочетающего капитализм и государство, рынок и демократию, классовое расслоение и гражданское равенство? С помощью каких ценностей, институтов и коллективных практик модерное общество удерживается от распада? Поскольку воспроизводство легитимного политического порядка выступает как априорное условие реализации других ценностей и целей – свободы, справедливости, равенства, прогресса и т.д. Первым этот вопрос задал Т. Гоббс, для которого политический порядок воплотился в государстве Левиафане, приводящем людей из естественного состояния войны всех против всех (конфликт партикулярных интересов) в более выгодное для них гражданское состояние, где повиновение государству является условием защиты¹. Согласно Т. Гоббсу, политический порядок европейских монархий получал легитимацию в качестве *наименьшего зла*. Однако по мере развития капитализма и отмирания сословного Старого порядка происходит закономерное наделение политическими правами все больших групп населения. Расширение политического класса потребовало демократической легитимации модерного политического порядка, представленной в качестве добровольного *общественного договора* (Дж. Локк) и *общей воли* (Ж.-Ж. Руссо). Новый политический субъект воплощает признанное значимыми социальными группами *большинство* как скрепляющее ядро общества. Однако вскоре выяснилось, что понимание принципов и условий негласного общественного договора вызывает все больше разногласий у значимых общественных групп модерного общества. А реальное общество существует благодаря возможностям игнорирова-

¹ Гоббс Т. Левиафан. М., 2001.

ния или сочетания разных элементов идеальнотипических конструкций общественного договора подданных (Т. Гоббс), граждан (Ж.-Ж. Руссо) или торговцев (А. Смит). Эти разногласия и групповые перспективы оформились в виде современных идеологий и утопий, которые в качестве системы базовых политических координат вытеснили религиозные и сословные самореференции и идентичности.

Модерный политический нарратив уже не может быть монопольным достоянием аристократического меньшинства, которое легитимно выражало все политическое *целое*, всех проживающих на принадлежащих им землях, хотя большинство населения не имело политического представительства, или оно обозначалось лишь символически. Отныне в качестве главного легитимирующего основания политического порядка в условиях правового равенства граждан предполагалось институциональное согласие с волей большинства, впервые в человеческой истории наделенного политическими правами. Возникает проблема эффективности массового коллективного действия и реконструкции государства. Нормативный политический порядок демократии нуждается в легитимации, отсылающей к большинству. Как правило, это не арифметическое большинство граждан, вычисляемое посредством выборных процедур, но составная или воображаемая конструкция, призванная репрезентировать морально, экономически и идеологически саму суть общества в его лучших проявлениях. И постоянный внутренний спор значимых политических субъектов о наиболее прогрессивном, релевантном, достойном эквиваленте общества является неустранимым атрибутом становления нарратива Модерна. Политическим гегемоном является тот, кто говорит от имени этого динамического большинства, выражает его интересы, опирается на это большинство как признаваемую коллективным воображением общества социальную группу, получает высшую степень легитимности посредством публичной поддержки большинства. Значимой проблемой для политической мысли является тот факт, что в условиях перманентных и стремительных по меркам прошлых эпох изменений общества Модерна его структура и соот-

ношение разных социальных групп постоянно меняются в зависимости от целого спектра факторов – технологический прогресс, географические открытия, демографические тренды, урбанизация, экспансия капитализма, войны, революции и т.д.

Скорость изменений в современном обществе с позиций домодерной статичности аграрного общества представляется едва ли не кошунством, т.к. позволяет увидеть значимые ценностно-институциональные изменения на протяжении одного поколения, одной человеческой жизни. Явленная воочию сконструированность политического порядка побуждает как к более критическому восприятию социальной реальности, так и к производству более убедительных механизмов ее легитимации. Политическая проблематика нарратива Модерна смещается в сторону поиска легитимных процедур установления большинства и прояснению политических смыслов и позиций в ходе постоянно корректируемого общественного договора. Такова, например, суть концепции коммуникативного консенсуса Ю. Хабермаса¹. Однако политическое большинство Модерна не является неизменным и однородным, будучи синтезом или широкой коалицией интересов социальных групп. Это значит, что политический порядок Модерна воссоздается и подтверждается множеством социальных взаимодействий фактически ежедневно, накапливая различного рода изменения. За двести лет внутри современного общества произошла смена целого ряда легитимирующих этот проект базовых онтологий большинства, определивших ряд его значимых эволюционных трансформаций в области принципов социальной стратификации, социальной структуры, институтов, поддерживающих социально-политический порядок. Более того, в силу неодновременности развития центр-периферийной модели капиталистической миросистемы, очередные волны онтологических изменений обществ в ее центре обладают значимой релевантностью в отношении трансформаций, которые через некоторое время будут происходить на полупериферии и периферии миросистемы.

¹ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001.

Центр-периферийные отношения воспроизводятся как глобально, так и на национальном, регионально-локальном уровнях. Они направлены на поддержание стабильного социально-политического, экономического, культурного порядка, где доминирующие социальные группы определяют ценностные основания и способы функционирования общественных институтов. При этом доминирующий класс до эпохи Модерна никогда не был онтологическим большинством и даже не испытывал потребности в опоре на реальное или сконструированное большинство. Его легитимное господство определялось возможностями контроля социальных институтов, эксклюзивным доступом к ресурсам и технологиям. Однако модерная трансформация оснований политического порядка, расширяющая социально-политическую базу доминирующего класса, влечет изменение всей общественной модели, поддерживающих ее институтов и легитимирующих ценностей.

Волна первая: буржуазия как голос нации. Первым большинством политического нарратива Модерна стало третье сословие, чье политическое усиление и освобождение от сословной иерархии Старого режима – ключевой итог буржуазных революций. Аббат Сийес в своем знаменитом памфлете «Что такое третье сословие?» надеялся, что третье сословие станет «чем-нибудь»¹, на самом деле оно стало почти всем, растворив в себе незначительные вкрапления духовенства и дворянства, став *народом, нацией*. Это большинство включало в себя почти все общество, а потому требовало выделения внутри себя более активного, прогрессивного ядра или субъекта, с которым отождествлялся новый политический нарратив Модерна. Этим большинством, не статистическим, но идеологическим, на определенный временной период стала буржуазия как доминирующий голос третьего сословия.

Рост экономического и политического влияния буржуазии подспудно осуществлялся на протяжении всего позднего Средневековья и раннего капитализма, оформляя кредитную зависимость европейских монархий и аристократии от буржуазии, а также от политического влияния, получаемого бур-

¹ Сийес Э.-Ж. Что такое третье сословие? // Аббат Сийес: от Бурбонов к Бонапарту. СПб., 2003. С. 149-217.

буржуазией через выкупные должности государственных служащих и разнообразные частные привилегии. Централизованные, абсолютистские монархии Старого порядка, переформатировавшие раздробленную политическую карту позднего европейского Средневековья, нуждались в естественном союзе с буржуазией против вассальной оппозиции. Однако со временем зависимость стала обоюдной, а позже и монархии начали все сильнее зависеть от нового экономического класса, обеспечивающего их промышленные, торговые и военные успехи. Однако капиталистическое лицо Европы, сформированное в долгом XVI в., еще достаточно долго *существовало* с ее сословно-феодальными политическими формами, традициями и институтами, а также соответствующими критериями социальной стратификации.

Следует отметить, что в ходе Великой французской революции (1789) или длительного периода революционных событий в Англии, окончившихся Славной революцией (1688), аристократия и буржуазия вовсе не были социальными группами с четкими границами относительно друг друга, отличаясь значительным взаимным пересечением. Их очертания во многом зависели от перспективы, в которой «определялась доминантная страта с точки зрения социального статуса или социального класса. Использование того или иного определения создавало значительное различие. Социальная и политическая борьба были реальны, однако для правящих страт это был *внутренний процесс*»¹.

Вторым, более массовым направлением роста политического влияния третьего сословия стало развитие городов и их сетей, когда горожане и городские коммуны постепенно выходили из-под влияния местных феодалов и вассалов, превращаясь в самостоятельных политических игроков, в том числе открытых союзников централизованного монархического порядка. Более того, успешные городские сети и союзы автономных городов (Ганзейский союз, Ломбардская лига и др.) на определенном этапе развития рассматривались

¹ Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. 2: Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600-1750. М., 2015. С. 145.

как реальная политическая альтернатива возобладавшим позднее территориальным государствам. Первоначально буржуазия представлялась как все постоянное вольное городское население, но по мере роста экономического и демографического значения городов и углубления их социальной стратификации термин стал относиться к наиболее обеспеченной части городского населения, принимающей участие в управлении городом.

Наконец, третьей важной причиной выхода на политическую арену третьего сословия стал прогресс военных технологий, создание огнестрельного оружия, массовых армий и переход к концепции тотальных войн, требующих массовой мобилизации населения. Элиты уже не могли содержать *массовых* наемных армий, поэтому все, что они могли дать призывникам – это нематериальные стимулы, соучастие в управлении, гражданские и политические права, что способствовало потенциальному расширению социальной базы будущих демократий¹.

К моменту буржуазных революций третье сословие уже повсеместно обладало доминирующей экономической властью (буржуазия) и массовой базой недовольства (налогооблагаемые крестьяне), требуя неизбежного признания своего возросшего влияния в политическом поле. Это был период существования сословной и формирующейся классовой стратификации раннекапиталистического общества, когда рынок из периферийного явления постепенно становится преобладающей, *прогрессивной* моделью институциональной организации общественной жизни. Крестьянство все еще является абсолютно преобладающим классом в социальной структуре, а новые экономические классы представляют собой лишь незначительное ядро будущей социальной реальности. Тем не менее ранний капитализм легитимирует, а затем постепенно готовит ценностно-институциональную почву и расширяет возможности для тотального преобразования аграрно-сословного общества в индустриально-капиталистическое, в ходе долговременных процессов урбанизации, индустриализации и географической экспансии капитализма.

¹ Фишман Л.Г. Происхождение демократии («Бог» из военной машины). Екатеринбург, 2011.

После революций буржуазии определенный период времени удавалось поддерживать тождество собственных и общественных интересов, выражая интересы новых наций в целом, представляя в *нарративе классического, недифференцированного либерализма* происходящие изменения как дискурс всеобщего освобождения, выгодный всему третьему сословию как легитимному большинству и/или территориальному сообществу граждан. Однако позже классический либерализм был институционально реализован, превратившись из утопии в политическую повседневность, привычные коллективные практики, институты и процедуры: «Либерализм опирается на длительную традицию моральной и политической рефлексии и интерпретации смысла и значения политического опыта Запада в эпоху модерна. Пройдя сквозь множество идеологических битв, он сохранился и доказал верность многих положений»¹. Последующая динамика ценностных, правовых, экономических оснований политического порядка современного общества происходила уже *внутри либерализма* как ценностного фундамента жизненного мира современного общества.

Третье сословие, ставшее нацией, со временем начало подвергаться процессам структурно-функциональной дифференциации и усложнения, выделения все новых автономных подсистем общества. Нарастало общее давление принципов рыночной стратификации, сопутствующее воспроизводству новейших социальных, экономических, политических конфликтов социальных групп.

Логика отслоения от буржуазии все новых автономных социальных групп со своими политическими интересами перестала поддерживать исходный негативный либеральный консенсус, связанный с противопоставлением третьего сословия Старому порядку. Новый политический порядок обнаружил необходимость постоянного согласования консервативных, либеральных и социалистических инвариантов исходного идеологического консенсуса, за которыми обнаружились коллективные политические интересы новых клас-

¹ Алексеева Т.А. Либерализм как политическая идеология // Полития. 2000. №1. С. 117.

сов. Более того, экономические противоречия интересов внутри наций политически стали более значимы, чем базовое гражданское единство новых государств. При этом декларированное революцией равенство граждан со временем подверглось инволюции и новой дифференциации политических прав имущественными и иными цензами.

Рост внутри новых наций влияния альтернативных социальных групп, *людей труда*, привел к закономерной политической реакции буржуазии, ее нарастающему консерватизму и сближению с еще не раз восстановленными европейскими монархиями, аристократией и новым бюрократическим классом. В ходе модерной истории была разрушена ее первоначальная монополия на представительство большинства. Оказалось, что гегемония может осуществляться и другими социальными группами, первой из которых стали люди труда (рабочий класс, пролетариат).

Волна вторая: взлет и падение рабочего класса. В условиях раннего, индустриального Модерна была создана новая *трудозависимая экономика*, требующая географической концентрации массовой занятости в расширяющемся товарном производстве. Усиливающаяся экономическая роль *людей труда* привела к росту вложений в их человеческий капитал, к более эгалитарному, демократическому распределению общественных ресурсов под влиянием широких социальных движений. Ключевым поворотом к обществу труда стали *энергетические революции* – сначала угольная, а затем и нефтяная, позволившие обществу с помощью новых технологий получать неизмеримо большее количество жизненных ресурсов, чем в любой доиндустриальной аграрной экономике, живущей представлениями о земле как ключевом источнике всех человеческих богатств. Взрывной рост доступной энергии из подземных недр и возможностей ее эффективного использования обусловил исторический переход к принципиально новым социально-экономическим стандартам жизни большинства людей, где источником обогащения становится не только Солнце и земля, но и человеческий труд и технологии: «Современная массовая политика стала возможной благодаря развитию способов

жизни, которые использовали энергию совершенно новых масштабах... Демократия иногда описывается как следствие этого изменения, возникающее тогда, когда быстрый рост промышленной жизни разрушает прежние формы авторитета и власти... Благодаря новому социально-энергетическому метаболизму большая часть населения теперь могла быть сконцентрирована в одном месте без непосредственного доступа к сельскохозяйственным землям, то есть в городах, размеры которых более не ограничивались поставками энергии»¹.

В процессе становления раннеиндустриального европейского Модерна эпохи фабричных труб произошел серьезный переворот в социальной онтологии современного общества. Появился новый влиятельный класс *людей труда* – наемных рабочих, начавший играть важную роль в использовании нового энергетического потенциала общества. Новая энергетика и технологии создали рабочий класс как политическую силу, с которой пришлось договариваться, существенно меняя сложившийся ранее политический порядок и социальную структуру. Консолидация его коллективных интересов через странственную концентрацию в городах, организацию профсоюзного движения и политических партий, забастовки привела к окончательной деконструкции сословной структуры Старого порядка в пользу создания современных *машин демократии*, призванных считаться с новыми социальными субъектами современного общества: «Несмотря на все эти ограничения и недостатки, трудящиеся индустриального Запада приобрели власть, которая казалась им недостижимой до конца XIX столетия»².

В условиях раннеиндустриального капитализма, масштабно описанного К. Марксом, социальная реальность политического большинства все чаще связывалась с рабочим классом, предполагалось, что он станет политическим гегемоном в новом индустриальном обществе. Однако дальнейший технологический прогресс и растущая автоматизация (роботизация) производства

¹ Митчелл Т. Углеродная демократия: Политическая власть в эпоху нефти. М., 2014. С. 29; 34.

² Там же. С. 52.

привели к падению удельного веса рабочих в обществе. Прогресс вел к смене технологических укладов, структуры занятости, социальной стратификации. Рост производительности труда сначала в сельском хозяйстве, а потом и в промышленности стал причиной высвобождения множества людей, которые оказались лишними в автоматизированной системе организации капиталистического производства.

Всю предшествующую историю человечества *лишние люди* обеспечивали экстенсивный рост, внутреннюю колонизацию еще не освоенных земель, захват новых территорий. Однако при достижении пределов роста/экспансии они первыми уничтожались в ходе социальных волнений, революций либо голода, болезней. Первый технологический переход Модерна заключался в том, что лишние крестьяне из перенаселенных деревень нашли себе новую трудовую нишу на заводах и фабриках. Этот переход деревня-город стал эпохой бурного роста городов и заводов, веком фордизма. Если в России в 1900 г. подавляющее число занятых – 58,6% – приходилось на сельское хозяйство, то в 2019 г. в нем было задействованы лишь 5,76% от общего числа занятых¹. В США изменения были еще радикальнее: доля американцев, занятых в сельском хозяйстве, упала с 41% в 1900 г. до 1,3% в 2021 г.² Но не только страны центра миросистемы, но и человечество в целом уже пережило аграрную революцию. Число аграриев в мире снизилось с 66,3% в 1900 г. до 31% в 2017 г. и продолжает уверенно снижаться дальше. При этом в производстве занято – 23,5%, в сфере услуг – 45,5% занятых. В 2017 г. вклад сельского хозяйства в глобальный валовый продукт составил 6,4%, индустрии – 30%, сферы услуг – 63%³. Таким образом, в мире на 1 занятого в сельском хозяйстве генерировалось в среднем в 9 раз меньше ВВП, чем на 1 занятого в промышленности или сфере услуг. При этом генерация ВВП на 1 работающего в сфере услуг или промышленности примерно совпадает. Это

¹ Россия: доля занятости в сельском хозяйстве // EconomicData. URL: https://www.economicdata.ru/country.php?menu=europe-country&cu_id=3&cu_ticker=RUS&country_show=economics&ticker=RUS-AgricultureEmploy

² United States of America // UNdata. URL: <http://data.un.org/en/iso/us.html>

³ The World Factbook // The Central Intelligence Agency (CIA). URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/world/#economy>

дает серьезный аргумент в пользу отсутствия уникальных экономических преимуществ развития у постиндустриальных стран, в которых до двух третей и более трудоспособного населения занято в сфере услуг, в сравнении с новыми индустриальными странами (Китай, Бразилия, Индия и др.).

Следующий технологический переход связан с ростом производительности и автоматизацией уже самого промышленного труда, глобализацией промышленных цепочек¹. Производительность труда в Европе за 150 лет выросла в 20 раз и продолжает расти дальше². Несмотря на то, что доля мировой занятости в промышленности увеличилась в XX в. с 13,7 до 18,1%, этот рост базировался на появлении и 15-кратном росте промышленности в странах полу- и периферии миросистемы, в то время как доля рабочих в развитых странах после пиковых значений первой половины XX в. лишь сокращалась. Таким образом, со сдвигом в 100-200 лет вслед за фундаментальным падением занятости в сельском хозяйстве возникает избыток рабочих в индустрии. С временным сдвигом структурные процессы, инициированные в обществах центра миросистемы и связанные с техническим прогрессом, осуществляются в экономиках полупериферии и периферии миросистемы. В европейской политике первой половине XX в., отрафлексированной А. Грамши и К. Манхеймом, классический пролетариат реализовал свой прогрессивный потенциал в условиях капитализма, добившись более эгалитарного общественного распределения прибавочного продукта, но так и не став статистическим и классовым большинством. Под давлением успехов социалистических стран во главе с СССР и в условиях формирования биполярного мира, модель *государства всеобщего благосостояния* закрепила новый институциональный компромисс экономических классов – буржуазии и рабочих. Интересы рабочих были удовлетворены эволюционным путем, в результате кейнсианской экономической политики, расширения политических прав, государственного дирижизма и усиления влияния левых идеологий и движений.

¹ Коллинз Р. Технологический сдвиг и капиталистические кризисы: выходы и тупики // Прогнозис. 2009. № 2. С. 196-209.

² Шевчук А.В. О будущем труда и будущем без труда // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 47.

В результате рабочий класс начал дрейфовать по своим доходам в сторону средних слоев, в то время как источником новых вызовов стал андеркласс – новые маргиналы, разнообразные меньшинства и безработные. Со временем пик мирового могущества рабочего класса, подкрепленный поддержкой влиятельного социалистического блока, прошел. Параллельно усиливались транснациональные корпорации, набирал все большие обороты процесс перевода трудоемкого сектора производства массовых товаров на периферию миросистемы. Конец биполярности вызвал закономерные попытки пересмотреть концепцию государства всеобщего благосостояния в пользу *естественной радикализации* общественного неравенства, легитимизируемого на теоретическом уровне неолиберальными теориями, а на онтологическом практиками новой классовой дифференциации, названными К. Лэшем *восстанием элит*¹. Вследствие сокращения *людей труда* и автоматизации производства растет дифференциация доходов большинства и меньшинства. Например, с 1979 по 2021 гг. ежегодные чистые доходы наиболее богатого 1% населения США возросли на 281%, в то время как наиболее бедные 20% населения приумножили доходы только на 94%² Если 1% наиболее богатых людей США контролировал 39% национального богатства, следующие 9% имели еще 39% всех активов, то оставшиеся 90% населения только 23% богатства.³ При этом прогрессивные налоги принципиально не решают исходной проблемы, лишь отчасти снимая ее остроту.

Сокращения рабочего класса вследствие развития технологий, автоматизации производства и роста производительности труда имело два долгосрочных следствия.

Первое – постоянный рост безработицы, прежде всего, в развитых странах, когда массовому высвобождению рабочих рук в индустриальном секторе производства рыночная экономика не в состоянии предложить ана-

¹ Lasch C. The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy. N.Y., 1995.

² Projected Changes in the Distribution of Household Income, 2016 to 2021 // Congressional Budget Office. 19.12.2019. <https://www.cbo.gov/publication/55941>

³ Stone Ch., Trisi D., Sherman A., Horton E. A Guide to Statistics on Historical Trends in Income Inequality // Center on Budget and Policy Priorities. 13.01.2020. URL: <https://www.cbpp.org/research/poverty-and-inequality/a-guide-to-statistics-on-historical-trends-in-income-inequality>

логичного количества мест в высокотехнологичных секторах, которые уже не требуют массовой занятости и статистически незначимы на общем рынке труда. Усугубляет ситуацию и тот факт, что технологизация домашнего хозяйства (стиральные машины, пылесосы, микроволновки, индустрия быстрой еды и пр.) и воспитания детей (детские сады, школы, кружки) облегчила массовый выход на рынок труда женщин, которые стали конкурентоспособны с мужчинами в любых областях современной экономики. Возникает устойчивая тенденция, связанная с прямой зависимостью между технологическим прогрессом общества и ростом уровня *естественной безработицы*. В 1940-е гг. естественный уровень безработицы определялся экономистами в 3-4%, в 1980-е гг. уже в 6-7%, в начале XXI в. речь идет о *норме безработицы* в 10-15% рабочей силы. Более того, человеческий труд в наиболее развитых странах (США, Германия, Франция, Япония и др.) постепенно снижает темпы роста производительности с 2,3% в 1994-2004 г. до 1,1% в 2004-2014 гг.¹

Согласно футурологическим прогнозам, при сохранении существующих тенденций сжатия рынка труда в наиболее развитых странах до 40-50% трудоспособного населения к середине XXI в. в результате расширяющейся автоматизации рабочих мест рискует стать безработными. Экономический смысл и сама потребность экономики в массовом человеческом труде могут быть преодолены к концу XXI в., когда роботы и машины, оснащенные искусственным интеллектом, будут эффективнее и дешевле людей в большинстве сфер привычной экономической деятельности². При этом все очевиднее становится тот факт, что тезис *сокращение населения ведет к нехватке рабочих рук* при ближайшем рассмотрении давно не оправдан. Наоборот, в США как модельной мировой экономике с начала 2000-х гг. можно наблюдать устойчивый рост ВВП в условиях сокращения количества занятых³. Это

¹ Furman J. Is This Time Different? The Opportunities and Challenges of Artificial Intelligence // The White House. President Barack Obama. 07.07.2016. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/page/files/20160707_cea_ai_furman.pdf

² Frey C., Osborne M. The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerisation? // Oxford Martin School. 17.09.2013. URL: http://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf

³ Rotman D. How Technology is Destroying Jobs // MIT Technology Review. 12.06.2013. URL: <https://www.technologyreview.com/2013/06/12/178008/how-technology-is-destroying-jobs/>

опровергает традиционные схемы индустриального Модерна, где экономический рост и расширение рынков предполагали увеличение количества занятых в ней людей, неизменно сопровождаемое ростом производительности труда и доходов всего трудящегося населения. Этот временный эффект наблюдался в ходе долгой промышленной революции и служил компенсацией сокращения занятости в сельском хозяйстве после предшествующей аграрной революции. Однако исторические пределы насыщения новых отраслей и рынков со временем тоже были достигнуты.

Более того, «происходит сужение временных рамок, в пределах которых людей нанимают на работу... продуктивная часть жизни будет сжата в меньшую часть всей биологической жизни, при этом пожилые рабочие будут “покидать сцену” задолго до того, как они физически или умственно станут неспособными продолжать свою работу»¹. Рост ничем не компенсируемой структурной безработицы является одним из ключевых политических вызовов рыночному капитализму: «Как долго продержится капитализм, если средний класс образца XX в. в следующем столетии будет превращаться из его массовой политической и экономической базы в массу обездоленного недовольства?»². В мире возникла критическая масса лишней наемной рабочей силы. Постиндустриальные и креативные сектора фактически не создают массовых рабочих мест. Например, в конце 1990-х гг. Бюро трудовой статистики США прогнозировало в течение 1998-2008 гг. появление на национальном рынке труда до 2,8 млн рабочих мест в передовых отраслях экономики, таких как программное обеспечение, полупроводники, аэрокосмические технологии, фармацевтика, производство компьютерной техники, научные исследования и т.д. В реальности за последующее десятилетие в указанных передовых отраслях занятость не только не выросла, а упала на 68 тыс. рабочих мест³. При этом в менее развитых странах занятое население в сред-

¹ Сеннетт Р. Коррозия характера. М., 2004. С. 147-148.

² Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. С. 10.

³ Mandel M. Global Innovation and Jobs. 2010. URL: <http://www.newschool.edu/scepa/conferences/2010/US%20Corporation/coporation%20slides/mandel%20final.pdf>

нем тратит на труд значительно больше человеко-часов в год, чем в более развитых¹.

Структурная безработица растет сильнее среди неквалифицированных социальных групп, не обладающих уникальными трудовыми навыками. Рост безработицы обостряет проблемы бедного населения, расположенного на перифериях всех измерений – экономического, культурного, социального, этнического, языкового и пр.² Бывшие рабочие становятся *лишними людьми*, в отношении которых происходит стремительная дегуманизация властного нарратива. Они больше не могут доказать свою *трудовую полезность*, поэтому отношение к ним перепрограммируется как к социальной патологии. Исходные экономические проблемы распада социального государства, бедности и безработицы, классового расслоения и сегрегации начинают паллиативно переинтерпретироваться доминирующим дискурсом как культурные, этнические, миграционные, языковые, конфессиональные проблемы. Сокращение мер социальной поддержки оправдывается тем, что бедные сами ответственны за свою жизнь и ее результаты в модели конкурентного *личного успеха*, при этом структурные причины бедности, независимые от воли отдельных людей, остаются за рамками данного дискурса.

Второе следствие – снижение доли труда в производимых товарах и рост значения капитала и знания. В США в период 1969-2009 гг. средняя зарплата мужчины упала на 28%, а доля трудовых доходов в их общем объеме снизилась с 66% в 1947 г. до 58% в 2011 г.³ В России доля зарплаты, т.е. *наемного труда* снизилась с 73,6% в 1992 г. до 57,9% в 2019 г. в общем объеме доходов населения⁴. Результатом стало усиление разрывов доходов и уровней жизни, т.к. производители все меньше связаны *людьми труда*. Это, в свою очередь, отразилось на ослаблении рабочих движений, партий и проф-

¹ Giattino Ch., Ortiz-Ospina E. Do Workers in Richer Countries Work Longer Hours? // Our World in Data. 21.12.2020. URL: <https://ourworldindata.org/rich-poor-working-hours>

² Furman J. Is This Time Different? The Opportunities and Challenges of Artificial Intelligence // The White House. President Barack Obama. 07.07.2016. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/page/files/20160707_cea_ai_furman.pdf

³ Коуэн Т. Среднего более не дано. Как выйти из эпохи Великой стагнации. М., 2015. С. 69, 54.

⁴ Россия в цифрах. 2020: краткий статистический сборник. М., 2020. С. 124.

союзов. Например, «В 1950-е гг. членами профсоюзов были более трети американцев, занятых в частном секторе. К 2010 г. эта цифра опустилась приблизительно до 7%»¹, а в 2021 г., согласно данным американского Бюро статистики труда в частном секторе состояли в профсоюзах лишь 6,1% работников².

Глобальные трансформации принципов совместного существования индивидов и социальных групп продолжают менять ключевые принципы и факторы дифференциации социальной структуры. Пролетариат численно сократился, но не был вытеснен чем-то новым, не превратился во влиятельный утопический *когнитариат*, занятый интеллектуальным трудом в обществе знания³. Несбывшейся утопией, по-видимому, останется и *постиндустриальное общество* как цель для всего человечества, а не только для стран центра капиталистической миросистемы.

Отсюда проистекает еще одно важное следствие, которое пока наиболее заметно в развитых странах, но со временем охватит и остальное человечество. Оно состоит в трансформации классовой структуры общества и принципов ее стратификации, где основные производящие группы общества – аграрии и рабочие – даже в совокупности не образуют былого большинства. Снижение их численности и доли вклада в общественный продукт не могли не сказаться на ослаблении политической гегемонии, что в наиболее последовательном и радикальном виде продемонстрировал советский опыт возвышения и падения рабочего класса: «При советской власти рабочий класс был центральным игроком политической экономики идеологически и практически... С распадом административной экономики и переходом власти от номенклатуры к финансово-торговой буржуазии, сконцентрированной вокруг банков, торговли, мафии и эксплуатации природных ресурсов, промышленность рухнула, рабочий класс стал лишним остатком прошлого»⁴. Для

¹ Форд М. Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы. М., 2016. С. 86-87.

² Union Members Summary. URL: <https://www.bls.gov/news.release/union2.nr0.htm>

³ Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2004.

⁴ Буравой М. Транзит без трансформации: инволюция России к капитализму // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 10.

демократической легитимации новейшего позднемодерного политического порядка сократившийся рабочий класс стал статистически менее важен. Фабрики, заводы, индустриальные города, компактные скопления пролетариата, массовые партии, профсоюзы, прочие системные признаки классово-индустриального нарратива Модерна размываются в пользу новой классовой структуры, основания которой отличны от тех отношений труда, капитала и собственности на средства производства, которые были столь важны в раннеиндустриальном обществе.

Волна третья: в поисках среднего класса или большинство не для всех. В своем развитии капитализм постепенно исчерпал массовые запасные ниши на рынке труда, в которые могли бы мигрировать безработные в ходе нарастающей автоматизации сначала массового, а затем и интеллектуального производства. С каждым новым витком развития технологий количество новых рабочих мест значительно меньше сокращающихся. Лишняя рабочая сила в странах центра миросистемы довольно эффективно перенаправлялась в сферу услуг, сервисного обслуживания и коммуникаций. Это на определенный период времени позволило избежать социальных потрясений, предсказанных К. Марксом. Однако постиндустриальный технологический сдвиг не создает на горизонте будущего массовых трудовых ниш, которые могли бы удовлетворить растущий класс безработных, уже привыкших к высоким стандартам потребления и социального обслуживания. Те же тенденции автоматизации постепенно проникают и в казавшуюся *спасительной* сферу услуг. Соответственно, рост или простое сохранение доходов людей оказывается возможно только через увеличение *рентной* составляющей их зарплат/доходов или сокращение их числа при увеличении производительности.

В результате национальные рынки труда демонстрируют не только долгосрочный сдвиг занятости от производящих секторов в сектор услуг, но и переток занятости из рыночных отраслей в нерыночные, прежде всего, связанные с таким работодателем, как государство. *Возникает ложный круг решения проблемы занятости, который все более превращает рыночное обще-*

ство в рентное, когда рынок в силу многих причин перестает создавать новые рабочие места, а экономическая роль государства, которое в мейнстримной теории специализируется на определенных благах и услугах (безопасность, здравоохранение, обучение, управление), продолжает расти, в том числе в качестве поставщика новых рабочих мест.

Сокращение аграриев и рабочего класса в социальной структуре общества, массовое экономическое нивелирование *людей труда* в экономике привели к кризису классовых стратификаций и росту популярности структурно-функциональных концепций, в которых большинство стали связывать с понятием среднего класса. Вместо марксистского разделения труда как критерия стратификации стали прибегать к более нейтральным показателям – имущественному положению, идентичности, располагаемым ресурсам и уровню доходов людей. Реализация принципов государства всеобщего благосостояния или социального государства способствовала возникновению *ромбовидной проекции* социального расслоения, в котором численно доминируют не бедные, выживающие и эксплуатируемые, а представители среднего класса. Средний класс занимает промежуточное положение между буржуазией и пролетариатом, объединяя в своем существовании основания труда (основным источником дохода среднего класса являются труд и профессиональные навыки), но также ренты и капитала (владение недвижимостью, бизнесом, ценными бумагами и т.п.). Поэтому расширение среднего класса описывается как основное средство для предотвращения радикальной социальной поляризации современных обществ, а также поддержания более общей идентичности граждан, выходящей за пределы экономических классов.

Предполагалось, что фордистское большинство рабочего класса, занятого непосредственным производством, вытесняется сложносоставным большинством в виде среднего класса, задействованного преимущественно в растущей сфере услуг. Возвышение *среднего класса*, во многом объясняемое задачами легитимации политического порядка, стало популярной попыткой уйти от экономикоцентричной марксистской стратификации и классового

подхода в пользу обоснования появления значимых групп, объединенных внеэкономической идентичностью. Поэтому доминирующий политический порядок в социальных науках пытается онтологически обосновать свою легитимность через средний класс как репрезентацию большинства граждан, а его критики, как правило, стремятся доказать его малочисленность и неустойчивость. *Средний класс* в контексте социального государства стал аналогом престижной *социальной нормы для большинства населения*, отклонение от которой чревато стигматизацией бедностью. Поэтому парадокс состоит в том, что численность граждан, субъективно идентифицирующих себя со средним классом как социальной нормой, обычно выше, чем его объективная численность по уровню дохода, образования, квалификации, владению собственностью, наличию автомобиля и т.д.

На долгосрочном технологическом фоне в странах центра капиталистической миросистемы политическую значимость начали приобретать растущие группы *белых воротничков* – чиновников, интеллектуалов, менеджеров, мелких предпринимателей, фрилансеров и т.п. Структура нарратива позднего Модерна стала изменяться в пользу онтологической легитимации политического порядка посредством опоры на эклектичное большинство как механическую агрегацию многих социальных групп. Это средний класс, включающий не только мелких предпринимателей, но и менеджеров, ученых, интеллектуалов, госслужащих, работников сферы услуг и т.д. Однако теоретические попытки собрать из них большинство на фундаменте постиндустриального дискурса не увенчались успехом. Относительно четко выделяемые социальные классы индустриального Модерна сменились группами населения; на место идеологий, выражающих классовые интересы, пришел технологический прагматизм и популизм. Социально-экономические противоречия начинают переосмысляться в культурных категориях идентичности. Все большее распространение приобретают постэкономические ценности, связанные с самореализацией и творчеством. Средний класс стал отождествляться с *социальной нормой*, поэтому к ней себя субъективно относит боль-

шинство населения, которое в реальности весьма различно по своим доходам, статусу, стилю жизни, возможностям. А поскольку средний класс становится связанным с понятием нормы и нормального, самоописание в категориях среднего класса является скорее способом идеологического подтверждения своей нормальности, чем способом проявления политической субъектности или указания на реальное место в социальной структуре.

В результате средний класс превращается в настолько обобщенную категорию, что не может восприниматься как деятельное большинство, способное на выработку идеологии. Средний класс не становится и структурным аналогом рабочего класса в условиях, когда сфера услуг начинает количественно преобладать над сферой производства, т.к. сфера услуг раздроблена и уже не обладает такой ресурсной мощью, как производственные предприятия прошлого. Средний класс при более пристальном измерении оказывается преимущественно совокупностью горожан все более деиндустриализированных городов, находящихся в постоянном бегстве от безработицы. Проблема в том, что средний класс по своему составу слишком гетерогенен, чтобы превратиться в политического субъекта, в *класс для себя*, способный к лоббированию собственных интересов. В отличие от рабочего класса, который обладает солидарностью, связанной с общностью интересов, культуры, дисциплинарного жизненного пространства, позволяющими осуществлять механизмы *классовой гегемонии*, это скорее номинальная группа, которая не имеет выраженной общей идентичности, а потому действительно имеет признаки идеологического конструкта. Властные элиты всегда могут поступиться той или иной частью его представителей без значимых политических последствий.

Естественно, что идеология среднего класса как составная часть политического нарратива позднего Модерна изначально не могла быть нейтральной, во многом выполняя функцию риторической компенсации непрекращающихся конфликтов труда и капитала, все интенсивнее выходящих за пределы отдельных предприятий, отраслей, регионов и наций. Новый средний

класс как онтологическое большинство вслед за буржуазией и рабочим классом тоже апеллировал к своей прогрессорской миссии через концепции государства всеобщего благосостояния, роста возможностей для каждого, обеспечения минимальных стандартов для всех и т.д. Первоначально казалось, что новый политический порядок, легитимизируемый интересами среднего класса, является устойчивым. Однако государство всеобщего благосостояния, идеологически центрированное средним классом, оказалось доступно не для всех обществ мироэкономики, но преимущественно для обществ ее центра.

В результате можно наблюдать воспроизводство социальных утопий, связанных с ожиданиями очередного технологического сдвига к постиндустриальному, информационному, посткапиталистическому и чуть ли не к постматериальному обществу. Однако постиндустриальный сегмент мироэкономики строится на создании закрытых глобальных монополий и стандартов, даже в развитых странах это сфера занятости незначительного меньшинства. Очевидно, что в результате аутсорсинга люди, занимающиеся стандартизированным трудом и обладающие распространенными навыками, конкурируют со всем глобальным *миром*, что ведет к глобальному уравниванию оплаты их труда в понижающем тренде. И наоборот, растут доходы тех немногочисленных групп, чьи уникальные и малораспространенные умения редки, и кому трудно найти альтернативу.

Рабочая сила, которая является ключевым ресурсом 70-80% экономически занятых граждан в современных обществах, играет все меньшую роль в экономике и политике. В настоящее время можно наблюдать процессы деглобализации капитала, создающие ему преимущество перед локализованным трудом, не обладающим глобальной мобильностью. Взаимозависимость труда и капитала, вынуждавшая их договариваться лицом к лицу в рамках нации-государства, ослабла. В условиях глобализации капитала локально размещенный труд теряет значительную часть ресурсов и возможностей для организованного отстаивания своих интересов. Более эффективны-

ми становятся индивидуальные стратегии, связанные не столько с отстаиванием коллективных требований, сколько с механизмами индивидуальной адаптации к сложившемуся глобальному рынку труда. Это механизмы, связанные с внутренней и международной миграцией, способностью к принципиальной смене рода деятельности, получением дополнительных навыков и переобучением, т.е. всем тем, что можно назвать погоней труда за капиталом. Однако ниши для глобальных рабочих миграций с мировой периферии в первый мир относительно невелики. В силу материальных факторов, проблем межгосударственного признания дипломов, языковых барьеров, въездных квот и иных причин они остаются уделом немногих.

В данном контексте представляется, что средний класс индустриального Модерна слишком поспешно рассматривался как идеологосоциологическая прелюдия к другому утопическому большинству – креативному классу как расширенному пониманию всех тех, кто претендует на статус представителя интеллектуального труда – менеджеры, люди творческих профессий, самозанятые. Всех, кто вписывается в теорию постиндустриального общества как его авангард и при этом претендует во временной перспективе будущего стать новым большинством. Постиндустриальное, информационное общество – это онтологическое воплощение теорий постмодерна. Поэтому креативный класс – новое онтологическое воображаемое концепций постиндустриального общества в условиях деиндустриализации, классового расслоения и ослабления возможностей социального государства. В силу социологической переоценки узких прослоек людей в мировых мегаполисах, которые выдаются за репрезентативный прообраз и саму квинтэссенцию грядущего постиндустриального общества, эти теории стали объектом критики, в том числе их прежних сторонников¹. Методологические и идеологические попытки заменить средний класс более узким и специализированным *креативным классом*² вызывают убедительную критику по поводу

¹ Иноземцев В.Л. Воссоздание индустриального мира // Россия в глобальной политике. 2011. Т. 9, № 6. С. 85-98.

² Флорида Р. Креативный класс: Люди, которые меняют будущее. М., 2007.

его реальной субъектности и универсальности политических интересов¹. Большая часть мирового креативного класса не смогла реализовать в рамках креативной утопии декларируемые ею цели и образ жизни. Амбициозным свободным творцам пришлось привыкать к роли наемных работников в основании очередной технологической пирамиды, где разнообразие форм (фриланс, аутсорсинг и пр.) не отменяет истинной сути найма. Обещанного неолиберализмом *возвышения среднего класса* не произошло, т.к. обнаружился другой феномен – глобальное *перепроизводство среднего класса*. Во многом катализатором этого негативного процесса стала фантастически завышенная оценка масштабов грядущей информационной, креативной экономики и экономической емкости сферы услуг.

Наличие высокодоходных ниш, связанных с технологиями, финансовыми спекуляциями или производством элитных брендовых товаров, оставляет неразрешимой базовую проблему сокращения экономического роста, увеличения безработицы и роста государственных обязательств. В результате поздний Модерн оказывается *обществом потребителей*, в котором прирост капитала как базовая цель капитализма все более связан со стратегией интенсификации рыночных обменов – паллиативным ресурсом роста потребления на уже имеющихся конечных рынках, созданием на них новых ниш спроса. Со стремлением рыночных субъектов увеличивать объемы потребления, *открывать* новые потребности, требующие своего удовлетворения новыми видами товаров и услуг. Подобная возгонка потребления не может быть вечной, поскольку доходы людей связаны фоновой тенденцией – глобальным сокращением спроса и рынка труда в результате автоматизации производства и завершения пространственной, географической экспансии капитала.

Таким образом, онтологическая легитимность политического нарратива Модерна, обусловленная рыночным капитализмом, территорией (нация-государство) и проживающими на ней сообществами людей, находится в поисках ускользающего большинства. Механические социологические компи-

¹ Пек Д. «Укол» креативности // Неприкосновенный запас. 2013. № 6. С. 172-190.

ляции, которые описывают средний или креативный класс существуют при ближайшем рассмотрении не столько в реальности, сколько в легитимирующих эту реальность теориях. Поскольку составляющие их люди, как правило, не действуют, исходя из общих коллективных интересов, тем самым подтверждая кризис категорий описания и коллективных практик классово-индустриального Модерна¹. Средний класс оказался плохо приспособлен к коллективным политическим действиям, существуя как *разрозненное и молчаливое большинство*.

Глобальное свертывание социального государства закономерно ведет к сокращению экономической базы среднего класса и его превращению из пространства стабильности в область социальных рисков. В результате из опоры политического порядка он все чаще превращается в источник социальных угроз и новых вызовов. Если меньшинство среднего класса еще способно удержаться в рядах мелких рантье и креативного класса, то большинство пополняет ряды нового пролетариата – прекариата, людей с неустойчивой и негарантированной трудовой занятостью. Отсюда следует нарастающее расхождение социального опыта и жизненных целей, ослабление взаимной солидарности и кризис субъектности всех тех групп (новый офисный пролетариат, госслужащие, мелкая буржуазия), которые на растущих и пересекающихся перифериях классического пролетариата и буржуазии пытались объединить в новый синтезирующий класс, ослабляющий экономические противоречия.

Итак, попытки легитимировать современную стратификацию посредством апологии *среднего класса* также оказались неудачными. *Средний класс* проявил себя не столько как субъект, сколько как пространство социальных изменений. Формирование новой идентичности во многом становится *паллиативом утраченной субъектности*, а контуры нового общества начинают определяться социальными группами, являющимися скорее результатом разложения привычного социально-политического и экономического порядка

¹ Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. С. 25-26.

конкурентной демократии и рынка, чем прообразом нового социума – *креативный класс, прекариат, когнитариат, салиариат, нетократия, фрилансеры, дауншифтеры, класс управленцев* и т.п.

Институциональное усложнение общества Модерна, смещение от производительной к сервисной экономике, расширение роли знания приводят к формированию более дифференцированных социальных групп, обладающих, либо дискурсивно наделяемых элементами коллективной идентичности. Социальные классы становятся более многомерными и неоднородными, с достаточно подвижными границами и пересекающимися перифериями. При этом объективные критерии выделения социальных групп остаются предметом дискуссии, обусловленной затруднениями репрезентации социальной онтологии *текущей современности*¹ или *позднего Модерна* с помощью социологических понятий и представлений раннего, индустриального Модерна.

Проблема роста невостребованного рынком труда *класса безработных*, зависимость уже не от своих профессиональных компетенций, а от возможностей получать пособия и ренты, является лишь частью новейших структурных противоречий. Те же тенденции ведут к расширению доли *неустойчиво занятых*, или *прекариата*². *Концепция прекариата становится левым ответом неолиберальной утопии о креативном классе* в ситуации роста общественного неравенства, когда пособия по безработице превращаются в долгосрочные, почти пожизненные выплаты, и когда неопределенность, негарантированность и непредсказуемость источников существования все большего количества людей ведут к усилению напряжения в обществе.

Поэтому представляется очевидным, что при выборе между прогрессом и совершенствованием технологий и обеспечением занятости в пользу первой альтернативы можно будет наблюдать не столько рост креативного класса, сколько расширение совсем других социальных групп, чьим источником существования не является оплата их труда. Это безработные (пособие), ча-

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005.

² Standing G. The Precariat. The New Dangerous Class. L., 2011.

стично занятые (непостоянный, случайный заработок), пенсионеры (пенсия), все дольше учащаяся молодежь (стипендия), искусственно пребывающая в инфантильном состоянии перед выходом на сокращающийся рынок труда. Рынок труда сам по себе становится все более гибким и неформальным, что, по сути, означает ультимативное либертаристское требование к рабочим *играть на понижение* для сохранения своих рабочих мест: «Все чаще внедряются новые формы менеджмента, такие как аутсорсинг, аутстаффинг, лизинг персонала... Трудовые соглашения часто не заключаются вообще или заключаются неправильно, в обход закона, уровень заработной платы не фиксирован, рабочее время не нормируется, круг обязанностей не определен, а задания формулируются устно»¹. Таким образом, постиндустриальность зачастую экономически воспроизводится за счет *заемных ресурсов* внеположной ей индустриальной и доиндустриальной периферии, что снижает оптимистические ожидания от ее будущих всеобщих перспектив.

Итак, технологическая революция и глобальное уплотнение конкуренции внутри капитализма создают умножающийся класс *отверженных или лишних людей*, не востребованных рынком труда. Последние в целях выживания пытаются добиться доступа к материальным ресурсам неэкономическими способами, в том числе через активизацию политики протеста и политики идентичности. Наиболее успешные в лоббировании группы, как правило, разного рода меньшинства, благодаря своей идентичности начинают получать права и привилегии, обеспечивающие им жизнь мелких рантье. Лояльность и отказ от артикуляции своих протестных интересов в публичном пространстве обмениваются на достаточную долю ренты. Однако большинство *лишних групп* пополняют ряды *прекариата*, суммирующего членов различных социальных страт в *пространстве социального исключения*. В перспективе рост таких пространств может со временем достигать критических значений, когда накопленные исключения могут стать принципиальным вызовом существующей социальной структуре.

¹ Клеман К. Труд не на рабочем месте // Отечественные записки. 2007. № 4. С. 43.

В результате средний класс, который не удалось превратить в креативный, все чаще являет свою оборотную негативную сторону, связанную с феноменом роста группы *неустойчиво занятых* – прекариата¹. Новые безработные или частично занятые фактически перестали рассматриваться как резервная армия труда, приобретая в ситуации избыточного предложения рабочей силы характер самостоятельного расширяющегося социального феномена. З. Бауман отмечает, что с определенного времени «инвестиции предполагают сокращение, а не рост числа рабочих мест...Мы обманываем себя, если надеемся, что промышленность вновь призовет людей, которых она сама сделала лишними»². Прекариат порождается глобальным капитализмом с его гибким рынком труда, поэтому теория прекариата – это своего рода левый ответ оптимистический неолиберальной утопии о креативном классе. Соответственно, необходимы более универсальные решения для проблемы занятости и массового труда, которые уже не могут быть связаны только с апелляцией к рыночной саморегуляции и *креативным*, т.е. исключительным качествам отдельных индивидов.

Постоянный режим многозадачности и приобретения по большей части бесполезных в дальнейшем трудовых навыков способствует лишь бесполезному распылению времени и усилий прекариата, питая ложные надежды на стабильную занятость и лишая смысла значительную часть ее бесполезных видов. Гибкий рынок труда ведет к росту теневых и неформальных трудовых отношений. Он становится нерегулируемым и фундаментально ненадежным для работников, которые не имеют формализованных трудовых прав и гарантий сохранения своей работы в будущем. Поэтому «прекариат нельзя отнести к среднему классу, поскольку у этих людей нет стабильного или предсказуемого жалованья, нет статуса и пособий, которые должны быть у представителей среднего класса»³. Таким образом, при ухудшении глобальной экономической ситуации прекариат становится наиболее уязвимым звеном новой

¹ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.

² Бауман З. Индивидуализированное общество. С. 92-93.

³ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014. С. 19.

социальной структуры, которому станет *нечего терять* в новом глобальном экономическом порядке. Несмотря на то, что прекариат лишь одна из протополитических сил капиталистической миросистемы, это потенциально расширяющийся политический субъект, который в перспективе может оказать существенное влияние на дальнейшую трансформацию социальной структуры современных обществ.

В структурном отношении сжатие среднего класса, инволюция многих его представителей в область прекариата ведут к системному кризису представительной демократии, которую со времен Аристотеля принято связывать с коллективными интересами средних социальных слоев. Средний класс как поле взаимодействия более мелких социальных групп оказался неспособен к коллективным политическим действиям, выступая скорее как идеологическая референция, чем реальный политический субъект. В неолиберальном дискурсе средний класс интерпретируется как лояльное большинство, способное найти себе достойное место на свободном рынке и обладающее политическими правами в силу статуса налогоплательщика. Представляется, что в данной интерпретации чем дальше, тем больше мы имеем дело скорее с социальным воображаемым, функциональным для легитимации интересов элит путем апелляции к не существующему в реальности большинству, к воображаемому референту¹. Идея универсальной и тотальной правоты большинства, конечно, тоже уязвима. Субъектом или инициатором любых изменений общества обычно становится меньшинство, которому в процессе социальной трансформации часто удается стать ядром нового большинства. Но именно поэтому новейшие неолиберальные описания среднего класса как функционального носителя общественных перемен и инноваций представляются неоправданными, если за ним сохраняется функция представления большинства. Мы наблюдаем, как в кризисной ситуации исключение становится правилом. Это означает, что за средний класс пытаются выдать те социальные группы, которые им не являются, либо могут его представлять лишь условно

¹ Weiss H. We Have Never Been Middle Class. How Social Mobility Misleads Us. L., 2019.

и паллиативно (креативный класс, когнитариат, салиариат и т.д.). Средний класс представляет собой механический конгломерат из самых разных социальных групп, а не тотальность, скрепленную общим положением в структуре производства, общими интересами и единой идеологией. Поэтому он не является той стабилизирующей социальной силой, о которой говорят со времён Аристотеля. Современный средний класс представляет скорее непредсказуемый резервуар, из которого могут вырваться как ультралевые, так и ультраправые радикальные силы, в зависимости от ситуативной политической конъюнктуры.

Средний класс *размывается* и имеет место тенденция к поляризации как доходов, так и ценностей. Более того, попытки *прогрессистского* описания среднего класса как сообщника желаемых неолиберальными элитами перемен и реформ оказались еще более провальными. Когда креативный класс и когнитариат начинают описываться как новая реинкарнация среднего класса в постиндустриальном обществе, статистика показывает, что в реальности идет процесс откола меньшинства, которое выходит из среднего класса, но не заменяет его в целом. В данном контексте выстраивать отношения преемственности, рассматривать креативный класс как ядро нового среднего класса было бы откровенным (само)обманом.

С другой стороны, в левых дискурсах нарратива Модерна средний класс перестает быть воображаемой *витриной капитализма* и переосмысливается как исчезающее наследие социального государства, выраженное растущими рядами рентного класса, зависящего от государственных субсидий, и прекариата. Это люди, все более заинтересованные в социальных переменах вместо пресловутой стабильности, в изменении политического порядка. Представляется, что именно левый, коммунитарный взгляд на средний класс мог бы в перспективе наделить последний политической субъектностью. Умножение экономико-политических проблем среднего класса могло бы инициировать рост его политических притязаний, поддержку оппозиционных перспектив. Но для этого, парадоксальным образом, средний класс должен

перестать существовать. Именно этот процесс *растворения* среднего класса в пользу новых опасных классов мы и наблюдаем в глобальной перспективе. Однако средний класс сам по себе не может просто так уйти из социальной реальности и политических теорий, поскольку он встроен в политико-экономический порядок современной демократии. Средний класс изначально конструировался как экономическая и идеологическая опора демократических институтов. Поэтому его кризис одновременно является и кризисом демократии в том виде, в каком она развивалась в современных обществах последние 200 лет. Фактически политический истеблишмент загнал себя в идеологическую ловушку, связав демократию со средним классом.

Вполне возможно, что новая глобальная аристократия в условиях приостановки демографического и экономического прироста, как и во все исторические времена, не будет остро нуждаться в массовом людском ресурсе, большой экономике, стимулировании рынков массового спроса и расходах на лишнее большинство, вновь предоставленное само себе. Причем если сворачивающееся государство всеобщего благосостояния еще может позволить содержать лишних людей на рентном пособии (безусловный базовый доход), то большинство реальных государств таких возможностей не имеет. Поэтому в глобальном контексте большинство лишних людей в условиях разнообразных недемократических политических режимов с большей вероятностью ждут не комфортабельные социальные пособия, а сокращение доступных возможностей, прав и гарантий, вплоть до исключения из общества или прямого уничтожения.

Волна четвертая: контуры онтологии рентозависимого класса. В условиях обнаружения пределов рыночной саморегуляции государству становится все выгоднее содержать безработных и пенсионеров на социальном пособии, обеспечивающем безработных вполне сносной ролью умеренных пассивных потребителей, нежели создавать новые рабочие места. Эти места все чаще оказываются бессмысленными и бесполезными, напрямую проти-

вореча ситуации рыночного капитализма¹. Требование глобальной конкурентоспособности в *плоском мире*, постоянная игра на понижение издержек оставляет постиндустриальному миру шансы лишь в области *заповедников* высоких технологий, которые неприменимы на массовом рынке труда. Постиндустриальной экономике требуется высокооплачиваемая занятость в чрезвычайно ограниченной сфере, предполагающей способность к решению нестандартных, творческих задач, либо в сфере услуг, где требуются элементы человеческого отношения и эмпатии, которые пока недоступны современным роботам.

Рост рентозависимого класса становится ключевой политической проблемой правящих элит, пытающихся сохранить рыночный политический порядок путем его неолиберальной перенастройки и корректировки. Наиболее заметным присутствием и влиянием праздного класса, особенно его малообеспеченных слоев, становится в мегаполисах. Территориально он присутствует там же, где осуществляется координация и управление потоками ресурсов разных уровней, поэтому с ним приходится считаться. Запрос на власть как стремление участвовать в своей и общей судьбе, на демократию как способ расширения на все общество прав и возможностей элит проистекает именно от этих новых рентных групп.

Для рентного большинства вновь растет значимость территориально организованного государства как источника и механизма распределения ренты и демократии как способа легитимации этого распределения. Доля труда в воспроизводстве общественного богатства падает в пользу рентных механизмов умножения капитала. Поэтому социальное государство, от которого хотело бы освободиться меньшинство, для большинства остается важным лишь в том случае, если оно способно побудить элиты руководствоваться социальной политикой, следовать которой все труднее, выравнивая постоянно

¹ Грэбер Д. Фрагменты анархистской антропологии. М., 2014. С. 150-155.

расходящиеся социальные шансы¹. Экономическая и военная ценность основной массы населения непрерывно падает – для производства и обороны нужно все меньше людей, заменяемых роботами и технологиями. Вслед закономерно падает и политическое влияние людей в качестве граждан.

В модели рыночного капитализма возникает все большая неравномерность развития, обусловленная тем, что ресурсы для развития одних сегментов, городов, регионов различными способами все решительнее изымаются у более слабых социальных слоев, стран, регионов (военное насилие, политическое влияние, перераспределение доходов, монополизация рынков, вытеснение конкурентов и т.п.). Модель конкуренции на свободных и растущих рынках, ориентированная на эскалацию прибылей и потребностей, исторически себя исчерпала, начинает развиваться рентная модель капитализма. Она связана с приостановкой роста потребностей при гарантированном минимуме дохода для всех как условия сохранения общества, которому большинство его членов для экономического воспроизводства уже не нужны. Рентно-сословные принципы социальной иерархии и распределения ресурсных потоков усиливаются на фоне провалов неолиберализма как последней попытке вдохнуть жизнь в рыночный капитализм путем радикализации его освобождения от внеэкономических ограничений: «Эксплуатация одного класса другим связана сегодня уже не только и даже, возможно, не столько с процессом производства, сколько с контролем за процессами доступа к приносящим дополнительные ренты активам, обеспечивающим устойчивость монопольных рент»².

Все больший интерес в качестве альтернативы социальному государству, которое оказалось доступно лишь избранным обществам, вызывает концепция гарантированного минимального дохода для каждого гражданина, позволяющая удовлетворить не только физиологический минимум выживания, но и дать стартовые возможности для самореализации и социального

¹ Беляева Л.А. Социальная структура российского общества: от советского периода к современности // Социокультурные исследования постсоветского транзита России / Под общ. ред. Н.И. Лапина. М.: ИФ РАН, 2022. С. 194-195.

² Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М., 2014. С. 283.

развития человека¹. В частности, в условиях структурного роста безработицы 64% европейцев, согласно соцопросам, высказываются за концепцию безусловного основного (базового) дохода (БОД), заменяющего прочие социальные выплаты. При этом только 4% из них собираются отказаться от текущей занятости в пользу БОД². Данная концепция, задействуя моральные, правовые и политические регуляторы общественной жизни, не может рассматриваться лишь в пределах экономической теории. Фактически речь идет о минимальной ренте для каждого с учетом моральной максимы, что «человеческие качества общества следовало бы измерять качеством жизни его самых слабых членов»³.

Фактически расширяющийся и зависимый от государства субсидируемый класс с его рентоориентированным поведением составляет потенциальные контуры нового большинства. Есть и совсем маловероятный гуманистический вариант, когда высокотехнологичное производство и монополия на глобальных рынках позволят работающему меньшинству обеспечивать вынужденно праздный класс большинства. Но это скорее фантастический вариант, ограниченно применимый для стран центра миросистемы. Проблема роста рентозависимого большинства является лишь частью более общей картины изменения принципов стратификации глобального мира. Глобальная трансформация индустриального общества, построенного на ценности прогресса и сакрализации труда, влечет серьезные изменения в социальной структуре современных обществ и их теоретико-идеологических представлениях о себе. Вариативным остается вопрос о том, как будут эволюционировать глобальный рынок труда и занятость населения. Будут ли открываться и расширяться новые сферы экономики, либо рост безработицы приобретет долгосрочный характер, а сокращение рабочих мест будет неизменно превалировать над созданием новых? Каким образом будет меняться жизнь людей

¹ Basic Income Earth Network (BIEN). URL: <https://basicincome.org/>

² Jaspers N. What do Europeans think about basic income? Survey Results from April 2016 // Basic Income Earth Network. URL: https://basicincome.org/wp-content/uploads/2016/05/EU_Basic-Income-Poll_Results.pdf

³ Бауман З. Индивидуализированное общество. С. 98.

труда в условиях, когда рыночный капитализм обнаружил свои пределы в качестве социального регулятора, более не предлагая новых рабочих мест?

Прогресс состоит в том, что для производства все большего количества товаров, услуг и стоимости *в любой сфере* экономики требуется все меньшее количество людей. Новый парадокс заключается в том, что постиндустриальные общества воспроизводят тенденции, характерные для сырьевых, экстрактивных обществ. Эти тенденции связаны с радикализацией общественного неравенства. Если в одном случае она определялась доступом социальных групп к механизмам распределения сырьевой ренты, то в другом – отсутствием доступа большинства к искомой ренте с постиндустриальных сегментов глобальной экономики, которые тоже не требуют массовой занятости. И в том, и в другом случае это приводит к разрастанию слоя *лишних людей*, потенциального *лишнего большинства*, нелояльных существующему политическому порядку. При этом новое *рентозависимое большинство* впервые в истории современного общества ждет не ожидаемое расширение, а ограничение политической роли и сокращение возможностей по изменению этого общества. Экстрактивный, ограничительный характер сырьевой и постиндустриальной экономик приводит к закономерному кризису демократических политических институтов, ориентированных на удовлетворение интересов большинства, стремительно теряющего свое политическое значение.

Представляется, что будут усиливаться разнообразные внеэкономические и вне рыночные субъекты и регуляторы в генерации и глобальном распределении общественных ресурсов. Причем в разных современных обществах эти механизмы могут оказаться очень вариативными, особенно по отношению к большинству. Технологическая революция ведет к фундаментальной коррекции социально-экономической структуры общества. Средние слои истончаются, а высший и низший классы решительно отдаляются друг от друга и в экономическом, и в ценностном измерении. Основная проблема заключается в коллективном конструировании/созидании разными политическими субъектами нового консенсуса относительно большинства, которое могло бы

сгладить постиндустриальные классовые противоречия. Либо в обосновании новых (или воскрешении старых) немодерных политических ценностей, согласно которым постиндустриальные общества все менее нуждаются в привычных демократических процедурах, ритуалах и институтах, связанных с выявлением воли большинства, которое утрачивает реальное влияние в политэкономическом воспроизводстве общества.

Трансформация позднемодерной социальной структуры привела к тому, что в классической модернистской связке «человек – группа (класс, партия) – общество» провисло среднее, связующее звено. Именно деятельность социальных групп и классов как коллективных политических и экономических субъектов, опиравшихся на рационально устроенные идеологии, была основой современной политики. Политические элиты в своем популистском нарративе все активнее начинают апеллировать к таким трансцендентным понятиям, как патриотизм, нация, история, государство, народ и т.д., представляя дело таким образом, как будто для прямого подключения к коллективному бессознательному, народным чаяниям, воле большинства или *политическому целому* им уже не требуется ненадежная эмпирическая верификация и идентификация посредством системного и внесистемного массового политического участия. Функция представительства большинства сама по себе все чаще не влечет тождества представителя с этим большинством. В результате большинство и/или народ деонтологизируется и фрагментируется, все чаще становится риторической фигурой и политическим символом, не имеющим под собой реального означаемого. Более того, обнаруживается, что демократические процедуры и ритуалы постоянно демонстрирует линии непреодолимых идеологических расколов позднемодерных обществ, с которыми последним все труднее справляться в условиях, когда привычная онтологическая и идеологическая гегемония большинства трансформируется к новому политическому состоянию *лишнего большинства*. И наоборот, элитарное меньшинство *представителей* во властно-публичном пространстве вновь становится достаточным и легитимным воплощением этого отсут-

ствующего де-факто единства, каковым оно, собственно, и было на заре современной демократии: «Великолепным примером такого переноса служит американская Конституция, которая открывается гордыми словами “We the people...” и завершается... 39 подписями»¹. Поэтому дальнейшая трансформация политического нарратива Модерна с высокой степенью вероятности может быть обоснована именно последним вариантом, воскрешающим новую сословность, механизмы внеэкономической стратификации общества и процедуры недемократической легитимации политического порядка, не связанные с сакральным для нарратива Модерна концептом большинства.

Более оптимистичным вариантом развития событий является осознание рентозависимым большинством своей нарастающей политической зависимости и бессубъектности, которое потенциально преобразуется не столько в попытку поиска более достойного места в нынешнем обществе (такого места в его структуре уже нет), сколько в преобразование всего политического нарратива *сервисного* или *рентного* капитализма. Новые классы конструируются посредством политических утопий, в которых аргументируется их *иное будущее*. Это большинство, которое рано или поздно захочет не частичного *ремонта общества* или *ренты в обмен на лояльность* (поскольку в глобальном масштабе большинству все равно ничего не дадут), а совсем другого общества, в котором оно имеет шанс вновь быть творцом своей судьбы.

Таким образом, капиталистическая миросистема исторически прошла путь от базовой либеральной утопии до консьюмеристских технологий, в которых коммодификация достигает своих пределов, проникая во все сферы общественного бытия. Историческая интенсификация и расширение автономных рынков помогали разрешать структурные классовые противоречия современного общества за счет экономического роста, технического прогресса и культурных технологий дисциплинарного контроля. В позднем капитализме все эти источники близки к исчерпанию. Ослабление политической субъект-

¹ Каспэ С.И. Пустое место: демократия как политическая форма // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2016. № 2. С. 9.

ности новых социальных групп выражается в том, что в публичном политическом поле начинают доминировать локальные и партикулярные логики справедливого *передела, ремонта, пересборки идентичности* или лечения *социокультурной травмы* позднекапиталистического общества, принципиальных утопических альтернатив которому никто из этих субъектов не предлагает¹. В нарративе позднего Модерна происходит общее ослабление горизонта утопий; коллективного чувства исторической перспективы и субъектного классового самосознания прекариатных меньшинств как наследников распада рыночных экономических классов. Усиливающиеся нерыночные социальные группы в ситуации нисходящей социальной траектории все чаще прибегают к локальным рентоориентированным стратегиям, которые не разрешают, но лишь временно компенсируют нарастающие в позднемодерном обществе структурные политические конфликты. Соответственно, возврат реальной политической субъектности большинства может быть связан с воскрешением в политическом нарративе Модерна исторической перспективы, утопического дискурса и превращением разрозненных групп прекариата в новый политической *класс*. Указанные цели предполагают легитимацию обновленного политического порядка, в котором рынок перестает быть ключевым фактором стратификации.

§ 2. Теории справедливости как способы адаптации нарратива Модерна к общественным противоречиям

Понимание справедливости трансформируется по мере развития человеческого общества. Исторически ее первое понимание было связано с обычаем, наиболее ярко воплощенным в правиле талиона². В новозаветной традиции понятие справедливости связано с «золотым правилом нравственности»³. Справедливость в современном понимании рождается в эпоху Про-

¹ Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley, 2004.

² Библия, Ветхий Завет, Исход 21:23-25.

³ Гусейнов А.А. Золотое правило нравственности. М., 1988.

свещения. В век Просвещения считалось, что политическую справедливость можно установить путем рефлексии самоочевидных моральных императивов, которые будут универсально справедливы в отношении любого человека и любого общества. Модерная политика основана, прежде всего, не на страхе и угрозе наказания посредством легальных институтов насилия, а на вере в ценности, законы и справедливость.¹ Необходимость прибегать к насилию дискредитирует власть: «Провокация является вызовом для властителя, требующим от него демонстрации или даже реализации своих альтернатив избежания, что приводит к разрушению его власти им же самим. Это типично детское испытывающее поведение, которое, однако, может быть рекомендовано и как общественно-политическая стратегия»². Еще Н. Макиавелли вопреки своим позднейшим интерпретаторам отстаивал идею, что для эффективного правления политикам, создающим всеобщие нормы и законы, выгодно быть идеалистами и моралистами в глазах поданных³. Дефицит такой нормативной (идеологической) политики, ориентированной на долгосрочные цели, можно наблюдать в современной мировой политике.

Однако при обращении к современной политической практике довольно быстро выяснилось, что универсальных оснований нравственности в современной политике не существует, равно как и образцового политического субъекта, умозаключения которого могли бы быть априорно справедливы для общества в целом. Не считая дискредитированного самим же Просвещением образа *просвещенного монарха*. В целом вся традиционная политическая теория справедливости строится на явном или неявном тождестве справедливости, добра, разума, знания и истины. Эта цепочка тождеств связана с теоретической посылкой, согласно которой знание само по себе есть благо, а для достижения справедливого результата достаточно руководствоваться *благими намерениями*. С другой стороны, еще со времен Сократа политиче-

¹ Ср.: «Церковь живет отсроченной вечностью (так же как государство – отсроченным общественным состоянием, а революционные партии – отсроченной революцией: все они живут смертью)». Цит. по: Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 259.

² Луман Н. Власть. М., 2001. С. 183.

³ Макиавелли Н. О том, как государи должны держать слово (гл. XVIII). М., 1990.

ских мыслителей смущало этическое противоречие между знанием человека о добре и зле и его практикой, опровергающей это знание в качестве практико-политического императива.

Модерн как глобальный морально-политический проект потенциально обращен ко всему человечеству. Его смысл в том, чтобы в перспективе возвысить униженных, дать всем равенство и процветание, расширить возможности, достигнуть справедливости для всех. Новейший дискурс справедливости указывает уже не на привычные способы распределения имеющихся в обществе благ, а на принципиальные возможности роста этих благ, связанных не только с радостями потребления, но и с совершенствованием самого человека и существующих общественных институтов (снижение преступности, доступ к передовым технологиям и научной информации, оздоровление, экология, создание эффективных систем международной безопасности и т.п.). Пренебрежение *уже доступными возможностями* – таков основной объект критики, посредством которого кристаллизуются новые теории протеста. Живое представление о том, что возможности общества расширились вследствие прогресса, в нарративе Модерна служило источником морального неприятия и становилось важным критерием различения справедливого и несправедливого. В политическом нарративе Модерна справедливость представлена как релятивный политический дискурс, тесно связанный с идеей социальных изменений, прогресса и возможности коммуникативного консенсуса, взаимного признания и согласования интересов разных классов. Для всех значимых социальных и политических субъектов общества Модерна характерно понимание, что формально-юридического законодательства недостаточно для установления и соблюдения социальной справедливости, которая является фоновым условием легитимности законодательства. В противном случае позитивные законы просто будут дискредитированы и не исполняемы обществом, не соответствуя общественно разделяемым нормам справедливости. Договорная идея справедливости входит в противоречие со своим историческим предшественником – мифами, религиозным понятием Правды,

присущим традиционным обществам. Проблема справедливости во многом определяет центр политической аксиологии Модерна. Справедливость – категория, объединяющая мораль и политику в те периоды, когда такое объединение востребовано, в периоды глубоких социальных преобразований. Моральный импульс лежит в основе всех современных революций и реформ. Когда этот импульс есть, появляется и дискурс справедливости. Также появляется владеющий этим дискурсом, осмысливающий себя и свои действия в его категориях человеческий тип. Например, *добродетельный* или *сознательный*. Разумеется, под этим можно отыскать классовую (социально-групповую) основу, некоего социального субъекта, находящегося в данный период на историческом подъеме. Позже теоретически осмысленное представление о справедливости этого субъекта кладется в основание современного политического порядка, социального строя, массовых представлений и т.д. Причем этот субъект изначально и далеко не всегда представляет собой большинство общества.

Дискурс справедливости в политическом нарративе Модерна переплетается с антропологическим дискурсом о природе человека и его потребностей. Оба эти дискурса кладутся в основу новой шкалы политических ценностей, которые еще только должны быть утверждены на волне морального негодования старым строем (и положением в нем человека). Эта шкала ценностей закономерно ориентирована на будущее, ибо процесс утверждения новой справедливости длителен и ему предстоит преодолеть немало препятствий. Справедливость – это то, что должно быть установлено волевым усилием, принуждением, а нередко и насилием. Часто, чтобы совершить нечто справедливое, требуется вначале сделать нечто (с точки зрения определенных социальных групп) несправедливое.

Затруднение политической рефлексии над основаниями и критериями политической справедливости вызвано тем, что корни справедливости уходят в негласный фундамент современного общества, критические и аналитические рассуждения о котором являются табуированным. Социально-политическая

аксиоматика любого политического режима, которую он по понятным причинам не проговаривает, – это и есть та *кощеева игла*, что хранит интегрирующие символы данного общества, сакральная вера в которые не дает ему распасться. По сути, это определенный ценностный код в основании общественной справедливости, позволив затронуть который, общество рискует прекратить свое существование, по крайней мере, в нынешнем, неизменном виде. Негласная, априорная справедливость дискредитируется тогда, когда лишается статуса молчаливой аксиомы, лежащей в основании социально-политической рациональности данного общества. Вопрос о справедливости ставится, если попадают под сомнение принципы господствующей социально-политической рациональности. Поэтому данный вопрос в определенной степени является критически-разоблачительным и демифологизирующим.

Попытки сформулировать интегральную концепцию справедливости находятся в центре проблематики политической философии. В современной политической мысли проблемы политической справедливости разработаны в ряде фундаментальных работ Дж. Ролза¹, Р. Дворкина², И. Шапиро³, П. Рикёра⁴, А. Макинтайра⁵, Ю. Хабермаса⁶, О. Хёффе⁷, П. Бурдьё,⁸ М. Сандела⁹, М. Уолцера¹⁰ и многих других политических теоретиков. Предложенные ими подходы к политической справедливости, возможность практической применимости этих концепций в различных социокультурных реалиях современных обществ являются предметом постоянной критики и споров, формируя дискуссию об интегральном дискурсе справедливости современного общества. Позднейшие рефлексии политической справедливости, несмотря на отдельные яркие работы по общей проблематике справедливости и поли-

¹ Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, 1971.

² Дворкин Р. Справедливость и права // Отечественные записки. 2003. № 2. С. 128-137.

³ Shapiro I. The Moral Foundations of Politics. New Haven, 2003.

⁴ Рикёр П. Справедливое. М., 2005.

⁵ Макинтайр А. После добродетели. Исследования теории морали. М., 2022.

⁶ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001.

⁷ Хёффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М., 1994.

⁸ Bourdieu P. La Distinction. Critique sociale du jugement. P., 1980.

⁹ Sandel M. Liberalism and the Limits of Justice. Cambridge, 1982.

¹⁰ Walzer M. Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality. N.Y., 1983.

тической морали, принадлежащие перу Т.А. Алексеевой¹, Б.Г. Капустина², Б.Н. Кашникова³, М.В. Черникова⁴ и др., вряд ли тоже можно признать удовлетворительными. При этом дефицит целостных концепций справедливости несомненен. Справедливость является одновременно самым очевидным и в то же время ускользающим от всеобщих и внеисторичных определений понятием.

Непреходящий интерес современного общества к проблеме справедливости обусловлен тем, что только справедливость как категория *сложной политической меры* позволяет превратить еретическое в легальное, а легальное сделать легитимным, сблизить эти два пространства политики, будь то рефлексия ученых, коллективные практики, реформы или революции. Однако обновленная теория справедливости не может возникнуть сама по себе. Она может являться лишь частью нового проекта преобразования общества, предполагающего компенсацию накопившихся противоречий Модерна. *Начальным импульсом для размышлений о справедливости в политическом нарративе Модерна выступает моральное неприятие теми или иными социальными группами статус-кво, т.е. констатация несправедливости общества, которая и рождает справедливость в качестве политической проблемы.* В результате политическое настоящее дискредитируется, а его альтернативы приобретают характер руководства к действию. Дискурс справедливости ориентирован на коррекцию существующих в обществе институтов и практик в пользу более легитимных. Он предполагает размышление над началами общественных законов. Поэтому проблема справедливости связана с морализацией политики, ее выводом из области имманентного в сферу должного.

При этом граница политического и неполитического может проходить где угодно, поскольку политическое не обладает собственной субстанциаль-

¹ Алексеева Т.А. Справедливость как политическая концепция: очерк современных западных дискуссий. М., 2001.

² Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. М., 2004.

³ Кашников Б.Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России. Великий Новгород, 2004.

⁴ Черников М.В. Философия правды в русской культуре. Воронеж, 2002.

ностью и имманентностью¹. Как отмечает К. Шмитт, в предельно общем виде само «решение о том, является ли нечто *политическим*, всегда означает *политическое* решение, независимо от того, кто его принимает и какими обоснованиями оно оснащается»². Культура есть система ограничений, ни одна ценность не может находиться в привилегированном положении, поскольку все они логически уязвимы в качестве норм, предлагающих образцы должного, которыми человеку следует руководствоваться в своей жизни, будь то разум, здравый смысл, воля, вера, традиция, научная истина, свобода, справедливость и т.д. Ни одна из этих ценностей формально не может быть мерилom для других, поскольку все они являются ограничениями, интерпретациями и императивами, разделяемыми людьми и действующими только в силу договорных, т.е. релятивных оснований, а не в силу их всеобщей истинности. И общество являет собой площадку исторической борьбы за интерпретацию систем ценностей, которые время от времени уступают друг другу место *господствующей* вариации общественной нормы.

Разные люди и социальные группы придерживаются различных ценностей, поэтому проблема их компромисса в современном обществе является окончательно неразрешимой. Как интегрировать верующих и атеистов, эгоистов и альтруистов, традиционалистов и индивидуалистов, *людей труда* и капиталистов? Каждому свойственно выдавать свои партикулярные и особые ценности за аксиоматичные, всеобщие, самоочевидные. Но публичная политическая сфера, являющаяся сферой конфликта ценностей, доказывает, что дело сложнее, чем представляется на первый взгляд. И выявить сферу всеобщего интереса, которая выходит за пределы частных, частных пространств можно только посредством общественных дискуссий и конфликтов, способов выявления господствующих нормативных представлений, которые обычно и закрепляются в законах. Постоянная трансформация современных обществ приводит к тому, что любые нормы подвергаются перманентной коррекции, а

¹ Фишман Л.Г. Упадок демократии и «закат» политологии // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2008. № 3. С. 79-88.

² Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 12.

самоочевидные ранее запреты (например, христианский запрет на ссудный процент) перестают выполняться в новых общественных практиках, соответственно, теряют силу те законы, которые были призваны их поддерживать. Если закон нарушается большинством, значит, он более не соответствует общественной морали и нуждается в коррекции или отмене.

Широкий интерес к проблеме справедливости возникает тогда, когда лежащие в основании политического режима естественно-правовые представления о справедливости теряют статус *самоочевидных*. Поиск справедливости легитимирует *восходящих* исторических политических субъектов, оценивающих настоящее как несправедливое. В результате политическое настоящее дискредитируется, а коллективное *воображаемое* приобретает характер руководства к действию. Сложившееся в обществе статус-кво утрачивает иммунитет к критике, оцениваясь как неприемлемое и несправедливое в перспективе нового политического нарратива. Постановка проблемы справедливости не может принадлежать властной элите, стремящейся стабилизировать сложившийся политический порядок. Тематизация ценностных оснований справедливости неизбежна во *времена перемен*, когда в реальную политику вовлекается бóльшая часть общества. Таким образом, например, во времена буржуазных революций произошла делегитимация *священных порядков монархий* и был осуществлен переход к более справедливым обществам с широкими правами для граждан, основанными на идее общественного договора.

Политический консенсус, легитимирующий справедливость определенного устройства современного общества, важнее того, на каких основаниях и какими средствами он был достигнут. Дело в том, что в современных сложносоставных обществах причины и доводы в пользу консенсуса могут различаться у разных социальных групп вплоть до диаметральной противоположности. Поэтому общественное согласие не всегда способно выдержать разрушительный для него рационально-критический анализ. Более того, «то, что... власть воспринимается как несправедливая, репрессивная и коррумпированная, не означает ее социальной неприемлемости (принять – не значит

поддерживать), хотя бы потому, что никакая из альтернатив не воспринимается как возможная»¹. Поэтому критерии согласия разных людей с обществом, во многом лежащие в области морали, а не рационального выбора, являются методологически разнообразными и исторически изменчивыми. И если тоталитаризм претендует на мировоззренческий консенсус, в основе которого лежит единственно правильная идеология, то демократия вполне довольствуется мягким *технологическим консенсусом*, опирающимся на выборы, референдумы, соцопросы, реформы, ротацию элит и т.д.

Интегральный дискурс справедливости можно определить как согласие большинства населения с наличными в обществе условиями совместного существования граждан, оформленными в виде господствующих властных практик, институтов, норм, обязанностей – всего того легитимного насилия, с которым могло бы если не солидаризироваться, то стерпеть его большинство членов данного сообщества. Справедливость является предметом консенсуса, тем компромиссом взаимных (но не обязательно равных) обязательств и приглашений людей, который не дает этому обществу распасться. В неполитических аспектах дискурс справедливости связан с оценкой отдельными индивидами и их группами своей роли и положения (статуса) в обществе с точки зрения их соответствия/несоответствия, с одной стороны, сложившимся в обществе социальным отношениям, с другой – идеалам подобных отношений. Нарратив справедливости в современных демократиях отождествляется с выражением всеобщего блага, финальным субъектом которого призвана быть нация-государство. Однако в политическом нарративе Модерна конечной монополии на интерпретацию всеобщего блага, по сути, нет ни у государства, ни у иных общественных институтов и социальных групп. Поэтому дискурс справедливости не всегда реализуется в будущем как всеобщее благо, особенно с точки зрения *нисходящих* социальных групп, проигравших *битву за историю*, например, сословной аристократии. Появление *новых угнетенных* в рамках нарратива позднего Модерна (страны третьего мира,

¹ Клеман К. Вызов властным отношениям // Свободная мысль. 2007. № 1. С. 90.

эксплуатируемые рабочие, этнические меньшинства, женщины, иммигранты, прекариат и т.п.) актуализирует в нем дискурсы справедливости, подчеркивая несовершенство его исторической реализации.

В современном обществе дискурс справедливости релятивен и подвержен постоянному пересмотру, будучи вписан в постоянно корректируемые коллективные практики, институты, традиции. Актуализация политической справедливости является результатом прерывания самореференции современного общества, когда возникают альтернативные, критичные и утопичные представления, ставящие под сомнение легитимность оснований господствующего политического порядка. Призывая к фундаментальным переменам, дискурс справедливости на практике часто сопряжен с насилием. При этом оправданием дискурса справедливости выступает его претензия на преобразование насилия через идею справедливости в будущее право, т.е. легальное насилие. Очевидно, что если в основания законов кладется лишь грубое насилие, то власть, опирающаяся на него, может полагаться только на страх и воспроизводить рабов, а не граждан. Именно идея справедливости способна снизить потребность в насилии, осуществив переход от формальной легальности, требующей соблюдения закона (согласен ты с ним или нет), к легитимности, суть которой – разделение большинством граждан тех идей, которые лежат в основании политического режима и легального насилия. Легитимные законы соблюдаются не из страха наказания и репрессивных санкций, а потому, что люди принимают существующие ограничения, запреты и обязанности в обмен на набор неких прав, считая такой порядок естественным и справедливым.

Таким образом, легальному насилию в политике можно противопоставить лишь новое насилие. Но чем может быть убедительно обосновано это новое насилие? Это обещание *восстановления справедливости* или *большей степени справедливости*. *Политические теории справедливости корректируют социальное равновесие в рамках политического нарратива Модерна, показывая, что он еще не реализован до конца и его можно ценностно, ин-*

ституционально и интеллектуально совершенствовать далее. Теория справедливости работает на внутреннюю легитимацию нарратива Модерна, в определенной степени подрывая доверие его альтернативам. Теория справедливости призвана симулировать внутри общества Модерна пространство утопии как чего-то незавершенного, выступая как коррекция уже во многом воплощенного нарратива Модерна.

Вследствие исчерпания и даже в своем роде идейного заката первоначального нарратива Модерна, коммуитарный или классовый дискурс справедливости был во многом отодвинут на периферию политических дискуссий вновь возобладавшими статическими теориями справедливости, например, популярной теорией Дж. Ролза, чьим исходным моментом является абстракция о некоем извлеченном из реалий общества человеке, который не имея представления о своем действительном положении в нем должен придумать максимально эгалитарные правила поведения, дающие любому на его месте наибольшие возможности: «Каждое лицо (person), принимающее участие в какой-либо практике, или находящееся в сфере ее воздействия, имеет равное право на наиболее обширную свободу совместимую с такой же свободой для всех остальных; и, во-вторых, неравенство допустимо только в том случае, если разумно ожидать, что оно будет выгодно для всех и при условии, что то общественное положение и те должности, с которыми оно связано, или из которых оно вытекает, являются доступными для всех»¹.

Такое положение не кажется удивительным. В условиях позднего Модерна благами доступа к новым технологиям и социальному государству по-прежнему не может воспользоваться большинство населения планеты, хотя с их помощью и можно было бы решить или облегчить огромное количество проблем современности – начиная от голода и заканчивая истощением невозполнимых природных ресурсов. Парадоксально, но общество Модерна, в основании которого лежит миф об изобретателе *справедливости возможностей* Прометее, сейчас становится все больше похоже на его противника –

¹ Ролз Дж. Справедливость как честность // Логос. 2006. № 1. С. 36.

тирана Зевса, которому люди, похоже, были просто не нужны. Гораздо легче и проще, как иронически утверждает С. Джордж в «Докладе Лугано», просто избавиться от лишнего населения и не обременять себя заботой о соблюдении столь дорогостоящей справедливости¹.

В последние десятилетия радикальной трансформации подверглись не только и не столько привычные политические институты и практики. Существенно изменились аксиологические основания позднемодерной политики, политические представления о должном – справедливости, свободе, равенстве, законе, социальных нормах, соотношении человека и общества, смысле и условиях совместного проживания. В результате довольно радикальных изменений социальной онтологии, особенно в постсоциалистических странах, нарратив позднего Модерна просто *обречен* конструировать и обновлять *аксиологическое ядро*, которое могло бы стать его *естественно-правовым основанием*. Наметившиеся в массовом сознании сдвиги в понимании и интерпретации политической справедливости практически не затронуты политической мыслью. Между тем влияние изменений понятий о должном в политике – справедливом и несправедливом, добре и зле – которые стоят за политической практикой, трудно переоценить. Пока бóльшая часть населения не согласится с тем, как должно быть устроено общество, это общество не будет ни единым, ни стабильным, ни справедливым. Одной из причин сложившегося положения вещей является тот факт, что онтологические изменения позднемодерной повседневности серьезно опередили развитие категориального и методологических аппаратов, призванных их уловить и зафиксировать. При этом попытки понять реальность с помощью *вчерашних концептов* оказались малоэффективными, обреченными на неудачу.

Проблема заключается в том, что здравый смысл должен опираться на некие ценности и суждения, самоочевидные для большинства. Но позднемодерное общество слишком расколото, чтобы такие *самоочевидности* были сильны в общественном сознании. Например, если мы возьмем российскую

¹ Джордж С. Доклад Лугано о сохранении капитализма в XXI веке. Екатеринбург, 2005. С. 264-265.

историю, то спектр мнений относительно всех переломных событий российской истории будет довольно полярным, за исключением, пожалуй, Великой Отечественной войны и технологических достижений в космосе. Такой же разрыв можно наблюдать относительно оценки демократии, рынка, конкуренции, свободы, равенства, роли государства, прав человека и т.д.¹ Ситуация структурно аналогична библейскому сюжету о крахе Вавилонской башни: разные классовые, статусные, профессиональные, демографические и иные группы населения говорят на *принципиально разных* идеологических языках, поэтому процедуры диалога и согласования социальных интересов, исходящие из трансцендентального согласия по поводу базовых ценностных аксиом, невозможны. Люди в мегаполисах и в глубинке живут в разном историческом времени, наглядно иллюстрируя эффект неодновременности. Новый проект Вавилонской башни и справедливые условия ее *достройки* постоянно упираются в проблему справедливости как восстановление утраченного ценностного единства.

Герметизация и заикленность на планах исправления Модерна по неким универсальным лекалам наиболее зримо и прямолинейно представлена транзитологией, чья дуальная манихейская схема тоталитаризм/демократия структурно вытеснила такую же дуальную ключевую схему советского Модерна от капитализма к коммунизму. Однако этот вариант перехода на магистральный путь *конца истории* ждало закономерное практическое разочарование. Поскольку идейное и институциональное копирование западной версии Модерна оказалось еще менее эффективным, чем уже пройденный путь советской, коммунистической версии Модерна. Поэтому вновь возникает проблема исходной аксиоматики: что может служить новой точкой отсчета, теми самоочевидными принципами и процедурами, которые позволят найти и выразить новую конфигурацию дискурса справедливости, тот всеобщий политический интерес, который способен сплотить глобальное

¹ Тихонова Н.Е. Динамика представлений россиян о соотношении интересов индивида и государства: эмпирический анализ // ПОЛИС. Политические исследования. 2021. № 6. С. 155-170.

общество. Поскольку люди всегда разделены на более функциональные общности со множеством частных и особенных, т.е. далеких от всеобщности интересов (индивидуальных, классовых, экономических, национальных и пр.). И практика инструментальной локализации морали оправдывает некоторые принципы, в соответствии с которыми реальные субъекты могут действовать, используя благие цели как средства для реализации других целей. Например, под предлогом нарушения прав человека требовать экономических санкций для конкурентов. С точки зрения общих принципов морали, главное – *знать*, что есть добро, а что зло. Однако при обращении к конфликтной политической практике теоретическое знание универсальных принципов *справедливости* само по себе недостаточно для реализации справедливой политики. Более того, оказывается, что в политике справедливость может быть связана и с насилием, и со злом, все зависит от той моральной перспективы, из которой исходит политический наблюдатель. Поэтому скорее не исходное знание о справедливости, но этап ее реализации и институционализации является *моментом истины*. В многомерном обществе Модерна гораздо важнее стал не ответ на вопрос, *что такое политическая справедливость* (выяснилось, что устраивающего все слои общества ответа быть не может, так же как и общего для всех политического разума), но *как и какой* компромиссный принцип справедливости может быть реализован *здесь и сейчас*.

В концептуальном плане компенсаторный современный нарратив справедливости как критический дискурс, требующий социальных перемен, как правило, основан на открытии всеобщей бинарной оппозиции, где один ее член господствует над другим: капитал/наемный труд (К. Маркс), мировой центр/мировая периферия (И. Валлерстайн), прогрессоры (цивилизаторы)/отсталые (дикие) и т.п. После открытия подобной ассиметричной и несправедливой бинарной схемы следует закономерный ценностный вывод о необходимости освобождения подавляемого члена оппозиции. Таким образом, практика установления справедливости обосновывается в рамках *дискурса освобождения*. Приостановка интенсивности развертывания *дискурса*

освобождения последнего в контексте позднего или глобального нарратива Модерна обусловлена целым рядом факторов.

Во-первых, кризис экономической классовой стратификации общества нивелирует эффективность организованных форм гражданского участия и влияния на политику со стороны значительных социальных групп, неудовлетворенных сложившимися иерархиями позднемодерного политического порядка.

Во-вторых, наблюдается негативный консенсус относительно принципиальных перемен, т.к. общие цели вроде бы *самоочевидны* и по большей части достигнуты в большинстве современных обществ – демократия, рынок, гражданское общество, частные гражданские свободы, относительный рост благосостояния и т.п. Институциональная справедливость функционирует, а ее социокультурная наладка представляется областью скорее *административного регулирования*, нежели публичной политической борьбы. На идейном уровне это выражается в преобладании в политической мысли дискурса *нормального общества и здравого смысла*, отрицающего социальный эксперимент, связанный с установлением альтернативной справедливости.

В-третьих, дискурс справедливости плохо совместим с деполитизацией и кризисом современных идеологий. На смену идеологиям приходит популизм (прагматизм), социальные группы превращаются в *группы населения* (пенсии, бюджетники, предприниматели, учащиеся и т.д.), разделяемые скорее уровнями потребления и стилями жизни, нежели идеологиями; политика как публичный конфликт элит, разрешаемый апелляцией к избирателям, свертывается до лоббистских согласительных процедур. Соответственно, на основе аморфных групп населения как феноменов скорее виртуально-статистических, нежели реально политических, не могут возникнуть ни классические партии, ни идеологии, выражающие внятные коллективные интересы. Дискурс справедливости представляет собой нечто обратное – он имеет целью вовлечение в публичную политику широких слоев населения с целью изменения или коррекции несправедливого статус-кво.

Наконец, в-четвертых, если обратиться к российскому обществу, то в массовых представлениях справедливость до сих пор содержательно мало дифференцируется от понятия Правды, присущего традиционным обществам. Трансцендентное понятие Правды как тождества истины и справедливости имеет дело скорее с вечностью и богом, нежели с посюсторонним состоянием общественных дел. Поскольку поиск Правды в современном обществе как всеобщей, внеисторичной и универсальной моральной основы политической справедливости обычно приводит к закономерному разочарованию, Правда превращается в своего рода фатализм, в дискурс недеяния, который волей-неволей превращается в молчаливую апологетику статус-кво. К тому же Правд много, поскольку это некая истина бытия каждого человека (группы). Чтобы преодолеть множественность локальных Правд, и нужна справедливость как возможность всеобщего, как общественный идеал, интегрирующий постоянно распадающееся многосоставное общество¹.

Тем не менее условия для критической рефлексии современной политики, а дискурс справедливости призывает именно к ней, сегодня все же имеются. Однажды активные социально-политические преобразования заканчиваются. И тогда наступает этап стабилизации и самоосмысления общества, пережившего социальный шок, когда проблема справедливости занимает ключевое место: «“революция свободы”» 1991 года не завершена без “революции справедливости” и, строго говоря, является лишь ее преддверием»².

Трансцендентное или сакральное измерение справедливости по определению не может быть обосновано посюсторонними суждениями и фактами, т.к. автономно от онтологической аргументации. С другой стороны, в своей утопической перспективе дискурс справедливости стремится подчинить себе социальные факты настоящего. Дискурс справедливости является квинтэссенцией политического нарратива Модерна именно потому, что политика в своих моральных основах нацелена на заботу о будущем. Политики

¹ Гудков Л.Д. Невозможность морали // Независимая газета. 09.04.2008. URL: https://www.ng.ru/ideas/2008-04-09/14_moral.html

² Делягин М. Социально-политическая программа // Свободная мысль-XXI. 2005. № 7. С. 66.

создают будущее в настоящем, поэтому истинно политическую мысль интересует то, что должно быть, а не то, что *уже есть*. Однако фактически все наличные попытки изменить социальную онтологию позднего Модерна сводятся к метафоре *ремонта* социальной реальности, оставляющей ее неизменной в своих базовых идеологических координатах. Здесь должное предстает как механическая проекция настоящего в будущее, оборачивающаяся *тиранией настоящего времени*. Дискурс справедливости связан с альтернативными версиями современности, которые содержатся в том числе внутри нее самой. В силу этого наиболее последовательные попытки выработки таких версий осуществляются не столько в рамках политических учений Модерна (либеральные, консервативные, социал-демократические проекты), сколько посредством *ультрапроектов* – радикальных, экологических, эсхатологических, фундаменталистских, историософских, реваншистских и т.п.

Проблема установления критериев идеального субъекта, способного руководствоваться справедливым ко всем членам общества мерилom, тесно связана с возможностью релевантной самореференции общества. В условиях монархии позицию трансцендентного начала, устанавливающего принципы справедливости, занимает фигура монарха (тирана, императора), обладающего всей полнотой политического суверенитета. Однако историческое время божественной справедливости закончилось циклом буржуазных революций. *Отказ от божественной справедливости социального порядка, собственно, и рождает справедливость как политическую проблему*. Эта проблема актуализируется в рамках секуляризующего проекта Просвещения, доказавшего, что социальная система не есть нечто абсолютное и неизменное, данное от бога или от природы, но является продуктом социальных конвенций. Переход от социальной статики *божественного порядка* традиционного общества к социальной динамике Модерна, провозгласившего общество *делом рук человеческих*, обусловил фундаментальные изменения представлений о политической справедливости. Справедливость переходит из области неизменно-го и метафизического в сферу имманентной политики, осуществляемой *здесь*

и *сейчас*. Справедливость перестает быть божественной и помещается внутрь человеческой истории. Таким образом, путем секуляризации политика получает автономию, а политическая справедливость становится независимой от принципов, выходящих за пределы политического¹.

Закономерно, что автономия политического поля привела к потере веры в неизменные трансцендентные начала справедливости как Правды. Здесь справедливость входит в противоречие с Правдой как тотализирующим и бескомпромиссным понятием, с сомнительными рациональными основаниями. Поскольку Правда отсылает к аксиомам справедливости, которые *самоочевидны для всех*, т.е. понятны без доказательств. Однако в классовом обществе Модерна подобный трансцендентальный ценностный консенсус перестает работать. Дискурс Правды не способен преобразовать общество или скорректироваться сам в зависимости от меняющегося баланса политических сил. В отличие от релятивного дискурса справедливости он является дискурсом мифологического или религиозного абсолюта, которым обладает субъект Правды. А это стратегия или покорности, или бунта. Правда в условиях нарратива Модерна вытесняется в область частного и обыденного сознания, которое мыслит персоналистично, слитно, некатегориально, мифологически. Во многом актуальный дискурс Правды негативным образом дополняет дискурс *нормального общества и здравого смысла*, который стал доминирующим в российской политике с конца 1990-х гг.² И усиление ценности справедливости в ядре российского общества неизбежно связано с переходом к современному дискурсу моральной политики как конкуренции идеологических систем ценностей, а не набора *безусловных политических Правд*.

Справедливость в современных сложноустроенных обществах представляет компромисс социальных интересов, которые артикулируются с помощью выборов, референдумов, институтов *прямой демократии* и т.д. Поэтому она прагматична, релятивна, исторична, часто переустанавливается за-

¹ Макиавелли Н. Государь. М., 1990.

² Фишман Л.Г. Постмодернистская ловушка: путь туда и обратно. Екатеринбург, 2004.

ново или отменяется. Например, принцип дворянской чести как краеугольный камень морали элит в эпоху монархий. Договорная природа справедливости становится в политике все более очевидной с развитием концепции идеологии, согласно которой оценка социальной реальности обусловлены положением субъекта (социальной группы) внутри этой реальности как системы социальных отношений. В процедурном измерении справедливость превращается в процесс перманентного согласования социальных интересов. Соответственно, абсолютной справедливости достичь невозможно, пока существует конфликт интересов, на котором и основана любая современная политика. Собственно, достижение справедливого *общества без антагонизмов* или *царства всеобщей свободы* и является концом привычной политики, связанной с разнообразными конфликтами интересов.

Самоочевидные для современных демократий *общественный договор* и концепция *естественных* прав и свобод человека возникли в результате делегитимации традиционных монархий. Трансцендентная воля бога сменилась волей земного законодателя – народа. В эпоху Модерна справедливость начала трактоваться как поиск оснований консенсуса в поле ключевых идеологий. В современных обществах новые представления о справедливости порождаются разными социальными группами, но будут ли они восприняты обществом и в каких условиях – является отдельной проблемой.

В политическом нарративе Модерна справедливость выражается через принцип всеобщего блага или всеобщий (государственный, национальный) политический интерес как долгосрочную выгоду всех членов общества. Поэтому достижение справедливости превращается в проблему установления всеобщего политического интереса, который в реальной политике из-за постоянного конфликта интересов всегда *ускользает*. Всеобщий интерес является искусственной агрегацией, историческим компромиссом особенных и частных политических интересов. Всеобщий интерес устанавливается обществом через выработанные в нем иерархии, механизмы и процедуры согласования интересов. Институт государства и общественные институты (тради-

ция, выборы, рынок, авторитетные сообщества экспертов) являются лишь площадками согласования этого интереса. Собственно, только в процессе согласования всеобщий политический интерес и возникает как справедливая для данного общества иерархия ценностей. Институционально всеобщий политический интерес в современных обществах часто отождествляется с таким предельным политическим институтом, как нация-государство. Однако постмодернистская критика теорий современных обществ как наций-государств привела к кризису современных форм агрегации социальных интересов в виде нации, государства, класса, идеологии и т.д.

Новейший отказ от конструктивного поиска общенационального политического интереса как фундамента справедливости осуществляется под предлогом его репрессивности по отношению к различного рода меньшинствам. Но существуют ли достойные альтернативы нации-государству как финальному, *предельному* субъекту политической справедливости? Наблюдаемая ситуация *взрыва* новых идентичностей имеет серьезные последствия, деконструирующие гражданский дискурс справедливости, который сплачивает современные нации-государства. При этом, во-первых, оказалось, что мультикультурализм как борьба за справедливость в отношении меньшинств способен мгновенно оборачиваться этнонационализмом, а требования самобытности – борьбой за неоправданные политические привилегии. Во-вторых, размывание социокультурных иерархий и этноконфессионального ядра национально-государственной идентичности может привести к распаду ранее сложившихся наций-государств. В-третьих, привычные согласительные процедуры и практики все менее эффективны в выработке фундаментальных оснований справедливости *больших обществ*, с разных сторон подтачиваемых процессами глобализации и дезинтеграции.

Значимой проблемой обществ позднего Модерна в процессе выработки и поддержания интегрального дискурса справедливости является то, что в них даже гипотетически отсутствуют неангажированные социальные позиции, которые обеспечивали бы нейтралитет воли законодателя, который к

тому же периодически трансформируется в зависимости от результатов выборов. В свое время Гегель связывал обеспечение всеобщего политического интереса с государством как всеобщим субъектом, выражающим этот интерес. Вебер развил эту мысль, попробовав представить государство в виде аппарата профессионально-беспристрастной бюрократии, призванной стоять на страже всеобщего интереса. И все же, «пока существует государство, смириться с ним можно лишь как с инструментом защиты справедливости»¹. В свою очередь, апологеты гражданского общества связывали этот интерес с общественным договором. Настойчивые попытки установления оснований политической справедливости связаны с активным поиском универсальных прав и свобод человека и гражданина, которые могут быть положены в основу справедливого общества. В рамках либеральной перспективы предпринимаются попытки политизации, т.е. перевода в область политического частного интереса индивида. Проблема в том, что скрепить *большое общество* частным интересом и выгодой невозможно. Отсюда закономерный вывод сторонников универсальности прав человека о минимизации ограничивающего и потому несправедливого по своей природе государства. Такова извечная дилемма, вырастающая из несовпадения индивидуального и коллективного блага, персоналистов и коммунитаристов.

Тем не менее выразить всеобщее благо нелегко и с помощью референдумов и выборов. Мнение/решение большинства не всегда совпадает с знанием о *всеобщем благе*. История знает немало примеров, когда большинство фатально ошибалось, пример тому приговор Сократу. Здесь мы имеем дело с четким разделом между истиной (знанием) как основной задачей теоретического знания и справедливостью как практической проблемой. И отождествление истины и справедливости было бы ложным упрощением проблемы. Более того, попытки какого-либо политического субъекта монополизировать

¹ Левинсон Л.С. Миф о патернализме // Неприкосновенный запас. 2005. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/1/mif-o-paternalizme.html>

социальные универсалии свидетельствуют лишь о переводе интерпретации справедливости в область частного и особенного интереса.

Парадоксальным образом, несмотря на то что большинство населения, политиков и экспертов не считает позднемодерное общество справедливым и не требующим *коррекции*, практически никто не задается вопросом, что в этом обществе возможно принципиально изменить и кто и чем должен ради этого пожертвовать. Поскольку оправдать перемены, а тем более мотивировать их практическую реализацию может лишь претензия субъекта на справедливость (на большую степень справедливости). Взамен идеологий политические субъекты пытаются опереться на некий самоочевидный здравый смысл, который справедливые утопии и ставят под сомнение. Отсутствие исходного ценностного консенсуса, собственно, и порождает дискурс справедливости как проблему. Поэтому попытки опоры на здравый смысл вместо *ложных идеологий* сродни попытке опоры на пустоту. Определяя дискурс справедливости как утопию, будущее *общее благо*, мы подразумеваем, что широкого консенсуса по ее поводу быть не может. Цель дискурса справедливости – не консенсус на уровне здравого смысла и Правды, характерный для традиционных обществ, но достижение некоего минимума условий, при которых *большое общество* продолжало бы воспроизводиться.

Еще одной причиной слабости попыток разработки нового дискурса справедливости выступает то обстоятельство, что общественные идеалы не являются естественно возникающими, они конструируются *восходящими классами*. Сознание как властной элиты, так и оппозиции в условиях ценностно-институциональной консолидации позднего Модерна а-утопично, несмотря на язвительную критику его отдельных недостатков. Будущее представляется как постоянно улучшаемое настоящее. Поэтому революционных идей по ее реконструкции и не возникает. Ограниченная шкала политических ценностей, ориентированная на приоритет ценности стабильности и достигнутого равновесия интересов, снимает остроту вопроса о справедливости. Подразумевается, что в целом справедливость уже достигнута, что в своих

основах социальный строй справедлив, хотя и бывают частные отклонения. Чтобы исправить отклонения, нет необходимости разворачивать альтернативный дискурс справедливости, т.к. политические проблемы и конфликты имеют техническое или процедурное решение, связанное с метафорами *наладки, коррекции и ремонта*. И пока подобный узкий дискурс остается единственно значимым, нравственное неприятие политического порядка не перерастает в моральное негодование. С другой стороны, отсутствие и/или целенаправленное подавление всевозможных альтернатив, вывод альтернативных классовых позиций за пределы формально-легальных законов и публичного поля создают своего рода *немоту* вокруг легитимации наличной гегемонии, которая может быть ошибочно принята за действительное отсутствие альтернатив, *конец истории, естественное* или достигнутое *почти идеальное* и бесконфликтное состояние общества.

Таким образом, принципиально новую концепцию справедливости могут предложить скорее аутсайдеры, маргиналы, радикалы или *неконструктивная контрэлита*. Будет ли она воспринята обществом и в каких условиях – является отдельной проблемой. От этого же зависит будущая историческая оценка и сама судьба идеологов, философов и политиков, меняющих общество своими поначалу парадоксальными, *еретическими* или даже *криминальными* идеями¹. Но любые традиции время от времени можно пересматривать, в этом и заключается современный нарратив. Теория справедливости в силу своей несамостоятельности может быть лишь частью более масштабной смены идеологических координат². Рассчитывать на самопроизвольное появление новой теории справедливости, не считая концепций справедливости как *ремонта Модерна* или риторики *восстановления справедливости*, например, в

¹ Лобовиков В.О. Криминология, история философии и дискретная математическая модель формальной аксиологии преступной деятельности («По понятиям» ли мыслили и жили выдающиеся философы?) // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2015. Т. 15, № 4. С. 5-24.

² Макаренко В. П. Проблема справедливости: политико-философские аспекты // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. Т. 2. № 3. С. 84-99.

популярных работах С.Ю. Глазьева¹, С.Г. Кара-Мурзы² или А.П. Паршева³, не приходится.

Соответственно, выполняя компенсаторную функцию, *инструментальная теория справедливости* является частью проекта эволюционного и контролируемого элитами преобразования общества, предполагающего способности реформирования и совершенствования нарратива позднего Модерна. В основании *большого или утопического дискурса справедливости*, артикулируемого теми или иными политическими субъектами, лежит, прежде всего, неприятие *энкратической* версии политического порядка. Предполагая изменения сложившихся способов стратификации и пересмотра ценности для общества тех или иных социальных групп, этот дискурс осуществим только с позиций достаточно широкой *народной перспективы*, противопоставляемой узкому пониманию справедливости, приписываемой действующим элитам и/или привилегированным социальным классам.

Поэтому позднемодерный дискурс справедливости, с которым мы имеем дело – это что-то вроде *совы Минервы, которая вылетает ночью*. Когда в ходе реализации Просвещения и Модерна утопии начинают воплощаться, когда будущее отчасти становится настоящим, и возникает дискурс справедливости, который призван согласовать частные и групповые интересы в этом процессе перехода от прошлого к будущему. И поэтому не случайно сами по себе теории справедливости появляются и вызывают особый интерес уже на закате Модерна, когда будущее стало отчасти настоящим. То есть тогда, когда уже завершилась некая программа модернизации и выяснилось, что существенная часть населения в ходе реализации этого проекта не получила той доли *общего блага*, на которую претендовала, либо эта доля начинает уменьшаться. Кроме того, выяснилось, что политический порядок позднего или высокого Модерна с течением времени тоже онтологизировался и обзавелся своей версией трансцендентной справедливости в виде рыночной кон-

¹ Глазьев С.Ю. Благополучие и справедливость. М., 2003.

² Кара-Мурза С.Г. Белая книга. Экономические реформы в России. 1991-2001. М., 2004.

³ Паршев А.П. Почему Россия не Америка. М., 1999.

курении, теории демократии, модернизации и т.п. Поскольку сильной альтернативы этой справедливости не придумано, то остается бесконечно совершенствовать уже существующие институты рынка и демократии. И здесь дискурс справедливости призван демонстрировать, что проект Модерна еще не исчерпан до конца в своем утопическом измерении и в то же время в своих существенных чертах реализован.

Пока люди добровольно разделяют существующие ограничения, запреты и обязанности в обмен на набор неких прав, они считают такой порядок вещей естественным и самоочевидным, т.е. справедливым. Однако нарастающее отторжение статус-кво не может не привести к росту влияния утопического дискурса справедливости. И этот дискурс будет исходить не из того, что *есть*, будь то критика или апологетика настоящего, но из того, что *могло бы быть в будущем*. В подобной перспективе наиболее востребованный вопрос – не что есть позднемодерное общество здесь и сейчас, но каким ему быть в будущем, исходя из возможных угроз, принципов стратификации, иерархий, территории, демографических тенденций, климата, экономики и т.д. Возможная в будущем радикализация дискурса справедливости связана с вопросом о том, почему люди предпочитают мириться с явными несправедливостями, в том числе защищая своих эксплуататоров. Вариантов ответов здесь множество, включая отсутствие ясного понимания того, кто кого эксплуатирует в сложных социальных системах, где общественное насилие все более обезличено и нивелировано, как и само государство, социальные классы и релятивные принципы справедливости, базирующиеся на различного рода ситуативных компромиссах. Экономические издержки и социальное притеснение отсылаются элитами к объективным законам – экономическим, политическим, социальным, правовым, которые якобы диктуют неустранимость и естественный характер различных общественных неравенств и высокого уровня насилия, в том числе и нелегитимного.

Таким образом, утопическая *идея справедливости в условиях возможного распада позднемодерного общества* – это мечта о новом обществе. Спра-

ведливость связана с преодолением последствий распада либерального консенсуса и торжества множества частных границ и политически капитализированных идентичностей. Дефицит холизма преодолевается воссозданием общества, но для этого нужна новая интегрирующая общество трансценденция: бог, история, прогресс, экология, техника, будущее и т.д. Среди активно используемых вариантов трансценденции позднего политического нарратива Модерна можно отметить следующие: традиционализм, экологическая эсхатология, мифы о возвращении золотого века; империя и/или идея уникальной цивилизации; национализм; идеи идентичности разных культурных групп по многообразным основаниям. Представляется, что холистским потенциалом обладает лишь вариант, где человек сможет стать чем-то большим, чем он есть теперь. Это предполагает проект новой миросистемы, преодолевающей традиционные границы наций-государств. Исторически этот тренд универсализации принципов и механизмов социально-политического регулирования очевиден: семья – род (племя) – нация (империя, цивилизация) – человечество. Тем не менее необходимы и убедительные ценностные основания, которые поверх всех привычных и самоочевидных границ могли бы сплотить человечество. В ситуации изменения баланса глобальных центров силы дискуссии о критериях и возможных механизмах установления глобальной справедливости будут только усиливаться¹.

Проблема в том, кто мог бы стать коллективным субъектом подобного революционного поворота в условиях господства технологий десубъективации и деполитизации. Первым возможным шагом на этом пути является признание ограниченности привычной энкратической теории справедливости, консервирующей несправедливое статус-кво. Не может быть справедливости для одного класса или народа при несправедливости для других (при порабощении и угнетении). В этом суть и христианства, и коммунизма. Идея предоставления максимального числа возможностей максимальному числу

¹ Алексеева Т.А. Возможна ли «глобальная справедливость»? // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 6. С. 18-22.

людей часто связывается с прогрессом, техникой и наукой. Но возможности, предоставляемые научно-техническим прогрессом, на практике лишь обостряют несправедливость и неравенство в условиях такого политического устройства мира, когда собственно мир не осознается в качестве единого целого и человечество остается разделено по экономическому, национальному, расовому и прочим признакам.

В сегодняшних условиях человечество экстремально дифференцировалось в своей неодновременности и возможностях, располагаемых различными его группами, регионами и социальными слоями¹. Оно нуждается в восстановлении общества на основаниях справедливости, идея которой уже не может быть истолкована только локально. Предпосылка новой миросистемы, сменяющей старое устройство мира на основе торжества частных интересов и угнетения слабых сильными, а развитых отсталыми – это, прежде всего, моральная революция. В ее основании может находиться утопический проект будущего, который, тем не менее, должен обещать каждому человеку повышение его возможностей техническими, социальными (посредством новых социальных практик) или иными средствами. Проект повышения возможностей и достижения большей справедливости основан на том, что каждый человек сознательно или бессознательно желает стать чем-то большим, чем он сейчас является. Поэтому важна роль технологий, преобразующих человеческую природу, дающих ей новые временные и вспомогательные возможности для самореализации. Самое ценное, что можно предложить человечеству в отношении будущего, – это продолжение его жизни именно как человечества. Но это недостижимо при сохранении разобщенности, поскольку мораль *ветхозаветного мира* и капиталистической миросистемы подразумевает в перспективе только обостряющиеся противоречия по поводу сокращающихся ресурсов, при желании одних сохранить достигнутый уровень жизни, а других – его повысить, неважно какой ценой для прочего мира. Новый путь предполагает создание утопии как проекта, предоставляющего наибольшему

¹ Income Inequality. URL: <https://inequality.org/facts/income-inequality/>

числу людей наибольшие возможности. И новая теория справедливости может возникнуть лишь как составная часть политического проекта, возможно, даже выходящего за пределы нарратива позднего Модерна и предполагающего довольно радикальные преобразования современного общества.

§ 3. Изменение социально-политической структуры как вызов позднему Модерну

Процесс социальной стратификации можно определить как динамический аспект социальной структуры общества, обусловленный неравным доступом индивидов и социальных групп к ресурсам и благам. Поэтому любые идеи снижения неравенства, будучи продуманными до своего логического предела, вызывают к легитимности сложившейся социальной структуры и возможностям ее трансформации на разных уровнях: от условий включения индивидов в политический класс до факторов, определяющих доступ к ресурсам тех или иных классов и групп. Современные общества в силу трансформации постфордистской экономики испытывают растущие вызовы доминирующей модели социальной стратификации, связанной с рыночным классовообразованием и отношениями экономических классов. Новая стратификация все чаще детерминирована не столько отношениями, связанными с уровнем доходов людей, их местом, ролью и уровнем потребления, образования (веберовская стратификация) и даже не конфликтами экономических интересов (марксистские классы), сколько исходя из рентных обменов, которые индивид и его близкое окружение способны поддерживать с государством и его агентами, в том числе на уровне сетей местных сообществ. При этом дистрибутивные обмены как основания для выделения социальных страт становятся все более релевантными для анализа позднемодерной структуры общества. Основанием структурирования все чаще становится объем доступа, статус и роль в распределении ресурсов в механизмах рентного государства. В подобной ситуации расслаивающийся по разным социальным стратам средний

класс теряет качество субъекта и источника легитимации социально-политического порядка. Протестная активность прекариата отчасти может быть компенсирована усилиями социального государства. Однако подобная стратегия возможна только в наиболее развитых, постиндустриальных странах. Экономические и властно-политические факторы стратификации образуют гибридную модель, в которой принцип рыночной стратификации вытесняется рентно-сословными факторами ранжирования социальных групп.

В настоящее время в мире активно идут крайне противоречивые процессы структурирования нового глобального общества. Представляется, что указанные тенденции ведут к общему усилению неэкономических факторов, которые создают предпосылки изменения социальной структуры общества, в котором стратификация социальных групп и их отношения будут регулироваться иерархическим доступом к разнообразным ресурсам при возрастающей роли государства и снижающейся – рынка. Онтологические референты таких привычных понятий классово-индустриального Модерна, как *народ*, *класс*, *пролетариат*, растворяются и претерпевают разные метаморфозы¹. Оптимистические попытки стабилизировать социальную структуру путем кооптации избыточного рабочего класса (синих воротничков) в средний класс (белые воротнички), ориентированный на занятость в сфере услуг, потерпели закономерную неудачу, т.к. технологические сегменты постиндустриальной экономики не нуждаются в массовой занятости. Меняются и привычные модели классовой эксплуатации: «Эксплуатация одного класса другим связана сегодня уже не только и даже, возможно, не столько с процессом производства, сколько с контролем над процессами доступа к приносящим дополнительные ренты активам, обеспечивающим устойчивость монопольных рент»². Резко падает политическое и экономическое значение социальных групп, чьим активом является труд, т.к. новые технологии сокращают рынок массового труда. Доля занятых в промышленном производстве в

¹ Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. С. 25-26.

² Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М., 2014. С. 283.

наиболее развитых странах снижается: в США с 22,1% в 1980 г. до 10,2% в 2011 г., в Германии за тот же период с 34 до 20%. При этом производительность промышленного труда с 1960 по 2011 гг. выросла в США в 5 раз, Германии – в 4 раза, в Японии в 12 раз¹. Параллельно идет снижение доли (стоимости) труда в производимых товарах. Изменение структуры глобальной экономики, предполагающее постоянное сокращение человеческого компонента в технологических цепочках, связано с уверенным и неудержимым расширением безработицы как опасного социального феномена. При постоянном увеличении продолжительности жизни общий трудовой стаж новых поколений неумолимо сжимается: «Реальный рабочий цикл может сократиться примерно до 30 лет (с 24 до 54 лет), при приблизительной продолжительности жизни 75-80 лет»².

Согласно футурологическим прогнозам, экономический смысл рутинного человеческого труда может быть преодолен к концу XXI в., когда компьютеры, роботы и машины будут эффективнее людей практически во всех сферах экономической деятельности. Этот процесс уже сегодня влияет на социальную структуру современных обществ. Молодые поколения испытывают бóльшие трудности с поиском постоянного места работы, чем ранее. Согласно данным Евростата, в 2020 г. общая безработица в странах Евро-28 в возрастном диапазоне от 15 до 74 лет составляла 7,2%, в то время как среди молодежи от 15 до 30 лет – 20,9%³. Безработность из временного, промежуточного состояния уверенно превращается в постоянный стратифицирующий признак, определяющий и самоидентичность, и социальный статус человека. В силу продолжительности в биографиях людей она принимает новое качество, создает новых социальных субъектов, которые уже не столько ищут места на рынке труда, сколько пытаются добиться паллиативной компенсации за его длительное отсутствие. Для которых сложившийся социально-

¹ Rotman D. How Technology is Destroying Jobs // MIT Technology Review. 12.06.2013. URL: <https://www.technologyreview.com/2013/06/12/178008/how-technology-is-destroying-jobs/>

² Сеннетт Р. Коррозия характера. С. 147-148.

³ Total Unemployment Rate // Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00203/default/table?lang=en>

политический и экономический порядок предлагает меньше возможностей и перспектив, чем потенциальные попытки его изменения.

Вследствие указанных процессов модифицируется жизненный мир индивидов и групп, в котором смыслополагающую роль играла ценность труда. Грани между трудом, досугом, учебой и потреблением все больше размываются. Неуверенность большинства социальных групп в своем будущем (для подавляющей части трудоспособного населения мира основным ресурсом является труд), усиление неопределенности, разнообразных угроз своему социальному положению усиливают противоречия, когда «те, кто имеет высокие доходы, власть и образование, могут купить себе безопасность и свободу от риска»¹. Хотя рост *всеобщих рисков* все же отчасти уравнивает классы.

Индивидуализация, фрагментация групп и высокая скорость изменений общества приводят к кризису прежних форм консолидации и институционализации коллективных интересов. На горизонте глобального будущего разворачивается системная трансформация позднемодерного общества, затрагивающая весь комплекс базовых связей между рынком, демократией, национальными государствами и социальной структурой современных обществ. Указанная трансформация ведет к преобразованию привычного ценностно-институционального ядра нарратива модерных обществ, в котором классовые и рыночные элементы социальной организации обществ все увереннее реформируются в иерархические сословно-рентные институты, коммуникации и практики. В настоящее время консолидированные прогнозы предрекают замедление или даже остановку глобального экономического роста в разных мировых регионах к середине XXI в.² Основной причиной подобного замедления станет перенасыщение глобальных рынков и уже начавшийся технологический поворот, связанный с автоматизацией и роботизацией. В долгосрочной перспективе это ведет к феномену *общества без экономического роста*, в котором все большую долю будут занимать *лишние люди*, не

¹ Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. С. 23.

² Policy Challenges for the Next 50 Years: OECD Economic Policy Paper (July 2014) // Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). URL: <http://www.oecd.org/economy/Policy-challenges-for-the-next-fifty-years.pdf>

вовлеченные в экономические процессы. Они составляют новые *опасные сословия-классы* (прекариат, безработные, маргиналы, субсидируемые слои), являющие собой вызов для рыночно-демократических политических порядков. В *обществе сокращающегося запроса на способность к труду* наблюдается постоянное и повсеместное расширение структурной безработицы, которую все сложнее будет компенсировать с помощью модели *социального государства*, рассчитанной на постоянный экономический рост. Все большее количество людей оказывается вне глобальных производственных цепочек в мировой экономике. Оплата рентных компенсаций растущей массы *нерентабельного населения* через механизмы социального государства становится все более серьезной нагрузкой для национальных бюджетов, а *рыночная риторика теряет свою летигимизирующую политический порядок убедительность*.

Доминирующие способы анализа социальной стратификации индустриального Модерна, связанные с выделением экономических макрокласов, испытывают все большие затруднения при описании многообразия экономических, политических, культурных изменений, ведущих к преобразованию социальной структуры. В результате складывается ситуация познания, когда обществоведы имеют дело либо с марксистскими и иными макросоциальными обобщениями типа формаций, цивилизаций и экономических классов, которые во многом утратили функции релевантного описания позднемодерных обществ. Либо кризис экономических классов приводит к другой крайности, когда социальная теория начинает неоправданно и ситуативно дробить общество на плохо структурированную совокупность меньшинств и микроклассов, основанных на *слабых* социальных связях и не обладающих выраженной субъектностью. Знание социальных микромиров, связанное с анализом локальной повседневности, использованием околотитературных методов кейс-стади, разнообразных фреймов, ситуативно агрегированных групп (протестное движение, сетевые сообщества), локальных и событийных идентичностей, плохо складывается в общую картину социальной структуры общества как такового.

Подобная ситуация обозначает дефицит новых теорий среднего уровня, призванных снять указанный разрыв идеологических обоснований, институтов и практик, когда общественная мысль с опозданием начинает выделять в теории уже де-факто существующие новые функциональные страты. Методологические расхождения возникают в условиях тотальных революционных изменений структуры общества в результате распада старых и возникновения новых социальных групп, когда привычные механизмы социальных различий в условиях нарастающей аномии перестают работать. Например, при превращении феодального общества, где сословия отличаются правами, привилегиями и обязанностями по отношению к суверену, в рыночное, где социальные страты представлены классами, различающимися положением и возможностями на рынке. И, наоборот, когда в глобальном измерении конкурентный капитализм и *общество труда* вновь вытесняются коммуникациями, в которых доминируют неэкономические факторы.

Методологически снять противоречие марксистской и веберинской традиций стратификации попыталась концепция *габитуса* и разных видов капитала П. Бурдьё, когда на положение социальных страт и человека в обществе возрастающее влияние оказывает обладание не только *экономическим*, но и *культурным*, *социальным* и *символическим* видами капитала¹. Эта концепция способствует более многомерному и релевантному описанию механизмов социальной стратификации. Здесь классы задают лишь общие рамки и возможности для совместной социальной деятельности людей, обладающих общими интересами исходя из своего социального положения. В подобной ситуации растет значение доступа граждан к символическим (статусным, престижным) и социальным видам капитала, в то время как самостоятельное значение экономического и культурного капиталов неуклонно снижается. Именно символический и статусный капиталы становятся определя-

¹ Бурдьё П. Политическое представление. Элементы теории политического поля // Социология политики. М., 1993. С. 33-52; Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 17-36.

ющими факторами политической дифференциации нового рентно-сословного общества.

Сегодня субъектность новых социальных групп и общества в целом все более последовательно выстраивается в *ресурсной и/или рентной модели стратификации*, претендующей на синтез марксистских и веберовских традиций¹. Интеграция этих традиций осуществляется через универсализацию измерительных признаков общественного неравенства, в качестве которых служит доступ социальных групп к тем или иным видам рент/ресурсов/капиталов. Соответственно, классы складываются на основании доступа конкретных индивидов к тем или иным видам ренты². А положение и перспективы групп в обществе определяются совокупной динамичной конфигурацией ресурсов, активов, рент и капиталов в их распоряжении, во многом рассматриваемых как взаимно конвертируемые.

Поэтому рынок как доминирующий механизм социальной стратификации, универсальный способ привлечения и распределения жизненных ресурсов граждан, *привилегированная метафора политического порядка* все чаще оказывается объектом обоснованной критики, связанной с исчерпанием потенциала глобальных свободных рынков, новыми волнами протекционизма, популизма и национализма. На этом фоне вновь усиливается национальное государство в качестве ключевого экономического субъекта и социального регулятора, а рыночные обмены активно замещаются дистрибутивными (распределительными) экономическими механизмами. Параллельно происходит *замещение рыночного классовообразования этатистскими моделями социальной стратификации*. Разрастание области дистрибутивных обменов в распределении общественных ресурсов с одновременным истончением оболочки рыночной регуляции все чаще описывается как возврат к *естественному государству, сословности, неопатримониализму, неофеодализму, архайке, патрон-клиентским режимам и т.д.*

¹ Grusky D.B. The Past, Present, and Future of Social Inequality // Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective / Ed. by D. Grusky. Boulder, 2001. P. 3-51.

² Sorensen A. Toward a Sounder Basis for Class Analysis // The American Journal of Sociology. 2000. Vol. 105, No. 6. P. 1523-1558.

Статистика подтверждает рост экономического влияния государства, которое становится главным экономическим субъектом, регулятором и гарантом рентных цепочек, в том числе в наиболее развитых рыночных обществах. Доля расходов государства в ВВП как объем общественной ренты, подлежащих к распределению средств генерируемых в виде постоянной эмиссии, кредитов, налогов, акцизов, таможенных сборов, взносов на страхование и пр., постоянно растет, составляя в мире в среднем 30,3% от ВВП. Согласно данным МВФ, среди лидеров по данному показателю в 2020 г. выделяются развитые европейские экономики, ориентированные на модель социального государства: Франция – 62,7%, Швеция – 51,8%, Германия – 50,8%; в США показатель госрасходов составляет 45,4%, а в России цифры госрасходов в ВВП – 39,4%¹. Однако, по экспертным оценкам, реальная доля российского государства в экономике достигает 70%². Ресурсы большинства граждан прямо или опосредованно начинают зависеть от структуры и содержания их отношений с разнообразными государственными агентами, регулируемыми существующие рентные цепочки. В данном случае *этакратическая тенденция* в социальной стратификации характерна и для государств, часто представляемых как рыночные/демократические. В частности, в США в последние десятилетия вовсе не рынок, а государство выступает основным работодателем и поставщиком новых рабочих мест, и эта тенденция только усиливается³.

Альтернативные оптимистические прогнозы о глобальном будущем строятся на представлении доминирующих глобальных тенденций радикализации неравенства и роста сословности в мировом (и национальных) масштабах, протекционизма и национализма в качестве временных откатных волн модернизации, которые сменятся новым глобальным выравниванием, т.к. постиндустриальное общество совместимо только с демократией и расшире-

¹ World Economic Outlook Database. October 2021 // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/October/select-country-group>

² Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации. М., 2016. С. 7. URL: <https://fas.gov.ru/attachment/152253/download?1514223603>

³ Spence M. Globalization and Unemployment // Foreign Affairs. July/August 2011. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2011-06-02/globalization-and-unemployment>

нием индивидуальной свободы¹. В частности, краткосрочные прогнозы мирового экономического развития показывают, что развивающиеся страны пока растут быстрее, в то время как развитые будут фактически скорее стагнировать относительно достигнутого уровня жизни². Тем не менее представляется, что подобные прогнозы фиксируют тенденции, связанные с исторической неодновременностью глобального развития, когда развивающиеся страны в долгосрочной перспективе лишь позднее вступают в фазу экономической рецессии. Аналогично обстоит дело и с постиндустриальными обществами, которые в сглаженной социальным государством форме демонстрируют те же противоречия, социальные проблемы и антирыночные тенденции, что и остальной мир, не давая универсальных ответов на глобальные вызовы. *Таким образом, можно наблюдать системную трансформацию позднемо-дерных обществ, в которой свободные рынки уступают регулятивную роль государствам, погоня предпринимателей за прибылью – гарантированной ренте, социальные сети – новым общественным иерархиям, а индивидуальная автономия граждан – поискам новых коллективных сообществ и политике идентичности, посредством которых можно претендовать на увеличивающиеся масштабы распределяемых вне рынка ресурсов.*

*Указанные изменения постепенно начинают влиять на трансформацию ценностного ядра политического нарратива глобального Модерна. Комплексные процессы изменений ведут к формированию и политической легитимации новой *рентной модели* как идейно-институционального основания политического порядка демократии. Методологически идеальную историю современного политического порядка демократии можно представить в виде подключения все более широких слоев граждан к ресурсам или ренте, распределяемой в обществе. Исторический переход от феодального государства к обществу *открытого доступа* (Д. Норт), по сути, представляет демополизацию общественной ренты, рассматриваемой отныне как право всех*

¹ Паин Э.А. Волновая природа подъема традиционализма на рубеже XX–XXI веков // *Общественные науки и современность*. 2011. № 2. С. 53–55.

² Global Economic Prospects. Divergences and Risks (June 2016) // The World Bank. Open Knowledge Repository. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/24319/9781464807770.pdf?sequence=6>

граждан, а не только как объект частного и закрытого присвоения элит. При этом рента, переосмысляемая в концепции *социального государства* из привилегии немногих в право всех граждан, становится обезличенной; право распоряжения ею перестает быть наследственным в силу периодической ротации политических элит. Именно в условиях современной демократии и государства всеобщего благосостояния все граждане впервые автоматически получают доступ к базовой ренте *по праву рождения*: к образованию, медицине, пенсиям, пособиям по безработице, услугам по обеспечению безопасности и т.д. Всеобщность доступа к ренте не означает всеобщее равенство ее уровня. Естественно, что и в условиях демократии стратификация сохраняется, социальные группы конфликтуют по поводу увеличения их доли ренты, поэтому ее групповое распределение может быть дифференцировано довольно радикально. Но минимальную ренту в модели социального государства имеют все члены политического сообщества, что позволяет лишить проблему доступа к ренте судьбоносного характера и решать вопросы ее текущего распределения не в виде революционного изменения общества, но посредством переговоров, согласования классовых интересов, деятельности профсоюзов, лоббизма, политических выборов, референдумов и пр.

Требования ренты, обеспечивающей базовые потребности и права граждан, являются и моральными требованиями, связанными с универсализацией и выравниванием возможностей членов политического сообщества. *История демократии во многом – это кто, когда, зачем (в силу каких обстоятельств), на каких условиях и с какими результатами (последствиями) обеспечивает долей государственной ренты значимые социальные группы или даже большинство населения.* В рентной политической перспективе граждан и социальные группы можно рассматривать в качестве рациональных субъектов, которые выбирают демократию как механизм наиболее эгалитарного и приемлемого для большинства распределения ренты, накапливаемой в конкретном политическом сообществе/государстве. Участие в управлении обществом во многом становится аналогом рыночной деятельности, а

прибылью – всевозможная рента от этого участия: расширение прав, безопасность, справедливые налоги, социальные гарантии, иные общественные блага. В этой логике любое политическое устройство можно рассматривать как определенный иерархический инвариант механизма доступа и распределения рент.

Причины увеличения числа получателей ренты обычно связаны, во-первых, с ростом внешних угроз, для отражения которых приходится прибегать к массовой мобилизации населения. Обратной стороной этого процесса становится первичное наделение или расширение существующих гражданских прав военнообязанных, дающее им право на долю ренты. Таковы примеры древнегреческих демократий и процессы создания массовых армий Нового времени, обусловленные появлением огнестрельного оружия и последующими тотальными войнами с участием всего населения¹.

Во-вторых, данные причины связаны с расширением обделенных социальных групп, стремящихся изменить морально-политические иерархии в свою пользу, т.к. общественные перемены для них оказываются более выгодны, чем сохранение несправедливой стабильности. Пример тому – процессы революционного пересмотра сословного порядка Средневековья, а затем постоянного обновления капиталистической миросистемы в пользу революционно настроенных групп, повлекшие общественное согласие, заключенное в модели социального государства, расширяющей гарантированные рентные права большинства. Сформированное таким образом модерное общество постоянно катализирует перевод политических требований в область экономических возможностей. Одновременно регулирование доступа к ренте становится новым способом политического контроля со стороны элит, особенно групп бюджетозависимого населения.

Подъем демократии в человеческой истории обычно совпадал с массовой мобилизацией населения в ответ на внешние и внутренние угрозы. Однако в глобальном мире ситуация с вероятными угрозами ощутимо меняется.

¹ Фишман Л.Г. Происхождение демократии («Бог» из военной машины). Екатеринбург, 2011.

Представляется, что для современных национальных элит, включенных в глобальные рынки, внешние угрозы теряют былую остроту, а внутренняя мобилизация граждан давно является не ресурсом выживания, а, наоборот, главной угрозой и имеет потенциально амбивалентный характер, поскольку собственные граждане в условиях демократии – наиболее вероятные субъекты принципиального изменения сложившейся ресурсной модели и рентных иерархий. Таким образом, демократия, основанная на действенных правах для большинства, – это источник непредсказуемости. Поэтому все исторические демократии существуют как институционально ограниченные рентные модели, постоянно перенастраиваемые в зависимости от изменений интересов и требований политических и классовых коалиций, меняющихся во времени.

Политическая рента напрямую связана с правами гражданства. В частности, 5% беднейших граждан США имеют доходы выше, чем 60% населения мира, благодаря лишь факту своего гражданства¹. Гражданство обеспечивает доступ к базовой ренте членов конкретного политического сообщества посредством распределяющего социального государства (социальные пособия, пенсии, бесплатные услуги). В результате уровень рентных и зарплатных доходов у граждан различных наций отличается на порядок при сопоставимых трудозатратах. Формирование глобальных рынков привело к тому, что перераспределение ренты идет не только внутри и посредством национальных государств, но и между национальными политическими сообществами. Соответственно, граждане стран центра миросистемы фактически в полном составе политических сообществ могут быть отнесены к мировой элите как извлекателю глобальной ренты. При этом ресурсы и механизмы сглаживания социального неравенства, все хуже работающие на уровне развитых стран в виде модели социального государства, оказываются в условиях нарастающей экономической стагнации ограничены или вовсе неприменимы

¹ Миланович Б. Глобальное неравенство доходов в цифрах: на протяжении истории и в настоящее время. М., 2014. С. 24.

на глобальном уровне, предопределяя естественный рост межстранового и макрорегионального неравенства. Если в 1870 г. социальное неравенство на $2/3$ определялось принадлежностью человека к определенному *классу*, то в 2000 г. оно на $2/3$ зависело от *географии*, т.е. проживания в бедной или богатой стране¹. Таким образом, классовые формы социально-экономического неравенства все чаще уступают пространственным, а рыночные – внеэкономическим. В глобальном контексте новые сообщества и границы/конфликты между ними, формируемые указанными противоречиями, могут быть и классовыми (труд/капитал), и корпоративными (феномен *корпоративного гражданства*), и национальными, и транснациональными, включая целые общества, мировые макрорегионы и континенты (Европа, Африка) в центр-периферийном разрезе. В капиталистической мироэкономике люди, обладающие одинаковой квалификацией и производящие сопоставимые объемы продукции, могут отличаться в размерах оплаты своего труда на порядки. Очевидно, что подобная ситуация возникает лишь тогда, когда рыночная конкуренция на глобальных рынках является вторичной в отношении разнообразных механизмов рентно-политического распределения глобальных ресурсных потоков между государствами (глобализация 1.0), корпорациями (глобализация 2.0) и отдельными людьми (глобализация 3.0)².

Современная капиталистическая миросистема базируется, по крайней мере в теории, на преобладании рыночных обменов, которые постепенно выходят за пределы возможностей контроля отдельных государств и, в свою очередь, начинают детерминировать в качестве фоновых условий принципы их последующей трансформации как элементов единой мироэкономики. Однако достаточно ли глобализации рыночных обменов и создания автономных рынков для того, чтобы утверждать, что мироэкономика как капитализм преодолевает в качестве регулирующего политического принципа политическую карту наций-государств? Вполне вероятно, что современный капитализм с

¹ Там же. С. 20-21.

² Фридман Г. Плоский мир 3.0. Краткая история XXI века. М., 2014.

его рентным сдвигом эволюционирует к глобальной, пусть и децентрализованной, мир-империи, которая институционально может быть соотнесена с естественным государством, превалирующим в большинстве современных обществ. Государством, в котором над рыночными коммуникациями и конкурентной демократией преобладают патрон-клиентский иерархический контроль рентно-сословных элит и механизмы распределения ресурсов государства, обладающего суверенитетом и собирающего налоги.

В таком ракурсе преобладание в мироэкономике стихийных рыночных обменов является не более чем романтической исторической утопией ее первоначального становления и описания. В конечном счете *естественное государство вновь проникает на глобальный уровень в виде долгосрочной стратегии рентного капитализма, в которой закончена географическая экспансия капитала, все глобальные рынки завоеваны и поделены, норма прибыли и спрос падают, а конкуренция на них только усиливается, вызывая к внерыночным и внеэкономическим преимуществам.* В результате нормативные экономические понятия свободного рынка – капитал, труд, конкуренция – отступают перед лицом более фундаментального фактора выживания – обладания/контроля ресурсов, позволяющих извлекать всевозможную ренту. В свою очередь, рента является производной от контроля собственности, которая становится более важной, чем разные конкурентные преимущества: дешевые кредиты как двигатель производства и спроса; труд; транзакционные издержки и иные переменные, чье влияние связано с легко исчезающими, временными и ненадежными преимуществами. В то же время собственность всегда связана с властью, она обеспечивается всем политико-правовым порядком общества, что выводит ее из числа исключительно экономических факторов развития. По сути, собственность является связующим политику и экономику мостом, который демонстрирует, насколько мироэкономика далека от описываемой И. Валлерстайном автономии, а тем более господства рыночных обменов и торговли как основы современного капитализма.

Ограниченность глобального рынка закономерно приводит конкурирующих субъектов к попыткам пересмотра механизмов контроля собственности, выходящих за пределы честной конкуренции и рыночной демократии, как способа расширения своего влияния в условиях, когда все прочие механизмы не дают привычного эффекта. И здесь обнаруживается, что *производная от собственности рента никогда и никуда не исчезала, по-прежнему занимающая центральную позицию в экономике капитализма и как конечная мотивация рыночных субъектов, и как способ капитализации/распределения ресурсов*. Мейнстримовская рыночная политэкономия потратила немало идеологических усилий, чтобы показать несправедливость и пагубность привычной для традиционного общества ренты с природных ресурсов, прежде всего, с земли, принадлежащей аристократии, в пользу положительно оцениваемых труда и капитала в основе конкурентного рынка. Указанная рента как архаичная в моральном отношении, а также *недостойная* в своем нетрудовом и неконкурентном характере, была дифференцирована от новой ренты с капитала (в виде *процента*), легшей в основание нового экономического порядка капитализма.

Однако, несмотря на все рассуждения о прогрессивном конкурентном основании новой ренты/прибыли, превратностях и опасностях, поджидающих на этом пути честных и овеянных протестантской этикой буржуа-предпринимателей, а также о благах, которые даются рабочим в качестве свободных наемных работников в отличие от закрепощенных крестьян, рентные механизмы приращения капитала сохраняются. В современном капитализме пассивная рента с капитала, собственности и иных ресурсов, несмотря на рыночную риторику, постоянно опережает прирост трудовых доходов, провоцируя процессы радикализации экономического неравенства в обществе¹. Более того, можно наблюдать неуклонное снижение или стагнацию доли ренты *людей труда*, все еще представляющих собой большинство в глобальной мировэкономике, что подтверждает хрестоматийное пророчество

¹ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., 2015.

К. Маркса о неуклонном падении доли непосредственного труда в прибавочной стоимости товарного производства как фундаменте будущих социальных противоречий.

Первоначально буржуазия в целях дискредитации сословно-феодалных порядков и аристократии, опиравшейся на земельную ренту и дистрибутивные обмены, подвергла тотальной критике ренту как ключевой двигатель экономики в лице *идеологически устаревшего* экономического учения *физиократов*. В частности, П. Розанваллон отмечает, что идея независимого саморегулируемого рынка в свое время стала обманчивой попыткой справиться с теми политическими противоречиями, которые не смогла решить в условиях раннего капитализма руссоистская теория общественного договора: «Рынок как будто бы подходит для решения этой задачи. Он должен установить власть “невидимой руки”, и эта власть по природе нейтральна, поскольку безлична. Он обеспечивает социальное регулирование, имеющее абстрактный характер: отношениями между людьми управляют объективные “законы”, в этих отношениях нет места подчинению и приказу. Рынок подобен некоему “скрытому богу”»¹. Эта социальная утопия существовала сравнительно недолго, знаменуя новый баланс социальных сил как торжество третьего сословия в лице буржуа, сместившего Старый порядок, но еще не обретшего нового исторического антагониста в лице человека труда. Новый капиталистический порядок довольно скоро начал проявлять свою *проклятую сторону*, связанную с эксплуатацией, отчуждением, монополизацией рынков, внеэкономической конкуренцией, политическим лоббизмом и стремлением к внеконкурентному распределению ренты. Поэтому идеализированный конкурентный капитализм и честные буржуа, зарабатывающие потом и риском, капиталом и трудом, вскоре остались только в учебниках экономикс и идеологии неолиберализма.

Более того, в реальной экономике принципиальное различие между рынком и дистрибуцией, буржуазией и аристократией не так велико, как

¹ Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. М., 2007. С. 28.

представляется экономическому мейнстриму. Например, технически рынок может быть описан лишь как *один из вариантов распределения ресурсов*, если в его описаниях убрать рекламно-идеологическую составляющую: «С одной стороны, “распределительная система” (и ее синонимы – перераспределительная, редистрибутивная) представлена в экономической теории как антипод рыночной экономики. С другой стороны, в “экономикс” сам “рынок” определяется через распределение: рыночная система есть механизм распределения общественного продукта. И с этой точки зрения, в самом общем смысле, “рынок” также является распределительной системой»¹.

Скрытый объем ренты в зарплатах и прибылях, связанный с внеэкономическими преимуществами и факторами ее генерации, становится новым ядром в доходах граждан, которое может превосходить заработанное трудом и капиталом в условиях рыночной конкуренции. Поэтому *рентоориентированное поведение, связанное с поиском гарантированных статусных рент, все чаще становится более выгодной стратегией, чем рискованная предпринимательская деятельность или стремление занять более выгодные позиции на рынке труда*. Отсюда все большее разрастание статусных ограничений и сегрегация социальных групп, имеющих доступ к гарантированной эксклюзивной ренте.

В политическом измерении кризис рынка разрушает старые и порождает новые социальные группы, что ведет к общей трансформации социальной структуры и современного политического порядка, связанного с иными принципами распределения ресурсов. Множащиеся вызовы рынку, капитализму и классовой социальной структуре общества вовсе не обязательно влекут закономерные реакции в виде катализации потенциала общественно-экономических инноваций. Не менее, если не более вероятной является другая реакция элит и обществ, связанная с упрощением и *архаизацией* как попыткой ответить на неподконтрольные вызовы, угрозы и трансформации,

¹ Бессонова О.Э. Вектор институционального развития России: от квазирынка к либеральному раздатку // Экономическая социология. 2008. Т. 9, № 2. С. 17.

привносимые извне и созревающие внутри общества, путем его приведения в более стабильное и устойчивое состояние. Обычно это принимает форму адаптации к трансформациям с помощью механизмов архаизации, отката к домодерным ценностям и институтам, постепенно принимающего вид самоподдерживающейся, каскадной реакции. Поскольку прямого возврата к прошлому в истории быть не может, *защитная архаизация обретает характер гибридного общественного порядка*. Легитимация последнего всегда ставит вопрос о цене, издержках и целесообразности продолжения прогресса в привычном виде, который способен обернуться несопоставимо большей архаизацией как своим закономерным следствием и итогом полного исторического развертывания: «Архаизация – результат следования субъекта культурным программам, которые исторически сложились в пластах культуры, сформировавшихся в более простых условиях и не отвечающих сегодня возрастающей сложности мира, характеру и масштабам опасностей... Архаизация – всегда попытка уйти от сложности медиации и вернуться к простоте господства инверсии. Это явление никогда не выступает в чистом виде, но всегда хаотически смешано с достижениями последующего развития, которые могут нести разрушительные последствия нередко в масштабах, возрастающих по мере усложнения общества»¹. Возникающие в результате гибридной архаизации рентно-сословные политические порядки исторически преимущественно связаны с обществами, в которых распределение ресурсов осуществлялось по имперской, центр-периферийной модели. Периферия постепенно лишалась автономного контроля за собственными ресурсами, доступ к которым начинал зависеть от успешности встраивания в общую патрон-клиентскую систему рентно-сословного политического порядка, сохраняемого и с новой силой воспроизводимого сначала *в тени*, а затем совершенно открыто в условиях кризиса рыночной модели экономики.

¹ Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 89-90.

Описанные выше тенденции закономерно ведут к проблеме обоснования новой социальной структуры как национального уровня, так и глобального общества Модерна, в котором все больше *лишних людей*, все меньше рыночных возможностей изменить индивидуальные биографии к лучшему, все жестче конкуренция за ограниченные ресурсы, начиная с природных благ и заканчивая *выгодным* гражданством (принадлежность к конкретному политическому сообществу) и рабочими местами в глобальной экономике. На первый план будут выходить политические требования обладателей широко распространенных и потому малостребованных ресурсов, например способности к труду, которые все чаще будут оказываться в группе *лишних людей*, закономерно требующих разного рода компенсаций и рент своего неустойчивого статуса, например, в виде базового безусловного дохода за свое *исключенное, недостойное положение* в социальной структуре¹.

Расширение структурной безработицы и *праздного класса* становятся ключевой политической проблемой для позднемодерного общества. Необходимость сохранения достигнутого уровня благосостояния и предотвращения массовых протестов является едва ли не главным катализатором модернизационной активности правящих элит. В условиях замедления глобального экономического роста возникает глобально расширяющаяся страта рантье, основным источником существования для которых становятся различные гарантированные государственные пособия и/или рента с капитала, гражданства, социального статуса и т.д.²

Таким образом, в условиях, когда доминирующая социальная стратификация общества на экономические классы, действующие в рынке, ослабевает, возникают новые социальные группы, порождаемые: а) общим ослаблением эффективности капитализма и рыночной регуляции, б) действием и бездействием государства. Это группы, опирающиеся на неэкономические факторы идентичности (раса, религия, этничность, гендер, язык, культура,

¹ Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. С. 286-287.

² Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., 2015.

география и т.д.), которые на некоторое время были отодвинуты на периферию социальной стратификации развитием капитализма. Происходит ренессанс неэкономической, сословной стратификации, производной от доступа к власти, социального статуса или престижа¹. В ситуации ослабления конкурентного капитализма подобный гибридный тип стратификации, объединяющий классово-рыночные и сословно-дистрибутивные принципы, может получить более широкое распространение. Представляется закономерным, что в ближайшем будущем на первый план в качестве структурирующего фактора общества все увереннее будет выходить конфликт между собственниками дефицитных, эксклюзивных, востребованных ресурсов и группами лишних людей, требующих разного рода компенсаций за свое исключенное положение в социальной структуре².

В условиях неолиберальной политики, направленной на легитимацию и закрепление преимуществ рыночной стратификации в интересах немногочисленных элит, расслоение общества лишь радикализируется, экономические и культурные противоречия поляризуются, а численность среднего класса сокращается в пользу новых опасных классов, осуществляющих свою деятельность в расширяющемся *сером, неформальном* или *тенево*м пространстве. Например, в России в теневой экономике, согласно расчетам структуры неформальной занятости в российских регионах, задействовано в среднем 30% от общего количества занятых³. Экспертные оценки подтверждаются и официальными представителями государства, которое *видит* реальную структуру и сферу занятости только около 48 из 86 млн российских граждан трудоспособного возраста⁴. Это расширяющееся пространство находится в слепой зоне государства, выражаясь в феноменах и практиках усили-

¹ Кордонский С. Сословная структура постсоветской России. М., 2008.

² Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. С. 286-287.

³ Павлов А.Б., Селеев С.С. Неформальная идентичность: статистический аспект // Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники». URL: <http://khamovniki.ru/wp-content/uploads/333b88766f5c1f3e7c918c67327eab00.pdf>

⁴ Вице-премьер: 38 млн. россиян заняты непонятно чем // РБК. 03.04.2013. URL: <http://top.rbc.ru/economics/03/04/2013/852256.shtml>

вающейся гетерархии, гаражной экономики, распределенных мануфактур¹, нового отходничества² и т.п.

Новая стратификация постепенно сдвигает рыночные механизмы формирования экономических классов и социального неравенства на периферию современных политических порядков, освобождая место для все более многочисленных социальных групп и принципов их выделения, связанных с внерыночными механизмами неравенства, исходящими, прежде всего, от государства. Поскольку реальные рыночные обмены оказались на периферии социальной онтологии, социальная структура общества становится детерминирована не рыночными экономическими отношениями, связанными с уровнем доходов, извлекаемых из этих отношений (веберовская стратификация), и даже не конфликтами социальных групп, вытекающими из этих отношений (марксистские экономические классы). Структуризация новейшего рентно-сословного общества происходит под влиянием властно-политических факторов, исходя из тех ресурсных обменов, которые индивид, его близкое окружение и базовая социальная группа способны поддерживать с государством и его агентами. Это новая сословная идентичность, которая возникает не столько по отношению и в отношениях с другими социальными группами, сколько по отношению к государству и внутри государства, в том числе на уровне властных сетей местных сообществ. Марксистские классы являются слишком абстрактными и обобщенными социальными общностями, в то время как метафора общин-сословий позволяет эффективно операционализировать социальную структуру, коллективные практики и социальные смыслы нового общества на уровне теории среднего уровня, консолидирующей всеобщие исторические закономерности и особенности того общества, к которому они применяются. Это удачный случай импликации социокультурного подхода, который действительно работает на практике, не впадая в формационные (экономика) и цивилизационные (культура) крайности.

¹ Павлов А.Б., Селеев С.С. Феноменологическое описание современной промышленной деятельности // Universum. Общественные науки: электронный научный журнал. 2015. № 3. URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2013>

² Отходники / Ю.М. Плюснин [и др.]. М., 2013.

Эффективность сословной метафоры состоит в том, что она позволяет более дифференцированно выявить те изменения в социальной структуре, общественном сознании, социальной психологии (в мотивах и факторах коллективного поведения новых социальных групп, специфике их политического участия, склонности к тем или иным идеологиям и т.д.), к которым приводит их рентная трансформация.

В условиях обнаружения пределов рынка и экономической детерминации а) распределения ресурсов в обществе и б) отношений между социальными группами все более значимыми становятся внеэкономические, культурные механизмы, символические логики и политическая гегемония в контексте распределения общественных ресурсов.

Не получая достаточных ресурсов для достойной жизни в условиях свободного рынка, все большее количество граждан апеллирует к государству, представляющемуся (но не обязательно оправдывающему ожидания) более справедливым агентом стратификации и распределения ресурсов. В результате ключевым трендом стратификации современных обществ становится преобразование рыночных факторов классовообразования и неравенства в сословно-рентные, связанные с наделением социальных групп ресурсами вне рынка, прежде всего, посредством государства. Эти новые принципы содержат оправдание/требование занятия индивидами и их группами того статусного места в общества, которое дает им право на ренту.

История и структура распределения ренты в обществе тесно увязана с историей стратификации: борьба за изменение принципов стратификации включает и обоснование ценностей, и постановку целей теми группами, которые претендуют на увеличение ренты и изменение своего положения в обществе. *Актуальная тенденция состоит в том, что внеэкономический доступ к ренте все чаще обосновывается через добродетели новых сословий, которым она положена по праву (в силу более высокой ценности для общества) или в виде эксклюзивной (привилегированной) компенсации. Одновременно слабеет этика универсальных политических норм, связанная с обще-*

гражданским обоснованием распределения ренты. Фактически в рентно-сословных обществах гражданская этика принципов уступает сословной этике добродетели¹. Этика норм слабеет и потому, что распределяемые ресурсы всегда в дефиците, на всех не хватает. В политике рентная тематика обычно представлена через бесконечный поиск принципов ее справедливого распределения, особенно в ходе *борьбы за бюджет*. Когда объем доступных к распределению ресурсов не растет или снижается, а модель социального государства в основе широкого общественного контракта последовательно отменяется, распределение ресурсов все чаще происходит от одних социальных групп к другим, как правило, являющимся агентами государства (бюрократия, силовики, госкорпорации и т.д.). Здесь доступ к ресурсам является следствием доступа к власти, когда критерии перераспределения не имеют прямого отношения к реальной нуждаемости социальных групп, т.к. последние вообще не сравниваются между собой в рамках универсального общегражданского пространства, обосновывая *перед государством* лишь свое *частное право на ренту*. Отсюда произрастает и *сословный сдвиг в политической морали, оправдывающий новые неравенства сословий по их неравной ценности для подобной модели государства*.

Было бы наивно полагать, что рост релевантности понятий сословного общества означают прямой откат или архаизацию к историческим реалиям феодального Средневековья. Безусловно, современные общества даже при негативных антирыночных тенденциях сохраняют высокую индивидуальную и групповую подвижность, широкие социальные лифты и эффективные перераспределительные механизмы. Отсюда справедливы утверждения и о сохранении конкуренции новых сословий, и об их социальной динамике – в отличие от неизменности иерархии и функций сословий в исторических обществах. Новые сословия сохраняют конкуренцию за ресурсы, доставшуюся им от экономических классов. *Поэтому и становится возможным говорить о*

¹ Мартыанов В.С., Фишман Л.Г. Этика добродетели для новых сословий: трансформация политической морали в современной России // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 58-68.

становлении модели рентной демократии. Ее особенность состоит в том, что за доступ к ресурсам конкурируют не классы, а сословия, а распределением ресурсов занимается не рынок, а государство. Стоит подчеркнуть, что указанное различие является не абсолютным, а релятивным. В условиях рыночных демократий государство тоже занимается перераспределением ресурсов. Здесь распределение ресурсов не выступает превалирующим механизмом социальной стратификации, осуществляясь скорее опосредованно – через воздействие политическими методами на регуляцию рынков и рыночных субъектов. Дрейф в сторону рентной демократии связан с тем, что государство начинает в большей степени, чем раньше, заниматься прямым перераспределением, минуя рынок. Конкуренция осуществляется в реалиях ресурсного государства, по критериям не столько рыночной ценности, сколько полезности для государства. В модели рентной демократии победой становится повышение положения сословия в сословной иерархии и соответствующее расширение ресурсного доступа.

Несмотря на глобальные рентно-сословные тренды, соотношение рыночного и государственного секторов экономики в разных обществах остается различным. Утверждение о доминировании рентных механизмов в современных обществах в сравнении с рынком означает, что редистрибуция является ключевым экономическим механизмом во множестве современных государств, а рыночные обмены выступают лишь дополнением и расширением к нему, не образуя принципиально новой, а тем более доминирующей или привилегированной социальной реальности автономных рыночных коммуникаций, связанной с моделями общества открытого доступа (Д. Норт и др.), инклюзивными институтами (Д. Аджемоглу и др.), ростом функциональной дифференциации автономных подсистем общества (Н. Луман) и др. Если на экономическом рынке или политических выборах решение о наделении ресурсами конкурирующих фирм или партий принимают граждане или общество в целом, то решения, связанные с доступом к ресурсам в условиях рентно-сословного порядка, принимает властный аппарат государства (бюрократ

тия). *Принципы социального структурирования полностью переворачиваются: свою полезность и рентные права любые субъекты должны доказывать не рынку и обществу, а государству, представляющему главную ценность, оборачивающую все прочие ценности в средства для своего воспроизводства.* Отсюда возникает иная политическая шкала ценностей, главным измерением которой становится полезность для государства. Например, в виде предотвращения разнообразных угроз существованию подобного государства, опирающегося в виде рентно-сословного механизма распределения ресурсов на устойчивую иерархию сословий, считающихся заинтересованными в сохранении подобного политического порядка¹.

Соответственно, если в обществе с доминированием рыночных коммуникаций ключевым генератором неравенства выступает рынок, а уравнителем в базовых возможностях и ресурсах – государство, то в усиливающейся рентной модели общества именно государство, распределяющее ренту, выступает в качестве ключевого генератора общественного различия, создавая неравенство граждан относительно возможности получать ренту, полагающуюся по *статусу* и *чину* тем или иным сословиям. Более того, сокращение объемов распределяемой государством ренты напрямую усиливает рентное неравенство в обществе, т.к. механизмы рыночной компенсации государственного неравенства сословий сильно ослаблены. Субъекты рынка рассматриваются, как правило, лишь в качестве источников ренты, чья автономия и независимость *дозволена* государством, исходящим из принципа презумпции виновности любых альтернативных субъектов и механизмов генерации рентных доходов. Государство в кризисной ситуации изымает ресурсы с рынка, часто ценой потери части рынка как такового, обращая рыночные товары и капитализацию фирм в собственные ресурсы.

Для позднемодерных обществ с все более периферийной регулятивной и ресурсной ролью рынков модель *сословного общества* (С.Г. Кордонский),

¹ Кордонский С.Г., Дехант Д.К. Нейтрализация угроз как форма деятельности органов власти // Микроэкономика. 2014. № 6. С. 52-58.

экономики раздатка (О.Э. Бессонова) или неопатримониальных режимов (А.А. Фисун), где право на ренту обусловлено принадлежностью человека к определенному сословию, все релевантнее описывает реалии политико-экономических процессов, чем обращение к рыночным обменам и их политическим метафорам. Призраки саморегулируемого рынка, народного суверенитета и либеральной демократии как подтверждения модерности общества образуют все более тонкую и неубедительную оболочку все более специфической политической рационализации над толщей господствующих реципрокных и дистрибутивных социальных обменов. Трансформация социальной структуры адаптирует принципы стратификации к новым условиям существования позднемодерного общества, где достигнуты пределы масштабирования капиталистической миросистемы, интенсивность коммодификации всех общественных процессов, экономического роста и при постоянно растущем количестве лишних людей. Однако, решая накопившиеся структурные противоречия и формируя новые влиятельные социальные группы, рентная трансформация создает ростки новых противоречий между новым сословно-рентным ядром этих обществ и отодвинутыми на его периферию рыночными группами.

Нормативная социальная структура общества, определяющая права и правила доступа граждан и разных социальных групп к ренте и ресурсным потокам, в политических перспективах его ядра и периферии не только не совпадает, но и имеет тенденцию к нарастанию конфликтности между сословным (аристократическим, креативным, буржуазным) ядром и рыночно-демократической периферией, претендовавшей ранее на монополию в области выражения *модерности*. Более того, расширение конфликтности заложено и в том, что самореференция (самоопределение) и внешняя референция – признание внешними субъектами – у рентно-сословного ядра и рыночной периферии взаимно не совпадают, порождая такие паллиативные методы своего разрешения как, например, откровенная идеологизация, культурно-цивилизационная и региональная локализация политического нарратива Мо-

дерна, *двоемыслие* и *двойные стандарты*. Новое ценностно-институциональное ядро политического нарратива глобального Модерна неизбежно инициирует общий пересмотр сложившейся иерархии политических понятий, переоценку институтов и практик управления, согласование интересов и гражданского участия, переопределение прав и условий доступа социальных групп к власти и ренте. Закономерной реакцией мейнстрима на подобные политэкономические тенденции становится попытка их описания в логике *отклоняющихся, неправильных обществ*, метафор патологии и болезни: «...в условиях неопатримониализма реформы по определению исходят из неприкосновенности неопатримониального институционального “ядра”, воздействуя лишь на “оболочку” формальных институтов»¹.

В результате *политологическим мейнстримом в нарративе неолиберализма «идеологически правильно»*, но *де-факто* давно ошибочно считается, что есть некие *неправильные (недемократические, нерыночные, нелиберальные и т.д.) общества*, в которых базовый либеральный нарратив Модерна используется лишь для дополнительной легитимации рентного политического порядка, в то время как рыночные (=модерные) ценности и практики осознанно симулируются или отодвигаются на институциональную периферию. Истинная проблема описания фоновых сдвигов глобального политического порядка скорее в обратном – в контексте рентного поворота западный мейнстрим путает (или сознательно не желает замечать) новое легитимное рентное ядро политических взаимодействий позднемодерных обществ и его периферию, куда перемещается исторически исчерпанный рынок вместе со своими все более сомнительными политическими метафорами.

Нарастание противоречий между рентоориентированными и рыночноориентированными социальными группами приводит к попыткам выстраивания гибридной или двойной стратегии самоописания социальной реальности позднего Модерна в условиях кризиса либерального консенсуса и

¹ Гельман В.Я. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма. СПб., 2015. С. 20.

миросистемы. Эта двойственность заключается и в разделении позднего общества на рентно-сословное ядро и рыночную оболочку, и в попытках географической изоляции подобных обществ, когда все современные общества делятся на рыночные и нерыночные, демократические и недемократические и т.д. В зависимости от контекста, ситуации и адресата политические элиты могут избирательно прибегать к мотивации посредством риторики либо *рыночной эффективности*, либо *государственных интересов (необходимости)*. Соответственно, когда, например, статусная сословная рента определяется рыночными социальными группами как коррупция, возникает защитная реакция властных элит, которые пытаются отождествить себя с государственным интересом, а любую критику в свой адрес приравнять к государственной измене, экстремизму, терроризму, подрыву существующего политического порядка.

Таким образом, рыночное классовое образование, наблюдавшееся в условиях растущих, расширяющихся в последние 200 лет рынков, в рамках стагнирующего общества сменяется тенденцией к закрытию социальных групп и обострению неравенств в доступе к ресурсам. Более закрытыми становятся и отдельные общества, занимающие наиболее выгодное положение в центр-периферийной капиталистической миросистеме. Социальные группы внутри обществ все активнее начинают воспроизводиться внутри себя. Социальные лифты приостанавливаются, а публичные пространства, в которых открыто согласуются интересы разных социальных групп, теряют былое значение. Политика приобретает характер иерархического согласования коллективных интересов, связанный с *встроенностью* социальных групп и отдельных граждан в имеющиеся цепочки распределения ресурсов в зависимости от их полезности или потенциальной угрозы рентно-сословному порядку. Публичная политика становится ареной борьбы частных и особых интересов не столько за всеобщее благо, сколько за обоснование своего положения и доли ресурсов в рентных цепочках. Наиболее выпукло этот новый политический нарратив проявляется в политике идентичности разнообразных меньшинств,

претендующих на различные льготы, субсидии и привилегии относительно базовой ренты большинства населения. Если вся предыдущая история Модерна была связана с присоединением все новых групп к политическим возможностям и правам, которые уже имеет *часть общества*, то его новейшие вариации все чаще связаны с логиками *новых преимуществ* для тех или иных *частей общества* (меньшинств) в отношении уже гарантированных всеобщих прав.

Комплексный кризис взаимосвязанного нарратива эгалитарной (народной) представительной демократии, социального государства, экономических классов и рыночной экономики актуализирует новые механизмы обеспечения социально-политического порядка позднего Модерна в виде государствоцентричной модели *рентно-распределительной демократии*. Эти иерархически организованные механизмы в идеологическом отношении являются своеобразным возвратом к стратегиям харизматической легитимации/сакрализации власти и политических решений, которые еще недавно казались архаикой. Тенденции расширения роли дистрибутивных обменов, регулируемых государством, и их неубедительные партикулярные идейные обоснования вызывают обоснованный протест как рыночных социальных групп, так и тех, кто занимает в иерархии нового рентного доступа низшие позиции. Слабые *бюджетники* и *рыночники*, образующие *значимый общий пул групп граждан с все более неустойчивой занятостью, теряющий свое политическое, военное и экономическое значение*, либо не видят перспектив улучшения своего положения и своих детей в новых политэкономических реалиях, либо испытывают ухудшение своего положения, влияния, статуса и возможностей.

С другой стороны, политические механизмы и возможности модели рыночной демократии в разрешении накапливающихся классовых, экономических, политических, технологических, географических и иных неравенств и противоречий тоже не очевидны, т.к. рыночная демократия в подобных условиях легко превращается в *элитарный* или, наоборот, *популистский пе-*

редел ресурсов между социальными группами. Подобный передел либо обостряется лишь обострением накопившихся проблем и неравенств, а не их разрешением, либо оказывается паллиативом, от которого можно ждать только символических процедур легитимации (или попыток таковой) ранее принятых элитных решений, принципы которых могут быть весьма далеки от демократических.

Одним из ключевых вопросов стабилизации рентно-ресурсной модели Модерна и новой структуры рентно-сословного общества станет проблема обмена гражданских прав на ренту, когда элиты с большой вероятностью предложат гражданам отказаться от активного использования своих прав и участия в политической, общественной жизни в обмен на определенный уровень базовой гарантированной ренты, обусловленной их политической лояльностью. Если подобный обмен прав на ренту будет расширяться, то будет легитимирована новая политическая иерархия. В инерционном сценарии положение растущих рентных групп, все более зависимых от государства в условиях *общества без массового труда и осязаемого экономического роста*, будет преимущественно определяться их принадлежностью к определенному сословию (классу, группе, меньшинству, идентичности и т.д.) как коллективному субъекту взаимодействия с агентами государства относительно получаемого его членами объема рентных ресурсов в обмен на общественно полезные функции. Постоянный передел сокращающихся ресурсов между новыми сословиями на внутри- и межгосударственном уровне в контексте стагнирующих рынков рисует контуры более конфликтного, неэгалитарного и опасного глобального будущего.

Выводы

Политический порядок Модерна, тесно связанный с его объяснительно-легитимирующим нарративом, претерпел ряд существенных исторических трансформаций, связанных с источниками жизненных ресурсов, принципами

их распределения между социальными классами и идеей демократии как власти большинства. Эти изменения обусловлены исторической динамикой структуры современного общества, меняющей представления о большинстве как онтологическом основании политического нарратива Модерна. Современное большинство практически никогда не бывало статистическим, каждый раз оно целенаправленно создавалось ведущими политическими субъектами в коллективном воображении общества, будучи предметом динамического консенсуса. Его важнейшая политическая функция заключается в том, что к нему апеллируют как к предельному основанию демократии, образующему ее сакральный центр. Исторические конstellации большинства внутри меняющейся социальной структуры общества Модерна на разных ее этапах включают буржуазию, *людей труда*, средний класс и все более отчетливо формирующееся в условиях позднего Модерна рентозависимое большинство. При этом политический нарратив позднего Модерна постепенно утрачивает потребность в опоре на *волю большинства* в пользу недемократических, элитарных способов легитимации, где указанное большинство существует уже не столько онтологически, сколько риторически воспроизводится в дискурсе элит.

В основе политического нарратива Модерна находится базовая утилитарно-прогрессистская ценность справедливости как стратегии расширения возможностей для наибольшего числа людей. Всякая же оппонировавшая ей идеология должна представить морально убедительную альтернативу этой этике. Представление о том, что возможности общества расширились вследствие прогресса, в эпоху Модерна служит источником морального неприятия и важным критерием различения политически справедливого и несправедливого. В настоящее время повышенный интерес к справедливости обусловлен тем, что в своей энкратической версии бенефициаров миросистемы она является способом самокоррекции и исторической герметизации политического нарратива позднего Модерна. Усиливающиеся призывы к *ремонту* и *совершенствованию* Модерна, особенно со стороны различного рода меньшинств,

указывают на то, что этот исторический проект в основных чертах реализован. Тем самым теория справедливости через критику отдельных недостатков выполняет функцию легитимации, она приобретает популярность как *теория ремонта* позднего Модерна, когда сам нарратив Модерна уже исчерпан. Фукуямовский *конец истории* оборачивается именно теорией справедливости. Однако принципиально новая постмодерная теория справедливости может возникнуть лишь как составная часть политического проекта, выходящего за пределы нарратива Модерна и предполагающего довольно радикальные преобразования общества. В перспективе человечеству потребуются не дискурс *ремонта* или *консервации* некой универсальной модели Модерна, а *сам новый нарратив*.

Между тем глобальный нарратив Модерна постепенно разотождествляется с такими незаменимыми онтологическими признаками, как капиталистическая миросистема и либеральная демократия. Устаревшим категориальным аппаратом мейнстрима политической теории этот процесс описывается как архаизация, откат, возврат к неофеодализму и т.д., хотя на самом деле устарели сами метафоры, понятия и нормативные нарративы, более не релевантные изменившейся политической онтологии позднемодерного общества: «Изменение политической онтологии имплицитно подразумевает необходимость изменения политической эпистемологии и способов рефлексии»¹. То, что в определенной идеологической и моральной перспективе принимается за архаику, патологию или отклонение, становится ядром нового глобального социально-политического порядка. Изменение доминирующих факторов стратификации позднемодерного общества обуславливает эволюцию нарратива его самоописания. Трансформация капиталистической миросистемы определяет неизбежную коррекцию ценностей и механизмов поддержания политического порядка позднемодерных обществ. Риторические попытки найти выход из кризиса с помощью стабилизирующей идеологии среднего или креативного

¹ Мчедлова М.М. Будущее как предчувствие. (К дискуссии о характере политической науки) // Политическая наука. 2018. №1. С. 103.

класса окончились неудачей. Технологическая автоматизация и роботизация наполняют общество *лишними людьми*, одновременно превращая его в *общество без массового труда*, но с растущими опасными классами (прекариат, безработные, разнообразные меньшинства). Обнаружение ресурсных пределов свободных рынков ведет к росту протекционизма и национализма, формированию тенденций замены механизмов рыночной конкуренции политическим, силовым переделом рынков и ресурсных потоков. Одновременно наблюдается кризис модели социального государства, где истощению его ресурсной подпитки сопутствует рост рентозависимых групп.

В результате формируется рентный или распределительный политический порядок, в котором рыночные коммуникации вытесняются иерархическими моделями дистрибутивных обменов, а социальная стратификация все сильнее зависит не от рыночного классовообразования, а от доступа граждан и социальных групп к распределению рентных ресурсов, формируя доминирование рентоориентированного поведения как общей нормы. Поведение, связанное с поиском гарантированных статусных рент или политически определяемых преимуществ, все чаще становится более выгодной стратегией, чем рискованная предпринимательская деятельность или стремление занять выгодные карьерные позиции на рынке труда. Дрейф к модели *рентной или распределительной демократии* обусловлен тем, что государство начинает в большей степени, чем раньше, заниматься прямым перераспределением ресурсов, минуя рынок. Ее особенность заключается в том, что за доступ к ресурсам все чаще конкурируют не экономические классы, а элитарные сословия; распределение ресурсов все чаще переходит от рынка к государству. Конкуренция осуществляется по критериям не рыночной ценности, но полезности для государства. В модели рентной демократии успехом является повышение статуса социальной группы в иерархии как условие расширения ресурсного доступа. Однако, решая накопившиеся структурные противоречия и формируя новые влиятельные социальные группы, рентная трансформация позднемодерного общества создает ростки противоречий между но-

вым сословно-рентным ядром общества и отодвигаемыми на его периферию рыночными группами, утрачивающими доступ к ресурсам и политическое влияние. Новая стратификация позднемодерного общества и соответствующая ему эволюция нарратива Модерна будут определяться не столько рыночными взаимодействиями, сколько властно-политическими возможностями доступа социальных групп к разнообразным видам ресурсов (капиталов, активов, рент) распределяемых иерархически. Данный конфликт в качестве неизбежного следствия будет снижать стратификационный потенциал механизмов рыночной саморегуляции и усиливать роль государства в качестве агента нерыночного, рентного распределения ресурсов между социальными группами позднемодерного общества.

Глава 3. Трансформация нарратива Модерна: от мироэкономики к мирополитике

§ 1. Политические последствия упадка капиталистической миросистемы

Капитализм на ценностном, институциональном и коммуникативном уровнях во многом является онтологической основой политического нарратива Модерна. Становление, эволюция и признаки упадка капиталистической миросистемы кардинальным образом влияли и на историческую трансформацию политического нарратива Модерна. Капитализм породил новые общественные отношения, социальные классы и институты, способы распределения ресурсов, легитимировал многие метафоры, обосновавшие новый политический порядок Модерна. Следует отметить, что любой политический порядок строится на принципах иерархизации и территориализации доступных в данном обществе ресурсов, позволяющих их контролировать и воспроизводить. Особенность капитализма заключается в том, что он живет за счет эксплуатации некапиталистического окружения¹. Капитализм постоянно разрушает почву, из которой он вырос в результате присущего ему ассиметричного обмена. Многочисленное и трудолюбивое крестьянство, традиционная культура, христианская средневековая этика, природные ископаемые, экологическая среда – все это невозполнимые ресурсы, из которых капитализм строит свой ресурсный порядок. Повторяемость в порядке извлечения и принципах распределения ресурсов в контексте неизменной стратификации *феодалных, сословных обществ* или в несколько иной терминологии *естественных государств* (Д. Норт и др.) являлась синонимом власти и порядка. Устойчивый Старый порядок сокрушается, когда принципы сословного устройства начинают трансформироваться под воздействием расширяющихся рыночных взаимодействий, основанных на постоянном расконтроливании, частном присвоении и детерриториализации доступных потоков ресурсов.

¹ Люксембург Р. Накопление капитала: в 2 т. Т. 1. М., 1934. С. 228-258.

Поэтому не удивительно, что капитализм с позиций Старого порядка видится как анархия и разрушение *божественного порядка* вышедшим из-под политического контроля движением капитала и рабочей силы, образующим новые конфигурации социальных групп, власти и концентрации ресурсов. В такой перспективе можно действительно утверждать, что «капитализм сложился на провале всех ранее существовавших общественных кодов и территориальностей»¹. Именно в этом смысле Ж. Делёз проводит параллели между логикой капитализма и логикой шизофрении, которые никогда не имеют своего окончательного лица, находясь в вечном разрушении, изменении и становлении, следуя от кризиса к кризису. Жизненный мир капитализма в отличие от предшествующих общественных формаций живет постоянным открытием и эксплуатацией новых общественных потоков и ресурсов, которые находятся вне ядра социального порядка, но со временем становятся его частью через алгоритмы коммодификации, присвоения, легитимации и объяснения в соответствующем политическом нарративе Модерна.

Взрывая привычные способы упорядочивания (кодирования) общественных потоков в эпоху Старого порядка, дискурс капитализма является освобождающим, революционным. Капитализм питается энергией *созидательного разрушения* социальных, экономических и политических порядков «на развалинах и во время упадка великих империй, причем феодализм – это лишь одна из форм разрушения и упадка»². Таким образом, капитализм появляется тогда, когда разрушенные элементы предшествующих порядков входят в резонанс, становятся сопряженными в новой системе ценностных координат, где социальное действие развивается достаточно спонтанно, вне жесткого кодирования социальных коммуникаций, характерного для докапиталистических обществ. Кумулятивный эффект свободных взаимодействий и составляет эффект новизны капитализма, когда каждый политический субъект и все они в совокупности расширяют свои возможности по конструиро-

¹ Делёз Ж. Лекции (к онтологии потоков), ноябрь-декабрь 1971 // Res Cogitans. 2008. № 4. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/res-cogitans/reg4-2008/27422-lekcii-k-ontologii-potokov-noyabr-dekabr-1971.html>

² Там же.

ванию социальной реальности. Однако у этой свободы есть цена, связанная с тем, что ресурс *расколдовывания* Старого порядка как ресурс *легитимации* новых политических субъектов не может быть бесконечным без создания и легитимации нового регулярного порядка. Поэтому автономная от капитализма государственность возвращается, несмотря на убедительные либертарианские апологии преимуществ конкурентного рынка и моделирование по его подобию всех иных социальных взаимодействий, в основу которых кладется методологический индивидуализм *homo economicus*.

Более того, И. Валлерстайн прямо указывает на ложный характер тождества капитализма со свободными, конкурентными рынками, когда феодальное общество рассматривается как дорыночное общество, а социализм – как попытка построения пострыночного общества. Их отличия всегда имели лишь *количественный* характер, в то время как *реальный капитализм исторически отличался скорее способностью к построению мощных монополий, аккумулирующих ресурсы, нежели свободой рынков, являвшейся скорее его идеологическим алиби*. Капитализм как экономический порядок, существующий *поверх* рынков, одновременно является и особым политическим порядком: «Никто никогда не может достигнуть господства в экономике, подавлять ее и сдерживать, ограничивая действие рыночных сил, не имея политической поддержки. Это всегда требует силы, применение некоторой политической власти, создания неэкономических барьеров для входа на рынок, установления жутких цен, получение гарантий того, что люди купят то, что им не особенно нужно. Утверждение, что кто-то может быть капиталистом (в броделевском смысле слова) без поддержки государства, не говоря уже при оппозиции к нему, является полностью абсурдным»¹. Таким образом, историческое развитие капитализма определяется преимущественно политическими факторами, а его структурирование аналогично центр-периферийной дифференциации, характерной для империй, но уже в мировом масштабе: «Модель капиталистической мир-системы, обладающей центром, перифери-

¹ Валлерстайн И. Капитализм: противник рынка? // Логос. 2006. № 5. С. 12.

ей и полупериферией (по Ф. Броделю – И. Валлерстайну), по сути, соответствует структуре империи»¹.

Капитализм узаконивается и получает институциональное оформление, когда рыночные взаимодействия получают моральные и правовые разрешения. Капитализм не мог развернуться как широкое историческое явление, пока для этого не созрели внеэкономические регуляторы и гарантии этих взаимодействий, суммарно связанные с государством. Появление капитализма и его последующие трансформации непосредственно связаны с появлением и дифференциацией нового политического порядка централизованных государств с его силовыми, фискальными и культуртрегерскими вертикалями. Поэтому капитализм, взятый в *чистом виде*, в отрыве от своих фоновых регуляторов, остается лишь либертаристской утопией. Его реальное функционирование связано с изменением Старого порядка, социальной стратификации и условий доступа конфликтующих социальных групп к ресурсам. Эта политическая экономия капитализма часто отсекается *чистой* экономической теорией, которая без внятных оснований приписывает капитализму исключительную способность к созданию некоего прогрессивного политического порядка, будь то либеральная демократия или общество открытого доступа.

Таким образом, реальное капиталистическое *заколдовывание* (в терминологии М. Вебера) или *закодирование* (в терминологии Ж. Делёза) социальной реальности неизбежно ведет к исторической трансформации рыночной и либертаристской утопии капитализма в пользу контролируемых государством технологий управления ресурсными потоками. В ходе этой трансформации *дикий капитализм или свободный саморегулируемый рынок по историческим меркам достаточно быстро отходят на периферию реальной жизни современного общества, оставаясь лишь образцами для идеологизированных учебников экономики, в которых продолжает успешно действовать воображаемый человек экономический, руководствующийся эгоизмом и ра-*

¹ Лапкин В.В. В преддверии сингулярности: перспективы трансформации мирового порядка // История и современность. 2017. № 1. С. 59.

циональным индивидуализмом: «Теория [свободной торговли] занимается эффективностью краткосрочного использования уже имеющихся ресурсов, а не долгосрочным увеличением доступных ресурсов через экономическое развитие; вопреки тому, во что ее поборники хотят заставить нас поверить, теория свободной торговли не говорит, что свободная торговля – это хорошо для экономического развития... исторически, либерализация торговли была результатом, а не причиной экономического развития»¹.

Рыночный капитализм до сих пор часто описывается по недолгому периоду его начальной романтической экспансии, когда рынок оценивался как безусловное общественное благо в сравнении с феодальными, сословными порядками и еще не успел в полной мере показать миру свою обратную сторону, связанную с эксплуатацией, отчуждением, жестокой конкуренцией, безразличием к средствам в погоне за прибылью. В это переходное время капитализм был еще понятен и соразмерен индивиду-предпринимателю, действующему в рамках протестантского *методологического индивидуализма, положенного в основу экономической теории рынка*. Более поздние версии и логики развертывания сначала торгового, затем индустриального и, наконец, глобального (транснационального) капитализма имели все меньше точек соприкосновения с партикулярностью жизненного опыта отдельного человека. Свободные рынки, первоначально создаваемые сцеплением интересов мелких предпринимателей как рациональных эгоистичных субъектов, постепенно отходят в область экономической идеологии. Тем не менее в превращенном виде они остаются важным пунктом экономического конструирования и политической легитимации. Например, в виде неолиберальных или либертариистских доктрин, идей *свободной торговли и рыночного саморегулирования*,

¹ Чхан Х.Д. Недобрые самаритяне: миф о свободе торговли и тайная история капитализма. Лондон, 2008. С. 57. URL: http://worldcrisis.ru/files/1613511/chang_bad_samaritans_%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4_2.pdf

сокрушаемых растущими волнами глобального протекционизма и таможенно-тарифных войн¹.

Соответственно, на политическом уровне капитализм всегда легитимировался либеральной риторикой освобождения и роста доступных возможностей и жизненных ресурсов для большинства. Риторика освобождения использовалась буржуазией, олицетворившей *третье сословие*, для выражения своего права на государство, участие в управлении и политические интересы. Однако риторика освобождения никогда не была настолько последовательной, чтобы увидеть, что однажды истории может потребоваться освобождение от самого капитализма, обретшего черты *второй природы* современных обществ: «Буржуазная концепция свободы имеет лишь политическое содержание... это происходит потому, что для буржуазии... капитализм является не экономической системой, а скорее естественным порядком. Для буржуазии капитализм есть экономическая свобода; сохранение капитализма требует только невмешательства в его естественное функционирование»². По мысли Л. Болтански и Э. Кьяпелло, родовое освобождение (освобождение человека как такового) и видовое (освобождение угнетенных групп) в процессе исторического развития капитализма пребывают в постоянном конфликте: «Хотя капитализм с момента своего возникновения и включает в свое самописание требование освобождения, в какой-то момент, ради собственного выживания, ему приходится класть предел. Но он может сделать это по-разному: либо через переговоры, когда в результате взаимодействия с критикой возникают договоренности о способах распределения прибыли и приемлемых условиях труда, либо навязывая свой порядок, как это во многом происходит в наши дни, когда капитализм заново разворачивается, обходя созданные критикой препятствия. Правда, существует такой тип освобождения, которому капита-

¹ США ведут мир в эпоху протекционизма // Россия сегодня: международная медиагруппа. 06.07.2018. URL: https://lprime.ru/state_regulation/20180706/829007692.html

² Аптекер Г. О природе демократии, свободы и революции. М., 1970. С. 69.

лизм не препятствует, ибо он обеспечивает его постоянное развитие: речь идет об освобождении через потребление...»¹

В подобной перспективе *капитализм в чистом виде* вряд ли может стать ценностной основой какого-либо общественного порядка, т.к. постоянно ставит под сомнение сложившиеся общественные установления, ценности, иерархии, территориальность и т.д. Более того, он постоянно меняет правила игры, вводит новую аксиоматику, позволяющую включить в пространство общественных обменов ранее ненаблюдаемые, исключенные или представляющиеся *опасными* ресурсные потоки. Например, Дж. Скотт убедительно показывает, как рыночная экономика впервые в истории превращает *долг* из морального понятия в системообразующий фундамент всей экономической системы. При этом обеспечение долгов граждан гарантируется всей силовой мощью государства, сложившихся систем права и морали, в то время как долги ведущих государств и транснациональных акторов перед гражданами и другими участниками глобальных экономических коммуникаций оказываются легко прощаемыми и девальвируемыми без серьезных последствий для корпоративных должников. Утопическая легитимация капитализма духом свободы оборачивается суровой реальностью, когда корпоративный рынок, разрушив Старый порядок, начинает выстраивать новые иерархии и централизованные современные политические порядки: «Крупномасштабный капитализм – точно такое же средство гомогенизации, усреднения, схематизации и решительного упрощения, как и государство, с той разницей, однако, что для капиталиста упрощения обязаны окупаться. Рынок с необходимостью сводит качество к количеству через механизм ценообразования и способствует стандартизации; на рынке говорят деньги, а не люди. Сегодня глобальный капитализм – возможно, наиболее мощная сила гомогенизации, даже если государство в некоторых случаях выступает в защиту местных особенностей и разнообразия»².

¹ Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М., 2011. С. 730.

² Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М., 2005. С. 26.

Силам мировой гомогенизации в виде глобального капитализма противостоят его же издержки и негативные экстерналии. Даже если представить современное общество в виде популярной метафоры *плоского мира* как системы взаимодействия горизонтальных сетей разного вида и уровня, то центр-периферийное выстраивание этих сетей, историческая, экономическая и географическая неравномерность распределения людей и ресурсов на Земле, историческая *неодновременность* разных обществ, неравенство климатических условий, предпочтительность определенных маршрутов торговых коммуникаций и т.д. неизбежно приведут к разного рода неравенствам и центробежным тенденциям. Неравномерная распределенность людей, ресурсов и возможностей доступа к ним приводит к нарастанию разреженности/сгущения в определенных точках, узлах, регионах, что неизбежно оборачивается иерархическими отношениями с воспроизводством преимуществ доминирующих регионов, социальных групп, ценностей и институтов.

Исторически одним из эффективных способов разрешения внутренних кризисов капитализма – неравномерного развития, перепроизводства, обострения конкуренции, снижения нормы прибыли, а следовательно, стагнации и инфраструктурной декапитализации – была географическая экспансия капитала и трудовых ресурсов (миграция лишней рабочей силы в колонии). Это расширение раз за разом позволяло отсрочивать неизбежный кризис перепроизводства, благодаря пространственному освоению новых рынков сбыта товаров, новых источников сырья и дешевого труда¹. Первоначальная глобальная пирамида капитализма строилась в виде пространственной экспансии, где метрополии получали временную ренту путем сырьевой и людской эксплуатации периферии (дешевые труд и сырье, благоприятный климат, выгодная география, близость морей и океанов и т.д.). Однако прибыли, генерируемые географией, исчерпались, когда капитализм стал глобальным. Более того, аутсорсинг производственных мощностей и производств перестал быть фактором развития и роста. В условиях усиления кон-

¹ Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М., 2006.

курении укрепляются тенденции *решоринга*, когда государствам и фирмам все чаще оказывается выгоднее поддерживать и/или возвращать производства на свою территорию¹. Поэтому внутренние циклические кризисы (неравномерность развития, долгие экономические циклы депрессии-подъема Н.Д. Кондратьева, перепроизводство, декапитализация и т.п.) стало невозможно *отложить во времени и пространстве*. Глобализация одновременно стала *концентрацией капитализма*, которому некуда расширяться. Поэтому капиталистическая миросистема не может привычным способом экстернализовать свои внутренние кризисы, не претерпев серьезной трансформации, в том числе для политического нарратива глобального Модерна².

Падение нормы прибыли ведет к кризису базовой мотивации предпринимательской активности, связанной с расширенным воспроизводством капитала. В настоящее время мировые рынки товаров и финансов, технологий и услуг, а также производительность труда стали выравниваться в глобальной перспективе. Вторая историческая пирамида капитализма строилась как центр-периферийное глобальное распределение производств с низкой (добыча природных ресурсов, производство массовых потребительских товаров) и высокой (сфера знания, технологий и финансов) добавленной стоимостью. Последние центр миросистемы с разной степенью успеха пытался монополизировать, что получило идеологическое объяснение в виде теорий постфордизма или информационного, постиндустриального общества³. Эта пирамида во многом оказалась вынужденным постиндустриальным ответом на сокращение массовой занятости в странах центра миросистемы. Однако ее ресурсов хватило ненадолго, т.к. в относительно открытом глобальном мире любые преимущества являются временными. Результатом стал рост безработицы, особенно в странах центра мироэкономики, сокращение среднего класса, кризис модели социального государства, усиление национализма, популизма, изоляционистских и протекционистских настроений.

¹ Кондратьев В.Б. Решоринг как форма реиндустриализации // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 9. С. 54-65.

² Кагарлицкий Б.Ю. От империй – к империализму. М., 2010.

³ Постфордизм: концепции, институты, практики / Под ред. М.С. Ильченко, В.С. Мартянова. М., 2015.

Логику легитимации позднего капитализма в виде позднемодерного нарратива перехода к постиндустриальности как всеобщей экономической панацеи пытаются спасти путем его эстетического осмысления в качестве *глэм-капитализма* или *креативной экономики*, где создание прибавочной стоимости и капитализация рынков обусловлены не столько материальной стоимостью товаров, сколько связанных с ними символических статусов, привилегированных кодов и брендов¹. Соответственно, ядро глэм-индустрии (мода, здоровье, красота, туризм, спорт, развлечения, люксовые товары и пр.) описывается как новый двигатель постиндустриальной экономики, раскручивающей спираль позднего общества потребления, где на смену стагнирующему спросу на жизненно важные товары приходит символическое потребление, в котором брендовые смыслы значат для капитализации больше, чем функциональное назначение товара. Проблема состоит в том, что ««фиктивный товар»... предназначен для утоления потребности, о наличии которой потребитель не подозревает до того момента, пока не прочтет рекламу этого товара... Только около 30% товаров... удовлетворяют базовые потребности; все остальные товары удовлетворяют потребности, которые не существуют»². Поэтому занятость, основанная на этих потребностях тоже весьма эфемерна и ненадежна. В частности, среди 10 крупнейших публичных компаний мира, по версии журнала «Форбс», отсутствуют организации, ориентированные на сегмент глэм-капитализма и подтверждающие его успешность, за весьма примечательным исключением корпорации Apple, которая давно переориентировалась с позиционирования революционности, протеста и избранности на массовую симуляцию престижа и гламура. Показательно, что 8 из 10 крупнейших мировых компаний являются банками либо инвестиционными фондами, демонстрируя постоянное усиление финансового сектора глобальной экономики³.

¹ Иванов Д.В. Глэм-капитализм. Мир брендов, трендов и трэша. СПб., 2015.

² Есть ли будущее у общества потребления? Лекция П. Мостового // Полит.ру. 01.12.2005. URL: <http://polit.ru/article/2005/12/01/mostovoi/>

³ The List: 2021 Global 2000 // Forbes. URL: <http://www.forbes.com/global2000/list>

В настоящее время можно наблюдать, как истощение ресурсов *свободных рынков* ведет к запросу на усиление регулятивных, внеэкономических функций государства. Глобальный финансовый капитализм предстает как политическая эсхатология, как агония рынка, достигнувшего пределов своей экспансии во все возможные пространства коммодификации. Из все менее доходной сферы материального производства капитал устремляется в финансовую сферу, чье перенасыщение приводит к надуванию спекулятивных пузырей, в результате схлопывания которых страдают самые слабые звенья финансовых пирамид в лице обычных граждан. Однако проблема в том, что подобные пузыри не увеличивают количество доступных ресурсов в обществе, но лишь перераспределяют их в пользу немногих, усиливая все виды неравенств. Таким образом, финансиализация капитала является свидетельством его системного исторического тупика, отсрочка которого достигается лишь увеличением всевозможных неравенств, которое симулирует экономической рост, но в стратегической перспективе не разрешает, но лишь отсрочивает во времени накапливающиеся противоречия¹.

Люди, корпорации и государства начинают тратить больше, чем зарабатывают, становясь заложниками кредитных организаций. Нарушаются стандарты резервирования денежных средств, надежного залогового обеспечения и оценки реальных активов заемщиков. Оценка фирм производится, исходя не из стоимости материальных активов, а из завышенных ожиданий, массовых настроений и мифических бизнес-перспектив. Когда очередные финансовые пузыри лопаются, всеобщая расплата с банками формально наступает в виде государственной помощи: списания долгов, предоставления нерыночных займов, включения печатного станка и девальвации валют. Государство всегда спасает системные банки, но именно последние организуют рукотворный кризис, чтобы затем, получив реальные прибыли, списать убытки на счет кредитуемого населения и организаций. Риторика *всеобщей и естественной* (органической) справедливости рынка, справедливой конку-

¹ Шенэ М. Перманентный кризис. Рост финансовой аристократии и поражение демократии М., 2017.

ренции и выживания сильнейших сразу же забывается, как только кризисом оказываются задеты корпорации *слишком большие, чтобы обанкротиться* (too big to fail) и понести заслуженное наказание. Например, согласно Плану Полсона – Акту 2008 г. о чрезвычайной экономической стабилизации (Emergency Economic Stabilization Act, EESA)¹, для стабилизации национальной банковской системы правительством США было выделено 700 млрд долл.

Постоянный вызов устойчивости позднемоде­рного политического порядка генерируется тем, что государства активно утрачивают регулятивное влияние на финансовые ресурсы своих же экономик, составляющих их сердцевину и контролируемых крупным частным капиталом: «Большая часть денежной массы создается не центральным банком, а частными коммерческими банками в форме кредитов»². Поэтому *интересы населения* на уровне политической риторики *экономического роста, стабилизации* или *спасения от кризиса* выступают скорее формой легитимации государственной помощи финансовому капиталу. По сути, это неприкрытый шантаж общества банковской системой, которая, накачивая экономику избыточными деньгами и перераспределяя потоки капитала в свою пользу, является истинным метарегулятором глобальной экономики. В результате поздний капитализм предстает как классическая финансовая пирамида, периодически объявляющая дефолт за счет своих наиболее слабых участников, будь то глобальные бедняки или отдельные периферийные общества. Эти дефолты политически легитимируются как *естественный циклический* кризис перепроизводства. Однако представляется, что исторические пределы насыщения капитализмом достигнуты, а новых пространств, которые он мог бы переподчинить своей логике бесконечного накопления прибыли, больше нет. Рост все чаще связан не с реальным производством, а умножением фиктивных потребностей и стоимости

¹ Emergency Economic Stabilization Act of 2008 (EESA) // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/Wall-Street-New-York-City>

² Ефимов В.М. Конец алхимии финансов и суверенные деньги // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 131.

рискованных спекулятивных активов¹. Остается все меньше ресурсов, позволяющих политически оправдывать капитализм в нарративе Модерна и выводить его из очередного тупика экспансии – географической, потребительской, культурной, поскольку выход из такого тупика становится все дороже, а его эффекты все краткосрочнее.

Историческое проникновение капитализма во все сферы общественной жизни с постоянными попытками их коммодификации парадоксальным образом подрывает внеэкономические основания существования самого капитализма, которые он до определенного времени успешно выносил за скобки в качестве независимых фоновых регуляторов – культура, религиозные ценности, мораль, право, политика и т.д. Однако рано или поздно процессы раскодирования *фоновых ценностей* в логике капитализма приходят к своему логическому завершению, а их казавшийся неисчерпаемым ресурс обнаруживает свою конечность. Экспансия капитализма упирается в автономные регулятивные пространства *государства, культуры и морали*, которые не могут быть коммодифицированы, т.к. являются необходимым и незаменимым условием внеэкономического обеспечения существования самого свободного рынка. Следует отметить, что сама по себе коммодификация не является безусловным злом. Например, она разрушила обычай убивать пленных в пользу рабства или выкупа; способствовала преодолению патриархальных обычаев традиционных обществ, сдерживавших развитие индивидуальной автономии. Тем не менее подверженность коммодификации природы, семьи, городских публичных пространств и т.д. достигает естественных пределов, в которых только возможность дышать еще остается неохваченной логикой превращения всего и вся в товар.

Бесконечный рост потребления, как и рост экономики имеют свои пределы, даже если на смену одному *золотому миллиарду* придет еще десяток. Заметный рост уровня жизни в расчете на душу населения в результате экономического роста, инициированного экспансией и интенсификацией капи-

¹ Павлов А.В. Что нового в новом капитализме? // Социология власти. 2021. Т.33, №1, С. 39-63.

тализма, наблюдается только в последние 200 лет существования человечества, поддерживая утопические надежды нарратива Модерна. Никто не может дать гарантий, что указанный рост будет продолжаться следующие 200 лет¹. Более того, социальная теория испытывает все большие затруднения в попытках релевантного описания дифференцирующегося пространства новейших модификаций капитализма, будь то надзорный капитализм, платформенный капитализм, цифровой капитализм, когнитивный капитализм и т.д.²

В современном обществе фундаментальным образом изменилась сама феноменология труда. Если в XIX в. классовые различия граждан преимущественно определялись характером их труда, создаваемым занятостью в различных сферах, то в XXI в. определяющее значение имеют два других фактора – география труда и сам доступ (право) людей к труду. В данном контексте негативные описания труда, связанные с эксплуатацией человека и *отчуждением*, теряют былую убедительность. Исторически первоначальная модель *узкой модерности* (П. Вагнер) была связана с расширением политических прав только тех граждан, чьи ресурсные возможности опирались на наличие значимой собственности – неприкосновенность частной собственности, усиление независимости суда, свобода слова, избирательные права и т.д. Дальнейшее расширение политического класса было обусловлено трансформацией понятия собственности, которое, начиная с трудов Дж. Локка и заканчивая работами К. Маркса, стало интерпретироваться и легитимироваться как *основанное на труде*. Соответственно, труд начал превращаться в более универсальный и возвышающий феномен, порождающий стоимость, движущий прогресс и лежащий в самой основе частной собственности. В результате люди, чьим ключевым ресурсом являлась способность к труду, получили фундаментальное идеологическое основание для доступа к политическим

¹ Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. P., 2003.

² Павлов А. В. Проблема легитимации капитализма в XXI веке // Социология власти. 2021. Т. 33, № 1. С. 6-11.

правам, в дальнейшем дополнительно подкрепленное их статусом налогоплательщиков.

В результате происходит переосознание труда как *права граждан*, в противовес всем предшествующим идеологическим описаниям труда как *проклятия*, обязанности и средства отчуждения человека от его родовой сущности. Право на труд становится все более редким и все чаще является следствием обретения гражданства. Более того, рост давления на трудовые рынки стран центра мировой экономики, где собственным гражданам противостоит нарастающий поток мигрантов, приводит к закономерному дефициту доступа всех желающих к труду. Труд вместо гарантированного права стремительно обретает черты дефицитного ресурса. Право на труд все чаще становится политической привилегией граждан, т.к. в его оплату входит невидимая, накопленная политическая рента как производная от наличия гражданства или вида на жительство определенной страны, создавшей своей историей и усилиями предыдущих поколений подобные преимущества.

В глобальном мире наблюдается общая девальвация ресурса наемного труда, а также влияния людей, опирающихся на этот ресурс и все еще составляющих большинство населения. Количество рабочих мест все менее значимо в процессе создания национального ВВП в условиях феноменальных разрывов капитализации и производительности. Например, капитализация всего российского фондового рынка соизмерима с капитализацией отдельно взятой компании Facebook*/с конца 2021 г. Meta* (признана экстремистской организацией и запрещена в России), в которой напрямую занято около 43 тыс. сотрудников. Для современных экономик проблема заключается не столько в создании новых рабочих мест, сколько в совершенствовании технологий и повышении производительности уже существующих рабочих мест. Парадокс в том, что эти задачи, будучи реализованы, ведут не к умножению, а новому сокращению рабочих мест ввиду автоматизации, роботизации и повышения производительности.

Параллельно происходит усиление ресурсной значимости политического статуса, связанного с гражданством¹. В частности, тенденцию к закрытию гражданских сообществ стран центра миросистемы от неграждан (мигрантов) иллюстрирует укрепление симпатий избирателей к правому популизму, особенно заметное в Европе («Альтернатива для Германии», «Народный фронт» во Франции, «Лига Севера» в Италии и др.). Высокая безработица и низкая рождаемость вполне сочетаемы в постиндустриальных реалиях, в которых все больше людей высвобождается из автоматизированных технологических цепочек, пополняя ряды прекариата или *лишних людей*. Прекариат объективно превращается в опасный класс, утративший ресурсы своей полезности в автоматизированной экономике и способный основывать свои требования лишь на социальных гарантиях и привилегиях. Сокращение свободных рынков и сферы массового труда ставит проблему поиска новых ресурсов, благодаря которым прекаризирующееся большинство может вернуть себе политическое значение, которое уже не будет связано с их рыночной ролью, а также политической ролью в качестве военнообязанных или налогоплательщиков.

Кризис *массового труда* в развитых экономиках заставляет искать альтернативный доступ к ресурсам для *лишних людей*, пополняющих *опасные* для политического порядка классы. И расширяющиеся дискуссии о базовом основном доходе (БОД), нежелательных мигрантах, постоянно ужесточающиеся условия наделения гражданством, являются лишь следствием новой структурной ситуации глобальной экономики. Свертывающийся рынок труда все еще являлся ключевым способом доступа большинства к ресурсам своего жизнеобеспечения. Оппоненты БОД утверждают, что его введение снизит мотивацию к поиску работы и труду для основной массы населения, приводя в пример наследственных получателей вэлфера в США и европейских мигрантов, комфортно чувствующих себя в статусе безработных. Однако объяснение введения БОД потаканием левому популизму или прогрессирующим

¹ Milanovic B. Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization. Cambridge, 2016.

человеческим порокам является в корне неверным. Это означает лишь то, что правительства отказываются от непосильной задачи управления занятостью и создания новых рабочих мест.

Постоянное падение относительного вклада *людей труда* в экономику ведет к изменению привычной модели социального государства, ориентированной на сбор налогов с *людей труда* с их последующим перераспределением в пользу безработных, т.к. дефициты госбюджетов в подобной модели будут лишь нарастать. Безработных становится все больше, безработица усиливается среди представителей молодого поколения, которые не могут массово выйти на рынок труда и получить *постоянное* место работы. Это объективно работает на массовое разочарование в свободном рынке и либеральной демократии как его политическом альтер эго в ядре политического нарратива Модерна. Безусловно, внутри капитализма постоянно идет ситуативный поиск подручных и инструментальных элементов, позволяющих продлить его существование, найти новые ресурсы и погасить рост внутренних противоречий. Например, когда оказался исчерпан ресурс массового труда, свободные рынки и экономической рост стали поддерживать через ресурсы расширенного потребления в кредит. Следующий шаг – отказ от социального государства как побочного исторического эффекта усиления людей труда в пользу БОД. Одновременно в логике неолиберализма, обернутого в оболочку новейших *креативных теорий*, отстаивается тезис, что негарантированный труд – это новая социальная норма. Иерархическая модель элитарной демократии вытесняет базовые ценности представительства интересов, исподволь превращая все права людей в производное от прав собственности. Неолиберализм прямо отказывается от универсалистских обещаний классического либерального консенсуса. Не предлагая взамен ничего, кроме передела общественного пирога в пользу и без того успешных социальных групп, оправдывая это ценностями узко понимаемой эффективности. Таким образом, происходит подмена общественного блага понятием блага для рыночной

экономики, трактуемого как экономическая эффективность в интересах ее ключевых бенефициаров.

Вместе с тем все отсрочки конца капитализма оказываются неубедительными. В результате складывается новая социальная иерархия, в которой людям, имеющим гарантированную работу и социальный пакет – салиариату (в терминологии Г. Стэндинга), противостоит численно растущий класс безработных и людей с неустойчивой занятостью – прекариат, для которых жизненно важной целью становится получение работы¹. Не исключено, что в дальнейшем массовое существование за счет БОД станет предлогом для ограничения гражданских прав их получателей. В долгосрочной перспективе можно прогнозировать постепенную деформацию привычного политического нарратива Модерна, а возможно, и радикальный отказ политического порядка от модели массовой демократической легитимации в пользу недемократических способов легитимации, отменяющих формальное политическое равенство граждан. Реализация подобной модели лишает прекариат возможностей с помощью демократических процедур обоснования доступа к разнообразным ресурсам общества в качестве полноправных граждан, способных влиять на общественно значимые решения. Поскольку политический порядок, освободившийся от необходимости массового участия граждан в процедурах легитимации, закономерно лишает их доступа к политическим ресурсам в обмен на некоторые экономические ресурсы выживания.

При этом модель *хорошего общества* с пассивными доходами для большинства в виде БОД, чтобы поддерживать спрос ради спроса, взамен социального государства и высоких зарплат рабочего класса – это скорее оптимистический вариант, реализуемый лишь для избранных обществ центра мироэкономики. На ее полупериферии *лишние люди* нового капитализма вряд ли смогут в обозримой перспективе получить массовый доступ к БОД. Вне сильного социального государства они могут искать опору только на собственные силы. В полупериферийных реалиях это выливается в условный

¹ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.

нейтралитет государства, которое не мешает *лишним гражданам* находить собственные стратегии выживания, проявляющиеся в расширении невидимой для государства теневой экономики, самозанятости, гаражной экономики, отходничества и т.д. Наконец, на периферии мироэкономики проявляется вариант неофеодализма, где бесполезное и непроизводительное большинство в условиях краха капитализма становится самой обездоленной частью человечества, находящейся под постоянной угрозой дефолта государств, локальных военных конфликтов, эпидемий, голода и физического уничтожения.

Вне зависимости от возможностей конкретных современных обществ по введению БОД, все больше людей теряет привычную экономическую легитимацию своего существования. Достоинство этой жизни заключалось в том, что они имели способность к труду, которую рынок мог обменивать на удовлетворение жизненных материальных потребностей. *Поэтому формирующееся глобальное большинство заинтересовано в том, чтобы создать альтернативное общество, в котором его общественная, политическая ценность восстановится в других ценностных координатах.* В сферах, не связанных с капитализмом и его привычными категориями – капиталом, трудом, прибылью и т.д. Более того, люди капитализму все чаще в массе своей не нужны ни в каком качестве: ни как *люди труда*, ни как потребители, ни как креативный класс, становясь чистым обременением *нового духа* капитализма, производящего прибыль без широкого участия населения. *Отдельная проблема заключается в том, можно ли подобный политэкономический порядок продолжать называть капитализмом.* И если глобальный капитализм все менее нуждается в людях, то могут ли последние всерьез связывать с ним свои жизненные перспективы. *Представляется, что в подобном контексте наиболее вероятной альтернативой капитализму становится модель рентного общества, обретающая все более отчетливые ценностные, идеологические и институциональные контуры в ядре позднемодерного политического нарратива.*

Контурь глобального рентного поворота проявляются в довольно давно наблюдаемых устойчивых тенденциях к сокращению общих доходов населения, трудовых доходов (зарплат) в пользу их замещения теми или иными видами прямых и косвенных рент. Если в 1960 г. доля трудовых доходов американских граждан составляла 72,1% личных доходов, то в 2009 г. она снизилась до 63,7%¹. В России доля зарплат снизилась с 73,6% в 1992 г. до 57,9% в 2019 г. в общем объеме доходов населения. При этом доля социальных выплат за тот же период выросла с 14,3% (уровень позднего СССР) до 19%², что подтверждает квазирыночный характер постсоветских трансформаций. Когда вместо расширения свободных рынков наблюдается общий рост рентных доходов, формирование рентных социальных групп, зависимых от государства, и массовой модели рентоориентированного поведения. Политические ренты находятся скорее в зависимости от статуса человека и его социальной группы в социальной иерархии, нежели обусловлены его положением и возможностями на свободном рынке. *Это новое стабильное общество без ощутимого экономического роста, потребности в массовом труде и низкой рождаемостью. По разным подсчетам до 50% рабочих мест в мире находится под угрозой исчезновения в связи с роботизацией технологических цепочек³. В данной ситуации вне рыночное распределение ресурсов может стать как более, так и менее эгалитарным. Свобода от постоянной возгонки фиктивных потребностей может улучшить качество жизни большинства даже без существенного расширения доступной ресурсной базы общества и роста ВВП. Справедливость распределения ресурсов будет все сильнее зависеть от социально-политических факторов, способов политической регуляции доступных прав и возможностей людей и новых принципов социальной стратификации. Сохранение массовой политической субъектности в основе нового политического порядка будет способствовать сохранению*

¹ Солоу Р.М. Несистематические мысли о том, как все может пойти дальше // Через 100 лет: ведущие экономисты предсказывают будущее / Под ред. И. Паласиоса-Уэрты. М., 2016. С. 247-260.

² Россия в цифрах. 2020. С. 124.

³ Земцов С.П. Роботы и потенциальная технологическая безработица в регионах России: опыт изучения и предварительные оценки // Вопросы экономики. 2017. № 7. С. 142-157.

эгалитарных принципов. Ее сокращение закономерно приведет к росту социального неравенства.

Таким образом, на горизонте будущего возникает модель рентного общества, все менее связанная с *саморегулируемыми* рынками как механизмами конкурентной ресурсной стратификации и все сильнее с государствами, распределяющими общественные ресурсы. Государство начинает выступать как ключевой стратификатор рентного общества. Ресурсы граждан все чаще начинают зависеть от их положения в социальной структуре и рентных цепочках, определяемых и контролируемых государством. Это модель более иерархичного общества, с сильной дифференциацией политических прав и растущей зависимостью экономического положения от властного статуса гражданина. В условиях периферизации свободных рынков массовыми становятся стратегии рентоориентированного поведения, связанные с доступом к ресурсам государства и обретающие институциональное закрепление: «Сложившиеся в стране *институты* (власти, собственности, правопорядка и пр.) позволяют получать огромные индивидуальные доходы вне связи с вкладом субъекта в национальную систему воспроизводства. Такие доходы характеризуются как *рентные*. Принципиальная возможность получения *незаработанных* (незаслуженных, непродуктивных) доходов обуславливает соответствующие интересы и мотивы деятельности субъектов социально-экономической системы (рентные интересы), которые, в свою очередь, детерминируют их рентоориентированное поведение и непродуктивную деятельность»¹. Однако в периферийных и/или ресурсодобывающих обществах мироэкономики рентоориентированные политические стратегии доступны лишь для элит и привилегированных сословий. Большинство в контексте рентной трансформации остается без помощи социального государства и постоянно девальвируемым ресурсом выживания в виде способности к труду.

¹ Даниленко Л.Н. Сырьевая рента в России: благо или проклятие // Социологические исследования. 2013. № 12. С. 127.

По отношению к капитализму позднемодерный нарратив легитимации рентного поворота может осмысляться двояко. С одной стороны, оно может предстать как *последний дух* капитализма, суммирующий его неразрешимые противоречия, антиутопические перспективы и являющийся, по сути, идеологическим паллиативом в контексте принципиальных альтернатив капитализму. С другой стороны, рентный поворот в своем позитивном изводе вполне сочетаем с новыми технологическими утопиями, социализмом, коммунизмом и посткапитализмом, преодолевающими отчуждение людей и дающими им новые надежды, возможности и ресурсы, в том числе на безвозмездной и некоммодифицируемой основе. Это может способствовать разрешению накопленных социальных антагонизмов, творчеству, прогрессу, производству общественных благ и массовой самореализации, которые не всегда предполагают экономическое измерение. Например, в целях смягчения издержек во многом вынужденного рентоориентированного поведения О.Э. Бессонова предлагает проект перехода от исчерпанного *квазирынка* к контрактному *раздатку*, снимающему накопленные противоречия и двойные стандарты в деятельности государства и его рыночных контрагентов: «Контрактный раздаток – это модель порядка открытого доступа, при которой обеспечивается раздача общегосударственных ресурсов предпринимательским и бюджетным структурам на контрактной и конкурсной основе под условия выполнения ими госзаказа, сформированного на базе государственных программ стратегического развития отраслей и территорий»¹. Фактически это выраженный в несколько иной терминологии возврат к *социализму* с преобладанием государственной регуляции в условиях исчерпания возможностей периферийной, рентно-сырьевой модели рынка.

Указанные долгосрочные тенденции угасания капитализма характерны для всех современных обществ, но лишь немногие из них могут смягчить или замаскировать его последствия с помощью ресурсов социального государ-

¹ Бессонова О.Э. Формирование новой реальности: от квазирынка к контрактному раздатку // Вопросы экономики. 2017. № 7. С. 109.

ства. Системный кризис капитализма амортизируется новым расширением *дистрибутивных* экономических обменов, контролируемых государством через консолидированный бюджет, госпредприятия, фискальную вертикаль, господдержку, субсидии, пособия и т.д. В результате доля современного государства в расходах ВВП достигает 50-60%, все больше рабочих мест, предприятий и отраслей прямо или опосредованно контролируется государством, в том числе в наиболее развитых экономиках. Наименование подобных *огосударствленных* обществ как рыночных все менее релевантно, затемняя суть происходящих в них процессов. *Эти процессы все чаще связаны со свертыванием капиталистической экспансии и замещением ее негативных экстерналий для общества внеэкономической регуляцией со стороны общества и государства, прежде всего, с помощью права, морали, культуры.*

Таким образом, современные общества отличаются не столько рынком или его отсутствием, сколько критериями и механизмами распределения ресурсных потоков, контролируемых государствами. С одной стороны, это могут быть попытки сохранения социального государства, ориентированного на доступную медицину, образование и эгалитарное распределение всевозможных субсидий. С другой – имеются попытки выстроить более иерархизированные системы распределения государственных рент в пользу привилегированных меньшинств, в том числе за счет ущемления интересов большинства. Однако и в том, и в другом случаях отличия подобных обществ будут лишь *количественными*, не позволяющими разбить их совокупность на исключаяющие подвиды естественных государств/обществ открытого доступа, либеральных демократий/нелиберальных автократий, инклюзивных/экссклюзивных обществ с последующими сомнительными морализациями по поводу подобных описаний. Структурно язык подобных бинарных описаний ничем не отличается от идеологической борьбы добра и зла, выраженной ранее в соперничестве буржуазии/рабочего класса, социализма/капитализма, стран народных демократий/элитарных буржуазных режи-

мов, общенародной плановой экономики/эксплуататорского частного рынка и т.д.

В настоящее время популярны теории, описывающие рентные тенденции как неопатримональное или нефеодалное взаимодействия с позиций идеализируемых свободных рынков и либеральных демократий центра капиталистической миросистемы (внутри которых эти признаки, практики, институты тоже имеются в больших количествах и проявлены с высокой интенсивностью)¹. Однако было бы наивно полагать, что сословные или феодальные признаки современного политического порядка означают прямой откат к историческим реалиям Средневековья. Исчерпание свободных рынков ведет к росту влияния социальных регуляторов и источников ресурсов, которые до некоторого времени были вытеснены даже не на периферию общественной жизни, а из фокуса общественного внимания, и идеологически оценивались как культурный анахронизм, например, такие как феномен ренты и ее производные нормы, ценности, институты. Считалось, что рента, сословия, nepотизм, властесобственность, двойные стандарты, сословная этика, религия (церковь) и т.д. необратимо вытеснены универсальными экономическими и политическими рынками. А неожиданное обнаружение всех этих феноменов в самом *ядре* рыночно-либеральных политических порядков вынужденно интерпретируется как *достижение* новейшего духа капитализма: вместо деиндустриализации – постиндустриальное общество; вместо ставших *ненужными* рабочих кварталов – джентрификация; вместо коррупции и патрон-клиентских связей – узаконенный лоббизм; итоги распада широкого среднего класса превращаются в апологию креативного класса; общий кризис модели социального государства подменяется частными дискуссиями и локальной

¹ См., например, типичные работы, выдержанные в неизменно негативной логике описания политического порядка постсоветских обществ как патологий, архаики, авторитарных (тоталитарных) отклонений в сравнении с идеальным типом современного как исключительно и неизменно западного общества: Гельман В.Я. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма, СПб., 2015; Фисун А.А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // Политическая концептология. 2010. № 4. С. 158-187; и др. Стоит отметить, что структура подобных бинарных описаний полностью соответствует привычному для советского общественно-идеологическому нарративу критики капиталистических обществ *загнивающего Запада* в сравнении с прогрессивными и народными социалистическими режимами.

морализацией о качестве госуправления – *плохих институтах/элитах* и *недостойном правлении*; радикализация любых видов неравенств оправдывается интересами разнообразных меньшинств и т.д.

Социальная динамика современных обществ даже в условиях упадка свободных рынков сохраняет индивидуальную и групповую подвижность, довольно широкие гражданские права и социальные лифты. Соответственно, конкуренция новых социальных групп/сословий за значимость для *государственных интересов* принципиально отличается от относительно неизменных иерархий и функций сословий в исторических обществах. Новые сословия сохраняют конкуренцию за ресурсы, доставшуюся им от экономических макрокласов буржуазии и рабочих. Рыночная модель демократии трансформируется в рентную модель отстаивания коллективных интересов. Причем указанное различие является относительным. В условиях рыночных демократий государство тоже занимается перераспределением ресурсов. Это осуществлялось опосредованно – через воздействие политическими методами на регуляцию рынков и рыночных субъектов. Дрейф в сторону рентной демократии связан с тем, что государство начинает больше заниматься прямым перераспределением, минуя рынок. Конкуренция осуществляется в реалиях ресурсного государства, по критериям не столько рыночной ценности, сколько полезности для государства. В модели рентной демократии победой становится повышение статуса *социальной группы*, нового *сословия* или определенного *меньшинства* в политической иерархии и расширение группового ресурсного доступа.

Отдельной проблемой является субъектная инициация перехода к политическому и технологическому укладу, в котором рынок если и не отойдет в область истории, то потеряет доминирующие позиции. Для этого требуется не только сознание широких выгод посткапитализма, но и *негативная мобилизация* – принуждение к изменениям и инновациям, связанное с невозможностью сохранять далее привычный социально-политический и экономический порядок капитализма, который все менее связан с интересами широких

социальных групп, испытывающих давление прекаризации и маргинализации. Никто не может поручиться, что эти социокультурные изменения будут совершаться в логике прогресса, а не архаизации и упадка. История XIX–XX вв. показала, что открытая конкуренция экономических макрокласов в целом поддерживает эгалитарные принципы. Однако политическая субъектность новых политических меньшинств движима более локальными целями и приоритетами, которые ведут к усилению неравенства во всех сферах общественной жизни. Это коллективные стратегии, связанные с формированием *исключений из правил*, позволяющие извлекать меньшинствам привилегии и дополнительные ресурсы из своего положения, но не имеющие цели изменить правила для всего социума или большинства составляющих его граждан.

При этом ключевым вопросом стабильности рентной модели общества, в которой государство оттесняет рынок, станет проблема вероятного обмена гражданских прав на ренту в логике *политической игры на понижение*. Поскольку военная и трудовая ценность большинства граждан неуклонно снижается, политические элиты с большой вероятностью будут вырабатывать варианты *свертывания, ограничений* или *прямого отказа* граждан от активного электорального участия в политической, общественной жизни в обмен на определенный уровень гарантированной ренты, обусловленной их полезностью для государства и гражданской лояльностью. Указанная трансформация может стать последним шагом к новой структуре общества. *Если следовать текущим фоновым тенденциям в описании возможного будущего, то оно, безусловно, вырисовывается в негативном свете.* Положение растущих рентных групп, все более зависимых от государства в условиях достижения разнообразных *пределов рынка*, формирования *общества без массового труда и ощутимого экономического роста*, будет преимущественно определяться их принадлежностью к определенной социальной группе (классу, сословию, меньшинству) как коллективному субъекту взаимодействия с агентами государства относительно выделяемого последним объема рентных ресурсов.

Соответственно, ключевой характеристикой политики становится закрытие границ, ужесточение условий доступа к гражданству, выстраивание иерархий новых сословий, протекционизм, а также все более ожесточенный передел ресурсов на внутри- и межгосударственном уровне в контексте стагнирующих рынков. Подобный сценарий угасания рыночного капитализма рисует контуры более конфликтного, неэгалитарного и опасного будущего.

Вслед за исчерпанием всех исторических резервов экспансии капитализма, институционально связанных с государством, будет подвергнут сомнению и его новейший дух. Парадоксальным образом этим духом является неолиберальная идеология, отрицающая государство во имя отсрочки неизбежных трансформаций капитализма. Когда романтический флер неолиберальной рыночной риторики *возможностей для большинства* окончательно отбрасывается в пользу рентно-сословной идеологии и дисциплинарных политико-правовых механизмов, позволяющих оправдывать и воспроизводить усиливающееся неравенство позднемодерного политического порядка, сохраняя позиции господствующих элит. (Поскольку любое *реальное* развитие общества предполагает диверсификацию экономических, политических и культурных ресурсов, которое оборачивается усилением альтернативных игроков и сценариев, бросающих вызов доминирующим элитам). Указанное неравенство перестает интеллектуально маскироваться, наоборот, усиливаются попытки представить его как новую *социальную норму, которая не только не требует усилий общества по ее коррекции, но и указывает на пагубность и бесперспективность подобных усилий*. Таким образом, предвосхищаемый левыми движениями упадок капитализма, который рассматривался как возможность исправить порождаемые капитализмом неравенства, может оказаться слишком оптимистичным взглядом в будущее. Это политический нарратив будущего без капитализма, в котором социальное неравенство, вероятно, будет лишь усиливаться за счет тенденций усиления рентно-сословных оснований социальной стратификации, урезания демократии, мас-

совых нисходящих социальных траекторий и обмена гражданских прав на базовый рентный доступ.

§ 2. Кризис западного мейнстрима в политическом нарративе Модерна

Научные классификации политического нарратива Модерна являются отражением представлений их бенефициаров не только об истинном и неистинном, но и одновременно о правильном и неправильном, благе и зле, и, в конечном счете, о сущем и должном. Поскольку классификации создаются субъектами, находящимися внутри общества, а потому не способными его полностью объективировать в субъект-объектной парадигме, то они всегда являются заведомо неполными и ангажированными. Подобная неполнота обусловлена историчностью и рукотворным характером любого социально-политического и экономического порядка, образуемого совместной деятельностью людей. Познающие субъекты невольно или вполне сознательно перестают различать свои представления об истине и благе либо выводят первые из вторых, пользуясь разными наборами критериев, универсальность которых, в свою очередь, невозможно определить в связи с принципиальным отсутствием незаинтересованных судей. Субъекты всегда занимают определенное классовое, национальное, этническое, экономическое, идеологическое положение и существуют в историческом контексте. Все это не позволяет окончательно разграничить в общественных науках эмпирические факты и их интерпретации/оценки: «И теология, и философия традиционно претендовали на постижение как того, что есть истина, так и того, что есть благо. Эмпирическая наука считала, что не располагает средствами, позволяющими отделять хорошее [от плохого], она считала своей прерогативой только установление границы между истинным [и ложным]. Люди науки изящно снимали эту проблему с повестки дня, утверждая, что намерены заниматься только поиском истины, а поиск блага готовы полностью отдать на откуп философам (и богословам)... В конечном счете некоторые заявляли даже, что не-

возможно определить, что есть благо; можно лишь определить, что истинно. Это разделение истины и блага и лежит в основе “двух культур”. Философия (или, говоря более широко, гуманитарные науки) должна была заниматься исключительно поиском блага (и совершенства). Наука же настаивала на том, что имеет монополию на поиск истины»¹.

Таким образом, мейнстрим наук об обществе, сформировавшихся как познавательное и легитимирующее ядро политического нарратива Модерна, всегда стремится к контролю представлений и об истине, и о благе. Новейшие методологические подражания мейнстрима общественных наук естественным, призванные укрепить контроль над истиной, осуществляются в виде широкого использования математических и экспериментальных методов, которые призваны создать иллюзию объективности целей и непредвзятости результатов. Однако уподобление естественным наукам является весьма условным, т.к. в общественных науках субъект всегда неотделим от исследуемого предмета. Подобная включенность может не осознаваться, но всегда остается проблемой, требующей решения. Это осуществляется в области этического самоопределения исследователя, путем сознательного или бессознательного выстраивания определенной ценностной иерархии, которая является неустранимым элементом всей его деятельности. Сколь угодно изощренные процедуры объективации, формализации, обобщения и математизации неспособны элиминировать сложившиеся ценностные иерархии. Более того, сам отказ от признания своей вовлеченности в изучаемый объект является ясным признанием идеологического характера дискурса познающего субъекта.

Новейшая легитимация социально-политического и экономического порядка в политическом нарративе Модерна осуществляется в виде целенаправленного преобладания различных оправданий *статус-кво*, таких как позитивизм, рациональный выбор, модели *естественного равновесия* (Л. Вальрас), *спонтанного порядка* (Ф. Хайек), *самонастройки* обществен-

¹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. С. 251.

ных систем и рынков и т.д. Все эти метафорические мейнстримные модели на самом деле производны от уравнений термодинамики и обосновывают пользу невмешательства широких масс в управление социальными процессами. Подобная исследовательская позиция позволяет если не обходить, то в какой-то степени вуалировать *неудобные* марксистские и конструктивистские вопросы об основаниях и институтах *естественного* порядка; почему он концентрирует внимание лишь на *разрешенных* в публичном дискурсе проблемах индивидуальной и коллективной *адаптации* к этому социально-экономическому порядку вместо его свободной критики и обсуждения возможных *альтернатив*.

В модерном обществе всегда присутствует конфликт его альтернативных описаний в различных классовых перспективах. Аналогичный конфликт описаний можно увидеть и в глобальном разрезе, в центр-периферийной структуре современных наций-государств. Однако попытки разных социальных субъектов осмыслить реальную онтологию этих понятий порождают многочисленные *двойные стандарты* и идеологические интерпретации с разнообразными оценочными прилагательными. В своем большинстве попытки утверждения ключевых понятий общественных наук методологически выстраиваются на использовании универсальных бинарных оппозиций, которыми оперирует человеческое мышление как таковое. Эти оппозиции позволяют создавать простые иерархии ценностей и понятий, а соответственно, и стоящей за ними социальной онтологии в виде коллективных практик, институтов, политических порядков и сообществ. Следовательно, понятийный контроль мейнстрима позволяет претендовать на то, чтобы обладать монополией на интерпретацию всей онтологии современных обществ с помощью закрытого словаря объясняющих друг друга ключевых понятий.

В центре современной публичной политики всегда находится идеологическая борьба за легитимацию/делегитимацию ключевых метафор и понятий, которые определенным образом интерпретируют сложившиеся коллективные практики, именуемые рынком, демократией, капитализмом, социализ-

мом, трудом, планированием, освобождением и т.д. Понятия, признанные нормативными и их смысловые производные («рынок заложен в природе человека», «конкуренция есть выражение свободы», «демократия – лучшая из форм правления», «труд есть долг перед богом и путь к спасению» и т.д.), позволяют добиться широкой поддержки и легитимации властно-политических решений и институтов в основе социального порядка.

Описательно-аналитический словарь политического нарратива Модерна является предметом *постоянно меняющегося консенсуса, следующего за меняющимся консенсусом жизненных целей и интересов социальных групп, составляющих общество*. Условия последнего в значительной степени определяются механизмами классово-идеологической и глобальной гегемонии, т.е. стремлением основных социальных субъектов устанавливать свое представление о социальном порядке в качестве всеобщего для сложносоставного и внутренне противоречивого *большого общества*. Гегемонистские картины мира становятся убедительней, когда их разбивают на локальные дисциплинарные модели наук об обществе (политология, социология, право, экономика, история и т.д.), заявляя об их интеллектуальной автономии от власти. Однако повседневные коллективные практики не подтверждают существования в реальной жизни жестких дисциплинарных границ, столь важных внутри общественных наук и стоящих за ними исследовательских групп.

В настоящее время центральные понятия политического нарратива Модерна опираются на аксиологию и онтологию *либерального консенсуса*, согласно которой наиболее релевантно (с точки зрения науки) и эффективно (для обеспечения общественного блага) социальные, политические и экономические реалии современных/модерных обществ отражают такие категории, как капитализм (саморегулируемый рынок), демократия и либерализм¹. Соответствующие им институты и коллективные практики стали центральными для воспроизводства современного общества в ходе цикла буржуазных революций. Поскольку либерализм из восходящей утопии стал осуществившейся

¹ Валлерстайн И. После либерализма. С. 216-233.

повседневностью для современных обществ, как на уровне самопрезентации, так и в виде их институциональной организации, то все фундаментальные идеологические разногласия внутри больших современных обществ являются следствием эволюции и идеологической дифференциации классического либерализма как *утопии третьего сословия*. Следует особо подчеркнуть, что эволюция либерального консенсуса далеко не всегда является следствием онтологических изменений общества. Факторы социальных перемен могут быть связаны как с сознательным переконструированием коллективными субъектами как *когнитивных карт* (Ф. Джеймисон) социальной реальности, так и самих принципов их составления, меняющимися представлениями об обществе, истории, человеке, принципах и целях их исторического существования. Нарратив политического проекта Модерна, даже взятый в рафинированном виде политического мейнстрима, на структурном уровне все равно остается аналогичен скорее мифам, сказкам и басням, чем естественно-научным моделям общества, ограниченным лишь фактами. Подобные нарративы «служат не столько инструментом приращения знания, сколько способствуют интеллектуальному доминированию и неявно предполагают определенную социальную иерархию. Стоящие за моделями мейнстрима дискурсивные практики имеют устойчиво воспроизводящийся перформативный элемент, смысл которого в закреплении в социокультурном пространстве определенного “рассказа” и содержащихся в нем представлений»¹.

Основной угрозой либеральному консенсусу в глобальном измерении являются постоянные попытки наиболее влиятельных субъектов (ТНК, элиты, классы, нации, цивилизации) монополизировать интерпретацию либерального консенсуса в собственных интересах, т.е. зафиксировать выгодный *конец истории* и собственную интерпретацию либерализма как универсальную и всеобщую. Это выражается в попытках выстроить глобальные иерархии, в которых одни общества и/или социальные группы провозглашаются

¹ Кошовец О.Б., Ореховский П.А. Структуралистская революция и метаморфозы экономической теории: от науки к сказке // Общественные науки и современность. 2018. № 5. С. 153.

либеральными (рыночными, демократическими), а другим обществам, классам, группам в указанных качествах отказывается. Тем самым одни присваивают право говорить от имени либерализма/рынка/демократии и обобщающей их Современности/Модерна, а другие субъекты искусственно выводятся за рамки либерального консенсуса. Указанный интеллектуальный фокус реализуется посредством политологических классификаций, опирающихся на бинарный принцип, когда все многообразие возможных классификаций сводится к одной оппозиции *норма/отклонение*, которая в научной модальности изоморфна дихотомии *истина/заблуждение*. В результате человечество, исторически полностью вовлеченное в капитализм и легитимирующие его нарративы либерализма, рынка и демократии, оказывается в парадоксальной ситуации, когда с точки зрения западной гегемонии подавляющее большинство человечества *теоретически* оказывается вне Современности/Модерна. Паллиативный выход из указанного парадокса предлагается западным мейнстримом в виде *дифференцирующих прилагательных* к ключевым политическим и экономическим понятиям¹. Дифференциация *отклоняющихся* видов либерализма, демократии и рынка становится механизмом гегемонии и легитимации глобальной западной иерархии современных обществ. Указанные методологические принципы имеют вполне объективные онтологические и исторические основания: «Политические и экономические теории не стоит воспринимать как объективную данность, заданную всем ходом развития современной цивилизации, а то и самой природой человека. Либеральная политология и неоклассическая экономика не оформились бы в господствующую парадигму общественнознания без геополитического успеха британской и затем американской гегемонии XIX-XX веков»².

Между тем *Запад* как высшее и идеализированное воплощение совокупности современных ценностей, отраженных в доминирующем нарративе по-

¹ Levitsky S., Collier D. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research // World Politics. 1997. Vol. 49, No. 3. P. 430-451.

² Дерлугьян Г. Стабилизационная политсистема в поисках динамизма? // Оценка состояния и перспектив политической системы Российской Федерации в 2008 году – начале 2009 года: 1-й ежегодный доклад Института общественного проектирования. М., 2009. С. 20.

литических наук постепенно ослабевает, подвергаясь критике со стороны усиливающихся незападных центров экономической и политической силы, продвигающих свои версии политического нарратива Модерна, глобальной истории и модели *должного* политического и экономического устройства общества. Политологический мейнстрим обнаруживает все больше *слепых пятен, противоречий и исключений*, которые он неспособен объяснить. Исходная проблема культурно-исторической ограниченности западного мейнстрима состоит в том, что «институционализация истории и трех номотетических дисциплин – экономики, социологии и политической науки – в последней трети XIX и первой половине XX века приняла форму университетских дисциплин, в рамках которых западный мир изучал себя, объяснял собственное функционирование и лучше контролировал происходящее... 95% научных кругов находились всего в пяти странах – Великобритании, Франции, Соединенных Штатах, Германии и Италии – и занимались в первую очередь вопросами, связанными с этими странами»¹. Для остального мира Западом были придуманы *ориенталистика*, занимавшаяся относительно самостоятельными незападными цивилизациями, и *антропология*, чьим предметом стали колонии и зависимые от западных метрополий территории. Важными целями обеих дисциплин стало оправдание экспансии и культурное возвышение Запада через утверждение его морального и технического превосходства, которое может быть получено остальным миром только *с помощью и под управлением Запада*².

Таким образом, первоначально в схеме норма/отклонения, которая географически выражалась в виде Запад (West)/все остальное (Rest), функции политологии, социологии и права были связаны лишь с изучением внутренних закономерностей *исторических* западных обществ. Все остальные общества объявлялись неразвивающимися, примитивными и неисторичными, достойными внимания лишь специальных дисциплин – *ориенталистики* и *ан-*

¹ Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. 4: Триумф центристского либерализма, 1789. М., 2016. С. 309.

² Там же. С. 310.

тропологии, чьим предметом является изучение не нормы (Запад), а отклонений от нее (Незапад). Первый ощутимый удар по убедительности политического нарратива западного мейнстрима нанесла реализация *советского проекта*, становление *социалистического блока* и поддержанное им *национально-освободительное движение колоний Запада*. Неожиданный взлет советского проекта не только ускорил падение глобальной гегемонии Запада, но и предложил перспективу универсальных моральных оснований для иного национального и глобального политического порядка. Падение СССР в качестве глобальной альтернативы создало кратковременную иллюзию, что западный мейнстрим все-таки достиг глобальной победы и финальных политических истин *конца истории*. Однако необратимое ослабление Запада и его идеологической картины мира продолжилось: «К концу XX в. становится очевидным, что незападные государства-цивилизации не только не смогли стать капиталистическими государствами по западному образцу, но теперь они уже и не смогут стать таковыми. Начинается новый период истории – период перехода к полицентричности, многовариантности в мировом развитии»¹. Растущие незападные центры силы не только стали уверенно отвергать свою неполноценность (историческую, культурную, этническую, технологическую и т.д.), которую пытались им приписать пропитанные культуртрегерством ориенталистика и антропология, но и ставить под сомнение саму релевантность западного мейнстрима в основе познавательного ядра политического нарратива Модерна, который как кривое зеркало способен выдавать в своих схоластических интеллектуальных построениях только отклоняющиеся отражения западных обществ.

Г. Хейл в середине 2000-х гг. убедительно обращает внимание на то, что постсоветские и шире – постсоциалистические – общественные порядки вовсе не являются транзитными/переходными, а демонстрируют долгосрочную институциональную устойчивость, для которой целесообразно начинать

¹ Шевченко В.Н. «Новая современность» и традиция в многополярном мире: философско-политический анализ / Рос. акад. наук, Ин-т философии; В.Н. Шевченко, В.И. Спиридонова, Р.И. Соколова. М.: ИФ РАН, 2018. С. 24.

искать более релевантный язык описания, чем транзитология¹. К аналогичным выводам пришли в своей резонансной статье А. Шлейфер и Д. Трейзман, описывая современную Россию как *нормальную страну*². С течением времени *незападные исследовательские центры перестают удовлетворяться ролью поставщика исключительно локального эмпирического материала, подтверждающего идеологические картины мира, рисуемые мейнстримными теориями*. Растущие регионы мира все чаще отвергают роль *туземцев*, которые не способны сформулировать альтернативные Западу *большие теории*, объясняющие политические и иные закономерности глобального мира. В частности, эти альтернативы получают все более убедительную историческую онтологию в своей основе, связанную с исторической ограниченностью и уникальностью периода мирового подъема Запада: «...хотя почти во всех европейских странах к 1800 г. начали совершаться важные открытия, развитие культуры инноваций, ускорявшей технические изменения, не было общеевропейским феноменом»³. Более того, «по мере распространения современного экономического роста, возвышение Запада – процесс, продлившийся всего два столетия, с 1800 по 2000 г., – будет восприниматься как временный, хотя и многое изменивший, этап в мировой истории»⁴.

В более радикальном виде возникает вопрос уже не о задачах ценностно-идеологической легитимации коллективных интересов Запада, но о самой способности западного мейнстрима к адекватному изучению незападных обществ и универсальности выработанного им лексикона понятий, который оказывается способен по большей части лишь на довольно сомнительные морализации по поводу несовершенства и неполноценности *Незапада* в виде *зависимости от предшествующего развития, тяжелого наследия, расово-этнической особенности, институциональных ловушек, порочных кругов, недо-*

¹ Hale H. Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia // World Politics. 2005. Vol. 58, No. 1. P. 133-165.

² Shleifer A., Treisman D. A Normal Country: Russia after Communism // Journal of Economic Perspectives. 2005. Vol. 19, No. 1. P. 151-174.

³ Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500-1850. М., 2014. С. 292.

⁴ Там же. С. 300.

стойного правления, вариаций нелиберальной демократии и *неправильного* рынка.

Очевидно, что закономерным ответом глобального *Незапада* на угасание экономической, политической и военной гегемонии Запада в условиях глобального масштабирования капиталистической миросистемы стал отказ от иерархии и словаря понятий западного мейнстрима, который работает с остальным миром лишь в неизменной логике фиксации его *отклонений от Запада*. Соответственно, в подобной *узкой версии* политического нарратива Модерна внешний мир онтологически не интересует западный мейнстрим, важна лишь сравнительная перспектива оценок институционального копирования или мимикрирования незападных обществ под Запад как *естественной (и недостижимой) цели* их развития. Это логика бездумного механического копирования, в которой «догоняющая модель, присущая теориям модернизации и неомодернизации в настоящее время, обеспечивает вечную невозможность догнать, ибо она пытается повторить процесс модернизации Запада в условиях его собственных быстрых изменений»¹.

Поскольку признание незападных обществ равновеликими Западу, историческими, автономными и способными породить не менее универсальные ценности и институты автоматически разрушает привычный набор методологических бинарных пар: инклюзивные/экслюзивные институты (Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон), естественные государства/общества открытого доступа (Д. Норт, Б. Вайнгаст, Д. Уоллис), открытые/закрытые общества (К. Поппер), архаика/современность, феодализм/капитализм, демократия/тоталитаризм, рынок/командная экономика и т.д., легитимирующих в мейнстриме ключевую разбивку – *норма/патология* или *Запад/Незапад*. Ж. Деррида в своих работах показывает, что схематичное дуальное мышление, выстраивающее бинарные оппозиции, изначально ущербно, поскольку один из членов оппозиции будет неизменно находиться в привилегированном (нормативном), а другой – в притесняемом положении, в зависимости от по-

¹ Федотова В.Г. Хорошее общество. М., 2005. С. 214.

зиции классификатора. Более того, универсальные системы, построенные на всеобщих бинарных кодах, рано или поздно выходят за собственные пределы, подвергаясь деуниверсализации и делегитимации. Таким образом, любые всеобщие системы обречены на фальсификацию¹.

Мейнстрим критикует *отклоняющиеся общества* в рамках неизменной бинарной схемы *привилегированного/ущербного или здорового/больного*, что не дает научного прироста в понимании противоречий и закономерностей любого общества, существующего *здесь и сейчас*. Особенно когда споры ведутся лишь о том, какой из членов умозрительной оппозиции считать *естественным, нормативным* или *привилегированным*. Более того, в конечном счете за ними стоит дихотомия победитель/проигравший, которая не имеет прямого отношения к постижению истины. Технологические задачи легитимации гегемонии конкретных политических, экономических, культурных порядков отвлекают от изучения более сложных и важных сходств, вариаций и закономерностей функционирования политических порядков *всех* современных обществ. Обществ, в которых реальные практики взаимодействия политических субъектов, элит, классов, а также механизмы принятия политических решений и функционирования социальных институтов не дают серьезных оснований для того, чтобы разнести эти общества по принципиально различным разделам классификаций, основанных на приведенных выше бинарных схемах.

Соответственно, критика исходного западного политического нарратива Модерна строится преимущественно на доказательствах ограниченности методологических оснований идеологических разбивок на привилегированное/ущербное, сакральное/профанное, преподносимых как неизменные. Эта критика лишает западный мейнстрим нормативного контроля либерального консенсуса из воображаемой области всеобщего и универсального, переводя исследовательский дискурс познающих субъектов Запада в инструменталь-

¹ Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Письмо и различие. СПб., 2000. С. 352–368.

ную сферу особенных и частных интересов. Одновременно нарастает убедительность критических рефлексий над возможными благами и механизмами западной модели глобализации и свободного рынка, которая проявляется обычной гегемонией, обернутой в риторические одежды прогрессорства и *естественного лидерства свободного мира*. Поскольку идея прогресса убедительна только тогда, когда подкрепляется растущими возможностями для *большинства*.

В результате объяснительный потенциал и легитимирующая способность системных понятий западного мейнстрима и как *номотетической науки*, и как инструмента *мягкой силы* закономерно ослабевают. Мейнстрим *нормы с прилагательными* все чаще уступает место радикальному поиску альтернативных понятий. Последние первоначально начинают использоваться как более релевантные для описания *отклоняющихся* периферийных обществ, которые становится окончательно невозможно описывать лишь с точки зрения того, *какими они должны стать*. Однако после активного вовлечения в научный оборот альтернативных метафор и понятий вдруг оказывается, что они зачастую не менее универсальны и могут быть использованы для убедительного анализа актуальной политической и экономической онтологии самих западных обществ. И тогда выясняется, что *мейнстримные дифференциации рыночных обменов, демократии и либерализма имеют преимущественно идеологический характер*. Современные общества не демонстрируют *качественных различий, если анализировать их функциональное ценностно-институциональное ядро, которое было и остается системой нераздельной властесобственности, в то время как вариации рыночных обменов и представительной демократии составляют поверхностные и адаптивные коммуникативные оболочки, призванные поддерживать социальный порядок и вырабатывать общественное согласие в конкретных обществах*. Соответственно, западные общества и весь остальной мир обнаруживают гораздо больше базовых сходств, чем второстепенных отличий, особенно в контексте всеобщих вызовов и угроз, связанных с трансформацией социаль-

ной структуры *общества труда*, новыми технологиями, кризисом социального государства, пределами роста и т.д.

Нарастающие дисфункции и несовершенства демонстрирует не только метафора рынка, но и другой столп мейнстрима – демократия. В современном мире сложился устойчивый консенсус относительно ее ценности. Оптимистичным аргументом в пользу демократии является утверждение ее естественной гармонии с многосоставным *модерным обществом*, которое постоянно находится в *естественном состоянии* низкоинтенсивной внутренней конфликтности. Соответственно, считалось, что принципы демократии позволяют производить назревшие изменения, согласовывать интересы, разрешать конфликты и выработать компромиссы, не доводя до распада большого общества и кризиса государства. Однако реальная проблема с демократией состоит в другом. *Представление о ее безусловной, конечной ценности входит во все большее противоречие с реальным функционированием демократии как инструмента (совокупности институтов и практик) политического правления, который политические элиты могут использовать вопреки и даже против большинства в осуществлении своих партикулярных целей. Подобная инструментализация и манипуляция демократии приводит к общей девальвации ее ценности.*

Демократия как довольно нестабильный набор формальных институтов и процедур нигде и никогда не работает сама по себе, всегда имея высокие шансы на самоупразднение даже при отсутствии внешних негативных факторов. Устойчивость демократического порядка может быть объяснена нарративами разной степени убедительности. Одна версия состоит в том, что демократия устойчива, когда она превращается в гражданскую религию и сакрализуется, превращается в своего рода некритично воспринимаемый фетиш, который объявляется лучшим способом осуществления власти из всех возможных, вне зависимости как от реальной эффективности обеспечения всеобщего блага, так и от соответствия властно-управленческих практик тео-

рии демократии¹. Другая версия состоит в том, что демократию поддерживают *правильные субъекты*, причем это могут быть как народные массы (большинство, народ, прогрессивный класс), контролирующие элиты, так и, наоборот, элиты, которые конструируют коллективное воображение масс и дисциплинарные режимы повседневности. Наконец, устойчивую демократию могут сводить к неписанным правилам, связанным с культурой, традициями, верованиями, договоренностями. В любом случае история не знает *вечных демократий*, но полна примерами демократий, легко перерождавшихся в совершенно другие политические режимы без всякой помощи извне, в том числе и посредством самоупрядняющих процедур и действий вполне демократического характера².

Значимые социальные группы во всем мире, включая западные демократии, все чаще находят подтверждения тому, что управляемая элитарная демократия не помогает реальной артикуляции и продвижению их жизненных интересов. В результате усиливаются феномены популизма и прямого гражданского действия как попытки вернуться к *демократии большинства*, от которой даже в западных демократиях все чаще сохраняется лишь ритуальная составляющая. Концепция либеральной демократии все чаще оценивается как ограниченный легитимирующий язык, стремящейся обосновать монопольное право на интерпретацию демократии и либерализма через *норму с отклонениями* и выстраивание символических иерархий на основании *субъективного качества* реализации указанных принципов в конкретных обществах, определяемого некими *экспертами*.

В подобной ситуации любой политической нарратив об *отсталых, неправильных, переходных, имитационных и недостойных* обществах обретает явные черты неубедительного морализаторства и неуместной дидактики. Поскольку все современные общества оказываются достаточно ущербными и в сравнительной перспективе, и с точки зрения идеального политического ар-

¹ Капустин Б. О демократическом фетишизме // Логос. 2020. Т. 30, № 5. С. 165-225.

² Levitsky S., Ziblatt D. How Democracies Die. N.Y., 2018.

хетипа, стремительно переместившегося из западных обществ в пространство всеобщей вневременности. Этот нарратив в последние годы стремительно эволюционировал из реализованной в либеральных демократиях *нормы конца истории* в недостижимый для них же *идеал* политического устройства, опровергаемый эмпирически наблюдаемыми в западных обществах тенденциями к росту неравенства, свертыванию социального государства и окончательному превращению представительной демократии в эксклюзивную конкуренцию элит.

Соответственно, нарративные описания стремительно поднимающихся незападных периферийных обществ в категориях *отсталости* теряют былую магическую силу, как и все аксиоматические понятия либеральной версии нарратива Современности/Модерна, из которых исходят эти описания. Например, В.Я. Гельман описывает разные виды неэффективности государственного управления и моральной деградации политических элит с точки зрения неких универсальных идеалов либеральной демократии, которые реализованы где-то за пределами России¹. Но, во-первых, как показывают актуальные тенденции, эти идеалы нигде в мире в полной мере на практике не воплощены, за исключением гегемонистской риторики мейнстрима, строящейся преимущественно на субъективных оценочных суждениях. Если в западных обществах отдельные институциональные и процедурные признаки либеральной Современности/Модерна выглядят несколько лучше, то это само по себе не создает *качественного* морального и институционального различия между *обществами открытого доступа* и большинством *естественных государств*. Более того, все чаще становится заметно конъюнктурное манипулирование базовыми ценностями и понятиями западного мейнстрима, а также причинно-следственными связями между ними: «В 1960-е годы целью модернизации незападных стран казался авторитаризм, в 1980-90-е ее предпосылкой повсюду стали считать демократию»².

¹ Гельман В.Я. «Недостойное правление»: политика в современной России. СПб., 2019.

² Федотова В.Г. Хорошее общество. С. 218.

Авторитетный дискурс мейнстрима до последнего времени отказывался замечать рост как классового, так и центр-периферийного, географического, межстранового неравенства современного мира¹. Более того, рост имущественного неравенства, генерируемый политическим господством капитала, является закономерным результатом, а вовсе не отклонением от логики капитализма². Привилегированное положение западных обществ как *коллективных буржуа* в капиталистической миросистеме идеологически оправдывалось мейнстримом как достижимая всеми незападными обществами *норма*, гарантированная механическим копированием западных институтов. Для большинства человечества, в том числе в самих западных обществах, достигительная стратегия конкурентно-рыночных механизмов повышения индивидуальных социальных траекторий в условиях глобальной стагнации становится окончательно проигрышной. Обещанный незападному миру экспорт либеральной демократии оборачивается упадком западной гегемонии, усугубляемым тем, что «политические теоретики нередко игнорируют тот факт, что дискуссии относительно подходящего устройства политической жизни обычно зависят от реляционных тезисов, подразумевающих акторы, действия, легитимность и цели»³.

Глобальный корпоративный капитализм, свободные рынки и демократия все чаще оказываются невзаимосвязанными феноменами, поскольку исторически капитализм «развивался вне связи с демократией, а на основе унаследованной от феодализма правовой системы, защищавшей частную собственность, и в рамках политических моделей, по современным понятиям зверски авторитарных. Более того, капитализм, движущей силой развития которого является неравенство, противоречит демократии, власти большинства»⁴. Сравнительные межстрановые исследования не подтверждают сильных связей между либеральной демократией, свободным рынком и экономическим ростом, которые скорее предписываются незападным обществам

¹ Milanovic B. *Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization*. Cambridge, 2016.

² Пикетти Т. *Капитал в XXI веке*. М., 2015.

³ Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках. М., 2011. С. 267.

⁴ Караганов С.А. Предсказуемое будущее? // *Россия в глобальной политике*. 2019. Т. 17, № 2. С. 58-72.

идеологически¹. Некоторые исследователи приходят к более радикальным выводам о негативном влиянии демократии на экономический рост, поскольку демократии сильнее поддаются влиянию отдельных групп интересов, популистских требований, более конфликтны и не способны эффективно концентрировать ресурсы². В частности, практически все постсоветские режимы характеризуются высокой корреляцией процессов экономического роста и свертывания демократии³. Аналогичные тенденции можно наблюдать во многих странах Азии⁴. Соответственно, усиливающиеся в мире олигархические тенденции в политике и олигопольные в экономике влекут критический пересмотр неolibерального мейнстрима, чья убедительность строилась на утверждениях о безальтернативном движении современных обществ к власти большинства и расширении его ресурсной базы в виде саморегулируемых и автономных рынков.

В предельном обобщении проблема регулятивных (институциональных) и ценностных (идеологических) ограничений рынка и демократии формулируется следующим образом: если конкурентный рынок (демократия) исторически является наиболее эффективным, справедливым и универсальным типом коммуникаций, то почему он до сих пор не вытеснил все иные принципы социальных коммуникаций и не охватил все сферы жизнедеятельности общества, включая семью, фирмы и государство? Отвечая на этот вопрос, Р. Коуз еще в 1930-е гг. показал, что рынок эффективен не повсеместно, а лишь в определенных пределах – как среда взаимодействия между фирмами – и при обязательном наличии внешних для рынка внеэкономических правил и гарантий. В то же время многие формы человеческой коллективности от семьи до государства в долгосрочной перспективе оказалось выгоднее регу-

¹ Doucouliagos H., Ulubaşoğlu M.A. Democracy and Economic Growth: A Meta-Analysis // *American Journal of Political Science*. 2008. Vol. 52, No. 1. P. 61-83.

² Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J., Limongi F. Political Regimes and Economic Growth // *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990*. Cambridge, 2000. P. 142-186.

³ Hanson S. The Evolution of Regimes: What Can Twenty-Five Years of Post-Soviet Change Teach Us? // *Perspectives on Politics*. 2017. Vol. 15, No. 2. P. 328-341.

⁴ Chiung-Ju H., Yuan-Hong H. Governance and economic growth in Asia // *The North American journal of economics and finance*. 2017. Vol. 39. P. 260-272.

лизовать с помощью нерыночных оснований, опирающихся на родство, дружбу, солидарность, авторитет и т.д.¹

Аналогичные позиции отстаивает и другой нобелевский лауреат П. Кругман, утверждающий, что в современных обществах политическая регуляция продолжает обладать стратегическим значением для социальной стратификации, т.е. определения места и роли конкретных граждан в общественной иерархии. Рассматривая целенаправленную политику снижения экономического неравенства и создания среднего класса в ходе реализации *нового курса* Ф. Рузвельта, Кругман прямо пишет, что «институты, нормы и политические условия гораздо больше влияют на распределение доходов, а объективные рыночные факторы – гораздо меньше, чем в том нас пытаются уверить в базовом курсе экономикс»². Политическая акцентуация и идеализация мейнстримом частного предпринимательства не позволяют увидеть, что ключевые успехи рыночных игроков часто являются лишь продолжением или присвоением результатов государственных стратегий и фундаментальных инвестиций: «Главная проблема в том, что все только и говорят о частном предпринимательстве, и это единственная история, которую обычно рассказывают, а государственное предпринимательство, как правило, не упоминается. Возникновение Силиконовой долины и индустрии биотехнологий обычно связывают с гениями, стоящими за маленькими высокотехнологичными компаниями вроде Facebook, или с множеством крошечных биотехнологических компаний в Бостоне (США) или Кембридже (Великобритания)... Но многие ли знают о том, что алгоритм, который привел Google к успеху, был разработан на средства гранта Национального научного фонда США (National Science Foundation, NSF)? Или что молекулярные антитела, заложившие основу для развития биотехнологий еще до того, как в сектор пришел венчурный капитал, были открыты в лабораториях государственного Совета по медицинским исследованиям (Medical Research Council, MRC) Ве-

¹ Coase R.H. The Firm, the Market, and the Law. Chicago, 1990.

² Кругман П. Кредо либерала. М., 2009. С. 14.

ликобритании? Сколько экспертов отдадут себе отчет в том, что многие молодые фирмы из числа самых инновационных в США финансировались не частным венчурным капиталом, а государственным – таким, какой предоставляется в рамках Программы инновационных исследований в малом бизнесе (Small Business Innovation Research Program, SBIR)? ...В сектор биотехнологий, нанотехнологий, информационных технологий (Интернет) венчурный капитал вошел через 15-20 лет *после того*, как самые важные инвестиции были уже сделаны государственными фондами»¹.

Еще более радикальные позиции относительно базовой метафоры *справедливого и равновесного рынка*, некритично экстраполируемой во все сферы жизни общества, занимает левая политическая мысль. Например, С. Амин, отмечает, что идеология *свободного рынка* легко превращается в *политический сервис* по легитимации интересов глобальной олигархии, в то время как «в реально существующем капитализме классовая борьба, политика, государство и логика накопления капитала неразделимы. Следовательно, капитализм по своей природе является таким порядком, в котором последовательные состояния неустойчивости обуславливаются социальными и политическими противоречиями, находящимися за пределами рынка»².

Исторически масштабирование европейского капитализма легитимировалось идеей прогресса как географического расширения на весь мир, в ходе которого европейский центр должен сыграть цивилизующую миссию в отношении остального человечества. В позднем (глобальном) капитализме происходит подмена цивилизаторской (прогрессорской) капиталистической экспансии в ее географическом, культурном и социальном измерении более мягкой и политкорректной версией – теориями модернизации и транзита. Однако последние, имея в своей основе все ту же метафору справедливости саморегулируемого и равновесного рынка (в политике его аналог – конкурентная демократия), не решают проблемы дефицита сильных внеэкономиче-

¹ Мацукато М. Предпринимательское государство: развеим мифы о государстве и частном секторе // Экономическая социология. 2021. Т. 22, № 2. С. 31-33.

² Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. М., 2007. С. 17-18.

ческих социальных целей, смыслов и регуляторов, способных воспроизводить и легитимировать политические сообщества в виде гражданских наций-государств. Теории модернизации и транзита предстают в виде попыток убрать классовое содержание из политики, оставив лишь экономический детерминизм как идеалы автономной саморегуляции и равновесия, работающих по умолчанию в интересах бенефициаров капиталистической мир-системы.

Дискурсы транзита и модернизации, предназначенные незападному миру, были значимой составной частью западного мейнстрима. По принципу *от противного* они должны были выявлять несовершенства западных обществ и показывать достоинства западных в качестве идеала/образца. В их интеллектуальном фундаменте продолжает господствовать хорошо замаскированный колониализм, подкрепленный расовыми теориями ориентализма и антропологии, предназначенными для изучения исключительно западных обществ¹. Однако если исходный колониализм киплинговского типа предполагал, что «Запад есть Запад, а Восток есть Восток», и иерархическая разница между ними останется навечно, то крушение колониальной системы внесло в этот *дискурс превосходства* существенные коррективы. Концепции транзита и модернизации стали предполагать историческую возможность для западных обществ стать на один уровень развития с западными, если последние будут взяты за образец и институционально скопированы. И когда многие западные общества довольно быстро достигли мирового уровня влияния (военного, экономического, культурного), то оказалось, что эвристический и легитимационный потенциал концепций транзита и модернизации исторически исчерпан. Особенно в тех случаях, когда западные общества достигли серьезных успехов в своем развитии вопреки указанным теориям².

Это нанесло ощутимый удар по западному мейнстриму, лишив его защитного слоя транзитологических концепций, востребованность которых в

¹ Валлерстайн. И. Мир-система Модерна. Т. 4: Триумф центристского либерализма, 1789-1914. М., 2016. С. 309-320.

² Чанг Х.Д. Как устроена экономика. М., 2015. С. 32-76.

незападном мире объективно пошла на спад. В итоге западные общества потеряли свойства *идеальности*, встав в ряд других обществ глобального мира, испытывающих те же внутренние проблемы, угрозы, вызовы и больше не имеющих каких-либо явных ценностно-институциональных преимуществ, помогающих с ними справиться. Запад как идеальное общество все чаще становится особым примером, который все сложнее масштабировать на мир в целом. Востребованность подобного переноса тоже все чаще оказывается неактуальной¹. Необходимость движения к универсальной политической модерности, уже ранее реализованной в западных обществах, становится все более сомнительной: «“Транзитологическая” парадигма есть лишь стыдливое воскрешение из мертвых той самой теории модернизации, которая процветала в 1950-1960-е гг., будучи предназначена для возникавшего тогда “третьего мира”, и почил в 1970-е, выявив свое интеллектуальное банкротство и политическую иррелевантность»². Универсальность теории транзита, опирающаяся на классические ценности Просвещения и Модерна, становится все более проблематичной в условиях политической, экономической, культурной глобализации. Более того, «тот факт, что неотвратимые законы и тренды истории тоже есть чьи-то перспективы и стратегии, которые “рациональны” лишь в той мере, в какой за ними стоит сила победителей, не рефлексирована теорией модернизации и современной “транзитологией”, что и делает имморализм... элементом их общей парадигмы»³.

Транзитологии могут противостоять теории, утверждающие, что ценности Просвещения и Модерна действительно *могут быть универсальны и общечеловечны*, но никак не могут быть универсальны те или иные исторические, национальные рецепты их реализации. *Проблема в том, что универсально-общечеловеческие политические ценности и институты есть условие и атрибут общечеловеческой культуры, которой в реальности никогда*

¹ Burawoy M. Transition without Transformation: Russia's Involutionary Road to Capitalism // East European Politics and Societies. 2001. Vol. 15, No. 2. P. 269-290.

² Капустин Б.Г. Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // ПОЛИС. Политические исследования. 2001. № 4. С. 7.

³ Там же. С. 10.

не существовало. Поэтому говорить от ее имени – значит претендовать на глобальную власть. Общечеловечно же человечество лишь по своему генезису, как биологический род, но в политическом срезе еще долго будут существовать конфликтующие, исторически изменчивые, часто исходящие из противоположных друг другу социокультурных аксиом государства, мировые регионы, исторические общности, народы, классы. Соответственно, как в политике, так и в системе политического знания нельзя достичь всеобщих, объективных истин, поскольку все политические субъекты де-факто ангажированы. А претендовать на всеобщность могут только прескриптивные нормы, связанные с тем, что и каким образом политические субъекты должны делать, чтобы работать на всеобщие и долгосрочные интересы человечества.

Чтобы оправдать провалы прежних обещаний и растущие издержки большинства граждан, производные от саморегулируемых рынков, элитарной демократии, ограниченной социальной политики и неолиберальной риторики, оправдывающей рост неравенства, мейнстрим вынужден обращаться к конструированию бинарных оппозиций, выстроенных в контрастных моральных категориях добра и зла, рая и ада, праведности и греха. Очевидно, что все эти мыслительные оппозиции сакрального/земного, трансцендентного/имманентного, высшего/низшего имеют более долгую историю, чем сам мейнстрим. Еще до современных нормативных разбивок на демократию/тоталитаризм, конкуренцию/монополию, рынок/командную экономику Запад (наследующий Римской империи) активно использовал риторику христианского мира, противостоящего варварам¹. Первоначально оппозиция варварства и цивилизации была статичной, объясняя непреодолимые различия разных обществ, которые можно было исправлять только *крестовыми походами* и обращением язычников в христианство. Современность принесла *идею истории*, которая стала осмысляться как динамический процесс прогресса или цивилизовывания человечества, как одновременный переход от

¹ Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М., 2008.

варварства к цивилизации. И здесь всеобщая возможность цивилизации использовалась для оправдания прогрессорства как исторической миссии белого человека. Однако последующее разотождествление *цивилизации с Европой/Западом* заставило переоценить завышенное влияние культурных факторов на развитие общества. Вслед за признанием существования разных культур, цивилизаций, традиций закономерно была легитимирована и мысль о возможности множества вариаций современностей¹. Хотя до сих пор периодически раздаются консервативные рецепты возврата к прежним христианским ценностям, от которых Запад отошел, что привело к потере его бывшего могущества².

Глобальное распространение рыночных типов ресурсных обменов и ценностей либерализма привело к необходимости рассматривать каждое общество не только сквозь призму конкретной культуры или цивилизации, но в глобальной перспективе – как часть человечества, на которую распространяются те же общественные закономерности, что и на все остальные взаимосвязанные части. Рост связей разных регионов, повышение плотности, эффективности и значимых последствий глобальных коммуникаций нивелируют для каждого конкретного общества цивилизационную логику отличий. Поэтому общественные науки, с момента своего институционального возникновения в XIX в. призванные выявлять закономерности функционирования социума в условиях формирования наций, территориальных государств и транснациональных рынков капитализма, были вынуждены отказаться от бинарного философско-культурологического кода варварство/цивилизация в пользу более релевантной модели традиционное – современное общество. Тем более, что варварство исторически релятивно и адаптируется в том числе к современности, принимая в ней латентные формы³. *Европейская норма* как привилегированный член подобной оппозиции со временем превратилась

¹ Мартыянов В.С. Один Модерн или «множество»? // ПОЛИС. Политические исследования. 2010. № 6. С. 41-53.

² Бьюкенен П. Смерть Запада. М., 2003.

³ Шевченко В. Н. Цивилизация vs латентное варварство и цивилизационный проект // Проблемы цивилизационного развития. 2020. Т. 2. № 2. С. 30-48.

лишь в *европейскую специфику* трансформаций позднего или глобального Модерна, нечувствительную к приоритетам любых предшествующих цивилизационных отличий¹. Идеи истории, национального суверенитета и постоянных изменений (прогресса) легли в фундамент общественных наук: «Сильная национальная идентичность служила легитимации государств и жесткому ограничению для обоснования альтернативных и потенциально оппозиционных лояльностей – классу, религии, этносу или языковому сообществу. Однако для безотказного функционирования и в особенности для предупреждения анти-либерального давления опасных классов либеральным государствам требовалось понять текущую реальность настоящего. Именно в этом заключалась роль трех номотетических социальных дисциплин: экономики, социологии и политической науки... Этими тремя сферами были рынок, государство и гражданское общество. Именно из этого теоретического различения трех сфер, которые, предположительно, обособились в результате перехода к Модерну, университеты вывели три дисциплины: экономику для изучения рынка, политическую науку для изучения государства и социологию для изучения гражданского общества»².

Однако нерелексируемый родовый изъян состоит в том, что общественные науки остались западоцентричными, воспроизводя неизменные архетипические сюжеты и мифические нарративы, на преодоление которых они претендовали от имени беспристрастной научной истины. В мейнстриме *Запад* остается ключевым героем *сказки о современности*: вооруженный прогрессом, рынком и демократией он совершает чудеса преобразования (выздоровления и пробуждения) всех остальных, *больных обществ*, пребывающих в летаргическом сне, навеянном его злыми протагонистами (тиранами, диктаторами, автократами, варварами и т.д.) с помощью такой социальной магии, как бюрократия, тоталитаризм, планово-государственная экономика, идеологическая монополия на политические ценности и т.д. В общем всего того,

¹ Мартыянов В.С. Политический модерн за пределами Европы: ценностное единство и институциональное разнообразие // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2010. № 3-4. С. 54-65.

² Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. 4: Триумф центристского либерализма, 1789. М., 2016. С. 284-285.

благодаря чему Китай в течение 20 лет превратился в новую сверхдержаву, полностью сломав привычный морализаторский сюжет. Цели и способы легитимации доминирующих моральных и институциональных иерархий в общественных науках можно рассмотреть на примере такой популярной метафоры, как *институциональная ловушка* (в других интерпретациях – зависимость от предшествующего развития, *колея*, культурная традиция).

Во-первых, метафора *институциональной ловушки* тесно связана со смежными метафорами *травмы* и *исторической колеи*, которые *вредят* попавшим в них обществам. Во-вторых, эти метафоры предполагают фиксацию некоего несовершенства, которое необходимо преодолеть по уже имеющимся образцам и нормам, отклонением от которых она является. Ловушка интерпретируется как отклонение/отсталость от прогресса/развития на уровне институтов, практик и норм, априори связанных в дискурсе мейнстрима с рынком, демократией, конкуренцией, капитализмом и т.д. В-третьих, она предполагает фигуру прогрессора или морального авторитета, который оценивает сложившееся состояние общества, экономики, политики, конкретного института именно как *ловушку*, а находящихся в ней как *отстающих, заблуждающихся*, живущих в иллюзиях, которых необходимо *просветить, направить* и *воспитать*. В-четвертых, вменение ловушки имеет устойчивую корреляцию с конспирологическим дискурсом, поскольку предполагает наличие у ловушки некоего субъекта – *ловца* или *бенефициара*. В частности, А.В. Верников замечает, что яркая метафора *ловушки* является умножением понятий, в котором нет смысловой необходимости, т.к. положение дел скорее даже прояснится, если «вместо пресловутой “ловушки” сказать: препятствие, неэффективность, недостаток, несовершенство, изъян, несогласованность, трудность и т.д.»¹

В результате институциональная ловушка становится оценочным (идеологическим) суждением, к которому прибегают субъекты мейнстрима,

¹ Верников А.В. «Институциональная ловушка»: научный термин или красивая метафора? // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2020. Т. 12, № 2. С. 32.

планирующие побудить своих сторонников, сателлитов и вассалов действовать выгодным для себя образом, независимо от того, соответствует ли это действительным интересам последних. Отказ от идеологических координат мейнстрима в пользу собственной субъектности означает несогласие оценивать свое положение как ловушку, а тем более пытаться из нее выбраться, следуя формальным предписаниям мейнстрима. Поскольку истинной ловушкой может оказаться попытка выхода из нее. Когда, например, для периферийных обществ миросистемы копирование типовых институциональных рецептов и следование рекомендациям внешних субъектов оборачивается именно *консервацией отсталости* в ходе бессмысленных *реформ ради реформ*. Их польза заведомо сомнительна, т.к. вменяемые изменения и их цели чаще продиктованы не внутренними целями и потребностями общества, но встраиванием экономики в технологические цепочки с низкой добавленной стоимостью, копированием формально-процедурных признаков *хорошего правления и правильных институтов*. В частности, Х.-Д. Чанг с привлечением обширного исторического и фактологического материала показывает, что большинство случаев стремительного экономического взлета незападных стран (СССР, Япония, Южная Корея, Китай, Сингапур и т.д.) опиралось на отказ от идейно-методологических принципов западного экономического мейнстрима, творческое использование ресурсов государственного регулирования и *преимуществ отсталости*, которые описывались либерально-рыночным мейнстримом как *ловушки*. Отсталые общества отказывались от своих *сравнительных* или *естественных* преимуществ, консервировавших их зависимость и периферийность, и выходили на конкурентный уровень в технологических областях, где от них этого совсем не ожидали¹.

Являясь частью, по сути, конспирологического нарратива, метафора ловушки часто оказывается бессильна что-либо объяснить, но оказывается незаменима для поддержания мейнстримных ценностно-институциональных иерархий, *символов веры* и идеологических *стигм* в глазах тех, чья вера в

¹ Чанг Х.Д. Злые самаритяне. Миф о свободной торговле и тайная история капитализма. М., 2018.

мейнстрим еще не поколеблена. Очевиден мировой рост количества успешных обществ с растущей экономикой и легитимным для большинства граждан политическим порядком, которые мейнстрим и аффилированные с западными центрами влияния экспертные организации не квалифицирует как демократические и рыночные. В то же время можно наблюдать растущее число исключений в виде рыночных демократий, в которых наблюдается экономическая стагнация, рост неравенства и внутренней конфликтности. Типичным примером подобной тенденция являются США, где покупательная способность средней оплаты труда не растет с 1970-х гг.; экономика в условиях пандемии поддерживается невозвратным ростом внутреннего долга, исчисляемого триллионами долларов, а демократия сводится к процедурам конкуренции давно сложившихся кланов элит на всех уровнях управления. Все это ведет к сущностному оспариванию понятий и оснований мейнстримных классификаций, в которых цели легитимации конкретно-исторических и далеких от универсальности интересов начинают заметно перевешивать исследовательские задачи, связанные с познанием закономерностей развития современных обществ¹. Выполнение этих задач позволяет увидеть, что общества, описывающие и легитимирующие себя как рыночные и демократические, не имеют существенно бóльших оснований именоваться таковыми, чем остальные. Поскольку западные общества, как правило, являются экономиками с центральной регулятивной ролью государства, контролирующего 40-50% и более расходов национальных ВВП; элиты позволяют участвовать большинству в эпизодических ритуалах политической легитимации, которые далеки от демократии как прямого и постоянного участия граждан в принятии общественно значимых решений. В подобном контексте общества, часто занимающие низшие позиции во всевозможных западных рейтингах свободы, демократии и рынка, могут де-факто продемонстрировать: а) господство не обремененной социальными обязательствами конкурентной рыночной экономики *в чистом виде*; б) *реальную демократию*, ко-

¹ Урбинати Н. Искаженная демократия: мнение, истина и народ. М., 2016.

торую граждане массово отстаивают в разнообразных конфликтах и гражданских войнах с оружием и с риском для жизни. Подобный способ существования демократий и рынков, который в реальной истории отличается от их благостных описаний в учебниках, имеет лишь отдаленное отношение к их слабым призракам в нынешнем западном мире.

Кризис мейнстрима обуславливает усиление альтернативных концептуальных описаний, а также способствует содержательной переоценке наблюдаемых социальных порядков. *Противоречивые* и *несовершенные* принципы и институты, описываемые мейнстримом как *архаичные, примитивные, варварские*, могут в своей социокультурной реальности быть эффективнее, чем *прогрессивные институты*. Более того, со временем может выясниться, что и последние не столь совершенны и устойчивы в долгосрочной перспективе. Они могут начать уступать место всему тому, что описывалось ранее как архаичное и отсталое, меняя местами норму и отклонения от нее. Причем в число отклонений по отношению к долгосрочным закономерностям воспроизводства человеческой истории может попасть краткий 200-летний период возвышения Запада, осененный риторикой либерализма, демократии и рынка. *Конец истории* казался необратимым, пока не исчерпал ресурсную базу экспансии Запада, уступая альтернативным механизмам поддержания социального порядка.

Проблема и в том, что назревшие изменения траектории и приоритетов развития, смена институтов и ценностей возможны далеко не всегда¹. Для этого необходимо окно возможностей, которое не всегда является открытым. Его главной предпосылкой, как правило, является слом имеющегося социального порядка, исчерпавшего ресурсы дальнейшего развития и готового подчиниться альтернативным правилам воспроизводства. И сейчас уязвимым социальным порядком все чаще становятся сами рыночно-либеральные демократии. Критически рассмотренные они обнаруживают массу противоре-

¹ Нуреев Р., Латов Ю. Что такое зависимость от предшествующего развития и как ее изучают российские экономисты // *Общественные науки и современность*. 2006. № 2. С. 118-129.

чий между риторикой элит и коллективными возможностями, а также реальное ядро властесобственности, скрытое под оболочкой формальных и второстепенных рыночно-демократических процедур и механизмов. Рынок никогда не был историческим *глобальным приливом, поднимающим все лодки*, перераспределяя ресурсы в пользу постоянно сокращающихся меньшинств. Демократия как коллективные практики принятия решений в интересах большинства или ключевых социальных групп тоже повсеместно перестает работать, что позволяет фиксировать ее дисфункциональность как «неспособность приносить народу (понимаемому как массовые непривилегированные слои) какие-либо экономические, социальные или культурные блага, способные улучшить его положение, облегчить бремя эксплуатации или защитить от определенных форм угнетения... [это означает] разведение демократии со справедливостью и утрату ею того эгалитаристского измерения, в котором (или благодаря которому) она служила развитию “социальных прав” и, говоря шире, равенства»¹. При этом идеологические предпочтения и ресурсные интересы элит, корпораций и привилегированных социальных групп масштабируются неолиберальным мейнстримом на все общество, что является классической социологической ошибкой саморепрезентации – судить о *большом обществе* по малой социальной группе, а также ведет к отрыву ценностных перспектив властных меньшинств от жизненного мира большинства.

В контексте расхождения ценностей демократии и наблюдаемых способов их реализации, глубоко противоречивыми оказываются все рыночно-демократические порядки, легитимируемые ценностями равенства возможностей и заботы о большинстве. В результате кризиса выравнивающих механизмов, связанных с демократией и социальным государством, перераспределяющих ресурсы в пользу большинства, назревает политический запрос на перемены: «там, где экономический рост настолько неравномерен, что бед-

¹ Капустин Б.Г. Изменяющиеся связи между капитализмом и демократией (в России и мире) // Логос. 2012. № 4. С. 37.

ные слои и даже средние классы все больше отстают, в то время как небольшая группа быстро богатеет, или там, где экономический рост настолько зависит от иностранных инвестиций, что выгоден главным образом иностранным инвесторам и их партнерам, – в этом случае экономические преобразования будут повсеместно восприниматься как несправедливые, породят недовольство населения и приводят к отчуждению элит и их расколу»¹.

Глобальная ситуация перераспределения новых центров силы и ресурсных принципов существования современных обществ гораздо сложнее, чем поверхностные морализации по поводу *достойного* или *недостойного* правления. Более того, все попытки морально-иерархической дифференциации не обнаруживают тех принципиальных, качественных различий между демократическими и прочими современными обществами, которые им приписывал западный мейнстрим. Во всех современных обществах можно наблюдать общие фоновые тенденции роста государственного регулирования, неравенства (систем преимуществ отдельных социальных групп) и иммунитета элит к запросам большинства. Интеллектуальные попытки вернуть релевантность западному мейнстриму с помощью конструирования локальных утопий (*плоский мир*, креативный класс, экономика знаний и т.д.), введение дополняющих концепций гражданского ремонта (Дж. Александер²), социокультурной травмы (П. Штомпка³), недостойного правления (*bad governance*), зависимости от предшествующего развития или колеи (Н. Розов) не спасают от концептуальных натяжек. Становление общества без ощутимого экономического роста, с падающей военно-экономической пользой большинства и сокращающейся потребностью в массовом труде обуславливает трансформацию мейнстрима. Усиливаются альтернативные и немейнстримные теории, описывающие контуры глобального будущего преимущественно в нерыночных и некапиталистических, а возможно, и в нелиберальных категориях. Это концепции, фиксирующие новые форматы распределения обще-

¹ Голдстоун Д. Революции. Очень краткое введение. М., 2017. С. 43-44.

² Александер Дж. Прочные утопии и гражданский ремонт // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 3-11.

³ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

ственных ресурсов, все менее связанные с рынком, демократией и гегемонией Запада, но все чаще с рентными механизмами, дистрибутивной политической регуляцией и дифференцированной ценностью разных социальных групп для национального государства¹.

Постепенный распад нарратива неолиберального мейнстрима, который комплиментарно описывает глобальную иерархию западной гегемонии, не обнаруживает тотального альтернативного языка описания. Хотя бы потому, что новые глобальные гегемоны еще не заявили о себе в полную силу, а Запад не настолько ослаб, чтобы резко потерять свое экономическое, военное и интеллектуальное влияние. Преодоление метанарратива либеральной Современности/Модерна начинается в первую очередь с переоценки его достижений относительно предшествующего ему Старого порядка. Неожиданно оказывается, что последний вовсе не был когда-то вытеснен полностью, но эффективно воспроизводится в ценностно-институциональном ядре Современности/Модерна.

Кризис западной вариации нарратива Модерна проявляется в первую очередь в том, что все большую популярность приобретают архаизирующие метафоры описания современных обществ. Ренессанс метафор феодализма объясним тем, что угасание сакрального ценностного ядра нарратива Модерна влечет естественную реакцию поиска нового трансцендентного измерения там, где оно уже когда-то существовало. Разрушение сложившегося консенсуса относительно понятийных иерархий Модерна ведет к росту популярности альтернативных аналитических моделей описания общества. Первоначально эти модели обнаруживают растущую релевантность по отношению к мейнстриму при описании *периферийных, отсталых и дефективных* обществ. Наблюдаемый в них зазор между должным и сущим поначалу описывается в виде модели *архаизации*, под которой понимаются практически любые отклонения в морали, идеологии и институциональной структуре акту-

¹ Фишман Л.Г., Мартьянов В.С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М., 2019.

альных обществ от рыночно-либерально-демократического Модерна¹. Однако введение в активный научный оборот альтернативных Модерну моделей довольно быстро и неожиданно обнаружило, что эти метафоры отлично работают и в западных обществах, которые считались свободными от указанной архаичной онтологии.

Так, В. Шляпентох одним из первых достаточно убедительно описал российское общество 1990-х гг. в категориях и аналогиях европейского феодализма. Эта метафора позволила релевантнее и глубже проанализировать закономерности общественных процессов и объяснять институциональные механизмы принятия политических решений в условиях временного ослабления центральной федеральной власти². Неофеодальные интерпретации во многом оказались эффективнее оперирования монокаузальными внешними объяснениями западного мейнстрима, сводившими все проблемы постсоветского общества лишь к *исполнительным* дефектам рынка, демократии и *плохой исторической колее*. Однако дальнейшие исследования привели ученого к закономерной мысли, что неофеодализм является более универсальной метафорой, которую он позже с успехом применяет уже в отношении реалий современного американского общества, несмотря на то что последнее всегда интерпретировалось как *идеальное буржуазное общество*, свободное от наследия Средневековья³.

В ходе сравнительных исследований под социальной тканью Модерна все чаще обнаруживаются поверхностные аналогии доброго старого Средневековья, которые окончательно никуда не уходило, повсеместно сохраняя эффект колее (институциональная инерция) и до определенного времени находясь *в тени* привилегированных метафор, легитимаций и ресурсных обменов, связанных с рынком⁴. Аналогична ситуация и с концепцией *власте-*

¹ Рябов А. Возрождение «феодальной» архаики в современной России: практика и идеи // Рабочие материалы (Working Papers) Московского центра Карнеги. 2008. № 4. С. 1-16.

² Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. М., 2008.

³ Shlapentokh V., Woods J. Feudal America: Elements of the Middle Ages in Contemporary Society. University Park, 2011.

⁴ Kotkin J. The Coming of Neo-Feudalism: A Warning to the Global Middle Class. N.Y., 2020.

*собственности*¹, которая из способа объяснения институциональных отличий периферийных и отсталых обществ стремительно превращается в убедительное объяснение закономерностей политической регуляции институционального ядра *всех современных* обществ. Разница между ними в контексте воспроизводства властесобственности состоит лишь в риторике и второстепенных особенностях; в том, что в одних обществах чаще власть доминирует над механизмами контроля собственности, а в других контроль крупной собственности, как правило, выступает условием доступа к власти, нигде не образуя *реальной автономии* одного от другого. В подобной методологической логике выдержаны работы С.Г. Кордонского о России как сословном обществе, согласно которым советское и постсоветское общество лишь мимикрировали под Модерн на уровне своей институциональной *защитной оболочки*. В то же время реальные практики ресурсного и административно-территориального воспроизводства общества посредством государства, факторы его сословной стратификации и взаимодействия коллективных субъектов, а также механизмы принятия политических решений оставались относительно неизменными со времен Петра I, создавшего долгосрочную политическую модель централизованного российского государства².

В последнее время метафору неофеодализма активно подхватили даже левые, плодотворно использующие ее для объяснения перспектив посткапитализма в условиях роста глобального доходного неравенства, когда элиты все активнее перераспределяют ресурсы в свою пользу, освобождаясь от привычных национальных механизмов эгалитарной, выравнивающей регуляции, связанных с прогрессивным налогообложением доходов и наследств³. Нарративные вариации на тему неофеодализма выражаются в дополняющей ее концепции *неопатримониализма*, акцентирующей внимание на способах воспроизводства политического порядка и взаимодействия элит, а также механизмах принятия и реализации политических решений, связанных с после-

¹ Плискевич Н.М. «Власть-собственность» в современной России: происхождение и перспективы мутации // Мир России. Социология. Этнология. 2006. Т. 15, № 3. С. 62-113.

² Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М., 2008.

³ Дин Дж. Коммунизм или неофеодализм? // Логос. 2019. Т. 29, № 6. С. 85-116.

довательным *закрытием* ключевых социальных групп, затрудняющим механизмы мобильности, которые обеспечивались в СССР сквозными партийными, силовыми и производственно-отраслевыми вертикалями. Частотный анализ употребления ключевых лексем показывает, что в российских политологических журналах «общая тенденция растущей популярности архаизирующих описаний российского общества и политики сохраняется, совпадая с общеязыковыми трендами, которые фиксируются через частотность соответствующей лексики в Национальном корпусе русского языка. Однако если в общеязыковом узусе преобладает медиевалистская терминология, что и фиксирует Национальный корпус, то политические исследования все более последовательно ориентируются на категориальный тезаурус неопатримониалистской модели»¹.

Следует отметить, что нарративы феодализма и патримониализма были выработаны уже после того, как стало считаться, что соответствующие типы социальных отношений преодолены либерально-капиталистическим Модерном. Это апостериорные аналитические описания Старого порядка с точки зрения вытеснившего его Модерна, которые имеют к тысячелетнему и многообразному историческому периоду европейского Средневековья достаточно поверхностное и условное отношение. Нарратив феодализма удобен тем, что позволяет интерпретировать Старый порядок как преодоленную историческую архаику в общей логике модели *нормы с отклонениями*, от противного легитимируя социальные, экономические и политические институты и практики Модерна. Поэтому они имеют искусственно сконструированный характер, не являясь ни полноценной заменой западному мейнстриму, ни прорывом к *истинной* социальной онтологии, которую последний до недавнего времени успешно маскировал. Подъем популярности метафор досовременной архаики являет промежуточное и переходное состояние системы идеологических координат политического нарратива глобального Модерна.

¹ Старцев Я.Ю. Неофеодализм или неопатримониализм? Количественный анализ политологической концептуализации «нового Средневековья» // *Vox medii aevi*. 2019. № 2 (5). С. 147.

На место неолиберального мейнстрима, обнаруживающего все больше классификационных лагун, белых пятен и эмпирически подтверждаемых исключений, в первую очередь претендуют его поверженные исторические оппоненты, которых он, по сути, в свое время концептуально сконструировал как свою проклятую сторону. Соответственно, в долгосрочной перспективе в схеме *нормы с отклонениями* последние могут заменить норму лишь временно и паллиативно, являясь ее неотъемлемой частью. Полноценная альтернатива мейнстриму вытеснит и *норму*, и усиливающиеся по отношению к ней *отклонения*.

Указанные трансформации понятийного аппарата политических наук с запозданием фиксируют преобладающие тенденции, меняющие глобальную социально-политическую и экономическую онтологию современных обществ. Простые бинарные оппозиции капитализм/социализм, демократия/тоталитаризм, рынок/плановое хозяйство утрачивают убедительность и онтологическую референцию после конца биполярности и распада социалистического антагониста *свободного мира*. Глобальный Модерн превращается в дифференцированное пространство *демократий, либерализмов и рынков с прилагательными*. Это само по себе лишает исходный западный мейнстрим сильных аргументов против своих оппонентов, представляющих в его собственной познавательной и идеологической перспективе уже не принципиально *другое общество*, а лишь его собственные инварианты, хоть и менее совершенные, т.к. *нелиберальная, авторитарная, заблокированная, фасадная, элитарная, ограниченная, электоральная, частичная, олигархическая демократия – это тоже демократия*. Поэтому воспроизводство бинарных оппозиций дрейфует из сферы политической науки в область социальной мифологии и символической политики, уже не образуя широкого нарративного консенсуса. Глобальное будущее все чаще предстает как многообразие возможных политических режимов, где демократия является всего лишь *одной из*, а не *единственно возможной* формой бытования политического в логике *конца истории*. Функциональное ядро современных социальных порядков

обнаруживает гораздо больше общего в своем функционировании, чем может показаться из обманчиво самоочевидных аксиом, изначально распределяющих современных общества по разные стороны жесткой моральной классификации: свобода/рабство, демократия/тоталитаризм, рынок/государство, труд/капитал, выборы/назначения, включающие/исключающие институты, открытый/закрытый доступ и т.д.

Это превращает попытки выстроить окончательную иерархическую классификацию современных политических сообществ в бессмысленную редукцию, в которой исключаящие друг друга члены бинарных оппозиций должны продемонстрировать автономное существование в разных обществах, разделив их на условные рай и ад. Подобная задача в изменчивой социальной среде современных обществ не решается онтологически, преследуя преимущественно лишь идеологические цели. Соответственно, паллиативный выход заключается в идеологическом, чрезвычайно избирательном и поверхностном взгляде на конкретные политические порядки, который с позиции реального познания этого общества является заведомо бессмысленным, хотя и способным морально легитимировать некие политические оценки, интересы и задачи с помощью конструирования *нормы с отклонениями*.

Наконец, серьезной моральной проблемой западной версии политического нарратива Модерна остается *прогрессорское* отношение к подавляющему большинству человечества. Монополия на обладание некой универсальной нормой превращается в санкцию на моральную нечувствительность ко всем наблюдаемым *отклонениям*. Однако если большинство человечества не соответствует определенным представлениям о норме, то с точки зрения принципов демократии как власти большинства следует признать, что в глобальном измерении нормальным и естественным скорее является именно исключенное из нормы большинство современных обществ, которое мейнстрим готов рассматривать лишь в части их отклонений от реалий (зачастую тоже воображаемых) западных обществ. Нарратив *нормы с отклонениями*, который представляет большинство актуальных обществ как *порочные с позиций*

либеральных ценностей, структурно ничем не отличается от *миссии белого человека*, прекрасно сочетавшейся с рабством, геноцидом коренного населения и расовой политикой, цинично оправдываемыми задачами *цивилизации отсталых варваров*. Моральные стандарты *нормальных обществ* свободно мутируют за их пределами в двойные стандарты, санкционирующие аморальные практики субъектов, наделивших себя функциями *прогрессоров* вовне цивилизованного мира, где люди становятся расчеловеченной массой, рабочей силой, статистическими цифрами или чем-то неотличимым от природы, которую можно преобразовать любыми способами. Проблема в том, что объявленные нормой на разных этапах истории христианство, капитализм, прогресс, рынок, либеральная демократия никогда не становятся универсальными и всеобщими, а потому достижимыми для большинства. Наоборот, в итоге всегда оказывается, что норма была лишь *привилегией* или *исключением*, поэтому заведомо недостижима как идеал всеми *отклоняющимися* от нее. Более того, следование норме в изменившихся исторических условиях может со временем стать невыгодным или нежелательным даже для ее создателей и приверженцев.

*В системе глобальных политических практик конца XX – начала XXI вв. либеральные демократии не обнаруживают качественных отличий как от предшествующих гегемонов, так и от других современных обществ, подвергаемых морально-идеологической дискриминации. В них сохраняется тот же глубинный механизм властесобственности с полуанонимным и мягким диктатом крупных собственников; постоянно растущее экономическое неравенство, генерируемое свободными рынками¹; скрытая классовая и иная сегрегация; *стеклянные потолки* вертикальной социальной мобильности; клановость и родственное наследование депутатских, судебных, мэрских, губернаторских и даже президентских кресел. Отсюда возникают закономерные вопросы: доминировала ли эпоха *свободного рынка* и *массовой демократии* в какой-либо исторической реальности, а не в идеологических по-*

¹ Stiglitz J.E. The Price of Inequality. How Today's Divided Society Endangers Our Future. N.Y., 2012.

строениях гегемонов? Может ли свободный рынок работать в интересах всех участников рынка? Возможно ли реальное массовое демократическое участие граждан в принятии политических решений, которое не сводится лишь к периодическим процедурам легитимации новой конфигурации политических элит, конкурирующих за голоса избирателей и т.д.? В подобном контексте трудно не обратить внимание на то, что доминирующим политологическим нарративом безупречной признается только конкуренция западных элит, в то время как аналогичные институты и процедуры в обществах, находящихся вне ядра капиталистической миросистемы, оцениваются как дефективные и недемократичные.

Новейшая экономическая и политическая история показывает, что чаще всего *свободным рынком* считалась только беспрепятственная экспансия метрополий в колонии, основанная на военном превосходстве и прямом государственном протекционизме¹. В чередующихся кризисах все очевиднее проявляется системный кризис рыночного капитализма: растет затоваренность глобальных *свободных рынков* и ответная демографическая и экспортная экспансия колоний в бывшие метрополии; усиливаются разнообразные популистские деформации демократии, в том числе в западных обществах; повышается значение внеэкономических факторов рыночной регуляции и передела самих рынков; распадается социальное государство и т.д. Все большее число влиятельных обществоведов скептически относятся к возможности дальнейшего сохранения модели рыночного капитализма в основе будущего глобального мироустройства².

Радикализация и неразрешимость широкого круга политических и экономических проблем, связанных со *стагнацией доходной базы и сокращением доступных перспектив для большинства граждан*, если окончательно и не развеивают веру в универсальность и всеисильность рыночно-демократических символов веры в основе западного политического наррати-

¹ Чанг Х.-Д. Злые самаритяне. Миф о свободной торговле и секретная история капитализма. М., 2018.

² Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. М., 2015.

ва, то заставляют критически переоценить их реальное влияние на ресурсное воспроизводство и политическое управление современными обществами.

Более пристальное внимание к политэкономической онтологии современных обществ позволяет увидеть, что ее универсальным ядром остается система властесобственности, чье существование не зависит от поверхностной идеологической риторики по поводу закрытости/открытости, демократии/авторитаризма, рынка/государства, патрон-клиентских иерархий/рыночной конкуренции и т.д. Все современные общества сложнее и противоречивее подобных бинарных схем, а их особенности и отличия вовсе не обусловлены тенденциозной абсолютизацией крайних членов этих оппозиций, зачисляющих их, например, в разряд демократических или рыночных. Поскольку в любой рыночно-либеральной демократии не составит труда выявить влиятельные внерыночные механизмы экономической регуляции, закрытые патрон-клиентские системы элитных взаимодействий и значимые системные дефекты воспроизводства демократии¹.

В подобной перспективе связка власти и собственности не является неким *проклятием* нерыночных и недемократических обществ. Различие современных обществ состоит лишь в преимущественном значении одного из ее компонентов. Если в условиях *естественного доминирования* государственной регуляции экономики скорее богатство производно от власти и статуса, то в условиях капитализма как *монетарного социального порядка* чаще политическая власть контролируется крупными собственниками и регуляторами финансовых потоков. Вовлеченность широких масс граждан в рыночный оборот не создает искомого *порядка открытого доступа*, являясь лишь обменом симуляции массового участия во власти на доступ к ресурсам (система политических рент) посредством механизмов социального государства. В такой перспективе убедительность институциональных преимуществ большинства либеральных демократий ничуть не выше, чем советские идеологические построения на тему народного государства, общенародной соб-

¹ Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959.

ственности, бесклассового общества и преимуществ новой общественной формации социализма (коммунизма) в период существования СССР. Оба варианта представляют вполне сопоставимые версии инкорпорации населения в современный политический порядок, основанные на базовом консенсусе относительно ценностей, механизмов и институтов, обеспечивающих фундаментальные права и материальное благополучие большинства. Общественное согласие может осуществляться как через гарантии гражданам собственности и ренты, так и через доступ к власти, связанный для большинства с их военным и трудовым значением. И в том, и в другом случае политическое участие большинства является символическим, а доступный ресурс не позволяет определяющим образом влиять на публичную сферу и принятие политических решений, что является атрибутивным признаком демократии.

Таким образом, рыночно-демократический политический нарратив Модерна испытывает все новые онтологические вызовы, грозящие ему утерей научной релевантности и политической легитимности в отношении описываемых им обществ. Большинство граждан в системе элитарных либеральных демократий стремительно утрачивают политическое влияние либо никогда его не имели. Широкие слои населения все менее востребованы рынком в ситуации технологического замещения человека во всех производственных цепочках, теряя значимость в качестве людей труда и воинов, в то время как политического влияния через собственность и деньги они никогда не имели. Это все чаще лишает их возможности привычного доступа к политическим рентам, распределяемым социальным государством, а объемы этих рент лишь сокращаются. Бенефициары политического порядка вынуждены обеспечивать ренту все большему количеству *лишних людей* в обмен на сам факт гражданства, чтобы не провоцировать рост политически *опасных классов*. Одновременно глобальный рынок теряет способность расширять доступное ресурсное пространство для населения, т.е. создавать новые рабочие места, генерировать прибыль и обеспечивать постоянный рост ВВП. Усиливаются

регулятивные функции национального государства как ключевого механизма стратификации и распределения ресурсов.

Кризис *нерасширяющихся* рынков и *усиление* государства, контролирующего и распределяющего в современных обществах до 40-50% и более расходов ВВП, обуславливает неизбежное сокращение и передел массовых политических рент граждан, которые отражаются в феномене популизма¹. Это партии и движения, ведущие поиск новых политических оснований, возможностей и ограничений для рентного доступа в отношении разных социальных групп, вызывающих их последующую поляризацию на основании подтверждения новых или ограничения привычных рентных прав. Наблюдается рост влияния популистских партий и движений, обещающих сохранение механизмов доступа к разнообразными благам и последовательное исключение из этих механизмов все большего количества *лишних* или *недостойных* социальных групп (неграждане, мигранты, беженцы, безработные и т.д.). Подобная разделяющая риторика интенсивно охватывает не только отдельные классы и группы, но и целые общества, в том числе центра миросистемы.

Релевантный ранее конфликт между собственниками средств производства и наемными рабочими постепенно вытесняется новой конфигурацией социальных сил. Классам, обладающим стабильной работой, собственностью, политическими рентами, начинают противостоять социальные группы, которые лишены полноценно занятости на рынке труда, не обладают политическими правами и ограничены в правах на рентный доступ в качестве граждан в постоянно обновляемой версии социальной политики, сокращающей объем социального государства. Как отмечает В.М. Ефимов, «понятия “рынок” и “демократия” хорошо служат до сих пор целям легитимации монетарного социального порядка. Многих удалось убедить, что рынок чудодейственным образом работает в интересах всех членов общества. “Рынок”, на самом деле будучи метафорой, означает не что иное, как взаимодействие

¹ Руденко В.Н. Популистский концепт защиты прав человека в условиях кризиса согласительных политических систем // Антиномии. 2019. № 4. С. 138-155.

людей между собой с использованием в качестве инструмента такого взаимодействия денег, этих свидетельств долга сообщества, в котором они циркулируют, обладателям денег... В то же время правила взаимодействия с помощью этого инструмента неизбежно ведут к усилению неравенства и относительному обнищанию основной массы населения. Что касается “демократии”, то даже при всеобщем избирательном праве существующая система дает власть богатым, оставляя бесправными всех тех, у кого нет большого количества денег»¹. К аналогичным выводам приходит Т. Пикетти, обобщивший историческую статистику динамики изменения экономических доходов населения сквозь призму децильных доходных групп. Цифры убедительно подтверждают связь расширения рынка с усилением доходного неравенства, которое оказывается возможным сгладить только политически, механизмами государственной регуляции и вне рыночного перераспределения ресурсов². Более того, реальные механизмы функционирования властесобственности в западных обществах, когда крупные собственники контролируют политические элиты, мейнстримом тщательно скрываются: «Мало представителей академических социальных наук делают попытки их раскрытия, а уж для экономистов эта тематика вообще табу. Эти механизмы всегда связаны с коллективной делиберацией влиятельных акторов этого порядка. Делиберации эти в большинстве случаев сохраняются в секрете. Тех же, кто пытается получить доступ к ним и проанализировать их, часто обвиняют в приверженности теории заговоров, конспирологии»³.

В настоящее время достигнутые пределы глобального рынка закономерно приводят конкурирующих субъектов к попыткам пересмотра механизмов контроля собственности и долей этого рынка, которые все чаще связаны с политическим и военным влиянием, торговыми войнами, политическими санкциями (запретами и преследованиями) и протекционизмом. Со-

¹ Ефимов В.М. О двух типах социальных порядков. Ч. 1 // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 1. С. 23.

² Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., 2015.

³ Ефимов В.М. О двух типах социальных порядков. Ч. 1 // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 1. С. 15.

перничество все чаще выходит за пределы *чистой экономической конкуренции на саморегулируемых рынках* в условиях достижения географических, демографических и технологических резервов их роста, ранее казавшихся *вечными*. Новую глобальную экономическую и политическую ситуацию уже невозможно убедительно осмыслить в рамках предшествующего мейнстрима, который ставит в центр своих объяснительных и идеологических моделей бесконечно растущий конкурентный рынок. Последний повсеместно перемещается из ядра на периферию общественных взаимодействий с целью извлечения и распределения ресурсов. В нарративе западного Модерна и соответствующего ему политологического мейнстрима новый укрепляющийся социальный порядок может быть осмыслен только в виде социокультурных травм, архаизирующих отклонений, патологий или *болезни*, которые надо *исправить* или *вылечить*. Тут можно провести аналогию с игравшим в СССР сходную функцию дискурсом *пережитков* или *анахронизмов прошлого*. Показательна сама эволюция этого дискурса. Вначале пережитками объясняли все различия между *правильными* советскими институтами и реальностью, т.к. сам по себе экономический базис советского строя не мог порождать имеющих место негативных явлений. Поэтому они объяснялись традицией, культурой, остатками устаревшего сословного мышления и т.д. Со временем оказалось, что советский строй и сам по себе порождает ряд негативных явлений, потому что в нем объективно существуют отношения неравенства, начальники и подчиненные, преступность, тяжелый труд и сопутствующие ему элементы эксплуатации и отчуждения, т.е. нечто, роднящее его с капиталистическими обществами. Однако *архаика* далеко не всегда оказывается тем, что должно остаться в прошлом – часто это недопонятая часть *современных* современных порядков.

Таким образом, в результате нарастающих дисфункций рынков и пределов их роста то, что ранее казалось плодами *честной работы* труда и капитала, обнаруживает следы разного рода политико-административного и силового регулирования. Актуальные тенденции глобальной эволюции капи-

тализма, рынка и демократии свидетельствуют об усилении их рентных оснований, даже если последние усиленно переводятся в *слепую зону* современных политических и экономических теорий. Можно отметить, что *архаизация* лишь ярлык, наследие западной разновидности дискурса *пережитков прошлого*, призванного скорее обходить актуальные проблемы, чем решать их.

Очевидно, что либерально-рыночный нарратив не может выйти за пределы породившей его социальной онтологии буржуазного общества, которое в период своего становления тоже было объектом морального негодования со стороны разрушающегося Старого порядка и стоящих за ним социальных сил. Исторически первоначальный нарратив *узкой модерности* (П. Вагнер) был связан с расширением политических прав тех граждан, чьи ресурсные возможности опирались на наличие собственности. Это право на неприкосновенность частной собственности, свобода слова, независимость суда, избирательные права и т.д. Дальнейшее расширение политического класса в нарративе Модерна значительным образом обусловлено трансформацией понятия собственности, которое, начиная с трудов Дж. Локка и заканчивая работами К. Маркса, стало интерпретироваться как основанное на труде. Соответственно, труд начал превращаться в более универсальный и возвышающий феномен, порождающий стоимость,двигающий прогресс и лежащий в самой основе частной собственности. В результате обширные социальные группы, чьим ресурсом являлась только способность к труду, получили фундаментальное идеологическое основание для доступа к политическим правам в дальнейшем дополнительно подкрепленное их статусом налогоплательщиков.

Соответственно, экономический и политический нарративы Модерна на нормативном уровне ассоциируют рентную ориентацию общества либо со считающимися *архаичными институтами прошлого* (*земельная рента аристократии*), либо описывают как *патологию*, характерную для *неофеодальных обществ, естественных государств* и *иных периферий современности*.

Стремительно устаревающий дискурс прогресса, во многом исходивший из исторического господства Запада и бесконечного расширения рынков, предполагал, что одни общества уже имеют некие универсальные ценности и институты, которые необходимо взрастить в других. Таким образом, военная, политическая и экономическая гегемония оправдывается задачами прогрессорства, которое сто лет назад открыто называлось процессом цивилизации варваров. На уровне политической мысли формулируются транзитологические нарративы, призванные *спасти* демократию и рынок: переориентировать государство, экономику и элиты *отсталых обществ* – по отношению к которым понятия демократии, капитализма и рынка употребляются только с негативными прилагательными (авторитарный, олигархический, фасадный, ограниченный, управляемый, нелиберальный, неопатримониальный и т.п.) – с поиска и распределения ренты на *институты развития*, связанные со *свободным рынком*.

Однако на фоне исчерпания рыночных механизмов развития все чаще обнаруживается, что феномен ренты никогда и никуда не исчезал, по-прежнему занимая центральную позицию в политэкономии капитализма: и как конечная мотивация рыночных и политических субъектов, и как способ капитализации/распределения доступных ресурсов. Политэкономия капитализма потратила немало идеологических усилий, чтобы показать несправедливость и пагубность ренты с природных ресурсов, прежде всего, с земли, принадлежащей аристократии, в сравнении с трудом и капиталом, лежащими в основе конкурентных рынков. Природная рента как архаичная в моральном отношении, а также недостойная в своем нетрудовом и неконкурентном характере, была дифференцирована от новой ренты с капитала в виде прибыли в основании нового экономического порядка капитализма. Однако, несмотря на все рассуждения о прогрессивном конкурентном основании новой ренты/прибыли, превратностях и опасностях, ожидающих на этом пути и овеянных протестантской этикой буржуа-предпринимателей, а также о благах, которые даются рабочим в качестве *свободных и мобильных наемных работни-*

ков в отличие от закрепощенных крестьян, рентные механизмы приращения власти и собственности сохраняются.

Ресурсы власти, труда, капитала, интеллекта можно рассмотреть как частные случаи ренты, а рентоориентированное поведение как нормальное и универсальное для всех людей и во все времена. Рента реализуется как возможность агента распоряжаться любыми ресурсами и благами, в том числе нематериальными. Это позволяет избавиться от сомнительных морализаций по поводу конкретных способов получения ресурсов и видов их распределения, например, в виде риторики *недостойного правления*, дохода *паразитического класса*, разделения *хорошей* и *плохой* рент и т.д.

Вменяемая людям труда *христианская этика* или *коммунистическая сознательность* в подобном утилитарном контексте являются не более, чем внеэкономическим способом принуждения, связанным с деполитизацией права на достойную жизнь и снижения стоимости труда со стороны государства, собственников производств и властвующих элит¹. Процессы коммодификации труда достигли предела, и одновременно стало обнаруживаться, что в современных обществах в оплате труда начинает резко расти скрытая доля ренты, статистически выражаемая в том, что за равный труд как в разных регионах одной страны, так и в разных странах люди получают оплату труда, дифференцированную в разы и даже на порядки². Последнее опровергает гипотезу о *саморегулируемых* и *выравнивающих* стоимость труда глобальных рынках, но гораздо убедительнее объясняется гипотезой о политической, географической, природной и иных видах рент, которую получают разные социальных группы и политические сообщества, которым посчастливилось родиться или переехать в общества центра мирэкономике.

Назревшая трансформация политического нарратива Модерна обусловлена тем, что мир эволюционирует к медленному упадку свободных рынков, падению потребности в массовом труде и выравниванию нормы

¹ Фишман Л.Г. Профессионалы морали: от риторики бесценного к политическому самосознанию // Антиномии. 2019. Т. 19, № 1. С. 49-66.

² Milanovic B. Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization. Cambridge, 2016.

прибыли на глобальных рынках. Рынок порождает неравенство, но он же дает ресурсы для политического, вне рыночного выравнивания, пока растет. Однако модерное общество, обнаружив исторические пределы ресурсного роста, становится все более неравновесным и неравным, когда население и его запросы растут, а привычные способы их удовлетворения с помощью рынка перестают действовать. Привилегированные и статусные социальные группы имеют все больше возможностей перераспределять плоды роста глобального и национального ВВП и совокупный общественный продукт в свою пользу¹.

Фактически политический нарратив Модерна с разными вариациями всегда говорит об одном – о доступе к ограниченным ресурсам, их справедливом распределении (институты) и легитимации подобного распределения в виде той или иной версии стратификации/собственности (идеология). И неважно, идет ли речь о вариативном языке искусства, культуры, экономики, политики, истории. В подобной политической перспективе граждан и социальные группы можно рассматривать как рациональных субъектов, которые выбирают механизм наиболее приемлемого для большинства распределения ренты, накапливаемой в конкретной социальной группе, политическом обществе, государстве. Статусное право на ренту и/или ее определенный уровень обуславливается преимущественно принадлежностью человека к определенному сословию, классу, социальной группе, а не способностью к труду или предпринимательству. Подобная социальная оптика все точнее описывает реальность позднемодерных политико-экономических порядков и принципов их стратификации, чем нарративное конструирование рынка и демократии, а также рабочего, среднего, креативного, предпринимательского и иных социальных классов, которые *должны* в качестве *обязательных* социальных феноменов, подтверждать нашу *современность*. Последняя выступа-

¹ Неправильный капитализм: академик Виктор Полтерович – об изъянах рентной экономики // Коммерсантъ. 07.10.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4110128>

ет в качестве обобщающей нормы, лежащей в основании легитимности общественного порядка.

Кризис рыночной метафоры открывает возможность более релевантных описаний, учитывающих специфику как изменившегося *ядра*, так и *программы* желательных последующих изменений в интересах ключевых социальных групп и общего движения к социальному порядку, отвечающего базовым жизненным интересам большинства населения. Дорогу в этом направлении начинают нащупывать правые и левые популисты с их перераспределительной риторикой, которая различается зачастую лишь оттенками в критериях доступа к той или иной доле гражданской ренты. Глобальный рентный поворот наиболее радикально проявлен в современных обществах, находящихся на полупериферии и периферии капиталистической миросистемы. В них интенсивность исторического развертывания капитализма и коммодификации всех общественных сфер никогда не достигали своих высших значений. В то же время общественные противоречия и неравенства, исторически вызываемые капитализмом, не получали в них достаточной культурной, экономической и политической *компенсации*, а тем более полного разрешения, представляя постоянно тлеющий вызов капиталистической современности и сосуществуя параллельно с рыночными регулятивными механизмами. Поэтому закономерно, что историческое исчерпание экспансии и ресурсов рыночных обменов ведет к неизбежной трансформации модели общественного бытия в пользу альтернативных источников ресурсов и механизмов их распределения.

Большинство современных обществ продолжает описывать себя как демократические и рыночные, но столь же повсеместны и нарастающие проблемы с исчерпанной идеологией свободных рынков, сменяемой неомеркантилизмом, и специфической моделью элитарной демократии. Между тем ценностные координаты базового либерального консенсуса размываются, публичное пространство современных обществ становится гибридным и ситуативным, политические стратегии универсализации проигрывают локальным этикам

добродетели, ориентированным на конкретные корпорации, сословия или *грады*¹. Наблюдается поиск оснований новых коллективных рациональностей, практик и моральных принципов, которые призваны выражать изменение социальных запросов и самой структуры общества.

Транслируемые элитами нарративы универсальной рыночной *модернизации, транзита и открытого доступа* выступают в виде попыток убрать конфликтное классовое, страновое и национальное содержание политики, оставив лишь экономический детерминизм и редукционистские математические модели, претендующие на объяснение всеобщих закономерностей². На периферию оттесняются исследование разных видов политического регулирования рынков и конкуренции; внеэкономического принуждения к труду, вплоть до откровенного рабства; исследования причин колоссальных разрывов в оплате равного труда в разных обществах; проблематика низкооплачиваемого труда женщин и детей, которая вытесняется из экономики в области антропологии или *гендерных исследований* и т.д.

Однако продолжающаяся с середины 1970-х гг. стагнация реальных трудовых доходов большинства населения развитых стран приводит к массовому разочарованию, т.к. возможности рынка и элитарной демократии для повышения уровня жизни западных граждан де-факто исчерпаны. В частности, медианные трудовые доходы занятых в экономике США не растут с конца 1970-х гг.³ Все очевиднее становится сконструированность *естественного* политико-экономического порядка современных обществ. Усиливается ценностная деуниверсализация глобального современного консенсуса, осуществляемого в пользу все более немногих корпораций, классов и обществ. Это в свою очередь не позволяет признать идеализируемой (на самом деле лишь привилегированной) эффективности всех тех институтов и инструментов, с помощью которых достигается ограниченное благо немногих,

¹ Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М., 2013.

² Ефимов В.М. Как капитализм, университет и математика сформировали магистральное направление экономической дисциплины // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. 2014. Т. 14, № 2. С. 5-51.

³ Employed Full Time: Median Usual Weekly Real Earnings: Wage and Salary Workers: 16 Years and over // Federal Reserve Economic Data (FRED). URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/LES1252881600Q>

от акций *принуждения к миру* (односторонние агрессии) до свободных рынков (генерирующих рост неравенства в пользу олигархии) и контролируемых демократических процедур, в ходе которых, согласно шумпетерианской модели элитарной демократии, конкурируют и воспроизводятся одни и те же элиты. Неолиберальный мейнстрим подвергается интенсивной критике оснований и его научной истинности, и пользы для общественного блага, обнаруживающей все более отчетливую связь этих оснований с интересами конкретных обществ и социальных групп.

В итоге оказывается, что мейнстримные классификации были в лучшем случае основаны на противопоставлении дистрибутивного ценностно-институционального ядра и периферийной рыночной оболочки современных обществ, которые в них ошибочно выдавались за принципиально различные типы обществ, экономик, политик и культур. Идеологическое отрицание собственного ценностно-институционального ядра, базирующегося на механизмах властесобственности, наследственном воспроизводстве элит и активном распределении общественных ресурсов с помощью государства (и иными нерыночными способами) является ключевым противоречием неолиберальной версии политологического мейнстрима в ядре политического нарратива Модерна. Легитимация мейнстримных иерархий часто осуществлялась на основании периферийных и второстепенных различий рыночно-либерально-демократических описаний современных обществ, воплощенных в разнообразных ангажированных рейтингах и индексах (свободы, демократии, конкуренции, инноваций, привлекательности и т.п.), либо в дифференциации сугубо технических процедур (число конкурирующих партий и кандидатов на выборах, доля обновления депутатского корпуса, явка избирателей, наличие или отсутствие референдумов, продолжительность пребывания высших должностных лиц у власти, распространение механизмов прямой демократии и т.д.) или вообще в виде субъективных иерархий идентичности («мы живем в свободном, справедливом, прогрессивном, рыночном и демократическом обществе, а они нет»).

Общие тенденции под влиянием одинаковых глобальных факторов и вызовов обнаруживают несомненное сходство сущностных и долгосрочных трансформаций как *нормативных*, так и *отклоняющихся* современных обществ в эволюции принципов их стратификации, направлений изменения структуры экономики, роли государства, демографических трендов и т.д. Важнейшей проблемой в глобальном мире становится сохранение либерального консенсуса как консолидированного нарратива Модерна, ориентированного на всеобщие и универсальные ценности. Рост значимых локальных политических субъектов, пользующихся правом *наделения ценностью* или *обесценивания* тех или иных целей, институтов, практик, затрудняет выработанные ранее форматы достижения/сохранения/изменения либерального консенсуса даже внутри западных обществ. Общая ситуация целей субъектного взаимодействия характеризуется важным трендом. Если ранее действенными способами признания и получения доступа к ресурсам для политических субъектов и социальных групп были публичные практики присоединения/вхождения в базовый либеральный консенсус, то в настоящее время эту функцию все эффективнее выполняют практики (само-)исключения из либерального консенсуса. Например, если с помощью ценностной валоризации политические субъекты могут обосновать свою *культурную исключительность*, то их шансы в иерархии доступа к ресурсам будут только возрастать. Это является парадоксом относительно ситуации раннемодерного общества, публичное пространство которого определялось *борьбой за равенство как универсализацию*, т.е. признание равными тех, кто не включен в первоначальную версию либерального консенсуса (бедные, женщины, меньшинства, другие расы, этносы, религии и т.д.).

Таким образом, ключевые вопросы о будущем политического нарратива Модерна связаны с вероятностью распада либерального консенсуса как ценностной основы современных обществ: сможет ли он сохранить свою универсальность и обновить эгалитарные принципы и практики, либо будет делегитимирован и деконструирован нарастающим валом исключений и не-

равенств. Последние заставляют задуматься о том, на каких альтернативных принципах может быть основан новый политический порядок, если либеральный консенсус перестает быть привычным ценностным фундаментом, на котором строится публичная коммуникация по поводу распределения общественных ресурсов. Очевидно, что эти идейные основания все менее соответствуют критериям демократии, либерализма и рынка. В подобном контексте неудивительно, что функциональные основания легитимности политического и экономического порядка все реже связаны с выработкой универсалий для большого современного общества и все чаще – с коллективностями более низкого уровня.

Это дает убедительные основания говорить о тенденции укрепления относительно закрытых социальных структур, где базовые возможности, права и обязанности людей определяются не только наличием гражданства и политических прав, но и положением в иерархической социальной структуре, которая сама по себе закрепляет *справедливые неравенства* разных общностей (сословия, корпорации, ведомства, территориальные сообщества и т.д.) по отношению друг к другу внутри *большого общества*. Проблема в том, что ставка на уникальность и эссенциализм групповых ценностей эффективно работает только на противопоставлении и за счет распада универсальных ценностей либерального консенсуса: *стратегии исключения* и *легитимации от противоположного* предполагают наличие широко признаваемых ценностей, закономерностей и правил политического порядка *большого общества*. Например, Запад из нормативного олицетворения либерально-демократического *конца истории*, к которому вскоре присоединится все остальное человечество, стремительно эволюционировал в *исключительность*, со временем ставшую *исключением* на фоне поднимающихся незападных центров притяжения, тех негативно описываемых в политологическом мейнстриме *нестественных государств*, в которые включено подавляющее большинство человечества.

В революционной перспективе деуниверсализация либерального консенсуса, пределы глобального роста и падение влияния Запада могут существенным образом изменить саму систему идеологических координат. В этом случае фальсифицируются множество морально-идеологических дихотомий мейнстрима. Однако после подобного революционного перехода уже не пригодятся инструментальные и промежуточные ценности, актуализируемые сегодня в концепциях неофеодализма и выполнявшие функции критической рефлексии либерального консенсуса наряду с теориями постмодерна, посткапитализма, трансгуманизма и иными концепциями будущего, не формирующими тотализирующую альтернативу либерализму.

§ 3. Проблема морально-политических изменений позднемодерного нарратива

Трансформации политического нарратива Модерна, помимо их обусловленности эволюцией капиталистической онтологии, всегда были связаны с попытками научиться контролировать ценностный источник экономического развития, подразумевающий полную или частичную отмену многих предшествующих ограничителей и запретов традиционного христианского общества, а также введение противоречащих им практик и институтов. Это усилия, постоянно направляемые на своего рода *реморализацию* миросистемы всеми доступными способами – от религиозных до философско-политических, и нарратив Модерна является самой масштабной попыткой такой реморализации. В области политического ответом на этот кризис стал комплекс идей составивших меняющийся либеральный консенсус идеологических дискурсов, лежащих в основании политического нарратива Модерна¹.

Как и религиозные доктрины, идеологии Модерна также дают морали рациональные основания². В религиозных доктринах главное допущение

¹ Мюрберг И.И. Цикличность либерализма: политико-философский анализ // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и Дальнем Востоке. 2013. № 6. С. 96-106.

² Мартыянов В.С., Фишман Л.Г. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. С. 11-36.

может быть формально недоказуемо, но описание пути к спасению и связанных с ним морально-этических вопросов, как правило, рационально. Чтобы людей связать в сообщество, нужны рациональные аргументы, рациональные формы социальных институтов и практик. Именно поэтому современные идеологии во многом перенимают формат религиозных доктрин, представляя вариации секулярных, светских религий. Поэтому кризис идеологического обеспечения капиталистической миросистемы ведет к кризису в сфере этики, а это автоматически влечет за собой и дефицит моральной регуляции. Возникает ситуация, когда ни одна из версий этики непосредственно не опровергнута, но все они не имеют прежней силы. Изначально ограниченные *протекционизмы*, цивилизационизмы, расизмы, национализмы и прочие интеллектуальные феномены кризиса миросистемы разрушают универсальную мораль. Основная проблема заключается в том, что в современном секулярном обществе именно идеологии, политические теории и учения наряду с традиционными религиями становятся основой если не общепринятых, то разделяемых значительными социальными группами морально-этических норм. В основе этического консенсуса Модерна находится консенсус идеологический. Этика и идеология во многом идентичны. Поэтому доминирующие политические дискурсы всегда имеют отчетливо выраженную этическую нагрузку и должны рассматриваться с точки зрения продуцируемой ими этики. Этические же следствия многих привлекательных и популярных политических дискурсов при более детальном рассмотрении нередко оказываются сомнительными, оправдывающими различные роды социальной несправедливости, национального эгоизма, противоречащими базовой христианской морали.

Обострение морального кризиса является не следствием исчезновения самих ценностей, а крушением способов их обоснования. Эти способы теряют убедительность. Вслед за ними теряют легитимность социальные институты и политические практики, не получающие убедительного обоснования. Это не позволяет сформулировать убедительной политической философии,

содержащей этически оправданное представление о желательном настоящем и будущем для мира. В условиях неустойчивой постбиполярности и, как следствие, очевидного обострения морального кризиса миросистемы, объективной задачей любого направления политической мысли становится поиск стратегии его преодоления или компенсации. В противном случае ни один политический режим в мире не сможет обрести достаточной легитимности, ни один модернизационный проект не получит устойчивой общественной поддержки, не будет адекватно воспринят мировым сообществом.

Г. Рормозер очень емко сформулировал суть и мотивацию этического развертывания политического нарратива Модерна: «На достижение какого состояния общества была ориентирована с самого начала эпоха Нового времени? Стремление было всегда к такому состоянию общества, при котором человек полностью распоряжался бы своей собственной судьбой и всеми социальными и индивидуальными условиями своей жизни. ...замысел состоял в том, чтобы упразднить случайность, или, говоря более обыденным языком, судьбу. ...Человек не должен был более зависеть от своей судьбы. Ему надлежало взять отныне в собственные руки естественные и социальные обстоятельства своей жизни, самому распорядиться ими, чтобы, освободившись от всякого рода зависимости, связанной с судьбой, обрести возможность поступать теперь как ему вздумается»¹. Таким образом, утопический проект Модерна, вдохновлявшийся сложным нарративом либерального консенсуса, заключался в обещании человечеству и каждому *отдельному человеку* возможности *управлять своей судьбой*.

Согласно И. Валлерстайну, либерализм, социализм и консерватизм являются идейной реакцией на капиталистическую миросистему и удовлетворяют социопсихологическим потребностям классов, составляющих ее центр. Данные потребности онтологически вытекают из мирового разделения труда. При этом доминирующей идеологией является либерализм, обусловленный экономическими и социологическими потребностями предпринимателей, ко-

¹ Рормозер Г. Кризис либерализма. М., 1996. С. 35.

торые достигают своих целей посредством не только рынка, но и государства (и без государства большей части целей достигнуть не могут). Это цели безопасности накопления, политических гарантий собственности и т.д. Классический или базовый либерализм являлся доминирующей идеологией миросистемы с конца XVIII до начала XX вв. потому, что на определенном этапе его стратегия оказалась исключительно успешной. Он сумел, с одной стороны, настоять на относительно постепенном характере прогресса и изменений общества, с другой – предложил *опасным классам* эффективную программу социальной интеграции – программу социальных и политических реформ. Эта стратегия на долгие годы обеспечила устойчивость капитализма – и не в последнюю очередь потому, что она давала надежду полноправной интеграции для всех. Тем не менее данная стратегия никогда не была последовательной. Более того, ее реализация стала возможной именно в силу ее непоследовательности. Либеральная интеграция общества в XIX – первой половине XX вв. достигается путем проведения ограниченных реформ и, что особенно важно, культивированием национализма, перерастающего в расизм – коллективный национализм цивилизованных наций. Наконец, либерализму присущ *интеллектуальный расизм* – ориентация на те слои (преимущественно *средний класс*), которые могут *правильно* пользоваться правами. Национализм, интеллектуальный расизм, сексизм одновременно являются и ограничителями либерализма, и стабилизаторами капиталистической миросистемы, в которой либерализм является центральным политическим дискурсом. Поэтому при кризисах миросистемы все они оказываются под вопросом.

Изобретенный либерализмом, но позже взятый на вооружение и остальными идеологиями, национализм как составной нарратив Модерна формально имел языческие корни: из большого числа этнических предков выбирался кто-то один (галлы, бритты, готы, славяне и т.д.), и к нему возводилась риторика относительно национальной общности. Варварские сообщества прошлого могли рассматриваться как предшественники современных наций, поскольку у них была *военная демократия* – правление вооруженных

мужчин. С юридической точки зрения, национальные государства XIX в. позиционировали себя как такое же правление вооруженных (военнообязанных) мужчин, которые в случае необходимости могли быть мобилизованы как в военном, так и в политическом смысле. Иммиграция, обусловленная формированием международного рынка труда, также вызывала всплеск националистических чувств, появление иммигрантов было символом разрушения традиционного образа жизни и развития капитализма.

Христианская религия сыграла в становлении национализма также немалую роль, поскольку в течение столетий приобрела статус уважаемой традиции. Народы Европы и американцы считали себя христианскими нациями, а свою культуру – однозначно христианской (хотя и не без уважения к языческим предкам). Они также считали себя единственно цивилизованными народами, имеющими право решать судьбы остальных – нецивилизованных. Когда в 1914 г. началась война, европейцы пошли на нее «как граждане своих стран и защитники цивилизации»¹. Вместе с тем нарастающее разочарование значительной части человечества в утопии либерализма, при его историческом развертывании в политической практике, закономерно привело к проклятой стороне подобного мессианства – недоверию к *чужим*, в базовых политических кодах свой/чужой, друг/враг. Национализм оказался востребован везде, переживая свое второе рождение. Для бывших метрополий, образующих привилегированный центр современной миросистемы, национализм оказался естественной реакцией психологической защиты против волн мигрантов. На мировой периферии национально-освободительные движения привели к образованию наций-государств и одновременно стали ответом на несправедливость глобального мироустройства, проявлением желания изменить его в свою пользу. Кроме того, национализм во многом является иррациональной реакцией различных политических сообществ на кризис проектов и концепций, предполагавших построение более эгалитарного и справед-

¹ Хобсбаум Э. Век империи. 1875-1914. Ростов н/Д, 1999. С. 242.

ливого глобального мира. В реальности разрыв богатых и бедных, Севера и Юга только продолжал нарастать.

В результате мировая периферия перестала питать иллюзии относительно идей, позволяющих догнать Запад, будь то *шоковые реформы*, транзит, модернизация или вестернизация. Рост неравенства в современной миротсистеме и внутри отдельных стран привел к ожидаемому выводу о необходимости ревизии или даже отказа от *либерального консенсуса*, т.к. последний не дал ожидаемых результатов в виде социального государства, права на достойный труд, бесплатное образование и здравоохранение большинству человечества. Одним из выходов из сложившейся ситуации стал взгляд на современный мир сквозь призму национализма. Противоречие в том, что этот самоочевидный ход изначально закрывает путь к возможности выработки наднациональных и общечеловеческих ценностей и прав, которую хотя бы декларирует основанная на либеральном консенсусе миротсистема.

Более того, если в первый раз нации появились в результате универсализирующих политических проектов Просвещения и Модерна, то позднейшее торжество национализма стало продуктом исторического разочарования в прогрессе и либеральном консенсусе как основе движения человечества к более справедливому будущему. Ренессанс национализма обусловлен и тем, что он превратился в вынужденную идейную подпорку в ситуации кризиса привычных идеологий и тенденции превращения современных обществ из классовых в рентно-сословные. *Попытки идеологически выразить интересы нового аморфного большинства привели к новым формам националпопулизма. Вне глобального контекста, в ситуации, когда либеральный консенсус в базовых чертах для развитых стран осуществлен, национализм стал претендовать на большую степень природности и универсальности, чем привычные идеологии либерализма, консерватизма и социализма.*

Но если при первом своем *пришествии* национализм был почти сакральной идеей разумного движения от традиционной аграрной общности к демократическому *сообществу равных*, объединенному общественным дого-

вором, то в настоящее время он представляет скорее *расколдованную* политическую технологию. Инструментальная риторика национализма откровенно используется элитами для сохранения социально-политического порядка, не всегда справедливого и демократичного. Исторически национализм поддерживался введением трех интегрирующих нацию коллективных практик: всеобщее голосование на выборах; построение перераспределяющего социального государства, снижающего остроту классовых конфликтов внутри нации; создание системы национальной идентичности посредством всеобщего образования и воинской повинности. Но по мере осуществления перечисленных практик, формирующих современные нации, каждая из них столкнулась с негативной оборотной стороной. Против всеобщего голосования, призванного выражать интегральную волю всех значимых социальных групп, нашлось противоядие в виде совершенствования элитами манипулятивных технологий, способов откладывания социально-экономических проблем большинства на будущее и контроля приоритетов жизненной повестки. Социальное государство оказалось недостижимой целью для экономик большинства стран миросистемы. Наконец, единые стандарты школьного образования были поставлены под вопрос мультикультуралистами, а всеобщая воинская повинность постепенно стала заменяться профессиональным принципом формирования армий.

В целом либерализм в основе ценностного ядра политического нарратива Модерна исходил из необходимости предоставления равных прав и возможностей для всех граждан, но не *здесь и сейчас*, а *потом* и только для тех групп, которые будут *готовы* воспользоваться новыми правами. Требование постепенности изменений принуждало ставить барьер за барьером на пути осуществления всеобщего равенства. Исключенных – вначале в рамках западных обществ, затем в рамках капиталистической миросистемы в целом – всегда было больше, чем избранных. Представители *опасных классов*, женщины, иммигранты, люди другой веры и т.д. только постепенно уравнивались в правах с тем небольшим меньшинством, которое получило их изна-

чально. Например, о правах неевропейских народов, без колониальной эксплуатации которых капиталистическая миросистема была бы невозможной, всерьез заговорили только после Первой мировой войны. Вплоть до середины XX в. либерализм оставался доминирующей идеологией миросистемы, сумевшей подчинить своему влиянию как консерваторов, так и левых, озвучивавших требования не интегрированных в систему социальных групп. Однако с точки зрения гораздо более многочисленных (в мировом масштабе) «эксплуатируемых» групп эта идиллия выглядела проявлением лицемерия и непоследовательности. Фактически все исторические обновления и расширения либерального консенсуса все равно были обставлены длинным рядом разнообразных «но». Права человека в теории предназначены для всех, однако на практике их часто не имеют (или имеют не в полной мере) люди без солидной частной собственности, нищие и безработные, женщины, упорствующие радикалы, «цветные», иммигранты и т.д.

Комплексные процессы повсеместного освобождения бывших колоний, возрастающий учет интересов эксплуатируемых классов, признание полноправия женщин и различных меньшинств поставили эту идеологию под огонь разнообразной критики. Антисистемные, преимущественно левые, движения практически всегда выступают против интеллектуального расизма, всех видов дискриминации и этнизации идей национализма. Если в условиях классического нарратива Модерна индустриальной эпохи национализм как механизм интеграции социума в нацию стирал сословные отличия, наделял всех людей равным гражданским статусом и правами, выполняя универсализирующую и эгалитаристскую функции, то в период глобализации национализм часто превращается в систему ограничения гражданской идентичности, способ удержания достигнутых преимуществ тех или иных обществ перед инородцами и иммигрантами. Последнее понимание национализма превращается его из способа выравнивания глобального мира в этноцентристский и антимодернистский концепт, используемый для сохранения неравенств внутри обществ и в глобальном мире.

В результате национализм, расизм, сексизм и прочие ограничения либерального консенсуса, без которых он, тем не менее, не мог работать на практике, с легкостью могли быть осмыслены как ограничения *культурные*. И они тем более вызывали негодование исключенных и всех ограниченных в правах, поскольку в идеологии либерализма насчет этих ограничений ничего не говорится, напротив, утверждается, что права человека доступны всем, вне зависимости от пола, расы, вероисповедания и т.д. Стоит ли удивляться, что исключенные из либерального консенсуса оказались восприимчивыми именно к идее *культурной революции*, призванной покончить с политикой двойных стандартов либерализма. Именно они закономерно начали считать, что только культурные ограничения мешают им овладеть всей полнотой прав – от прав индивида до прав народов.

И когда все больше *исключенных континентов, регионов, стран, классов, меньшинств, периферий* и т.д. решились потребовать давно обещанных прав и добились некоторых сдвигов в этом отношении, оказалось, что последовательное осуществление либеральных постулатов попутно разрушает культурную основу и идейное лидерство Запада. Последний не может противопоставить этому ничего, кроме невыполнимых призывов к цивилизационной реставрации¹. Актуальный кризис миросистемы заключается в том, что если у людей и народов действительно равные права, то неэгалитарность (неравенство) миросистемы нельзя сохранять. А если неравенство признать фактически, то капиталистическая миросистема объективно теряет легитимность в идеологическом отношении, хотя и сохраняет относительную стабильность в экономическом. Как аргументированно утверждает И. Валлерстайн, в ходе волнений 1968 г. впервые был поставлен под сомнение универсализм либерального консенсуса капиталистической миросистемы. И произошло это просто потому, что либерализм не смог, да и не мог в принципе, выполнить своих обещаний, данных всем людям и народам мира².

¹ Бьюкенен П. Смерть Запада. М., 2003.

² Валлерстайн И. После либерализма. С. 234-251.

Проблема заключалась в том, что, несмотря на декларируемую универсальность принципов либерализма, чем более глобальной становилась капиталистическая миросистема, тем сильнее проявлялись фундаментальные асимметрии, касающиеся качества и продолжительности жизни, доходов и потребления, мировоззрения человечества в различных частях света. Усиленное расслоение миросистемы на центр (Западная Европа, США, Япония), полупериферию (социалистический лагерь) и периферию (Латинская Америка, Азия и Африка) или первый, второй и третий мир со временем лишь подтверждало свой неслучайный характер. В 1991 г. после распада социалистического блока, а затем и СССР появились скороспелые прогнозы о *конце истории* и глобальном торжестве принципов либерализма¹. Однако область неопределенности и хаоса, конфликтов и террора, экономического неравенства, принципиальных разногласий мирового масштаба между центром и периферией, Севером и Югом продолжала нарастать.

На самом деле, как показали дальнейшие события, 1991 г. символически обозначил значимый исторический предел капиталистической миросистемы, по достижении которого она вынуждена трансформироваться. Классический либеральный консенсус перестал устраивать сначала классы, а потом и страны за пределами центра миросистемы. Политика как спор великих идеологий (либерализм, консерватизм, социализм) в рамках либерального консенсуса постепенно уходит в прошлое вместе со своей онтологической основой в виде экономических макрокласов. Язык политики как нарратив современных идеологий, бывший столь самоочевидным и понятным еще во времена биполярности и холодной войны, все менее способен объяснять актуальные политические процессы и изменения. Это кризис привычных политических субъектов и классово-идеологических идентичностей, попытки заново идентифицироваться с новыми эффективными группами, уже не идеологическими, но языковыми, этническими, религиозными являются прямым следствием дезинтеграции миросистемы. Место претендовавших на рацио-

¹ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N.Y., 1992.

нальность и научность современных идеологий все чаще занимают цивилизационные мифы. Сложные идеологические концепции уступают место простому и очевидному: универсализм больших идеологий вытесняется риторикой идентичности, которая базируется на вере, статусе, соседству, этнических связях и т.д. Рост популярности цивилизационных, этнических, националистических и религиозных концепций во многом является следствием иррациональной реакции на рост социально-экономических противоречий и фрагментацию капиталистической миросистемы. Отсюда естественный соблазн объяснить происходящие в мире радикальные перемены упрощающими истинное положение дел теориями заговора, конспирологией, цивилизационными и религиозными конфликтами, неувядающим западничеством и славянофильством. Эти теории если и не рожают новое знание, то по крайней мере указывают на воображаемых виновников происходящих негативных перемен.

Неустойчивость миросистемы в ее новейший постбиполярный период во многом стала результатом идеологического и практического крушения в мире национально-освободительных и левых движений, являвшихся выразителями интересов *опасных классов*. Эту роль ключевого внутреннего стабилизатора, инициировавшего политические и экономические изменения, в конечном счете укрепляющие, а вовсе не разрушающие политический порядок и соответствующий нарратив Модерна (как полагали крайние левые), после крушения СССР выполнять стало некому. Поскольку именно левые наиболее активно побуждали онтологию и нарратив Модерна к совершенствованию, сокращению неравенства, поддерживали веру в прогресс и лучшую участь будущих поколений. Отсюда проистекал исторический оптимизм периферийных стран и социальных классов, обделенных выгодами в рамках капиталистической миросистемы. Но вместе с распадом социалистического блока рухнули надежды на неизбежность движения к более эгалитарно и справедливо устроенному миру.

Однако крушение *социалистического лагеря* в 1989-1991 гг. стало не концом коммунизма и торжеством метафор либеральной демократии и свободных рынков, но началом глобальной трансформации общества Модерна в целом, проявленное в эволюции его политического нарратива. Эта актуальная трансформация будет происходить значимую часть XXI в., пока мир вновь не придет в новое равновесие. Естественно, что с точки зрения западных обществ, занимавших наиболее привилегированное и выгодное положение в капиталистической миросистеме, эта трансформация видится как кризис, способный ухудшить их положение в мире и понизить достигнутый уровень жизни. Неудивительно, что консервативно настроенные элиты западных обществ хотели бы сохранить контроль над мировыми процессами, аргументируя происходящие в мире изменения действиями некоего собирательного *доктора зло*, куда входят и коммунисты, и критики общества потребления, и антиглобалисты, и мусульманские фундаменталисты, и многие другие социально-политические силы, стремящиеся к изменению *несправедливого* положения дел в нынешней миросистеме.

Рациональная либеральная культура Модерна, выражающая дух капиталистического прогресса, претендует на универсальность своих экономических и политических законов в глобальном масштабе при сохранении национально-культурных способов ее воплощения. Тем не менее экономическая этика капитализма и рациональные ценности либерализма, как более *совершенные* в соответствии с концептом *прогресса*, полностью не вытесняют уникальные исторические типы этик, социальных обменов, принципов стратификации и укладов жизни в современном глобальном мире. Более того, все чаще можно видеть обратные тенденции вытеснения *идеальных типов* либерализма и свободного рынка совершенно другими принципами, институтами и практиками, которые описываются как архаичные, феодальные, сословные, патримониальные, патрон-клиентские и иные *немодерные, патологические и дефективные* способы организации социально-политического порядка. Во многом это объясняется тем, что вхождение в миросистему дестабилизирует

страны периферии в экономическом, политическом и социальном плане. На периферии может и не быть *либерализма в чистом виде*, но зато есть последствия тех практик, которые в центре миросистемы этот либерализм породили. Возникают новые экономические отношения и новые социальные группы с характерными для них социопсихологическими потребностями и политическими требованиями. Соответственно, у правящей элиты появляется такая же необходимость в идеологическом стабилизаторе, которая ранее возникает у элит стран центра миросистемы. И поэтому проблема политических дискурсов *периферийной империи/нации* – это во многом проблема *стабилизатора либерализма на периферии*. Многие в настоящее время «говорят о кризисе ценностей, столкновении цивилизаций, отсутствии универсальных стандартов, растущей глобальной неуправляемости. Все это имеет место – однако данные проблемы *не столько возникают за пределами развитых стран, сколько являют собой проекцию на остальной мир тех тенденций, которые развиваются в самих этих странах*. Глобальное неравенство имеет ту же природу, что и неравенство внутри *постиндустриальных* обществ – вся разница между ними заключена в масштабах, а они, в свою очередь, обусловлены тем, что внутри государств имеется развитая система перераспределения значимой части общественного достояния в пользу малоимущих классов, которая напрочь отсутствует в мире в целом»¹.

Актуальный пример пересмотра привычных иерархий и ценностей внутри нарратива позднего Модерна, роста всевозможных противоречий и издержек представляет объективная глобализация политики и экономики, приветствуемая панлогистами, и оппонирующая ей культурная, этническая, языковая, религиозная фрагментация мира. Например, С. Хантингтон культурные различия и полагаемые ими границы ставит выше логики капитализма и политико-экономических выгод. Тем самым обосновывается необходимость и эффективность возврата от постбиполярного мира к пре-Модерну,

¹ Иноземцев В.Л. On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века // Постчеловечество. С. 58.

«закрытия национальных экономик и поддержания разнообразных исторических видов самобытности периода “золотого века”, предшествующего глобализации»¹. Если глобализация реализует *генетические ценности универсального* либерального экономического порядка, то антиглобалисты указывают на его особенность, явное противоречие этическим, историческим, национальным, экономическим принципам укладов незападных экономик, где устранение особенностей этих укладов часто означает кризис основанных на них экономик и политик.

Соответственно, субъективная правота глобалистов/антиглобалистов относительно позитивных/негативных эффектов глобализации общества Модерна зависит от того, на ком *первый, второй, третий* политические миры или, в терминологии миросистемного анализа – центр, полупериферия, периферия, иллюстрируются издержки/выгоды глобализации. Нетрудно заметить, что экономическая глобализация формирует мировое разделение труда и капитала, где страны центра миросистемы монополизируют сверхприбыльные отрасли и производств, попутно организуя цепочки людской и сырьевой эксплуатации стран с преобладанием дешевого труда/сырья, не входящих в ядро глобализационных процессов. Более того, *свободная конкуренция* за потоки глобальных инвестиций истощает эти страны, лишает ресурсов для национально ориентированного развития. По сути, экономические обмены между субъектами глобализации носят асимметричный характер, связанный с изъятием части прибавочной стоимости у тех, кто ее произвел.

Глобальное *восстание элит*² продемонстрировало, что они готовы в одностороннем порядке пересмотреть казавшийся незыблемым контракт труда и капитала, воплощенный в идеологии *среднего класса*³, как только был устранен сдерживающий фактор в виде СССР и начался системный кризис капиталистической миросистемы, обусловленный исчерпанием прежних источников и механизмов эксплуатации и развития. Альтернатива ассимет-

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // ПОЛИС. Политические исследования. 1994. № 1. С. 33-48.

² Lasch C. The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy. N.Y., 1995.

³ Weiss H. We Have Never Been Middle Class. How Social Mobility Misleads Us. L., 2019.

ричной глобализации может быть связана с трансформацией самого *центра миросистемы*, инициированной возрастанием и реваншем всего того, что было им подавлено и вытеснено. Глобализму, опирающемуся на универсальность экономического кода и методологический индивидуализм, могут убедительно противостоять вариации нарратива позднего Модерна, ориентированные на ценностные перспективы коммунитаризма, тоталицизма, методологического холизма и космополитизма. В условиях кризисной онтологии капиталистической миросистемы именно левые идеи сохраняют утопическое измерение как пространство дальнейшего развития нарратива Модерна. Правые либерально-консервативные идеологии в сложившейся ситуации ориентированы скорее на сохранение политического порядка, который уже не может оставаться прежним и опираться преимущественно на популистский национализм, воображаемые традиции, цивилизационную риторику, ограниченные перспективы нации-государства, препятствующими масштабированию подобных политических идей на глобальный уровень.

Нарратив глобального Модерна предполагает способность каждого общества жить в соответствии с транснациональными, всеобщими правилами, одновременно их вырабатывая, т.е. мыслить с позиций всего человечества и себя лишь как его составляющей части, решать свои партикулярные проблемы как следствие более универсальных причин и фоновых процессов, выходящих за пределы суверенной территориальности, гражданства, исторического национального мифа и охватывающих все человечество. Это «способность конкретного государства, страны или народа жить не только своей обособленной, но и всеобщей жизнью, выходить за рамки своего локального, местного, национального, регионального существования. Мера этой всеобщности и становится здесь мерой собственной современности. С этой точки зрения современной нельзя считать и ту политику, которая во имя ложно понятого патриотизма и национального эгоизма отгораживается от мира, пытается противостоять глобализации, и ту, которая фактически сводит глобализацию к той же модернизации, выдавая за нее вырвавшуюся на волю и зато-

пившую весь мир рыночную стихию. Сторонниками первой позиции являются разного рода националисты, традиционалисты, фундаменталисты. Ко вторым относятся теоретики и политики неолиберального толка, трактующие глобализацию как расширение и распространение на весь мир сложившейся в течение столетий капиталистической системы. В обоих случаях мир остается разобщенным, хотя и по разным основаниям. В первом он разделяется по цивилизационным, конфессиональным, национальным границам, которые считаются непреодолимыми. Во втором – по степени включенности в мировую капиталистическую систему»¹. Популярность *локализирующих политическую мысль* цивилизационных теорий является результатом растерянности и иррациональной реакции обществоведения на кризис универсальности лежащего в основе капиталистической миросистемы либерального консенсуса. Проблема заключается в том, что политические проекты преодоления периферийности, несправедливости, эксплуатации, асимметричных обменов и т.д. можно реализовать лишь путем изменения всей миросистемы. Во все более взаимосвязанном мире изменить часть (положение конкретного класса, общества, меньшинства и т.д.) можно, лишь изменив целое.

В подобной перспективе стоит отметить, что противники капиталистических революций XVII-XIX вв. далеко не всегда отдавали себе отчет в том, что монархический порядок, препятствующий развитию капитализма, подрывал сам себя. Поэтому революция казалась им трагическим стечением обстоятельств, следствием успешного заговора врагов королевской власти, христианской церкви и традиций. Аналогичным образом и цивилизационный дискурс строится на аксиоме о первичности и непреодолимости уникальных культурных различий, нивелирование которых в условиях капитализма ведет к негативным последствиям. В интеллектуальной традиции, делящейся от Н.Я. Данилевского² и О. Шпенглера³ до С. Хантингтона¹ и П. Бьюкенена²,

¹ Межуев В.М. Ценности современности в контексте модернизации и глобализации // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2009. № 1. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/Mezhuev/>

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995.

³ Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993.

цивилизации рассматриваются как политические метафоры организмов, которые растут, живут и неизбежно умирают. И в этом никто не виноват: такова судьба цивилизаций и культур, таковы законы истории. Цивилизационный подход – это теория познания политики, понимающая цивилизацию как особый предмет, самостоятельную, уникальную реальность, для изучения которой не подходит заимствованный извне инструментарий и перенос тех или иных кейсов. Аксиома состоит в том, что любая политическая теория культурно детерминирована, а предмет, к которому ее пытаются приложить, уникален и не типичен. Политическая норма одной цивилизации не может черпаться в идейном пространстве другой. Реальная ценность теории может возникнуть только в аутентичном пространстве цивилизации, интерпретируя ее прошлое/настоящее/будущее.

Исходным пунктом цивилизационного анализа, ставящего целью отсрочить естественный конец какой-либо *уникальной* цивилизации, является возврат к *идеальному обществу*, которое в силу ряда причин отклонилось от естественных, заложенных в нем путей развития. Поэтому кризис западной, православной и любой иной цивилизации осмысливается в данной парадигме как результат отхода от цивилизационных устоев. Применение цивилизационного подхода нивелирует картину действительного и взаимосвязанного положения разных стран в капиталистической миросистеме, которое элегантно затушевывается культурной риторикой идентичности. Более того, это способ не замечать тот факт, что христианская цивилизация, а затем капиталистическая миросистема породили не только многочисленные блага, но и весь сопутствующий клубок политических проблем и пороков, который неотделим от указанных благ. Например, материально-технический прогресс капитализма во многом был компенсирован стремительным регрессом общественной морали, долгое время (почти до XVIII в.) не позволявшей *жесто-*

¹ Huntington S.P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72, No. 3. P. 22–49; Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y., 1996; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

² Buchanan P.J. The Death of the West. N.Y., 2002.

кой и *аморальной* капиталистической логике стать доминирующим регулятором в модерном обществе.

Рост неудовлетворенности в мире капиталистической миросистемой, пережившей свой подъем в 1789-1991 гг., активизирует поиск альтернативных проектов вместо миросистемы, основанной на неэгалитарном либеральном консенсусе *с двойным дном*. Однако кризис глобального либерального консенсуса ведет скорее к измельчанию, мультипликации и радикализации общественных конфликтов, в том числе возникающих в результате постоянно растущих притязаний *обделенных* и *эксплуатируемых*. Распадающиеся нации уже не в силах поддерживать веру в необходимость сильного государства, способного сохранить общее благо и долгосрочные интересы всего общества от посягательств частных интересов. Гиперактивное гражданское общество, трактуемое многими сторонниками либерализма как безусловное благо, подавляет автономию государства, поскольку любое противодействие каким-либо специфическим группам и меньшинствам тут же оценивается в логике *тоталитаризма* и *расизма*. В условиях ослабления национальных государств возвышающиеся меньшинства способны бороться лишь за изменение своего положения внутри общества, не будучи способны изменить общество в целом. Неразрешимый конфликт групповых интересов, когда потеряны механизмы его вывода на государственно-политический уровень, наносит удар по вере в государство, способное руководствоваться всеобщими интересами.

В историческом времени нарратива классического Модерна (символически его можно обозначить как период 1789-1991 гг. – от Великой французской революции до краха СССР и распада биполярного мира) любое политическое суждение, претендующее на истину, могло опираться только на реальности, выраженные в форме идеологий. Каждая из идеологий претендовала на универсальность. Связь больших идеологий с определенными группами общества позволяла им это общество интерпретировать с классовых позиций, но не позволяла встать над обществом. Однако в условиях *демократии после*

*Модерна*¹ происходит общая нейтрализация идеологического поля. Оно все реже является пространством противостояния идеологий, дающих целостные альтернативные политические картины. Представление политической нации как *гражданского общества* активно вытесняет классово-идеологические способы самоописания социальных групп, которые подчеркивают конфликтность политического взаимодействия и реальное столкновение классовых интересов. Идеологема *гражданского общества* подменяет конфликтные политико-идеологические категории нейтральной терминологией. Однако модель противопоставления гражданских интересов государству архаична, поскольку опирается на структуру нарратива, связанную с *индивидуализацией социального*. Этот нарратив противоположен идеологиям и утопиям, которые *социализируют индивидуальное*.

Отсюда возникает и та свобода, которой располагают политтехнологи, конструируя проектные партии, идеологии, партийные программы и влияя на предпочтения граждан. Популизм вытесняет классово-идеологические способы самоописания, подчеркивавшие конфликтность политического взаимодействия и реальное столкновение классовых интересов. *Рост количества политических коммуникаций и информации в современном обществе привел к девальвации классической политической риторики: метафора политического сообщества как агоры сменяется образом бормочущей толпы, которая не слышит сама себя*. Возвышение прагматичной и инструментальной политической риторики связано с тем, что она является конструктором для формирования новых политических идентичностей и субъектов. Всеобщий популизм вытесняет идеологические способы презентации социальных групп, подчеркивавшие конфликтность политического взаимодействия и реальное столкновение социальных интересов.

Популизм нацелен на прагматический результат, а не доказательство идеологических истин. Политические субъекты начинают обращаться одно-

¹ Джохадзе И.Д. Демократия после Модерна: свобода без выбора // Демократия после Модерна. М., 2006. С. 11-36.

временно к множеству культурных, национальных, языковых, возрастных, религиозных сегментов общества, где общим адресатом выступает механическое большинство, которое часто именуют гражданским обществом. Однако это большинство не *социально и не субъектно*, а скорее виртуально. Популизм – это игра ожиданиями политических масс, их страхами, мифами, мечтами¹. Основная задача популизма – не борьба за *идеологически правильное* бытие, а производство комфортного сознания. Герменевтический крен постидеологической политики состоит в том, что борьба ведется не за изменение реальности, а за *эффективную* интерпретацию этой реальности. Апология эффективности, а не поиск справедливости, лежит в его основании, указывая на элитарный, властно-политический дискурс популизма. В политической риторике идеологические понятия подменяются культурной, правовой, антропологической терминологией. Но попытки опираться на популизм, прагматизм и *центризм* от имени таких обобщающих политических субъектов, как *государство, власть, народ*, история, здравый смысл, указывают на стремление подобную позицию занять. В результате происходит общая нейтрализация и унификация политических нарративов, которая заменяет прежнее противостояние идеологий, предлагающих обществу целостные и альтернативные картины мира.

Очевидно, что призыв к социальным переменам возникает из все более явного разрыва сложившихся общественных отношений и располагаемых обществом возможностей. Это достигнутые материально-технические возможности, способные принести пользу и улучшить условия жизни многих, тем не менее, в силу не имеющих оправдания причин, остающиеся привилегиями элит. Таким образом, новые возможности входят в противоречие со сложившимися моральными, юридическими, политическими принципами, оправдывающими статус-кво. В результате расширяющегося морального негодования происходит утрата легитимности статус-кво, которое в силу от-

¹ Киселев К.В. Политический слоган: проблемы семантической политики и коммуникативная техника. Екатеринбург, 2002.

крытия новых возможностей автоматически теряет легитимность, если эти возможности монополизированы. Однако все социальные и политические критики, начиная с Г. Маркузе и Э. Фромма и заканчивая Ж. Бодрийяром и С. Жижекком, сосредоточили свой интеллектуальный пафос на второстепенных явлениях – теориях идентичности и мультикультурализма, исследовании феномена потребления, типов конформистских личностей, психологии анонимной толпы, социальной деструкции, технологиях манипуляции *социальным воображаемым*, феноменов *имплозии масс* и престижного потребления, симулякров и т.п. Однако это не более чем позднемодерная инструментальная критика изнанки политических универсалий нарратива Модерна, которая вполне может быть им переработана в его собственных целях.

Еще на заре формирующейся капиталистической миросистемы ключевая идея Просвещения – идея разумного прогресса – социально и технологически возможное сделала общественно необходимым. Осуществление возможного стало базовой целью и потребностью. Интеллектуальные и материальные *фьючерсы будущего* стали влиять на настоящее больше, чем прошлое с его консервирующим обществом здравым смыслом и традициями. Люди стали оценивать социальные институты, включая государство, исходя из их новых возможностей (управленческих, регулирующих, технологических и т.п.), а не привычных социальных иерархий. Собственно, в этом и была суть либерального консенсуса для большинства граждан – в обозримом будущем гарантированно получить те же возможности, уровень жизни и права, что в настоящее время доступны немногим. И этот принцип работал в области расширения политических и социальных прав, уравнивания прав мужчин и женщин, отмены сословий, запрета расовой дискриминации и т.д.

Однако эти возможности технически стало столь же возможно употреблять и в пользу умножения неравенства, в особенности экономического. И это расширяющееся и регулируемое неравенство рынка более обидно, чем статичное неравенство прошлого. Поскольку оно сопровождается надеждами на улучшающие изменения, которых не питали люди, жившие в традици-

онных обществах, подчиненных повторяющимся природным циклам. Неизменный ритм этих циклов был прерван идеей прогресса, линейного времени и динамически развертывающейся социальной утопии, постепенно (в противовес мгновенному хилиастическому переходу в лучший мир) и на научной основе (всеобщие законы истории) преображающей общество к лучшему. И несправедливость здесь стала интерпретироваться уже не как ухудшение социально-политического порядка, но, наоборот, как его сохранение, как нереализованность возможностей и надежд, как отсутствие изменений к лучшему. Поскольку широкие социальные, политические и экономические возможности стали неотъемлемой частью общества Модерна: «Осознание акторами все увеличивающегося различия в оценке современности в сравнении ее с предшествующими эпохами заставляет политических акторов мыслить и формулировать прагматические условия реализации их идеалов. Сознание историчности человеческого бытия и опыт радикальной новизны переживаемого момента порождают в публичном пространстве различные общественные идеалы – и радикальную утопию, и не менее радикальную ностальгию»¹.

Однако политическая драматургия XX столетия заставила скептически переоценить прогрессистские и романтические современные идеологии XIX в. на фоне масштабных войн и общественных противоречий, которые подорвали веру в утопию прогресса, неизбежное и всеобщее процветание в финале истории. Актуальная направленность коммунитарной политической мысли на поиск принципиальных альтернатив обусловлена кризисом органической для либерального консенсуса веры в прогресс как гарантии постепенного и неизбежного претворения в жизнь всего человечества либеральных принципов как равных прав для всех. До недавнего времени обездоленные, бесправные, эксплуатируемые были согласны жить *отсроченной справедливостью*, будучи уверены в ее неизбежном воплощении в жизнь в светлом будущем. Если не для себя, то для своих детей. Поэтому работала модель справедливо-

¹ Федорова М.М. Историческое сознание эпохи модерна и политическая проективность // Полилог/Polylogos. 2021. Т. 5, № 2. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110015839-4-1/>

сти как улучшения текущего социально-политического порядка, опиравшаяся на веру в универсальность ценностей либерального консенсуса.

Однако разрыв в реальных правах, возможностях, доходах между периферией и центром капиталистической миросистемы продолжал увеличиваться. Падение социалистического блока, стремившегося реорганизовать мир на условиях более эгалитарных принципов, неудачи неолиберальных модернизаций и феномены *неразвивающихся обществ* поколебали веру в то, что история человечества является прогрессом ко все более равному и справедливо устроенному человечеству. Потеря веры в реальную демократизацию и возможность обеспечения равных социальных стандартов всех нынешних обществ привела к идеологической дестабилизации капиталистической миросистемы¹. Фактически центр миросистемы не желает пересматривать выгодные глобальные иерархии распределения ресурсов, а *прозревшая периферия* уже не может с ними мириться, что ведет к обострению всех конфликтов (экономических, религиозных, классовых), нетерпимости, набирающей силу в условиях дискредитации универсальных идей прогресса, либерального консенсуса и всеобщих исторических законов. Общий рост *справедливых* требований людей, вследствие демократизации сообществ периферии, превращения их в потребительские общества в результате глобального перехода от аграрного к урбанистическому образцу жизни, несоизмерим с реальными возможностями, которые имеются у большинства стран и социальных слоев второго, третьего, четвертого мира по реализации изменений, улучшающих жизнь большинства. Однако перспективы гипотетического конфликта периферии и центра миросистемы напоминают конкуренцию владельца контрольного пакета, определяющего правила самой борьбы, и множества разобщенных миноритариев.

Капитализм и общество либерального консенсуса были связаны с формированием в качестве самостоятельного политического субъекта отдельного человека – как гражданина, индивида, автономной личности. Поэтому все

¹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. С. 27.

переходы в буржуазное (либеральное, индустриальное, современное) состояние немислимы без фоновых практик осознания себя свободными индивидами, автономными личностями. Это предполагает выход человека из повседневных структур опеки со стороны семьи, общины, церкви и прочих доминирующих структур традиционного общества. Таковы практики выделения автономной личности, без которой невозможен переход от аграрного к урбанистическому обществу, связанному с индустриальным производством и сложной техникой. Превращению масс в *личность для себя* способствовали практики политизации повседневности – и массовое образование, и массовый террор, и открытые судебные процессы, и развитие *классового чутья*¹, и практики коллективного обличения, и формы партийных и трудовых собраний, и изобретение *врагов народа*, и французский роман, открывший сложный внутренний мир современной личности с тонкими рефлексиями мотивов героев и препарированием любых душевных переживаний, и т.д. Все это кристаллизовало во вчерашних крестьянах новое видение социального мира, способы его понимания и интерпретации. Этими инструментами описания и познания стали идеологии и утопии, сменившие церковную догматику, адекватную статичным аграрным обществам, где познание социального сведено к признанию неизменных социальных и природных закономерностей мира, в котором отсутствуют социальные изменения.

Обратная сторона индивидуализма проявилась в последовательном разрушении политики, права и культуры, основанных на системе холистских, коллективных практик. После *освобождения* оказалось, что автономные личности все меньше нуждаются для принятия тех или иных решений в коллективных структурах семьи, общины, церкви, партии, идеологии и т.п. Серьезной проблемой даже в образцовых демократиях стало выражение общественной воли и агрегирование социальных интересов, когда *индивидуализация общества* достигла апогея².

¹ Хархордин О.В. Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб., 2002.

² Ринген С. Демократия: куда теперь? // Логос. 2004. № 2. С. 96-97.

Таким образом, экономическая глобализация происходит на фоне фрагментации и дезинтеграции социально-политических и культурных институтов и практик. Все большее стремление различных групп общества к уникальности, а не к универсальности, закрывает возможность диалога между ними. Остается лишь следовать модели конфликта этносов, классов, цивилизаций, центра и периферии, капитала и труда и т.п. Процессы универсализации и интеграции все чаще уступают место процессам фрагментации и сегрегации. А.Г. Глинчикова отмечает, что коммуникационный кризис Модерна проявляется в исчерпании обезличенных рационально-дисциплинарных структурных форм социальной интеграции и самоидентификации, упадок которых можно отчасти компенсировать путем стимулирования развития альтернативных коммуникаций, основанных на эмпатии, задействующей механизмы эмоционального сопереживания, сочувствия и доверия¹.

Понятийный аппарат либерального консенсуса в основе политического нарратива Модерна представляет собой самолегитимирующее основание. Политическая борьба за социальные изменения движима надеждами на лучшее будущее в модели инклюзивной консолидации. Либо в негативе – протестом против несправедливого настоящего, когда эксклюзивная консолидация выстраивается против врагов и/или субъектов несправедливости². Представляется, что расширение справедливости политических решений, прежде всего, на международном уровне, может быть связано с выработкой механизмов принятия решений, предполагающих учет перспектив интересов человечества в целом. То есть выработку долгосрочных стратегий, учитывающих не только интересы всех населяющих землю людей, но и будущих поколений. Здесь возникает та же, что и на государственном уровне, проблема агрегации и выражения сущностного интереса человечества, не подменяемого частными и особенными интересами отдельных обществ, регионов, государств,

¹ Глинчикова А. Г. Гражданский и религиозный типы общности и их роль в формировании, эволюции и кризисе эпохи Модерна // Вопросы философии. 2020. Т. № 9. С. 75–86.

² Бойцова О.Ю. К вопросу о "негативной солидарности" как концепта политической философии // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2018. № 4. С. 60-69.

ТНК, политических элит и т.д. В результате оказывается, что мыслить поверх всех границ, разделяющих человечество, значит, по сути, выйти на точку вне человечества: будь то бог, за-человечество или инопланетяне. Несмотря на подобное утрирование, интеллектуальное и практическое движение в сторону выработки принципов панхолизма представляется неизбежным и плодотворным, если человечество хочет выжить на планете.

Следует признать, что нации-государства все еще остаются ключевыми политическими акторами мировой политики, сколь бы активно их легитимность не подтачивали транснациональные корпорации и мультикультуралистские теории. Скорее можно говорить об усилении *неодновременности* современных *сложных обществ*, увеличении внутренней *гетерархии* государств и умножении вызовов легитимности нынешних наций в условиях транснационализации политического в глобальном мире. Согласно радикальной аргументации У. Бека, второй (глобальный, космополитический) этап Модерна характеризуется тем, что «политическое в глобальном столетии не вымерло, но переселилось... Мировая политика превратилась во внутреннюю мировую политику, которая лишает национальную политику границ и оснований... если кто ожидает возврата политического в понятия и форме национального государства, то он непременно поддержит жалобный хор, ноющий о конце политики. Один из пороков методологического национализма состоит в том, что он по большей части мешает политической теории и политической науке увидеть в отношении изменения форм политического, произошедшие во Втором (космополитическом) модерне»¹.

Причем если политическая форма государства создавалась и легитимировалась, по мысли Т. Гоббса, как средство избегания *войны всех против всех*, где проигрывают тоже все, то транснациональная, космополитическая политическая перспектива связана с возрастающими угрозами глобальных рисков, ответы на которые могут быть тоже только общемировыми². Тем не

¹ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. С. 329.

² Там же. С. 332-338.

менее подобная готовность передачи нациями суверенитета и государственных функций в пользу надгосударственных структур представляется слишком оптимистичной. Среди всех приводимых У. Беком доводов в пользу космополитизации очевидны только транснационализация экономики, а также совершенствование международного права, которое может стать потенциальным прототипом политической консолидации.

Нарратив глобального Модерна, выходящий за пределы наций-государств, связан, во-первых, со стремлением каждого человека и народа стать чем-то бóльшим, чем он есть на самом деле, приобщиться к великому, сакральному и трансцендентному. Во-вторых, это позитивный образ мирополитики в интересах человечества – запрос на восстановление утраченной сакральности социально-политического порядка, за которым нет никаких великих задач, миссий или светлого будущего. И финальность концепций демократии, капитализма и общества потребления как конца принципиальных идеологических споров свидетельствует именно о законченности классической современной социально-политической мысли, не стремящейся в рамках либерального консенсуса к чему-то иному, нежели в принципе устраивающее основные идеологические лагеря настоящее в пределах наций-государств. В подобном контексте и *органическая*, и *массовая*, и *потребительская*, и *гражданская* (гражданское общество) метафоры современного политического сообщества являются его властными репрезентациями. Попытки подняться над *классовой политикой* и/или занять позицию *вне политики* указывают на манипулятивный характер подобных метафор. Поэтому пессимистические концепции *имплозии масс* и *конца социального* (Ж. Бодрийяр), *виртуализации политики* и кризиса политических механизмов представительства, лежащего в основе современных демократий, выглядят все более релевантными.

Безусловно, нарратив Модерна не исчерпывается капитализмом, демократией и либерализмом. Это тождество представляется единственно значимым лишь в рамках либерального консенсуса. Если предположить, что они сами по себе представляют конечные цели, тогда стоит признать, что есте-

ственное желание большинства заключается именно в том, чтобы жить при капитализме, демократии и в обществе потребления. Все большее разочарование в капитализме, демократии, либеральном консенсусе и обществе потребления само по себе не ведет к появлению значимых альтернатив нарративу Модерна. А те, что есть, заведомо хуже, будучи связаны с изоляционизмом, комплексом величия, цивилизационной уникальностью, *особостью*, которые в итоге оборачиваются деуниверсализацией и избирательностью в политике, культуре, экономике. В результате в XX в. мировая политическая карта пережила беспрецедентное дробление политических субъектов, что лишь мультиплицировало всевозможные конфликты (этнические, исторические, экономические, культурные и т.д.), ради разрешения которых собственно и затевалось разделение бывших империй и колоний. В подобной ситуации оправдано восстановление утраченных или размытых популистской, мультикультуралистской риторикой ценностных иерархий. Не отрицая права на поиск все новых различий, права всевозможных меньшинств на самобытность, уникальность и культурную автономию, следует признать, что условием дальнейшего развития нарратива глобального Модерна как залога его выживания является поиск новых форм политической консолидации и интеграции, что, в свою очередь, связано с легитимацией изменившихся глобальных иерархий – ценностных, политических, экономических и т.д.

Таким образом, прорыв к принципиальным стратегиям универсализации в современной глобальной политике может быть связан с востребованностью принципов, легитимирующих укрупнение политических форм. Это появляется в росте исследовательского интереса к политической форме империи с присущей ей иерархической и в то же время универсальной общественной моралью, лояльно принимающей значимые внутренние различия. При взгляде на исторические империи считалась, что их единственной ролью является расширение и удержание гомогенного культурного, экономического, политического пространства. Таковы все исторические империи от Римской до Британской, всегда проводящие непреодолимые границы между цен-

тром и периферией, метрополией и колониями, гражданами и негражданами, *цивилизированным периметром* и теми, кто в него не входит, являясь источником ресурсов, дешевой рабочей силы и рынком сбыта. Универсальность исторических империй была всегда ограничена, а их сакральность и суверенность основывалась на делении на посвященных (избранных) и всех остальных, на *цивилизацию* и условных *варваров*.

Отмена данного деления всегда соотносилась исследователями с закатом и упадком империй, с получением всеми варварами статуса граждан. Так, Д. Ливен отмечает, что «слово “империя” превратилось в политике в ругательство. Использование этого термина для описания любой политической общности обычно означает осуждение данного государства, признание его незаконным, устарелым, обреченным на исчезновение. Для большинства представителей стран третьего мира “империя” ассоциируется с образами европейских колонизаторов, с пренебрежительным отношением к культуре аборигенов, с навязанным извне правлением чужестранцев... Однако гораздо более значимо то, что империя в равной мере представляется чем-то незаконным в глазах американцев – иными словами, в глазах единственного народа, чья страна на сегодня достаточно могущественна, чтобы называться настоящей империей. Исторический миф о создании Соединенных Штатов пронизан пафосом борьбы с империей. Хотя впоследствии США покорили целый континент, истребив его коренное население, большинство американцев полагали, что они создавали нацию»¹.

Тем не менее достаточно беглого взгляда на дискурс будущего в современной политической мысли, чтобы убедиться, что сакральная империя / государство аксиологически становится все привлекательнее на фоне *светлого пути* демократий, особенно движимых принципом частной выгоды и бесконечного накопления капитала. Популярность обновленной или космополитической имперской идеи исходит из отказа от исторически исчерпанной интерпретации империи, в основе которой лежит проблема уникальной иден-

¹ Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок // *Ab Imperio*. 2005. № 1. С. 78-79.

тичности, сохранить которую можно только путем изоляции. В новейшем российском политическом контексте это и логика самосохранения уникального культурного пространства, и метафора *острова*¹, и апология самодостаточной автаркии², и неповторимость культурного кода православной цивилизации³, и география евразийской державы⁴, удерживающей глобальный мир от самоуничтожения. Все это апеллирует к совсем не новой идее третьего Рима или православного Катехона, которому предначертано судьбой удерживать остальной мир от варваризации и апокалипсиса⁵. В зарубежных политических дискурсах структурно аналогичные нарративы империй активно развиваются с опорой на разные версии цивилизационизма: пантюркизм, панарабизм, китайская концепция *трех миров*, европейский союз как культурно-историческая общность и т.д.

Динамика глобального нарратива Модерна предполагает вариант политической империи, не связанный ни с военной и торгово-экономической экспансией, ни с культурным самосохранением, базирующимся на идеях изоляционизма и автаркичной самодостаточности. Это вариант преодоления нарастающей дифференциации и мультикультурализма, ведущих не к снятию причин конфликтов, но скорее к их умножению путем отмены универсалий и иерархий Модерна. Неустанная *война идентичностей* и текущих экономических интересов, всеобщие экологические, демографические, ядерные, космические, пандемические и иные угрозы актуализируют выгоды политического синтеза, отказа от сиюминутности интересов отдельных наций в пользу долгосрочных правил игры, закрепленных во всеобщих законах, институтах, ценностях. Поскольку в отдельных национальных квартирах перед лицом этих угроз уже не отсидеться, а любой тактический выигрыш части человечества является не более чем отсрочкой всеобщего поражения, если не изменится сама логика его развития.

¹ Цымбурский В.Л. Остров Россия. Перспективы российской геополитики // ПОЛИС. Политические исследования. 1993. № 5. С. 6-53.

² Паршев А.П. Почему Россия не Америка. М., 2000.

³ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003.

⁴ Дугин А.Г. Консервативная революция. М., 1994. С. 9-36.

⁵ Юрьев М.З. Третья империя. Россия, которая должна быть. М., 2007.

И роль любого крупного современного общества как генератора соответствующих изменений и всеобщих возможностей в мировой политике может резко возрасти, если это общество действует на основании принципов равенства, справедливости и безразличия к каким-либо маргинальным и периферийным отличиям. В условиях глобализации Модерна фактически все более выигрывает и в практическом, и в символическом плане политический субъект, который может предложить и поддерживать правила игры, не искаженные национальными интересами. Поскольку стратегия *реальной политики* в международных отношениях иллюстрирует отношения господина и раба, которые по определению не могут стать в глобальном мире справедливой и универсальной моделью.

Например, У. Бек, аргументируя превосходство стратегии космополитизма Европейского Союза перед де-факто обостряющей этнические и культурные конфликты американской моделью мультикультурализма, фактически ратует за позабытый обществоведами рецепт советского интернационализма. Действительный успех на пути общественного развития в условиях глобальной мирэкономки может быть связан с интернационализацией национального. Не с провалившимся построением мультикультурной нации, но с усилиями всех наций-государств по транснационализации политики. Преодолению национального как *особенного* в пользу интернационального и космополитического как *всеобщего*. Переструктурирование политических пространств и иерархий в новые властные вертикали неизбежно. Нации вынуждены делиться своими ресурсами и функциями в пользу ТНК, глобальных городов, надгосударственных союзов и т.д. Прогресс возможен, только если нации начнут себя преодолевать во имя чего-то большего, отбросив полную взаимных претензий историю, исторические ценности и мифы как факторы политики, ориентированной на прошлое. Образцом подобного встречного движения наций, враждовавших всю свою историю, отчасти является современная Европа. Очевидно, что космополитический нарратив Модерна для человечества может быть только открытым и соблазняющим.

Фактически вне Европы ее, если и критикуют, то «не из-за его [Запада] стандартов, а из-за их неприменения в случаях, когда Запад поддерживает диктаторов, коррумпированные режимы или государственный террор»¹. Происходит поиск новых ценностных оснований глобально складывающейся политической ситуации, интенция которой состоит в том, что «великая книга новоевропейской демократии до сих пор читалась на национальном уровне. Ее предстоит теперь прочесть на глобальном уровне – с позиций восстановленного суверенитета большинства, призванного демократически контролировать действия элит, подвизающихся на мировом уровне»². Однако существует и пессимистический вариант: «Демократия была эффективна в рамках национальных государств, усиление транснациональных политических институтов, с их информационными и экономическими технологиями делает публичную политику просто лишней»³.

Представляется, что глобальный или космополитический нарратив Модерна сохраняет утопическое измерение как пространство развития и изменений как этика заботы о будущем, которая не должна оглядываться на предшествующую историю как историю войн и конфликтов. И гоббсовско-шмиттовская воображаемая *логика страха, войны всех против всех, врага и друга, господина и раба, своих и чужих* все же постепенно сдает позиции в пользу проекта всеобщего государства И. Канта, законодателями которого будут выступать все люди, составляющие человечество⁴. Такова общая линия развития человечества, интегрирующегося во все более глобальные общности: племя – община – город – государство (нация) – транснациональный глобальный мир. Преодоление классовой, культурной, национальной ограниченности закрепляется во все более универсальных политических нормах и институтах. Подобное утверждение является политическим идеализмом, но только идеалы совершенствуют политику, общество и человека, позволяя им стать чем-то лучшим, чем они являются. Более того, присоединение к уни-

¹ Бек У. Космополитическая Европа: реальность и утопия // Свободная мысль. 2007. № 3. С. 34.

² Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2002. С. 65.

³ Неклесса А.И. A la carte // ПОЛИС. Политические исследования. 2001. № 3. С. 41.

⁴ Кант И. К вечному миру // Сочинения: в 8 т. Т. 7. М., 1994. С. 5-56.

версальным правилам, гарантирующим долгосрочные выгоды, является, по сути, наиболее рациональным эгоистическим решением. Конечно, условия любого консенсуса в политике часто устанавливаются за счет тех, кто готов скорректировать свою позицию или сделать одолжение, но в итоге выигрывают в той или иной степени все. Таков хрестоматийный пример из теории принятия решений – *дилеммы узника*, где два партнера достигают наибольших долгосрочных совместных успехов, делая друг другу уступки и расширяя пространство взаимного доверия вместо максимизации личной выгоды.

Представляется, что стратегический выход из актуальных ценностно-институциональных противоречий нарратива Модерна лежит в глобальной плоскости, связан с постепенной и многослойной трансформацией мироросистемы, центрированной на капиталистической экономике, в мирополитику. Это проект достройки мироросистемы до мирополитики. В свое время экономическая интеграция мира значительно опередила политическую и этическую. И желательность такой интеграции политической формы проявляется все сильнее. Универсализация политического как этического предполагает абстрагирование от конфликтов и противоречий частных и особенных интересов. Истинно политическая этика космополитического Модерна исходит из императива желательности политического сообщества, в котором есть достойное место всем. Это конструирование глобального политического нарратива Модерна для всего человечества, достаточно чувствительного к предшествующим культурным различиям и классовым, экономическим, географическим и иным противоречиям, но вместе с тем основанным на понимании того, как эти особенные и локальные конфликты могут быть преодолены¹.

Это образ будущего, которое не поддается приватизации частными и национальными интересами. Поскольку в настоящем капиталистической мироросистемы относительно рационально решаются лишь экономические про-

¹ Wagner P. World-Sociology: An Outline // Social Imaginaries. Special Issue: Trajectories of Modernity: Towards a New Historical-Comparative Sociology. 2016. Vol. 2, No. 2. P. 87-104.

блемы и противоречия, а национальная и в еще большей степени международная политика, несмотря на умножаемые взаимные соглашения и аморфные международные структуры, остается сферой применения силы или угрозы такового применения. Вместе с тем можно отметить и долгосрочные позитивные возможности, связанные с целенаправленной консолидацией трансациональных сообществ и укреплением этических, правовых и политических доводов в пользу движения к глобальному гражданству¹.

Империя как механизм реинтеграции политических пространств может переиграть современные нации-государства, только если предложит более универсальные и прозрачные культурные, этические и экономические правила игры, нежели имеющиеся. В инструментальной перспективе империя как интегрирующая форма политического представляется реальной альтернативой постоянно дробящимся нациям-государствам, чьи базовые признаки Модерна основаны на системах множасьихся различий и конфликтов, а не тождеств, характерных для эпохи классического Модерна как расширения универсальных пространств. И экономическая, и политическая глобализация мира, ползучее распространение ядерного оружия, экологические проблемы и прочие угрозы всеобщего характера не оставляют человечеству иных разумных и эффективных альтернатив, кроме движения к трансациональным ценностям и механизмам согласования интересов в условиях формирующейся на наших глазах политической онтологии глобального Модерна, надстраивающей новую мирополитику над уже свершившейся и де-факто функционирующей мироэкономикой. Очевидно, что любой политический нарратив осуществим только практически, и эта реализация и будет его критерием истинности: «Навряд ли ...действенный проект когда-либо появится из теоретических изысканий, подобных нашему. Он возникнет только из практики. В определенный момент рассуждений Марксу понадобилась Парижская коммуна,

¹ Акопов С. В. «Мировое гражданство» глазами его критиков (пять аргументов против «насыщенного» космополитизма М. Нуссбаум) // Управленческое консультирование. 2015. № 2 (74). С. 107-114.

чтобы, совершив рывок, представить коммунизм в его конкретике как действительную альтернативу капиталистическому обществу»¹.

Наивно было бы полагать, что некая партикулярная социальная позиция станет доминирующей и всеобщей путем обращения через головы национальных элит непосредственно к другим народам, в среде которых эта позиция найдет понимание. Движение истории, трансцендирующей современный политический порядок, продолжается вне зависимости от желания тех или иных социальных сил *остановить историю* в моментах, выгодных этим силам здесь и сейчас. Историю движут общественные идеалы, заключенные в утопиях². Но подобное исчезновение означала бы лишь утрату способности человечества понимать историю, создавать новые цели и претворять свои идеалы. Отказ от утопий есть отказ общества от собственных возможностей, от возможности осуществления всеобщего, освобожденного от партикулярных интересов и ограниченной логики проживания в *лучшем из миров*. Для инициации назревших изменений необходим этический переворот, расширяющий пространство моральных политических решений. Там, где логика капиталистической миросистемы (логика прибыли) исключает такой подход, нужно лишать политических, правовых и прочих оснований саму эту логику. В свое время христианские секты путем самопожертвования и отказа от римского аналога общества потребления выиграла в главном – в области духа и идеологии, сформировав новое общество и иную картину мира, во многом сохраняющуюся до сих пор. Наконец, формирование нового общества может происходить не только через обращение к всеспасительной логике прогресса, который все исправит и наладит сам по себе. Подобный исторический оптимизм безоснователен, а доступные ресурсы, как обнаружила капиталистическая миросистема, не бесконечны.

Масштабная онтологическая трансформация позднемодерного общества значительно опередила развитие категориального и методологического

¹ Хардт М., Негри А. Империя. С. 195-196.

² Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 218.

аппаратов социальных наук, осмысляющих эти перемены. Тем не менее все ключевые споры сводятся к принципиальному вопросу: есть ли более справедливые для человечества альтернативы капитализму, демократии, национальному государству, идее гражданства? Пока таких принципиальных альтернатив не наблюдается, либо они обладают слишком локальной релевантностью и убедительностью в виде малых социальных групп (аристократия, буржуазия, средний класс, креативный класс и т.д.), некритично масштабируемых как возможный позитивный образ будущего общества. Наоборот, политические дискуссии внутри нарратива Модерна имеют скорее инструментальный характер, связанный с социокультурными настройками включения/исключения из корпуса граждан тех или иных групп, об объеме прав и привилегий для различных групп, о соотношении коллективных интересов тех или иных политических сообществ.

Выводы

Капиталистическая миросистема как историческое явление и онтологическая основа политического нарратива Модерна переживает *кризис кризисов*, выход из которого уже не может быть только экономическим. Это лишь отсрочит и усугубит структурные противоречия классов, рынков и регионов очередным финансовым крахом и/или пространственной переброской эпицентра кризиса по центр-периферийной модели мироэкономики. Исторический упадок капиталистической миросистемы требует политических решений, связанных с а) признанием и легитимацией новой политической онтологии (размывание привычных экономических классов, подъем прекариата и разных меньшинств), б) трансформацией принципов социальной стратификации, в) изменением критериев общественной полезности и условий доступа разных социальных групп к ресурсам.

Трансформация политического нарратива Модерна связана с тем, что новой конфигурации социальных групп придется обновлять принципы соци-

ального согласия и распределения доступа к общественным ресурсам в условиях *общества без экономического роста, массового труда и с ведущей ролью государства*. Представляется, что альтернативное ядро политического нарратива Модерна в виде модели рентного доступа, связанного с дистрибутивными обменов, безусловным доходом и признанием внеэкономической ценности каждого человека будет иметь все больше ценностных и институциональных преимуществ по мере исчерпания возможностей экспансии *свободных рынков* и стратегии *тотальной коммодификации* общественных отношений.

Аналогичные процессы происходят и на уровне категорий описания/легитимации, составляющих нарратив Модерна. Политологический категориальный аппарат в ядре политического нарратива Модерна, сформировавшийся под историческим влиянием западной гегемонии, механизмов либерального консенсуса, метафоры рынка, ценности демократии и идеи бесконечного экономического роста, все менее соответствует социальной онтологии. Набирающие силу рентно-сословные трансформации современных обществ в потенциальной теоретико-методологической перспективе позволяют отказаться от описания большинства современных обществ как отклонений от идеального типа современной демократии – демократии *управляемой, ограниченной, заблокированной, суверенной, авторитарной, незавершенной, дефективной, фасадной, «демократуры»* и пр. И, соответственно, от не менее патологичных моделей *модерного* экономического порядка как *капитализма с прилагательными – государственного, олигархического, офшорного, корпоративного, компрадорского, сырьевого, экстрактивного* и пр. Вместе с тем возникает возможность рассмотреть, как, почему, с помощью каких механизмов и в чью пользу исторически меняется иерархия распределения ресурсов на глобальном, национальном, классовом и иных социальных уровнях и измерениях.

В подобном прагматическом контексте рыночные, демократические, либеральные теории *должного общества* обнаруживают неустранимый нар-

ративный заряд *прогрессорства и идеологических морализаций в контексте западноцентричной модели философии истории*. Представляется, что в будущем будет усиливаться релевантность политического нарратива, исходящего из признания растущего в актуальных обществах господства дистрибутивных ресурсных обменов, контролируемых преимущественно государством. Будет расти и значение новых групп, занятых производством разного рода *услуг*, завязанных на отношения между людьми, которые не сводятся полностью ни к отношениям на рынке, ни к контролируемому государством распределению ресурсов. Наконец, в контексте коррекции политического нарратива Модерна активно совершенствуются популистские политические риторики, направленные на обоснование локальных сословно-корпоративных добродетелей в противовес универсальной морали *большого общества*. Эти добродетели становятся основанием для привилегированного, эксклюзивного доступа к общественным ресурсам для отдельных социальных групп, например, в виде признания их персональных преимуществ (аристократия, меритократия), *капитализации* реальных или воображаемых исторических и социокультурных травм, а также поводом для отказа в рентном доступе другим группам (мигрантам, негражданам, безработным, самозанятым и т.д.).

По мере исторического исчерпания морального импульса капиталистической миросистемы вера в возможность равного развития *всех* стран и народов была подорвана. В условиях роста глобального неравенства усилились локальные, ограниченные вариации современного нарратива, адресованные индивидам или отдельным обществам. Они исходят из существовавших еще до Модерна ценностей права на жизнь, свободу и собственность, дополненных риторикой коллективных прав национально-культурных общностей, привилегий меньшинств, социальных прав, понимаемых как права на доступ к потреблению каких-либо благ и т.д. Такого рода этика передела и установления иерархии доступа к благам и возможностям имеет все меньше общего с начальным либеральным проектом управления человечеством собственной

судьбой, превращаясь в девальвирующий ценности Модерна популизм. Поэтому либеральная идеология и позднейшая социалистическая утопия в основе нарратива глобального Модерна испытывают нарастающую критику, в связи с их расширяющимся несоответствием реальным политическим порядкам, ценностям и критериям принятия политических решений.

Таким образом, возникает явная потребность в обновлении глобального нарратива Модерна и его моральных оснований, способных компенсировать накопленные неравенства и невыполненные обещания либерализма. Без этого не может появиться новых жизнеспособных политических идеологий и утопий, которые одновременно являются и обосновывающими этическими дискурсами для политической практики. Будущее позднемодерного общества все чаще предстает в контексте морально-политических изменений, фиксируемых в утопическом нарративе космополитического Модерна. Это замысел *космополитической эгалитарной утопии* в интересах всего человечества взамен не оправдавшего ожиданий значительной его части базового *либерального консенсуса, во многом так и не вышедшего за пределы классов и наций-государств*. Варианты дальнейшего развития политического нарратива Модерна уже присутствуют в нем самом, но их реализация связана с консолидацией новых политических субъектов, желанием социально-политических перемен, политическим проективизмом, планами изменения миросистемы в целом и лишь как следствия – отдельных политических сообществ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фундаментальное значение Модерна в качестве центрального объяснительного и легитимирующего нарратива социальных наук трудно переоценить. По образному выражению Э. Хобсбаума, к середине XX в. 80% населения Земли рассталось со Средневековьем, шагнув в модерное общество, связанное с фоновыми процессами урбанизации, индустриализации, индивидуализации и демократизации¹. Это пост-традиционное общество, ориентированное на научное овладение жизненным миром и свободу управления собственной судьбой. Первые системные, комплексные признаки Модерна стали проявляться вместе со становлением в *долгом* XVI в. капиталистической мир-системы, однако сами политические понятия, составившие политический нарратив Модерна, окончательно сформировались, получили признание (автономию) и заговорили от имени политических субъектов в полную силу лишь в период Великой французской революции.

Модерн (Современность, Modernity) и соответствующий ему нарратив являются, возможно, наиболее идеологизированной проблемой общественных наук, ответ на которую задает все прочие ценностные, онтологические и воображаемые иерархии и координаты. Мы находимся внутри современности, но вместе с тем это могут быть разные вариации постоянно меняющегося Модерна, зависимые от исторического времени, конкретного общества и субъекта интерпретации. По многим ключевым показателям дифференцированы общества Модерна XVIII и XIX вв., или Модерна начала и конца XX в. Монополия на нарратив Модерна является мечтой любых политических и философских учений, государственных властных аппаратов и социальных сил, обосновывающих легитимность тех или иных актуальных социально-политических, культурных, экономических порядков или их альтернатив. При этом рефлексия своей социальной ангажированности и партикулярности закономерно оборачивается фальсификацией любых универсальных концеп-

¹ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914-1991). М., 2004. С. 311.

ций и систем легитимности, взывающих к политическим истинам Модерна. Представляется, что политический нарратив является постоянно редактируемой системной самоописания, соответствующей открытости постоянного меняющегося Модерна, относительно которого рано итожить окончательные исторические итоги. Однако мы можем многое узнать о современном обществе, если осмыслим те внутренние изменения, которые претерпел ценностно-институциональный нарратив Модерна в ходе своего становления до нашего времени.

Относительно генезиса, трансформации, возможных альтернатив и вызовов политическому нарративу Модерна можно сформулировать следующую взаимосвязанную последовательность выводов.

В наиболее общем виде нарратив Модерна представляет исторически подвижную конструкцию взаимосвязанных понятий, организующих институциональное пространство посттрадиционного общества. Прежде всего, это совокупность идеологий/утопий и конфликт их ценностных обоснований, представляющий динамику столкновения социальных сил, укорененных в капиталистической миросистеме. Данная исследовательская традиция опирается преимущественно на классические работы К. Маркса, К. Мангейма, А. Грамши, Г. Маркузе, Ф. Джеймисона и др., где появление и трансформация политического нарратива Модерна во многом обусловлена новой общественной онтологией капитализма и порождаемой им классовой структурой общества.

Противоречивая институционализация классического либерализма оборачивается кризисом традиционной морали, апеллирующей к неизменному, божественному политическому порядку. Моральная и интеллектуальная автономия индивида предполагает, что никакие ценности, претендующие на общую значимость, не превосходят ценности отдельного человека. Общество, церковь, семья и государство интерпретируются не как объективные и сакральные источники морали, законодательства и политики, а как общественные соглашения, как формы воспроизводства самого гражданина. Мас-

совое наделение граждан политическими правами и субъектностью обусловило переход от феодального общества с неизменными социальными ролями, идентичностями и ценностями к нестабильному современному *обществу риска* (У. Бек). Политическая свобода граждан проявляется в легальных возможностях воздействовать на общество не только в рамках существующего социально-политического порядка, но и в праве совершенствовать сами законы общества. Поскольку финальной истиной об обществе никто не владеет, политические практики свободы подразумевают процесс универсализации изначально партикулярных социальных позиций и ценностей, а также тех субъектов, которые их исповедуют. Свобода может быть не только направлена против насилия, но и сама стать насилием. И отличить практику освобождения от практики подавления может лишь их нравственное различие, способность политического субъекта опереться на более универсальные нормы и убедительную эгалитарную мораль, нежели имеющиеся у противников.

Базовыми консолидирующими современными феноменами, организующими его онтологию, являются *капитализм, либерализм и национализм*. Капитализм генерирует постоянный прирост ресурсов и задает доминирующую стратификацию общества на экономические классы, определяемые по их отношению к рынку. Стратегия морально-политической компенсации негативных экстерналий и общественных издержек капитализма осуществляется в виде постоянно пересматриваемого *либерального консенсуса* (И. Валлерстайн) современных идеологий. Наконец, территориальное национальное государство выступает как доминирующая политическая форма, сочетающая принципы территориального суверенитета, властного аппарата и гражданства. Нация-государство позволяет создать приемлемый баланс рынка и фоновых, внеэкономических факторов обеспечения его существования, которые сам рынок и его теории предпочитают выносить за скобки. Такого сочетание капиталистического производства, эксплуатации, конкуренции и накопления капитала с институциональным закреплением перечня неотчуждаемых гарантий, прав и свобод граждан. За координацию и примирение

конфликтных коллективных интересов в современном обществе отвечает нарратив *демократии*, последовательно проработанный в хабермасовской идее коммуникативного (процедурного) консенсуса. Осмысление и легитимация постоянных изменений современного общества как *социальной нормы* представлены нарративами *прогресса* и *революции*. Эти понятия образуют ценностное и функциональное единство нарратива Модерна, основу его самоописания, воспроизводства и легитимации социального порядка.

В данном контексте прослеживается идейный генезис политического нарратива Модерна из кризиса христианской морали, обусловленного зарождением и развитием капиталистической миросистемы. Принципы капиталистической миросистемы, освобожденной от ограничителей традиционной христианской морали, впервые зародились в Европе в XVI в., а затем через циклы буржуазных революций, процессы колонизации (вестернизации), глобализации культурных, экономических, масс-медийных коммуникаций постепенно охватили весь мир. Исторически политический нарратив Модерна, вытеснивший сословно-феодальный нарратив Старого порядка, впервые явил сконструированность социально-политического порядка, обосновал его автономию от *неизменного* божественного образца. Традиционное общество принципиально отличается от современного *скоростью* социальных изменений. До Модерна скорость изменений настолько мала, что на протяжении одного поколения изменения практически незаметны, что создает всеобщую иллюзию, будто от сотворения мира социальных изменений не существует вовсе. В результате уязвимым объектом всеобщей политической критики в современном нарративе становится обнаружение онтологической и ценностной *изменяемости* и *сконструированности* политического порядка различными социальными силами, интерпретируемой в рамках предшествующей сакральной традиции как неподлинность, произвол, рессентимент, отрицание бога, искажение священных основ и т.д. Однако отличие христианского сословно-феодального *нарратива традиции* от Модерна лишь в том, что классовый чертеж его конструкции теряется в долгом историческом времени. Совер-

шенствуя предшествующий земной порядок, оправдывающийся тем, что он является копией божественного, а следовательно, все социальное зло (насилие, эксплуатация, неравенство и принуждение) имеет апологию в виде того, что *все действительное разумно*, граждане и социальные группы в современном политическом нарративе легитимируют право на изменение социального порядка в своих интересах и с непредсказуемыми результатами.

Таким образом, *естественным способом бытия* современного общества становится перманентный конфликт коллективных интересов и прогресс как совокупность постоянных улучшающих изменений. Стремление к непрерывным инновациям само по себе становится ключевой и едва ли не единственной самобытной *традицией* Модерна. При этом любые инновации, чтобы соответствовать доминирующим принципам *максимизации коллективной полезности*, должны быть общественно контролируемыми, легитимными, предметом широкого, динамического консенсуса ключевых социальных групп, чтобы не угрожать разрушением самому обществу Модерна. Поэтому достижение общественного консенсуса является непрерывным процессом, осуществляемым в принципиально незавершаемых условиях свободы, где не бывает социальных сил, побеждающих раз и навсегда с *нулевой суммой*. И этот процесс не тождествен движению к идеальному конечному состоянию, которое часто представляется уже воплощенным в той или иной политической реальности.

Первоначально политический нарратив Модерна исходил из, умопостигаемости общественных и моральных законов, ведущей к веберовскому *расколдовыванию* мира. В этической области это был *проект независимого рационального обоснования морали* (А. Макинтайр), в политической он утопически начинался как *всеобщее законодательство разума* (И. Кант). Однако последующая классовая дифференциация *третьего сословия* предъявила набор диаметрально противоположных версий морали и разума, являющихся результатом самоопределения конкретных человеческих коллективностей (классы, нации, группы, сословия, меньшинства и т.д.), каждая из которых,

стремясь к всеобщему законодательству, вместе с тем является выразителем партикулярных и особых политических интересов. Без интегральной инструментальной рациональности, выраженной в правилах игры – конфликта и взаимодействия социальных групп и интересов, становится невозможно само современное общество как институционально и процессуально выраженный компромисс интересов.

Именно поэтому в становящемся современном нарративе все больше внимания уделяется как легитимации новых дисциплинарных практик, так и диалогу (коммуникации социальных сил), механизмам достижения устойчивых договоренностей (конвенций), выраженным в различных легитимирующих механизмах и институтах (выборы, референдумы, СМИ, непосредственное участие граждан в принятии властных решений: демонстрации, митинги, забастовки, суды присяжных, сходы граждан, общественные слушания и т.п.). В политическом нарративе Модерна впервые осуществлен принцип *незавершаемости* внутренних конфликтов, позволяющий периодически пересматривать условия общественного договора. Это дает возможность отказаться от экстремальных политических взаимодействий, где победитель получает все, в пользу системы принятия политических решений, связанной с кооперативными, солидарными стратегиями различных социальных сил, позволяющими учитывать интересы разных сторон и изменять общество относительно ненасильственным путем.

В результате современное общество часто критикуется и левыми, и правыми, то как *железная клетка конформизма* (Г. Маркузе), то как *тирания классового разума*, ведущая к неизменному обесцениванию человеческого существования и тоталитаризму. Реальная ситуация представляется более сложной. Позднейшие интерпретации современного нарратива скорее *тематизировали* и резко повысили саму *чувствительность* общества к политическим проблемам осуществления власти, поддержания иерархии, распределения ресурсов, справедливости, свободы, солидарности в контексте неустранимых противоречий групповых интересов. Это политические проблемы,

существовавшие всегда, но попавшие в фокус публичного внимания лишь в современной теоретической оптике, проявившей их *исторический* характер в контексте расширенного доступа к власти. Соответственно, данные проблемы могут быть вариативным образом разрешены субъектами конституирования современного политического порядка.

В конце XIX – начале XX вв. большинство классиков европейской мысли на онтологическом уровне описывало современное общество посредством структурной метафоры перехода: от аграрного феодализма к промышленному капитализму (К. Маркс), от традиционного к современному обществу (М. Вебер), от органической к механической солидарности (Э. Дюркгейм), от общины к обществу (Ф. Тённис), от военного общества к промышленному (Г. Спенсер), от аграрного (деревенского) к городскому (Р. Парк) и т.д. Таким образом, практически все классические социально-политические нарративы, осмысляющие переход к Модерну и само состояние модерности, построены на выделении эволюционных стадий развития, своего рода бинарных временных кодов, один из которых имеет привилегированное положение будущего, а другой олицетворяет прошлое. И этот переход действительно состоялся в мировом масштабе, но нарратив Модерна исторически на этом не завершился, запустив процессы внутренней дифференциации.

В настоящее время в центре дискуссий находится проблема глобальной трансформации легитимирующего и объяснительного нарратива национального, классово-индустриального и преимущественно западного Модерна в поздний, постнациональный, космополитический Модерн. В мире происходит закономерное прощание с политическим нарративом классического Модерна, который из социального идеала и утопии становится привычной повседневностью, которая в XXI в. все менее релевантна для описания новейших социально-политических и культурных режимов воспроизводства человечества.

Указанным онтологическим трансформациям современного общества способствовали:

- пределы насыщения глобальных рынков и усиление нерыночной конкуренции, ведущие к кризису идеализированной капиталистической миросистемы;
- технологическая революция, связанная с автоматизацией и роботизацией; ускорение динамики изменений позднемодерных обществ *без экономического роста и массового труда*;
- изменение социальной структуры общества и релевантных принципов его стратификации, все менее связанных с рынком;
- увеличение внутренней *гетерархии* и *гетеротопии* территориальных наций-государств в силу разнообразных внутренних и внешних вызовов;
- умножение и усиление негосударственных политических субъектов в глобальном мире (ТНК, сети городов, различные меньшинства и т.д.).

В результате нарастает интенсивность критики первоначального нарратива Модерна. Позитивные эффекты модернизации в определенный исторический период затушевывали моральную ограниченность и негуманную целерациональность капиталистической миросистемы. Глобализация миросистемы и технологические революции, девальвирующие ценность *людей труда*, заставляют пересмотреть утопические обещания нарратива либерального консенсуса. Наиболее эвристичный критический вызов нарративу Модерна был брошен постмодернизмом. Однако постмодерн не стал следующей глобальной утопией, превратившись лишь в инструментальную культурную логику позднего капитализма¹. Со временем постмодернистские теории, претендовавшие на глобальную альтернативу ценностному ядру нарратива Модерна, оказались встроены в него на условиях критической саморефлексии. Таким образом, если политический нарратив Модерна обусловлен индивидуальным и коллективным освобождением, сознательным и целерациональным преобразованием мира, то постмодерн все чаще оборачивается вынужденны-

¹ Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М., 2019.

ми реактивными стратегиями, связанными с адаптивным приспособлением индивидов и их групп к общественным, технологическим и ценностным изменениям, над которыми они, по сути, не властны.

Следует отметить, что ценностное ядро политического нарратива Модерна *амбивалентно*, оно одновременно является способом *объяснения*, но также *реморализации/легитимации* практик капитализма и политического порядка наций-государств. Модерные идеологии и утопии призваны смягчить провоцируемый капитализмом перманентный моральный дефицит в условиях политической экспансии ограниченной модели *человека экономического*, которая совершенно недостаточна для удержания общества от распада. В свою очередь, капиталистическая миросистема отождествляется с Модерном посредством его редукции к *нейтральным* теориям *модернизации, прогресса, развития*, призванным замаскировать отсутствие в нем каких-либо социальных целей и коллективных надежд. Таким образом, капиталистическая миросистема не имеет всеобщей политической цели, какого-либо горизонта социальной утопии, поэтому не может произвести эффективной самолегитимации, выходящей за рамки экономического поля и охватывающей общества в целом. Поэтому капитализм вынужден обращаться к паллиативным вариантам внеэкономического оправдания своих экономических практик, прежде всего, к отождествлению с Модерном как воплощением идеи бесконечности прогресса. При этом первоначальная логика расширения капиталистической миросистемы как *колониализма* и *прогрессорства* была впоследствии подвергнута обоснованной критике. Не меньшей критике была подвергнута и экспансия капитализма во все сферы социальной жизни, выходящие за пределы рыночных обменов, породившая коммодификацию всех прочих социальных отношений.

О сохраняющемся внутреннем единстве политического нарратива Модерна позволяет говорить его ценностная целостность при вариативности институциональной реализации. Модерн можно рассматривать как открытый и дискуссионный конструктор ценностей и вариантов их взаимодействия, в

том числе институционального. Однако наличие *пространства интерпретации* ценностей не отменяет концептуального единства и конечности ценностного набора нарратива Модерна, а также его иерархической структуры. В противном случае само подтверждение или признание политического нарратива Модерна как *целостного феномена* оказалась бы чрезвычайно затруднительным, если вообще возможным¹.

Поздний или глобальный Модерн нормативно универсален, но при этом достаточно гетерогенен в институциональном плане, в области реализации своего ценностного ядра. Если изначальное культурно-историческое ядро Модерна были детерминировано Западом, то в дальнейшем можно говорить о растущей культурной индифферентности постнационального Модерна, его автономии от колеи предшествующего развития, что подтверждается множеством примеров эффективной модернизации культурно отличных от Европы государств и регионов. Глобализация Модерна подтверждает большую релевантность в поисках общественных закономерностей современного общества аргументации марксистской философии истории и формационного подхода, чем позиций цивилизационных теорий (Ч. Тейлор, С. Хантингтон, П. Бьюкенен, У. Томпсон и др.), акцентирующих важность культурных отличий обществ. Более того, попытки синтеза формационного и цивилизационного подходов в виде *социокультурного подхода*, воплощаемого концепцией *множественной современности* (Ш. Эйзенштадт, Й. Арнасон, В. Шлюхтер, Б. Виттрок и др.), оказываются эвристически менее удовлетворительными и методологически более противоречивыми. Тезис о *множественной современности* предполагает сохранение домодерных культурных отличий в ценностной системе нарратива Модерна, оборачиваясь цивилизационным подходом, который лишь пользуется концептуальным аппаратом и риторикой нарратива Модерна для его опровержения. Указанный подход пытается интегрировать универсализм ценностей Модерна, фоновые закономерности чело-

¹ Wagner P. *Modernity as Experience and Interpretation. A New Sociology of Modernity*. Cambridge, 2008.

веческого развития, выходящие за пределы любых цивилизаций, с очевидным различием культурных сред и моделей их реализации.

Представляется, что в действительности принципиальный конфликт нарратива Модерна с культурой отдельных цивилизаций, по сути, невозможен, т.к. культура относится к предшествующим отличиям человеческих сообществ, над и помимо которых надстраиваются формы организации и воспроизводства капиталистической миросистемы, пересекающей любые территориально ограниченные модели культур. Культурные нормы Модерна впервые появились на Западе, но они не означают автоматической *колонизации* и *вестернизации* при распространении за его пределы. Принятие ценностей прогресса, рынка, либерализма, демократии, прав человека и т.д. не тождественно подрыву оснований какой-либо незападной культуры: они являются вызовом *любой предшествующей* традиционной культуре, в том числе западной. Поэтому все более популярная *культуроцентричная* концепция *множественной модерности* производит фундаментальную *концептуальную натяжку* – культурные факторы относятся к значимым домодерным отличиям человеческих сообществ. В данном контексте любая культура имеет значение, однако культурные версии не могут рассматриваться в качестве доминирующих объяснительных факторов внутри Модерна, имеющего в своем культурном анамнезе историю Запада, освобожденную от своей партикулярности. Сложность заключается в том, что каждое общество стремится подобрать более тонкие социокультурные настройки, способствующие эффективному сочетанию рыночной и государственной регуляции в реализации современных ценностей с учетом предшествующего культурного развития. Здесь настройка культурной среды развертывания нарратива Модерна в конкретно-историческом обществе является лишь частной проблемой, которая переоценивается *на повышение* и ставится приверженцами *множественной модерности* в центр концептуальных построений. Поэтому искать ответы в домодерных дискурсах – исторических аналогиях, цивилизационном подходе, традиционализме, фундаментализме, культурной генетике,

непреодолимой идентичности или моделях этнонационализма представляется все менее эффективным предприятием.

Движение человечества к глобальному миру парадоксальным образом обернулось не отрицанием, а последовательной радикализацией ценностных этических оснований нарратива Модерна. Этот процесс связан с усилением принципа индивидуальной экономической, этической, рациональной автономии людей, которые действуют в своих интересах как самостоятельные политические субъекты, в том числе вопреки сложившимся коллективным самоидентичностям, институциональным традициям и их ценностным обоснованиям. Например, Э. Гидденс рассматривает глобализацию как процесс ценностной радикализации Модерна охватывающий весь мир, как переход от его ограниченной к зрелой версии. Этот переход характеризуется триумфом индивидуальности, радикально освобождаемой от внешних регуляторов и выражаемой ростом осознанной или рефлексивной социальности, приходящей на смену социальности, регулируемой обществом. Глобализация предстает как мегатенденция, все более принимающая незападный вид, охватывая мир в целом и бросая вызов привычной системе наций-государств. Территориально организованные нации теряют преимущества в области выработки доминирующих политических ценностей. Политическое как сакральное и утопическое в условиях рефлексивной модерности, открытости границ и возрастающей мобильности неизбежно смещается от наций к человечеству в целом. Это одновременно подразумевает и легитимацию любых институтов через человека как представителя рода человеческого, не разбитого на коллективности, образуемые по экономическим, политическим, территориальным, языковым, конфессиональным, культурным и иным критериям. В дискуссии по поводу этико-политических ценностей нарратива глобального, второго или позднего Модерна априори будут более сильны позиции тех субъектов, которые способны предложить человечеству моральную игру на повышение: открытые, эгалитарные, универсальные, космополитические варианты решений всеобщих проблем.

Можно говорить о ценностном единстве и институциональном разнообразии глобального нарратива Модерна. Модерные ценности функционируют параллельно с предшествующими формами социальной регуляции, коммуникации и обменов, постепенно оттесняя и замещая их. Все более неудовлетворенное индустриально-классово-идеологическим нарративом Модерна человечество не может жить без новых политических утопий. Относительная неудача эгалитаристского изменения миросистемы в виде глобального левого поворота, инициированного в свое время СССР, не означает краха самого утопического мышления Модерна как желания перемен к лучшему будущему. В результате такие составляющие нарратива Модерна, как либеральный консенсус, легитимирующий капиталистическую миросистему принцип бесконечного накопления капитала, экономические классы, идеологии и т.д., все менее эффективны в основании мироэкономики, в условиях нарастающей локализации и обособления человечества по политическим, религиозным, этническим, культурным, географическим и иным границам. И вместе с тем параллельно человечество внутри себя становится более взаимосвязанным в условиях мироэкономики.

Политический нарратив Модерна в перспективе имеет как значимые препятствия и вызовы, так и не меньший потенциал для сохранения глобального доминирования. В контексте комплексных и противоречивых процессов глобализации одним из ключевых ценностных вызовов является возможность трансформации уже существующей капиталистической мироэкономики до *мирополитики*. Все более интенсивное взаимодействие и взаимозависимость человечества на глобальном уровне требуют создания более эффективных механизмов политической регуляции как заботы об интересах человечества. Эта перспектива сохраняет утопическое измерение нарратива Модерна, его открытость будущему и способность к дальнейшему ценностно-институциональному совершенствованию.

Потенциально любая страна, любое коммуникативное сообщество могут стать инициаторами более универсальных принципов нарратива Модерна.

на. В глобальной политической дискуссии по поводу эволюции ценностей априори сильнее позиции тех субъектов, которые смогут предложить человечеству эгалитарные, космополитические варианты решений всеобщих проблем, исходящие из долгосрочных интересов всего человечества, а не тактических выгод отдельных элит, классов, наций, регионов мира. Подобная идеалистическая логика не всегда несет прямые выгоды субъектам и обществам, которые ее инициируют, более того, они часто обуславливают материальные издержки, окупаемые лишь символически. Как, например, в практиках СССР, помогавшего мировым национально-освободительным движениям и поднимавшего до уровня метрополии собственную периферию. Эффективное движение подобных социальных перемен связано с созданием институциональных возможностей для расширения доступного спектра самореализации граждан в контексте расширения постматериальных ценностей.

Любое современное общество может улучшить свое положение в мирской системе не только экономическим путем, но и долгосрочной заботой об общем будущем, в котором есть достойное место всем. Будущее приходит в первую очередь как этический поворот. Элементы глобальной политической этики в настоящее время вырабатываются в альтерглобалистских, коммунистических, космополитических, экологических, анархистских, технократических дискурсах, предлагающих социальные изменения и эксперименты. Часто эта этика строится на противостоянии второстепенным издержкам глобализации, приобретая характер различных ультрапроектов, стремящихся (часто насильственно) повернуть историю человечества к некоей идеальной развилке, на которой оно сошло с истинного пути развития. Тогда эти проекты теряют свой универсализующий потенциал, превращаясь в локальные инварианты популизма, фундаментализма и экстремизма. Спасти нарратив Модерна от его собственной *проклятой стороны* в виде различного рода исчезающих и расширяющихся неравенств внутри человечества и их идейных легитимаций может лишь постоянное обоснование более универсальных и эгалитарных утопий, экспериментальный поиск все новых интеллектуаль-

ных, моральных и технологических возможностей в интересах глобального большинства.

В глобальном контексте потенциал развития политического нарратива Модерна связан с возможностью достройки актуальной мироэкономики до будущей мирополитики. Модель суверенных наций-государств все чаще испытывается на прочность в транснациональном мире, испытывая импульсы, исходящие от альтернативных политических субъектов – ТНК, сетей глобальных городов, межправительственных организаций, побуждающих к ограничению национальных суверенитетов. Глобальная мироэкономика значительно опередила в своем развитии политические институты, адекватно функционирующие в привычных пределах суверенных наций-государств. Поэтому политический нарратив Модерна в глобальном мире XXI в. предполагает постоянную работу по усовершенствованию, в том числе последовательному включению постмодернистских теорий в область критической саморефлексии Модерна.

Основное направление трансформации нарратива Модерна связано с осмыслением нарастающей взаимозависимости человечества, выходящей за пределы политической формы суверенных наций-государств. Онтология глобального Модерна представляет образ открытого для изменений общества, лишённого неизменных трансцендентных оснований. Это общество, где политическое является предметом посюстороннего, постоянно пересматриваемого и рефлексированного согласия социальных групп, обладающих высокой автономией в области конструирования, коррекции и продвижения своих ценностей, интересов, правил и форм политической организации общества в целом. Соответственно, инструментальные задачи политической философии и теории связаны с осмыслением запросов на производство утопий, легитимирующих новые социальные группы и назревшие социальные изменения относительно правил совместного проживания, иерархий приоритетов и выработки справедливого распределения доступных ресурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агинтон К. Альтернативный глобализм: Новые мировые движения протеста / Пер. с фр. Е. Константиновой, Е. Кочетыговой. М.: Гилея, 2004. 203 с.
2. Акопов С. В. «Мировое гражданство» глазами его критиков (пять аргументов против «насыщенного» космо-политизма М. Нуссбаум) // Управленческое консультирование. 2015. № 2 (74). С. 107-114.
3. Акопов С.В. «Суверенность» как символическая структура // Политическая наука. 2020. № 2. С. 204–220.
4. Акопов С.В. Транснациональное измерение современности // Философские науки. 2015. № 3. С. 104-119.
5. Александер Дж. Прочные утопии и гражданский ремонт // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 3-11.
6. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / Пер. с англ. Г.К. Ольховикова под ред. Д.Ю. Куракина. М.: Праксис, 2013. 640 с.
7. Алексеева Т.А. Возможна ли «глобальная справедливость»? // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 6. С. 18-22.
8. Алексеева Т.А. Справедливость как политическая концепция: очерк современных западных дискуссий. М.: МОНФ, 2001. 241 с.
9. Алексеева Т.А. Химеры страны Оз. «Культурный поворот» в теории международных отношений // Международные процессы. 2012. № 3-4. С. 4-19.
10. Алексеева Т.А. Либерализм как политическая идеология // Политика. 2000. №1. С. 116-130.
11. Али-заде А.А. Зоннтаг Х., Контрерас М., Биарде Ж. Развитие как модернизация и модернити (реферативный обзор: Sonntag H., Contreras M., Biardeau J. Development as Modernization and Modernity) // Социальные и гу-

манитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 8: Науковедение. Реферативный журнал. 2002. № 2. С. 56-61.

12. Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура (Подход к изучению политической культуры) (I) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2010. № 2. С. 122-144.

13. Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. М.: Европа, 2007. 162 с.

14. Анкерсмит Ф. Репрезентативная демократия. Эстетический подход к конфликту и компромиссу // Логос. 2004. № 2. С. 15-40.

15. Апресян Р.Г. Понятие общественной морали (опыт концептуализации) // Вопросы философии. 2006. № 5. С. 3-17.

16. Аптекер Г. О природе демократии, свободы и революции. М.: Прогресс, 1970. 1287 с.

17. Арендт Х. О революции. М.: Европа, 2011. 464 с.

18. Арриги Дж. Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век / Пер. с англ. Т.Б. Менской. М.: Институт общественного проектирования, 2009. 456 с.

19. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени / Пер. с англ. А. Смирнова, Н. Эдельмана. М.: Территория будущего, 2006. 469 с.

20. Арриги Дж. Утрата гегемонии // Прогнозис. 2005. № 2 (3). С. 5-60.

21. Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 89-90.

22. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленность идентичности / Пер с фр. под. ред. О. Никифорова, П. Хицкого. М.: Логос, 2004. 288 с.

23. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.

24. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / Пер. с нем. А. Б. Григорьева, В. Д. Седелника; послесловие В. Г. Федотовой, Н. Н. Федотовой. М.: Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего» (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»), 2007. 464 с.
25. Бек У. Космополитическая Европа: реальность и утопия // Свободная мысль. 2007. № 3. С. 31-45.
26. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
27. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 2004. 783 с.
28. Белл Д., Иноземцев В.Л. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. 304 с.
29. Беляева Л.А. Социальная структуризация российского общества: от советского периода к современности // Социокультурные исследования постсоветского транзита России / Под общ. ред. Н.И. Лапина. М.: ИФ РАН, 2022. С. 174-246.
30. Бергер П. Понимание современности // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 127-133.
31. Берман М. Все твердое растворяется в воздухе. Опыт модерности. М.: Горизонталь, 2020. 486 с.
32. Бессонова О.Э. Вектор институционального развития России: от квазирынка к либеральному раздатку // Экономическая социология. 2008. Т. 9, № 2. С. 15-28.
33. Бессонова О.Э. Формирование новой реальности: от квазирынка к контрактному раздатку // Вопросы экономики. 2017. № 7. С. 96-113.
34. Бестужев-Лада И.В. Россия в XX-XXI веках. 1917-2017. Трижды от колосса к коллапсу и обратно. М.: МАИБ, 2008. 221 с.

35. Бляхер Л.Е. Архаические механизмы легитимации власти в России, или Очерки об истоках ностальгического сознания // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2008. № 3. С. 7-29.
36. Бляхер Л.Е. Революция как «блуждающая метафора»: семантика и прагматика революционного карнавала // Концепт «революция» в современном политическом дискурсе / Под ред. Л.Е. Бляхера, Б.В. Межуева, А.В. Павлова. СПб.: Алетейя, 2008. С. 12-31.
37. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Пер с фр. Н.В. Сулова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 96 с.
38. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 389 с.
39. Бойцова О.Ю. К вопросу о «негативной солидарности» как концепта политической философии // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2018. № 4. С. 60-69.
40. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 976 с.
41. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 576 с.
42. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв.: в 3 т. / Пер. с фр. Л.Е. Куббеля. М.: Весь мир, 2007.
43. Бузгалин А.В. Альтерглобализм как феномен современного мира // ПОЛИС. Политические исследования. 2003. № 3. С. 71-85.
44. Буравой М. Транзит без трансформации: инволюция России к капитализму // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 2-12.
45. Бурдьё П. Политическое представление. Элементы теории политического поля // Социология политики. М., 1993. С. 33-52.
46. Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 17-36.
47. Бьюкенен П. Смерть Запада. М., 2003. 444 с.

48. Вагнер П. Политическая форма новой Европы, Европа как политическая форма // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12, № 2. С. 21-57.
49. Валлерстайн И. Капитализм: противник рынка? // Логос. 2006. № 5. С. 9-13.
50. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003. 355 с.
51. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение / Пер. с англ. Н. Тюкиной. М.: Территория будущего, 2006. 246 с.
52. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том II. Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600-1750 гг. / Пер. с англ., литер, редакт., комм. Н. Проценко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 528 с.
53. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789—1914 / Пер. с англ., литер, редакт., комм. Н. Проценко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 496 с.
54. Валлерстайн И. После либерализма / Пер. с англ. М.М. Гурвица, П.М. Кудюкина, П.В. Феденко. М.: Едиториал УРСС, 2003. 253 с.
55. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 4: Господство / Пер. с нем. под общ. ред. Л.Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 542 с.
56. Вельцель К., Инглхарт Р., Александер Э., Понарин Э. Распутывание связей между культурой и институтами на примере эмансипации человечества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 4. С. 12-43.
57. Верников А.В. «Институциональная ловушка»: научный термин или красивая метафора? // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2020. Т. 12, № 2. С. 25-37.
58. Вирильо П. Тирания настоящего времени // Искусство кино. 1996. № 1. С. 130-133.

59. Витгенштейн Л. Философские работы: в 2 ч. Ч. 1. / Пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. 544 с.
60. Гартман Н. Этика / Пер. А.В. Глаголева. СПб.: Владимир Даль, 2002. 712 с.
61. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Пер. с нем. Б.Г. Столпнера, М.И. Левиной. М.: Мысль, 1990. 524 с.
62. Гейзенберг В. Шаги за горизонт / Пер. с нем., сост. А.В. Ахутин. М.: Прогресс, 1987. 366 с.
63. Гельман В.Я. «Недостойное правление»: политика в современной России. СПб., 2019.
64. Гельман В.Я. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 44 с.
65. Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: «Academia», 1999. С. 77-94.
66. Глазьев С.Ю. Благополучие и справедливость. М., 2003. 190 с.
67. Глинчикова А. Г. Гражданский и религиозный типы общности и их роль в формировании, эволюции и кризисе эпохи Модерна // Вопросы философии. 2020. Т. № 9. С. 75–86.
68. Глинчикова А. Г. Три этапа взаимодействия религиозного и гражданского компонентов в становлении эпохи Модерна: Россия и Европа // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 44-54.
69. Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. 480 с.
70. Голдстоун Д. Революции. Очень краткое введение / Пер. с англ. А.Яковлева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 200 с.
71. Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500-1850 / Пер. с англ. М. Рудакова, И. Кушнарева. М.: Издательство Института Гайдара, 2014. 301 с.
72. Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ad Marginem, 2020. 440 с.

73. Грэбер Д. Фрагменты анархистской антропологии. М., 2014. 172 с.
74. Гусейнов А.А. Золотое правило нравственности. М.: Мол. гвардия, 1988. 269 с.
75. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. 513 с.
76. Даниленко Л.Н. Сырьевая рента в России: благо или проклятие // Социологические исследования. 2013. № 12. С. 118-129.
77. Дворкин Р. Справедливость и права // Отечественные записки. 2003. № 2. С. 128-137.
78. De futuro, или История будущего / Под ред. Д.А. Андреева, В.Б. Прозорова. М.: Политический класс, 2008. 352 с.
79. Делёз Ж. Лекции (к онтологии потоков), ноябрь-декабрь 1971 // Res Cogitans. 2008. № 4. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/res-cogitans/reg4-2008/27422-lekcii-k-ontologii-potokov-noyabr-dekabr-1971.html>
80. Делягин М. Социально-политическая программа // Свободная мысль-XXI. 2005. № 7. С. 64-80.
81. Делягин М.Г. Реванш России. М.: Яуза, ЭКСМО, 2008. 445 с.
82. Дерлугьян Г. О нашем месте в истории // Политическая концептология. 2011. № 2. С. 141-154.
83. Дерлугьян Г. Кризисы неовотчинного правления // Логос. 2006. № 5. С. 154-160.
84. Дерлугьян Г. Стабилизационная политсистема в поисках динамизма? // Оценка состояния и перспектив политической системы Российской Федерации в 2008 году – начале 2009 года: 1-й ежегодный доклад Института общественного проектирования. М., 2009. С. 13-32.
85. Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. СПб.: Академический проект, 2000. 495 с.
86. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Письмо и различие. СПб., 2000. С. 352-368.

87. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. 799 с.
88. Джеймисон Ф. Сингулярный Модерн: Эссе об онтологии настоящего // Какой модерн? Философские рефлексии над ситуацией пост/недо/after-post/пост-пост... модернизма: в 2 т. Т. 1 / Под ред. Л.В. Стародубцевой. Харьков: ХНУ имени В.Н. Каразина, 2010. С. 342-355.
89. Джеймисон Ф. Удовольствие: политический вопрос // Логос. 2015. Т. 25, № 1. С. 1-22.
90. Джордж С. Доклад Лугано о сохранении капитализма в XXI веке / Пер. с англ. Д. Жутаева. Екатеринбург: Ультра.Культура, 2005. 304 с.
91. Джохадзе И.Д. Демократия после Модерна: свобода без выбора // Демократия после Модерна. М., 2006. С. 11-36.
92. Дин Дж. Коммунизм или неофеодализм? // Логос. 2019. Т. 29, № 6. С. 85-116.
93. Дугин А.Г. Консервативная революция. М.: Арктогея, 1994. 343 с.
94. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1996. 430 с.
95. Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна / Пер. с англ. под ред. Г. Дерлугьяна. М.: Изд-во института Гайдара, 2015. 320 с.
96. Ефимов В.М. Как капитализм, университет и математика сформировали магистральное направление экономической дисциплины // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. 2014. Т. 14, № 2. С. 5-51.
97. Ефимов В.М. Конец алхимии финансов и суверенные деньги // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 131-141.
98. Ефимов В.М. О двух типах социальных порядков. Ч. 1 // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 1. С. 7-25.
99. Жайе М.-К. От социальной сегрегации к пространственной самоизоляции: крупные города Европы перед риском десолидаризации общества

// Крупные города и вызовы глобализации / Под ред. В.А. Колосова, Д. Эккерта. Смоленск, 2003. С. 175-179.

100. Завалько Г.А. Изучение революции в эпоху реакции // Альтернативы. 2013. № 4. С. 37-65.

101. Земцов С.П. Роботы и потенциальная технологическая безработица в регионах России: опыт изучения и предварительные оценки // Вопросы экономики. 2017. № 7. С. 142-157.

102. Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб., 2000. 213 с.

103. Иванов Д.В. Глэм-капитализм. Мир брендов, трендов и трэша. СПб., 2015. 135 с.

104. Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая пост-индустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 261-291.

105. Иноземцев В.Л. On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века // Постчеловечество. М., 2007.

106. Иноземцев В.Л. Воссоздание индустриального мира // Россия в глобальной политике. 2011. Т. 9, № 6. С. 85-98.

107. Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. Пост-индустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М.: Наука, 1998. 639 с.

108. Иноземцев В.Л. На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия. М.: Экономика, 2003. 730 с.

109. Иноземцев В.Л. Потерянное десятилетие // Вестник Московской школы политических исследований. Общая тетрадь. 2012. № 4. С. 81-93.

110. Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. М.: Экономика, 2000. 294 с.

111. Кагарлицкий Б.Ю. Восстание среднего класса. М.: Ультра.Культура, 2003. 320 с.

112. Кагарлицкий Б.Ю. От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 680 с.

113. Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя. Россия и миросистема. М.: Ультра. Культура, 2004. 521 с.
114. Кант И. К вечному миру // Сочинения: в 8 т. Т. 7. М., 1994. С. 5-56.
115. Капустин Б. О демократическом фетишизме // Логос. 2020. Т. 30, № 5. С. 165-225.
116. Капустин Б.Г. Заметки об «общественной морали» // Вопросы философии. 2006. № 12. С. 3-10.
117. Капустин Б.Г. Идеология и крах советского строя // Россия в глобальной политике. 2016. Т. 14, № 6. С. 70-81.
118. Капустин Б.Г. Изменяющиеся связи между капитализмом и демократией (в России и мире) // Логос. 2012. № 4. С. 36-70.
119. Капустин Б.Г. Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // ПОЛИС. Политические исследования. 2001. № 4. С. 6-26.
120. Капустин Б.Г. Критика политической философии: Избранные эссе. Территория будущего, 2010. 424 с.
121. Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. М.: Изд-во Московского ун-та, 2004. 496 с.
122. Капустин Б.Г. Политические смыслы «цивилизации» // Политическая концептология. 2009. № 3. С. 34-35.
123. Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М.: РОССПЭН, 1998. 308 с.
124. Караганов С.А. Предсказуемое будущее? // Россия в глобальной политике. 2019. Т. 17, № 2. С. 58-72.
125. Кара-Мурза С.Г. Белая книга. Экономические реформы в России. 1991-2001. М., 2004. 366 с.
126. Каспэ С. Свет и власть: Паноптикон как политическая форма и ее вариации // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19, № 1. С. 9-34.

127. Каспэ С.И. Пустое место: демократия как политическая форма // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз.* 2016. № 2. С. 6-32.
128. Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М.: Московская школа политических исследований, 2008. 318 с.
129. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
130. Кашников Б.Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России. Великий Новгород, 2004. 260 с.
131. Кимелев Ю.А. Турен А. Критика Модерна (реферативный обзор: Touraine A. Critique de la modernite. P., 1992) // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал.* 1999. № 1. С. 20-36.
132. Киселев К.В. Политический слоган: проблемы семантической политики и коммуникативная техника. Екатеринбург: УрО РАН. 2002. 242 с.
133. Клеман К. Вызов властным отношениям // *Свободная мысль.* 2007. № 1. С. 86-97.
134. Клеман К. Труд не на рабочем месте // *Отечественные записки.* 2007. № 4. С. 37-55.
135. Коллинз Р. Технологический сдвиг и капиталистические кризисы: выходы и тупики // *Прогнозис.* 2009. № 2. С. 196-209.
136. Кондорсэ Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / пер. с фр. И.А. Шапиро. М., 2010. 230 с.
137. Кондратьев В.Б. Решоринг как форма реиндустриализации // *Мировая экономика и международные отношения.* 2017. Т. 61, № 9. С. 54-65.
138. Кордонский С. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. 216 с.
139. Кордонский С.Г., Дехант Д.К. Нейтрализация угроз как форма деятельности органов власти // *Микроэкономика.* 2014. № 6. С. 52-58.

140. Коуэн Т. Среднего более не дано. Как выйти из эпохи Великой стагнации. М.: Издательство Института Гайдара, 2015. 320 с.
141. Кошовец О.Б., Ореховский П.А. Структуралистская революция и метаморфозы экономической теории: от науки к сказке // *Общественные науки и современность*. 2018. № 5. С. 143-157.
142. Кравченко С.А. Модерн и постмодерн: «старое» и новое видение // *Социологические исследования*. 2007. № 9. С. 24-34.
143. Кругман П. Кредо либерала. М.: Изд. «Европа», 2009. 368 с.
144. Лайт С. Радикализм Бодрийяра и политическая ставка нашей современности // *ХОРА. Журнал современной зарубежной философии и философской компаративистики*. 2009. № 2. С. 109-122.
145. Лапкин В.В. В преддверии сингулярности: перспективы трансформации мирового порядка // *История и современность*. 2017. № 1. С. 52-78.
146. Лапкин В.В. Политическая модернизация России в контексте глобальных изменений. М.: ИМЭМО, 2012. 140 с.
147. Лапкин В.В. Размышления о соразмерности глобализации и модерна // *Мегатренды мирового развития / Под ред. М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева*. М.: Экономика, 2001. С. 192-197.
148. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д.Я. Калугина. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. 240 с.
149. Левинсон Л.С. Миф о патернализме // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/1/mif-o-paternalizme.html>
150. Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма // *Полное собрание сочинений*. Т. 23. М., 1973. С. 40-48.
151. Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок // *Ab Imperio*. 2005. № 1. С. 75-116.
152. Лиотар Ж.-Ф. Состояние Постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 1998. 159 с.

153. Лобовиков В.О. Криминология, история философии и дискретная математическая модель формальной аксиологии преступной деятельности («По понятиям» ли мыслили и жили выдающиеся философы?) // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2015. Т. 15, № 4. С. 5-24.
154. Луман Н. Власть. / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. — 256 с.
155. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И.Д. Газиева. СПб.: Наука, 2007. 641 с.
156. Лэндри Ч. Креативный город. М.: Издательский дом “Классика-XXI”, 2006. 399 с.
157. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос, 2002. 224 с.
158. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Социальные основания постмодернизма: попытка марксистского анализа // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2009. № 9. С. 107-122.
159. Люксембург Р. Накопление капитала: в 2 т. Т. 1. М., 1934. С. 228-258.
160. Макаренко В. П. Главные идеологии современности. Ростов н/Д: Феникс, 2000. 480 с.
161. Макаренко В.П. Общественный договор и проблема молчаливого согласия // Политические исследования. 2012. № 2. С. 141-151.
162. Макаренко В.П. Проблема справедливости: политико-философские аспекты // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. Т. 2. № 3. С. 84-99.
163. Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1990. 79 с.
164. Макинтайр А. После добродетели. Исследования теории морали / Пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Канон-Плюс, 2022. 356 с.
165. Макклоски Д. Риторика экономической науки / Пер. с англ. О. Якименко. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 288 с.

166. Малинова О.Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политическая наука. Политическая идеология в современном мире: Сборник научных трудов. М., 2003. С. 8-30.
167. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: сб. науч. тр. М., 2019. С. 285-312.
168. Манхейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ. М.: Юрист, 1994. 700 с.
169. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. С. 414–429.
170. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1959. С. 9-13.
171. Маркузе Г. Одномерный человек / Пер. с англ. А.А. Юдина. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
172. Мартьянов В.С. Один Модерн или «множество»? // ПОЛИС. Политические исследования. 2010. № 6. С. 41-53.
173. Мартьянов В.С. Политический модерн за пределами Европы: ценностное единство и институциональное разнообразие // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2010. № 3-4. С. 54-65.
174. Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Моральный тупик цивилизационной парадигмы // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2006. № 4. С. 72-87.
175. Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. М.: Весь мир, 2010. 255 с.
176. Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Этика добродетели для новых условий: трансформация политической морали в современной России // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 58-68.
177. Маффесоли М. Околдованность мира или божественное социальное / Пер. с фр. И.И. Звонаревой // Социо-Логос=Socio-Logos / Сост. и общ. ред. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1991. С. 274-283.

178. Мацукато М. Предпринимательское государство: развеем мифы о государстве и частном секторе // Экономическая социология. 2021. Т. 22, № 2. С. 26-41.
179. Межуев В.М. Ценности современности в контексте модернизации и глобализации // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2009. № 1. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/Mezhuev/>
180. Миланович Б. Глобальное неравенство доходов в цифрах: на протяжении истории и в настоящее время. М., 2014.
181. Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959.
182. Митчелл Т. Сцена «современности» // Неприкосновенный запас. 2014. № 6. С. 123-139.
183. Митчелл Т. Углеродная демократия: Политическая власть в эпоху нефти. М.: Дело, 2014. 401 с.
184. Муфф Ш. К агонистической модели демократии // Логос. 2004. № 2. С. 180-197.
185. Мчедлова М.М. Будущее как предчувствие. (К дискуссии о характере политической науки) // Политическая наука. 2018. №1. С. 93-105.
186. Мчедлова М.М, Казаринова Д.Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая наука. 2020. № 4. С. 13-35.
187. Мюрберг И.И. Нарративизм и социальная философия: к истории «нарративного поворота» в современном обществознании // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 4. С. 12-17.
188. Мюрберг И.И. Цикличность либерализма: политико-философский анализ // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и Дальнем Востоке. 2013. № 6. С. 96-106.
189. Нежданов Д.В., Русакова О.Ф. «Политический рынок» как системообразующая метафора современного политологического дискурса // ПОЛИС. Политические исследования. 2011. № 4. С. 158-170.

190. Неклесса А.И. *A la carte* // ПОЛИС. Политические исследования. 2001. № 3. С. 34-46.
191. Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. 453 с.
192. Норт Д.К., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. 480 с.
193. Нуреев Р., Латов Ю. Что такое зависимость от предшествующего развития и как ее изучают российские экономисты // *Общественные науки и современность*. 2006. № 2. С. 118-129.
194. Ортега-и-Гассет Х. Закат революций // *История философии*. 2016. Т. 21, № 2. С. 132-146.
195. Павлов А.Б., Селеев С.С. Феноменологическое описание современной промышленной деятельности // *Universum. Общественные науки: электронный научный журнал*. 2015. № 3. URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2013>
196. Павлов А.В. Социально-философские перспективы безусловного базового дохода // *Философские науки*. 2020. № 3. С. 105-118.
197. Павлов А.В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М., 2019. С. 511-527.
198. Павлов А. В. Проблема легитимации капитализма в XXI веке // *Социология власти*. 2021. Т. 33, № 1. С. 6-11.
199. Павлов А.В. Что нового в новом капитализме? // *Социология власти*. 2021. Т.33, №1. С. 39-63.
200. Паин Э.А. Волновая природа подъема традиционализма на рубеже XX–XXI веков // *Общественные науки и современность*. 2011. № 2. С. 43-56.
201. Панарин А.С. *Искушение глобализмом*. М.: ЭКСМО, 2002. 416 с.
202. Панарин А.С. *Православная цивилизация в глобальном мире*. М.: ЭКСМО; Алгоритм, 2003. 541 с.

203. Панкевич Н.В. Взаимодействие и трансформация правовых систем в процессе глобализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6, № 3. С. 115-132.
204. Парамонов Б. Конец стиля. СПб.: Алетейя; М.: Аграф, 1997. 449 с.
205. Пек Д. «Укол» креативности // Неприкосновенный запас. 2013. № 6. С. 172-190.
206. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., 2015.
207. Плискевич Н.М. «Власть-собственность» в современной России: происхождение и перспективы мутации // Мир России. Социология. Этнология. 2006. Т. 15, № 3. С. 62-113.
208. Подвойский Д.Г. Тропами модерна: социологические вариации на тему // СОЦИС. 2013. № 10. С. 3–12.
209. Половинкин С.М. Все // Вопросы философии. 2002. № 4. С. 31-42.
210. Постфордизм: концепции, институты, практики / Под ред. М.С. Ильченко, В.С. Мартьянова. М.: Росспэн, 2015. 277 с.
211. Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // ПОЛИС. Политические исследования. 1999. № 5. С. 62-78.
212. Прокофьев А.В. Мораль индивидуального совершенствования и общественная мораль: исследование неоднородности нравственных феноменов. Великий Новгород: НовГУ идеологиени Ярослава Мудрого, 2006. 284 с.
213. Революция как концепт и событие. Монография. Редколлегия: А. А. Вартумян, С. Г. Ильинская, М. М. Федорова. М.: ООО «ЦИУМиНД», 2015. 184 с.
214. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1: Интрига и исторический рассказ / Пер. с фр. Т. В. Славко. М.-СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
215. Рикёр П. Справедливое. М.: Гнозис. 2005 299 с.

216. Ринген С. Демократия: куда теперь? // Логос. 2004. № 2. С. 91-104.
217. Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 265 с.
218. Ролз Дж. Справедливость как честность // Логос. 2006. № 1. С. 35-60.
219. Рормозер Г. Кризис либерализма. М.: ИФРАН, 1996. 289 с.
220. Руденко В.Н. Популистский концепт защиты прав человека в условиях кризиса согласительных политических систем // Антиномии. 2019. № 4. С. 138-155.
221. Рябов А. Возрождение «феодалной» архаики в современной России: практика и идеи // Рабочие материалы (Working Papers) Московского центра Карнеги. 2008. № 4. С. 1-16.
222. Сеннетт Р. Коррозия характера. М., 2004. 269 с.
223. Сиземская И.Н. О консенсусе как принципе социально-философских исследований // Проблемы цивилизационного развития. 2022. Т. 4. № 1. С. 69-79.
224. Сийес Э.-Ж. Что такое третье сословие? // Аббат Сийес: от Бурбонов к Бонапарту. СПб., 2003. С. 149-217.
225. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга 2005. 576 с.
226. Соболева М.Е. Возможна ли метафизика в эпоху постмодерна? К концепции трансцендентального прагматизма Карла Отто Апеля // Вопросы философии. 2002. № 7. С. 143-154.
227. Соколов М.М. Социология как чудо. Процесс sense-building в одной академической дисциплине // Социология власти. 2015. Т. 27, № 3. С. 13-57.

228. Солоу Р.М. Несистематические мысли о том, как все может пойти дальше // Через 100 лет: ведущие экономисты предсказывают будущее / Под ред. И. Паласиоса-Уэрты. М., 2016. С. 247-260.
229. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Пер. с фр. А.М. Сухотина. М.: УРСС, 2007. 257 с.
230. Спенсер Г. Политические сочинения: в 5 т. Т. 3: История политических институтов. М.-Челябинск: Социум, 2015. 372 с.
231. Старцев Я.Ю. Нефеодализм или неопатримониализм? Количественный анализ политологической концептуализации «нового Средневековья» // Vox medii aevi. 2019. № 2 (5). С. 127-149.
232. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: : Ад Маргинем Пресс, 2014. 326 с.
233. Твенге Дж. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым – и абсолютно не готовым ко взрослой жизни / Пер. с англ. А. Толмачева. М.: Рипол классик, 2019. 406 с.
234. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2002. 452 с.
235. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990-1992 гг. / Пер. с англ. Т.Б. Менской. М.: Территория будущего, 2009. 328 с.
236. Тихонова Н.Е. Динамика представлений россиян о соотношении интересов индивида и государства: эмпирический анализ // ПОЛИС. Политические исследования. 2021. № 6. С. 155-170.
237. Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, 2014. 401 с.
238. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2003. 669 с.
239. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 784 с.
240. Трахтенберг А.Д. Современные подходы к изучению социальной адаптации технологий и информационная революция // Вестник Новосибир-

ского государственного университета. Серия: Философия. 2012. Т. 10, № 3. С. 90-95.

241. Турен А. Идея революции // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13, № 1. С. 98-116.

242. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.

243. Урбинати Н. Искаженная демократия: мнение, истина и народ / пер. с англ. Д. Кралечкин; Научный редактор перевода В.Софронов. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 448 с.

244. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 398 с.

245. Федорова М.М. Историческое сознание эпохи модерна и политическая проективность // Полилог/Polylogos. 2021. Т. 5, № 2. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110015839-4-1/>

246. Федорова М.М. Модернизм и антимодернизм во французской политической мысли XIX века. М.: ИФ РАН, 1997. 184 с.

247. Федорова М. М. Современность: подходы и проблематизация // Полилог/Polylogos. 2020. Т. 4. № 2. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110011020-4-1/>. DOI: 10.18254/S25877011001102

248. Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.

249. Филиппов А. Триггеры абсолютных событий // Логос. 2006. № 5. С. 104-117.

250. Фисун А.А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // Политическая концептология. 2010. № 4. С. 158-187.

251. Фишман Л.Г. В ожидании Птолемея. Трансформация метапарадигмы наук об обществе. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 156 с.

252. Фишман Л.Г. Постмодерн как возврат к Просвещению // Вопросы философии. 2006. № 10. С. 69–80.

253. Фишман Л.Г. Постмодернистская ловушка: путь туда и обратно. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 236 с.
254. Фишман Л.Г. Происхождение демократии («Бог» из военной машины). Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 264 с.
255. Фишман Л.Г. Профессионалы морали: от риторики бесценного к политическому самосознанию // Антиномии. 2019. Т. 19, № 1. С. 49-66.
256. Фишман Л.Г. Упадок демократии и «закат» политологии // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2008. № 3. С. 79-88.
257. Фишман Л.Г., Мартьянов В.С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 416 с.
258. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: «Классика-XXI», 2007. 421 с.
259. Форд М. Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 429 с.
260. Фридман Т. Плоский мир 3.0. Краткая история XXI века. М.: АСТ, 2014. 640 с.
261. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: Талисман, 1994. 405 с.
262. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001. 415 с.
263. Хабермас Ю. Политические работы / Пер. с нем. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2005. 361 с.
264. Ханна П. Второй мир. М.: «Европа», 2010. 572 с.
265. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // ПОЛИС. Политические исследования. 1994. № 1. С. 33-48.
266. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М; СПб.: АСТ, 2003. 603 с.
267. Харви Д. Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 576 с.

268. Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ. под общ. ред. Г.В. Каменской. М.: Праксис, 2004. 440 с.
269. Хархордин О.В. Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2002. 507 с.
270. Хёффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М.: Гнозис, 1994. 319 с.
271. Хобсбаум Э. Век империи. 1875-1914. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 512 с.
272. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914-1991). М.: Издательство Независимая Газета, 2004. 632 с.
273. Хокинс Д. Креативная экономика: как превратить идеи в деньги. М.: Классика-XXI, 2011. 253 с.
274. Хомяков М.Б. Модерность: пути к открытости будущего // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12, № 2. С. 58-83.
275. Цаплин В.С. Постиндустриализм: оправданы ли претензии? // Социологические исследования. 2006. № 4. С. 124-130.
276. Циммер М. Эпоха модерна: государство и международная политика (реферат) // Отечественные записки. 2008. № 6. С. 39-73.
277. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Перспективы российской геополитики // ПОЛИС. Политические исследования. 1993. № 5. С. 6-53.
278. Чанг Х.Д. Злые самаритяне. Миф о свободной торговле и тайная история капитализма. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 245 с.
279. Чанг Х.Д. Как устроена экономика. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 298 с.
280. Черников М.В. Философия правды в русской культуре. Воронеж: Воронежский университет [ВГУ], 2002. 201 с.
281. Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 368 с.
282. Шевченко В.Н. «Новая современность» и традиция в многополярном мире: философско-политический анализ / Рос. акад. наук, Ин-т фило-

софии; В.Н. Шевченко, В.И.Спиридонова, Р.И.Соколова. М.: ИФ РАН, 2018. 117 с.

283. Шевченко В. Н. Цивилизация vs латентное варварство и цивилизационный проект // Проблемы цивилизационного развития. 2020. Т. 2. № 2. С. 30-48.

284. Шевчук А.В. О будущем труда и будущем без труда // Ответственные науки и современность. 2007. № 3. С. 44-54.

285. Шенэ М. Перманентный кризис. Рост финансовой аристократии и поражение демократии М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 144 с.

286. Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы / Пер. с англ. В.В. Воронина, Е.В. Зиньковского. М.: Прогресс, 1972. С. 341-359.

287. Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. М.: Столица-Принт, 2008. 328 с.

288. Шмитт К. Политическая теология. М., 2000.

289. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Искусство, 1993. 298 с.

290. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.

291. Штраус Л. Три волны современности // Введение в политическую философию. 2000. М.: Логос, Праксис. С. 68-81.

292. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. А.В. Гордона. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.

293. Эйзенштадт Ш., Шлюхтер В. Пути к различным вариантам ранней современности: сравнительный обзор // Прогнозис. 2007. № 2. С. 212-226.

294. Юдин Б.Г. Сотворение трансчеловека // Вестник Российской академии наук. 2007. Т. 77, № 6. С. 520-527.

Литература на иностранных языках

295. Acemoglu D., Robinson J.A. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. L.: Profile books, 2012, 2012. 529 p.
296. Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., Sztompka P. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press, 2004. 314 p.
297. Bauman Z. *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press, 2000. 230 p.
298. Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. N.Y.: Basic Books, 1973. 507 p.
299. Burawoy M. *Transition without Transformation: Russia's Involuntary Road to Capitalism // East European Politics and Societies*. 2001. Vol. 15, No. 2. P. 269-290.
300. Chiung-Ju H., Yuan-Hong H. *Governance and economic growth in Asia // The North American journal of economics and finance*. 2017. Vol. 39. P. 260-272.
301. Davies S. *How the World Got Modern // Cato Unbound. A Journal of Debate*. 02.11.2009. URL: <https://www.cato-unbound.org/2009/11/02/stephen-davies/how-world-got-modern/>
302. Doucouliagos H., Ulubaşoğlu M.A. *Democracy and Economic Growth: A Meta-Analysis // American Journal of Political Science*. 2008. Vol. 52, No. 1. P. 61-83.
303. Eisenstadt S.N. *Multiple Modernities // Daedalus*. 2000. Vol. 129, No. 1. P. 1-29.
304. Eisenstadt S.N. *Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations*. N.Y.: Free Press, 1978. 348 p.
305. Feyerabend P. *Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge*. L.: New Left Books, 1975. 339 p.
306. Friedman T. *The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century*. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2005. 488 p.

307. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. N.Y.: Free Press, 1992. 418 p.
308. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Stanford: Stanford University Press, 1990. 186 p.
309. Goldstone J.A. *Revolutions. A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2013. 240 p.
310. Grusky D.B. *The Past, Present, and Future of Social Inequality // Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective / Ed. by D. Grusky*. Boulder: Westview Press, 2001. P. 3-51.
311. Hale H. *Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia // World Politics*. 2005. Vol. 58, No. 1. P. 133-165.
312. Hanson S. *The Evolution of Regimes: What Can Twenty-Five Years of Post-Soviet Change Teach Us? // Perspectives on Politics*. 2017. Vol. 15, No. 2. P. 328-341.
313. Huntington S.P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N.Y.: Simon & Schuster, 1996. 367 p.
314. Huntington S.P. *The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs*. 1993. Vol. 72, No. 3. P. 22–49.
315. Inglehart R. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics*. Princeton: Princeton University Press, 1977. 496 p.
316. Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 333 p.
317. Jameson F. *Cognitive Mapping // Marxism and the Interpretation of Culture / Ed. by C. Nelson, L. Grossberg*. Chicago: University of Illinois Press, 1988. P. 347-358.
318. Jameson F. *Valences of the Dialectic*. L.: Verso, 2009. 625 p.
319. Kolakowski L. *Modernity on Endless Trial*. Chicago: University of Chicago Press, 1997. 267 p.

320. Kotkin J. *The Coming of Neo-Feudalism: A Warning to the Global Middle Class*. N.Y.: Encounter Books, 2020. 288 p.
321. Kuhn T. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press, 1962. 264 p.
322. Lakatos I. *Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes // Criticism and the Growth of Knowledge / Ed. by J. Lakatos, A. Musgrave*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. P. 91-195.
323. Lasch C. *The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy*. N.Y.: W.W. Norton & Company, 1995. 276 p.
324. Levitsky S., Collier D. *Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research // World Politics*. 1997. Vol. 49, No. 3. P. 430-451.
325. Levitsky S., Ziblatt D. *How Democracies Die*. N.Y.: Crown, 2018. 312 p.
326. Luhmann N. *The Differentiation of Society*. N.Y.-Chichester: Columbia University Press, 1982. 484 p.
327. Maddison A. *The World Economy: Historical Statistics*. P. OECD Development Centre, 2003. 274 p.
328. Maddison A. *Phases of Capitalist Development*. Oxford: Oxford University Press, 1982. 274 p.
329. McCloskey D. *The Rhetoric of Economics // Journal of Economic Literature*. 1983. Vol. 21, No. 2. P. 481-517.
330. McCloskey D. *The Rhetoric of Economics*. Madison: University of Wisconsin Press, 1985. 209 p.
331. Milanovic B. *Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization*. Cambridge: Harvard University Press, 2016. 320 p.
332. Mishima K. *The Long Shadow of European Self-interpretation in Another Modernity // Social Imaginaries*. 2016. Vol. 2, No. 2. P. 183-197.

333. North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 308 p.
334. Pluckrose H., Lindsay J. *Cynical Theories: How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender, and Identity – and Why This Harms Everybody*. Durham: Pitchstone Publishing, 2020. 352 p.
335. Polanyi K. *The Great Transformation. The Political and Economic Origins of Our Time*. Boston: Beacon Press, 2001. 318 p.
336. Pomeranz K. *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton: Princeton University Press, 2000. 382 p.
337. Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J., Limongi F. *Political Regimes and Economic Growth // Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 142-186.
338. Rawls J. *A Theory of Justice*. Cambridge: Harvard University Press, 1971. 607 p.
339. Rueda E.A. *Anti-Antimodernity: Understanding Modern Narratives in (of) Latin America // Social Imaginaries*. 2016. Vol. 2, No. 2. P. 151-164.
340. Sandel M. *Liberalism and the Limits of Justice*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 231 p.
341. Shapiro I. *The Moral Foundations of Politics*. New Haven: Yale University Press, 2003. 302 p.
342. Shiller R.J. *Narrative Economics: How Stories Go Viral and Drive Major Economic Events*. Princeton: Princeton University Press, 2019. 400 p.
343. Shlapentokh V., Woods J. *Feudal America: Elements of the Middle Ages in Contemporary Society*. University Park: Penn State Press, 2011. 184 p.
344. Shleifer A., Treisman D. *A Normal Country: Russia after Communism // Journal of Economic Perspectives*. 2005. Vol. 19, No. 1. P. 151-174.

345. Skocpol T. *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 407 p.
346. Sorensen A. *Toward a Sounder Basis for Class Analysis // The American Journal of Sociology*. 2000. Vol. 105, No. 6. P. 1523-1558.
347. Spence M. *Globalization and Unemployment // Foreign Affairs*. July/August 2011. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2011-06-02/globalization-and-unemployment>
348. Standing G. *The Precariat. The New Dangerous Class*. L.: Bloomsbury, 2011.
349. Stiglitz J.E. *The Price of Inequality. How Today's Divided Society Endangers Our Future*. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2012.
350. Taylor C. *Modernity and the Rise of the Public Sphere. The Tanner Lectures on Human Values*. 1992. URL: http://tannerlectures.utah.edu/_documents/a-to-z/t/Taylor93.pdf
351. Thompson J.B. *Ideology and Modern Culture*. Stanford: Stanford University Press, 1990. 362 p.
352. Toffler A. *The Third Wave*. N.Y.: William Morrow and Company, 1980. 552 p.
353. Wagner P. *From Interpretation to Civilization – and Back: Analyzing the Trajectories of Non-European Modernities // European Journal of Social Theory*. 2011. Vol. 14, No. 1. P. 89-106.
354. Wagner P. *Modernity // Cambridge Handbook of Social Theory*. Vol. 2: *Contemporary Theories and Issues* / Ed. by Kivisto. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 143-162.
355. Wagner P. *Modernity as Experience and Interpretation. A New Sociology of Modernity*. Cambridge: Polity Press, 2008.
356. Wagner P. *Modernity. Understanding the Present*. Cambridge: Polity Press, 2012. 190 p.

357. Wagner P. World-Sociology: An Outline // Social Imaginaries. Special Issue: Trajectories of Modernity: Towards a New Historical-Comparative Sociology. 2016. Vol. 2, No. 2. P. 87-104.

358. Wallerstein I. World-Systems Analysis: An Introduction. L.: Duke University Press, 2004. 109 p.

359. Walzer M. Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality. N.Y.: Basic Books, 1983. 345 p.

360. Weiss H. We Have Never Been Middle Class. How Social Mobility Misleads Us. L.: Verso, 2019.

361. Wight C. Agents, Structures in International Relations. Politics as Ontology. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 347 p.

Источники

362. Вице-премьер: 38 млн. россиян заняты непонятно чем // РБК. 03.04.2013. URL: <http://top.rbc.ru/economics/03/04/2013/852256.shtml>

363. Гудков Л.Д. Невозможность морали // Независимая газета. 09.04.2008. URL: https://www.ng.ru/ideas/2008-04-09/14_moral.html

364. Дискуссия вокруг цивилизационной модели: С. Хантингтон отвечает оппонентам // ПОЛИС. Политические исследования. 1994. № 1. С. 49-57.

365. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации. М., 2016. С. 7. URL: <https://fas.gov.ru/attachment/152253/download?1514223603>

366. Есть ли будущее у общества потребления? Лекция П. Мостового // Полит.ру. 01.12.2005. URL: <http://polit.ru/article/2005/12/01/mostovoi/>

367. Изменения политической карты мира за XX век // География. 2001. № 17. URL: <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200101701>

368. Жижек С. Что может сказать нам Ленин о свободе сегодня? // Ruthenia. URL: https://ruthenia.ru/logos/kofr/2002/2002_09.htm

369. Модернизация России в контексте глобализации: материалы научного семинара // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 2. С. 90-103.

370. Неолиберальная урбанизация: лекция Д. Харви, прочитанная в Москве 25 мая 2007 г. в рамках проекта «Русские дебаты» (перевод Г. Дерлугьяна) // REDFLORA: Публицистика. Мнения. Комментарии. Анали-тика. 06.07.2012. URL: http://www.redflora.org/2012/07/blog-post_06.html

371. Неправильный капитализм: академик Виктор Полтерович – об изъятиях рентной экономики // Коммерсантъ. 07.10.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4110128>

372. Открытость будущего: модернность и общественные науки. Интервью с Питером Вагнером // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12, № 2. С. 11.

373. Павлов А.Б., Селеев С.С. Неформальная идентичность: статистический аспект // Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники». URL: <http://khamovniki.ru/wp-content/uploads/333b88766f5c1f3e7c918c67327eab00.pdf>

374. Россия в цифрах. 2020: краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2020. 550 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GOyirKPV/Rus_2020.pdf

375. Россия и мир в 2020 году: доклад Национального разведывательного совета США «Контурь мирового будущего». М.: Европа, 2005. С. 3-166. URL: http://prognoz.eurasian-defence.ru/sites/default/files/source/rossiya_i_mir_v_2020_godu.pdf

376. Россия: доля занятости в сельском хозяйстве // EconomicData. URL: https://www.economicdata.ru/country.php?menu=europe-country&cu_id=3&cu_ticker=RUS&country_show=economics&ticker=RUS-AgricultureEmploy

377. США ведут мир в эпоху протекционизма // Россия сегодня: международная медиагруппа. 06.07.2018. URL: https://1prime.ru/state_regulation/20180706/829007692.html
378. Basic Income Earth Network (BIEN). URL: <https://basicincome.org/>
379. Emergency Economic Stabilization Act of 2008 (EESA) // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/Wall-Street-New-York-City>
380. Employed Full Time: Median Usual Weekly Real Earnings: Wage and Salary Workers: 16 Years and over // Federal Reserve Economic Data (FRED). URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/LES1252881600Q>
381. Frey C., Osborne M. The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerisation? // Oxford Martin School. 17.09.2013. URL: http://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf
382. Furman J. Is This Time Different? The Opportunities and Challenges of Artificial Intelligence // The White House. President Barack Obama. 07.07.2016. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/page/files/20160707_cea_ai_furman.pdf
383. Giattino Ch., Ortiz-Ospina E. Do Workers in Richer Countries Work Longer Hours? // Our World in Data. 21.12.2020. URL: <https://ourworldindata.org/rich-poor-working-hours>
384. Global Economic Prospects. Divergences and Risks (June 2016) // The World Bank. Open Knowledge Repository. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/24319/9781464807770.pdf?sequence=6>
385. Income Inequality. URL: <https://inequality.org/facts/income-inequality/>
386. Jaspers N. What do Europeans think about basic income? Survey Results from April 2016 // Basic Income Earth Network. URL:

https://basicincome.org/wp-content/uploads/2016/05/EU_Basic-Income-Poll_Results.pdf

387. Mandel M. Global Innovation and Jobs. 2010. URL: <http://www.newschool.edu/scepa/conferences/2010/US%20Corporation/corporation%20slides/mandel%20final.pdf>

388. Policy Challenges for the Next 50 Years: OECD Economic Policy Paper (July 2014) // Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). URL: <http://www.oecd.org/economy/Policy-challenges-for-the-next-fifty-years.pdf>

389. Projected Changes in the Distribution of Household Income, 2016 to 2021 // Congressional Budget Office. 19.12.2019. <https://www.cbo.gov/publication/55941>

390. Rotman D. How Technology is Destroying Jobs // MIT Technology Review. 12.06.2013. URL: <https://www.technologyreview.com/2013/06/12/178008/how-technology-is-destroying-jobs/>

391. Stone Ch., Trisi D., Sherman A., Horton E. A Guide to Statistics on Historical Trends in Income Inequality // Center on Budget and Policy Priorities. 13.01.2020. URL: <https://www.cbpp.org/research/poverty-and-inequality/a-guide-to-statistics-on-historical-trends-in-income-inequality>

392. The List: 2021 Global 2000 // Forbes. URL: <http://www.forbes.com/global2000/list>

393. The World Factbook // The Central Intelligence Agency (CIA). URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/world/#economy>

394. Total Unemployment Rate // Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00203/default/table?lang=en>

395. Union Members Summary. URL: <https://www.bls.gov/news.release/union2.nr0.htm>

396. United States of America // UNdata. URL: <http://data.un.org/en/iso/us.html>

397. When Income Grows, Who Gains? // The State of Working America.
URL: <http://stateofworkingamerica.org/who-gains/#/?start=1971&end=2008>

398. World Economic Outlook Database. October 2021 // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/October/select-country-group>

399. World Urbanization Prospects: The 2018 Revision. N.Y., 2019. URL: <https://population.un.org/wup/Publications/Files/WUP2018-Report.pdf>

400. World Values Survey. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>